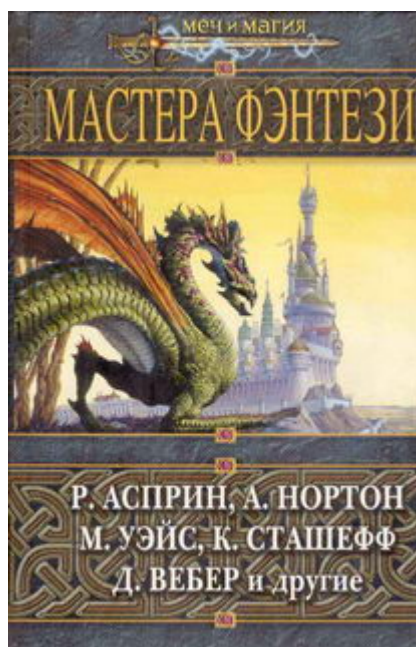

**Мерседес Лэки Роберт Линн Асприн Джоди Линн Най Дэвид
Дрейк Алан Дин Фостер Микки Зухер Райхерст Элизабет
Мун Андрэ Нортон Майк Резник Кристофер Сташефф
Дэвид Вебер Дженни Вурц Маргарет Уэйс Дон Перин
Мастера фэнтези 2005 (сборник)**

Библиотека Старого Чародея <http://www.oldmaglib.com/>
«Мастера фэнтези: Фантастические произведения»: Изд-во Эксмо; М.; 2005
ISBN 5-699-09858-5

Аннотация

Роберт Асприн, Андрэ Нортон, Маргарет Уэйс, Кристофер Сташефф, Дэвид Вебер, Алан Дин Фостер и другие не менее знаменитые имена собраны под одной обложкой! Этой книгой звездные мастера фэнтези дарят нам новые эпизоды из своих знаменитых циклов. Читатель вновь пройдет опасными тропами Колдовского мира, вместе с Великим Скивом и добродушным драконом Глипом совершит очередное миф-путешествие в Страну Снов, а с Джоном Томом, чародеем с гитарой, в одном из мрачных притонов Колокоlessя вступит в подозрительную сделку с плутом-волшебником по имени Вольфрам. И это только малая часть опасных фантастических приключений, которые ждут читателя.

Содержание:

01. Мерседес Лэки — Из Глубины («Герольды Вальдемара»)
02. Роберт Асприн и Джоди Линн Най — Миф путешествие в страну снов («Мифические истории»)
03. Дэвид Дрейк — Эльфийский дом («Повелитель Островов»)
04. Алан Дин Фостер — Серенада («Чародей с гитарой»)
05. Микки Зухер Райхерст — Бег к небесам («Стражи Бифроста»)
06. Элизабет Мун — Дары («Наемник»)
07. Андрэ Нортон — Дочь земли («Колдовской мир»)
08. Майк Резник — Влюбленная метла («Джон Джастин Мэллори»)
09. Кристофер Сташефф — Вечная жизнь Святого Видикона Катодного («Чародей»)
10. Дэвид Вебер — Паутина обмана («Градани»)

11. *Дженни Вурц — Дитя пророчества («Войны Света и Теней»)*
12. *Маргарет Уэйс и Дон Перин — Шадамер и всякие небылицы («Камень Владычества»)*

Сборник — Мастера фэнтези 2005

Содержание:

01. Мерседес Лэки — Из Глубины («Герольды Вальдемара»)
02. Роберт Асприн и Джоди Линн Най — Миф путешествие в страну снов («Мифические истории»)
03. Дэвид Дрейк — Эльфийский дом («Повелитель Островов»)
04. Алан Дин Фостер — Серенада («Чародей с гитарой»)
05. Микки Зухер Райхерст — Бег к небесам («Стражи Бифроста»)
06. Элизабет Мун — Дары («Наемник»)
07. Андрэ Нортон — Дочь земли («Колдовской мир»)
08. Майк Резник — Влюбленная метла («Джон Джастин Мэллори»)
09. Кристофер Сташефф — Вечная жизнь Святого Видикона Катодного («Чародей»)
10. Дэвид Вебер — Паутина обмана («Градани»)
11. Дженни Вурц — Дитя пророчества («Войны Света и Теней»)
12. Маргарет Уэйс и Дон Перин — Шадамер и всякие небылицы («Камень Владычества»)

Мастера фэнтези: Фантастические произведения / Пер. с англ. В. Волковского, Б. Жужунавы, И. Иванова, Г. Корчагина, И. Тетериной. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 528 с, ил. — (Меч и магия).

ISBN 5-699-09858-5

Мерседес Лэки — Из Глубины («Герольды Вальдемара»)

Вот это был лес!

Деревья теснили дорогу, затеняли, нависали над ней. Даже в самый знойный день здесь можно было обойтись без шляпы, а вот факел, наоборот, совсем даже не помешал бы. Герольд-стажер Ален до сих пор не мог до конца привыкнуть к буйству окружающей его природы: к деревьям, которые не были ровно и аккуратно подстрижены, к полевым цветам, которые были по-настоящему дикими, неухоженными и объединенными насекомыми. За всю свою жизнь, если не считать краткого курса выживания в условиях дикой природы, он и сорняка-то ни разу не видел, не говоря уж о таких зарослях. Он все никак не мог отделаться от мысли, что сейчас проснется и обнаружит — все это было просто горячечным сном.

Вообще-то он никак не должен был находиться здесь, во многих лигах от Гавани, на пути к месту своей стажировки. Ведь он же принц, а принцы Вальдемара никогда еще не проходили стажировку вне Гавани, не говоря уже о том, чтобы отправиться на дальний запад королевства, где нет Стражей, которые могут выручить тебя, если ты попадешь в переплет, а зачастую и никакого укрытия от природы, взбреди ей в голову ополчиться на тебя. Он должен был отбывать стажировку рядом с кем-нибудь из тех Герольдов, что помогают Городской Страже, Дозору или судьям.

Если бы не одно крошечное, малюсенькое затруднение.

Вообще-то, — заметил его Спутник, Ведалия, — во всем этом семь весьма высоких и решительных затруднений. И еще четыре стройных и привлекательных.

Ален вздохнул. Нелегко быть самым младшим из двенадцати королевских отпрысков,

каждый из которых — Избранный.

Придумывать, чем бы замять всех этих молодых и полных рвения Герольдов, ничуть не легче, — снова подал голос Ведалия. — Любой из вас за одну свечу выяснил бы, что его приставили выполнять никому не нужную работу. Раз уж все так вышло...

А вышло так, что по капризу судьбы Ален оказался не просто младшим из всех своих братьев и сестер, он оказался младше всего на какую-то жалкую свечу. Королева Фелиция была не только самой плодovитой супругой короля в истории Вальдемара, но еще и производила своих детей на свет по нескольку за раз. Три двойни и две тройни. Ален был младшим в своей партии. А между тем...

Очень хорошо, что твоя матушка никогда не была Избрана, — заметил Ведалия. — Не уверен, что ее бедному Спутнику доставалось бы много внимания.

И в самом деле, до того, как родился Ален, никто при дворе, казалось, и не помнил ее ни в каком ином состоянии, кроме беременности. Когда у нее вдруг обнаружилась талия, это стало настоящим потрясением для всех, кроме короля. Все отчаянно хотели знать — но никто так и не отважился спросить, — как и зачем она это делала.

«Как» объяснялось просто: многоплодие у нее было едва ли не семейной традицией. Сама Фелиция была одной из пары близнецов, и ни одна из ее многочисленных сестер ни разу не произвела на свет меньше чем двойню. История ее рода объясняла это благословением, которое лежало на всех его представителях, но что это было за благословение — на этот счет существовало несколько версий.

Если что и впрямь занимало умы, так это «зачем», ведь после рождения Вела и Виксен (на самом деле девочку звали Лавенной, но никто и никогда ее так не называл), подарив королю традиционного «одного наследника и одного про запас», она вполне могла на этом остановиться. И уж точно большинство женщин запросило бы пощады после того, как в следующий раз на свет появилась царственная тройня. Но не Фелиция. В народе ходила шутка, что королева пытается заполнить все пустые комнаты в только что отстроенном заново здании Коллегии Герольдов своими отпрысками.

Один Ален осмелился задать матери этот вопрос. Она обняла его, потом посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

— Браки в государственных интересах. Вы же Герольды, все до единого. Вам не нужны супруги, чтобы быть любимыми.

Ален достаточно хорошо знал свою прямую и резкую на язык мать, чтобы суметь прочесть между строк. На этот раз подобная откровенность шокировала бы его, если бы не... Дело в том, что Фелиция вышла замуж за короля Шалинеля не по любви. Она была искренне к нему привязана, но решение об их браке было принято в зале Совета. Она отлично знала, что лучший способ добиться преданности какого-нибудь могущественного знатного рода — породниться с ним при помощи брака, а самый надежный путь заключить союз со строптивым соседом — послать туда (или выписать оттуда) жениха или невесту. Разумеется, ни она, ни король не стали бы принуждать кого-либо из своих детей к браку против их воли, они дали бы свое согласие на любой брак, даже с попрошайкой, лишь бы он был по любви. Однако же при условии: если вдруг возникнет необходимость заключить с кем-нибудь союз, то из двенадцати детей должен быть хотя бы один, кто сделает это у алтаря.

Ваниэль Ашкеврон принес свою страшную жертву много десятилетий назад; королева Элепет была прапрабабкой Алена. С тех пор все больше и больше независимой знати стекалось под знамена тех, кто одержал победу над Карсайтами, и границы Вальдемара сделались значительно шире. Эта знать — а некоторые из них были всего лишь главарями разбойничьих шаек — традиционно не поддерживала никаких связей с престолом Вальдемара и не имела подлинного представления о том, что представляют собой и делают Герольды — главная опора вальдемарской власти. Одним из очевидных выходов был именно тот, который имела в виду Фелиция. Ведь с ее собственным родом он оказался действенным. Ее отец из ненадежного союзника превратился в любящего деда, и о том, чтобы нарушить клятву верности, помышлял не больше, чем о том, чтобы броситься вниз с крыши

собственного дворца.

А все его внуки стали Избранными. И это доходчивее всего объяснило ему и всем его подданным, кто такие Герольды и чем они занимаются. Урок был безболезненным и доходчивым, и очень скоро барон привык, что Герольды в своих белых одеждах беспрепятственно разъезжают по его владениям.

Устроенный Советом брак Фелиции с Шалинелем пошел на благо и Коллегии Герольдов, и всему Вальдемару — ибо теперь одиннадцать других Герольдов, чьи знания, вне всякого сомнения, найдут себе достойное применение за пределами столицы, могли свободно заниматься другими делами, в то время как их место заняли принцы и принцессы.

Все десятеро старших делали большие успехи в учебе. Но Ален и его сестра Алара прошли курс обучения в Коллегии с такой легкостью, с какой раскаленная спица плавит лед. Да и как могло быть иначе? Они с младенчества слышали, как десять их старших братьев и сестер вслух учили уроки, с младенчества упражнялись с десятью старшими братьями и сестрами во владении оружием и стрельбе из лука. Король Шалинель частенько говаривал, что каждая следующая порция детей в его семье удавалась смышленей предыдущей, а Ален и Алара превзошли всех. Ну, так категорично Ален утверждать бы не стал — все его братья и сестры были умны.

Но вы с Аларой закончили учение на год раньше, а Кристен, Коул и Кейтен отстали, потому что пропустили год из-за алой лихорадки. Поэтому к стажировке приступили все внятером одновременно, а это создало некоторые трудности, поскольку мы не одобряем, когда родственники проходят стажировку вместе.

Вот поэтому он сейчас и скакал по этой глухомани к месту своей стажировки. Рисковать здоровьем тройняшек после того, как они едва не стали жертвами алой лихорадки, никто не хотел, и это значило, что им волей-неволей пришлось остаться в стенах Гавани.

А мест для стажеров там было всего четыре. И все они достались его братьям и сестрам — из-за слабого здоровья тройняшек, а еще потому, что каждый из них обладал Даром, который на этих местах мог принести пользу. А создавать новую должность только ради Алена было бы неправильно.

Значит, это мой так называемый Дар я должен благодарить за то, что на задворки королевства сослали меня, а не кого-нибудь еще, — заметил Ален.

Тон Ведалии стал резким.

Твой Дар ничем не хуже, чем у других, — отрезал он. — Он не уступает силой никому из членов Коллегии, а Дар твоей сестры так и вовсе, превосходит любой.

Да уж, Герольду главнокомандующего много было бы толку от того, что я умею мысленно говорить с животными, — возразил Ален. — И что я стал бы там делать? Лошадей в кавалерии допрашивать? Что еще я умею?

Ничего такого, что было бы не под силу самому слабенькому Герольду. Я не могу даже мысленно говорить с Герольдом Стедрелом — а второго столь сильного Дара мысленной речи нет ни у одного другого Герольда!

В его мысленный голос против воли просочилась горечь. Подумать только — он не мог мысленно говорить ни с одним другим Герольдом и при этом слышал болтовню всех лесных зайцев на десять лиг окрест.

Ведалия молчал так долго, что Ален решил — разговор окончен.

Оглянись вокруг, — сказал наконец Ведалия. — Прислушайся к пению птиц. Ощути, как вольный ветер треплет твои волосы. Вдохни полной грудью воздух, которым не дышал ни один другой человек кроме тебя. Подумай обо всем, чему учит тебя природа. Неужели тебя действительно так сильно печалит то, что твой Дар привел тебя сюда?

Ну, если посмотреть на это так...

Гм. Наверное, нет...

И признайся, разве не приятно впервые в жизни оказаться вдалеке от Алары?

Ален рассмеялся во весь голос; Герольд Стедрел оглянулся через плечо и улыбнулся, потом снова устремил взгляд на дорогу.

Оказаться вдали от Алары действительно было приятно — она была убеждена, что во всем за ней должно оставаться последнее слово, и командовала Аленом, будто была лет на пять, а не всего на одну свечу старше его. Было приятно оказаться вдали от всех братьев и сестер, от Двора, от бремени царственного происхождения. И пока что, хотя никто не назвал бы его поездку по лесной глуши увеселительной прогулкой, он от души наслаждался ею. Возможно, когда наступит зима и им придется пробираться по сугробам высотой в половину роста Ведалии, он изменит свое мнение, но пока он наслаждался своей поездкой.

Здесь никто не знает, что он принц. Можно заигрывать с деревенскими девушками, можно купаться голышом при луне, можно плясать на ярмарках и горланить песни — и никто не поморщится и не отведет его в сторону, чтобы напомнить о приличиях. Стедрел вообще поощрял его развлечения — в разумных пределах, естественно. Может быть, он как-нибудь даже попробует напиться по-настоящему, хотя для этого придется подождать момента, когда его точно никто не хватится.

Ты пожалеешь об этом, — засмеялся Ведалия.

Наверное. Но зато я приобрету опыт. А может быть, и кое что еще...

Пф! Шестнадцать лет — и до сих пор питает иллюзию бессмертия! — поддразнил его Ведалия.

А разве шестнадцать — не самое для этого время? — парировал Ален.

Нет, по зрелом размышлении он не променял бы все это ни на какие блага, которые были у его братьев и сестер в Гавани. Он мысленно пожелал Аларе, успеха у лорда главнокомандующего, который считал всех женщин не годными ни на что иное, кроме как служить украшением, а уж женщина Герольд для него была и вовсе чем-то немыслимым. Уж его-то она не проймет ни срывающимся голосом, ни притворяясь обиженной и уж тем более ни командным тоном.

Может быть, все дело как раз в этом. Стажировка должна научить тебя быть Герольдом по-настоящему.

Интересно, чему его должно было научить пребывание здесь?

Хороший вопрос. Остается только найти на него ответ.

Ведалия замотал головой, и Ален улыбнулся.

Потом попросил Ведалию нагнать Стедрелова Ловелла.

— Нет ли каких-либо сведений о следующей деревне, господин? — почтительно осведомился Ален, чем вызвал у неразговорчивого Герольда улыбку.

— Это будет наша первая рыбацья деревушка, Ален, — сообщил ему Стедрел. — Помнишь, что тебе на уроках рассказывали об обитателях озера Эвендим?

Ален кивнул, но не потому, что вспомнил эти уроки; просто один из его одноклассников был с озера Эвендим и регулярно потчевал их всех рассказами о доме.

— Они вроде бы не совсем крепковеры, да, господин? — нерешительно ответил он.

Стед только фыркнул.

— Нет, не совсем. Но если какая-нибудь девчонка завлечет тебя в береговые пещеры, можешь не сомневаться, что на следующее же утро тебе придется иметь дело с ее папашей и жрецом, которые немедленно поволокут тебя к алтарю. — Он ухмыльнулся, а Ален залился краской. — И если ты не обладаешь неутомимостью козла, — продолжал пожилой Герольд, ухмыляясь все шире и шире по мере того, как щеки молодого пылали все жарче и жарче, — то лучше не стоит оказывать знаки внимания больше чем одной сразу, как ты это проделывал до сих пор.

— Они же... не станут же они... Ален смешался.

— Еще как станут. Обе сразу, — ответил Стед. — Или даже втроем — если у тебя хватит глупости ввязаться в эту затею. Когда мужчины постоянно в плавании — а рыбный промысел ведь дело опасное, — девушкам становится...

— Одиноко? — тактично подсказал Ален. Стед расхохотался.

Подумываешь, не приобрести ли тебе опыт еще кое в чем, Избранный? — невинно поинтересовался Ведалия.

Ален открыл было рот, чтобы возразить, но тут же прикусил язык — и не в последнюю очередь потому, что как раз об этом и думал. И ведь поблизости не будет ни братьев, ни сестер, которые стали бы поддразнивать его, а потом донимать расспросами.

Но когда они выехали из чащи — внезапно, ибо дорога оборвалась на скале, уходящей отвесно вниз, к зеленовато-серым водам озера, — все планы, которые он уже начал строить, мгновенно рассыпались в прах.

Деревенька, куда они направлялись, расположилась в тесном ущелье, которое пробил в скале река: узкий уступ, усыпанный галькой, где притулились знаменитые эвендимские общинные дома, образовывал небольшую гавань для рыбацких лодок. В такое время дня лодки должны были находиться в плавании, но они, напротив, сохли на галечном берегу, а деревушка бурлила. Должно быть, их поджидали: едва они показались из леса, кто-то заметил их и закричал.

Вскоре обоих Спутников окружала толпа — похоже, здесь собрались все жители деревни от мала до велика, способные держаться на ногах. Тревога, висевшая в воздухе, была такой же густой, как дым от костров, над которыми на рогатинах коптились длинные связки рыбы. Ален держался в тени — чувствовал, что сейчас все взгляды обращены к более старшему и опытному, по подобное невнимание к нему самому не оскорбляло его. Было ясно: жители деревни хорошо знают старшего Герольда. Два наиболее зажиточных по виду мужчины вцепились в поводья Спутника Ловелла и принялись сбивчиво рассказывать о каком-то набеге...

Ален так и не смог уловить смысл, но Стед, видимо, не испытывал ни малейших затруднений. Оно и понятно, это был его округ, он знал этих людей. На непривычный слух Алена акцент, временами довольно сильный, делал их возбужденную речь абсолютно неразборчивой.

В конце концов на помощь ему пришел Ведалия.

Кровь отхлынула у Алена от лица. Это был не просто набег. Это было настоящее зверство. А зачем убивать тех, кого нельзя угнать? Разве только затем, чтобы они не могли потом ни о чем рассказать.

Здесьние жители только что получили предупреждение от мужчин, которые разослали лодки по соседям, чтобы предостеречь их. Теперь они боятся выходить на лов.

Но в таком случае всем им грозила голодная смерть. Не будет рыбы — нечем будет торговать с фермерами из других, более удаленных от озера деревушек, и нечего будет есть.

Вот именно.

Ведалия умолк. Заговорил Стедрел, спокойно и уверенно, и всеобщее волнение немного улеглось. Ален смотрел во все глаза; за работу принялся мастер своего дела.

— Это произошло вчера? Погоню послали? — спросил он.

Половину всех мужчин... Но озеро большое... — ответил один из двоих повисших на поводьях Ловелла и махнул рукой в сторону воды.

Большое? Это было еще слабо сказано. Другой его стороны было не разглядеть даже с вершины утеса, а изгиб берега почти не улавливался.

— Значит, главное сейчас — оборона, — — решительно подвел итог Стед, не заостряя внимания на том, что пленникам, по его мнению, помочь уже было нельзя.

Это так. Мы ничего не можем для них сделать, — мрачно сказал Ведалия.

Ален закусил губу; ему очень хотелось бы спасти их, но как? Без армии и кораблей вести поиск на безбрежной водяной шире, где даже следов найти нельзя?

Единственный способ обнаружить их — Дальновидение, но ни один из вас двоих не обладает этим Даром.

Значит, придется ждать, когда прибудет Герольд, который им обладает.

— Не думаю, что эта деревня сможет выдержать осаду, — начал Стед и принялся отдавать приказы, благоразумно выражая их в форме предложений, как спасти жителей деревни. Через некоторое время он поинтересовался: — Нет ли где-нибудь поблизости места,

где можно спрятаться, если появятся эти молодчики? Они не знают этих мест и не сообразят, где искать, а задерживаться надолго и прочесывать всю округу вряд ли станут.

Гул затих до шепота, и на Стеду устремились десятки испуганных глаз.

— Прибрежные пещеры, — быстро предложила одна из девушек откуда-то из толпы и зарделась.

— Неплохо. Есть ли среди них такие, которые особенно трудно найти? — подсказал Стедрел.

Девчушка нервно хихикнула, и у Алена вдруг появилась несокрушимая уверенность, что ей известны все до единой такие пещеры в ближайшей округе.

— Пожалуй, я знаю несколько таких, о которых никому не известно, — призналась она и покраснела так густо, будто обгорела на солнце.

— Ага, так вот почему тебя по ночам с огнем не сыскать, Сэвви? — спросила одна из женщин — не зло, а скорее с пониманием.

— Если вы заранее перетащите туда все запасы и ценности, тогда потом, если вам вдруг придется прятаться, вы сможете бежать налегке, — намекнул Стед, и собравшиеся закивали, хотя некоторые с явной неохотой. — Разумеется, главное для нас — спасти ваши жизни, но я сомневаюсь, что разбойники появятся на горизонте в ближайшие день-два, а так мы сможем спасти от них как можно больше.

— Не верится мне, чтобы мы смогли от них отбиться, — проговорил какой-то мужчина (по-видимому, один из деревенских старейшин) с обреченным видом. — Мы ведь рыбаки, не воины.

— Поэтому надо спрятать все, что только можно, в пещерах, — согласился Стед.

— Лучше, наверное, в тех, что подальше, — отважился подать голос Алел. — Тогда ближние не будут так сильно забиты и все люди там уместятся.

— Отличная мысль, — подхватил Стед. — Кстати, почему бы вам не отрядить молоденьких женщин и ребятишек с самыми быстрыми ногами и зоркими глазами караулить на берегу?

— И дать каждому рожок... или факел, чтобы можно было развести сигнальный костер, — вставил Алел и заработал еще один одобрителный взгляд от Стеду.

— А дела кто будет делать? — возмутился кто-то из мужчин. — Прибирать, стряпать...

Но те, кому больше всех грозила опасность, дружно закивали.

— Почему бы нам всем пока не питаться из одного котла? — предложил какой-то старик. — Тогда за рыбным рагу сможет присматривать всего один человек.

— Если выбор стоит между грязными полами и неубранными постелями или рабством, то придется тебе потерпеть грязные полы, Мэтт Раньян, — напустилась на него одна из женщин. — Что же касается всего прочего — что ж, как только рыба прокоптится, сложим ее в бочки и перенесем в укрытие. Если им что-то и достанется — так тому и быть. Лучше рыба, чем наши дети.

— А что, если они придут, никого здесь не обнаружат и сожгут все дотла? — возразил тот же самый мужчина.

— Они и так это сделают! — выкрикнул измученного вида парень — должно быть, догадался Алел, один из бывших жителей разоренной прибрежной деревушки. — Что вам дороже — ваш скарб или люди? Дома можно и заново выстроить. А жен и ребятишек кто нам теперь вернет?

— Как бы то ни было, я сообщу об этом в Гавань, — заметил Стедрел. — Как только освобожусь и смогу найти местечко потише.

Это отчасти утихомирило спорщиков — все вспомнили, что могущественный Стедрел может мысленно говорить напрямую с самой Гаванью, а также с каждым восприимчивым разумом по дороге к ней. Помощь уже близко — продержаться нужно всего лишь одну луну, от силы полторы.

— Король пошлет войска, а когда они доберутся досюда, вы сможете снова вернуться к нормальной жизни. А мы сможем прочесать берег в поисках пропавших.

Последнее было рассчитано на то, чтобы хоть как-то утешить жителей разрушенной деревеньки. Те, конечно, понимали, что эта попытка вряд ли окажется успешной, но в глазах у них все равно теплилась надежда.

— Раньше начнем — раньше кончим, — оживленно проговорила одна из женщин. — У нас на всю деревню только две повозки. Нужно перевезти все пожитки до заката.

В считанные минуты все женщины, старые и молодые, решительно направились к своим домам, а за ними с легкой неохотой потянулись мужчины.

— Сэвви! — окликнул Сед девушку, которая призналась, что знает почти все прибрежные пещеры в округе.

Та резко обернулась.

— Да, господин?

— Сбегай вон в тот дом. — Сед указал на строение, из которого группка женщин уже проворно выносила узлы, бочонки и сундуки и складывала их в кучу у двери. — Когда они будут готовы выдвигаться, проводи их к самой дальней пещере, которую знаешь...

— Я подвезу ее за спиной, — торопливо предложил Ален. — Так мы сможем вернуться за следующей партией, пока первая еще разгружается.

— Хорошо. Проследи, пусть имущество каждого дома размещают в отдельной пещере, чтобы потом не было споров, где чье.

След ободряюще улыбнулся девушке, и та застенчиво заулыбалась в ответ.

Телегу нагрузили, но дальше этого дело не пошло — возражения вызвал выбор пещеры.

— Мы собрались первыми, — брюзжала старшая хозяйка. — Почему это мы должны тащиться дальше всех?

Но почтенная госпожа, чем дальше пещера, тем вероятнее, что ее не найдут, — быстро нашелся Ален. — Вам досталось лучшее место, а не худшее.

Старуха бросила на него пронзительный взгляд, но кивнула с невольным удовлетворением и брюзжать перестала.

Ален ни за что не поверил бы в это, но из домов вынесли все движимое — и еще кое-что из того, что Ален никогда не назвал бы движимым — имущество к наступлению сумерек. Два деревенских мула едва держались на ногах, но с них сдували пылинки, а вечером накормили до отвала. Деревня как будто вымерла — в ней оставались лишь самые дряхлые старики да совсем несмышленики. Чтобы успеть перевезти все, повозки просто разгружали на ближайшем к пещере пятачке земли, и они тут же возвращались за новой поклажей. Все, кто мог, спускали свои пожитки со скал вниз, к пещерам; они были готовы работать хоть всю ночь напролет, если это понадобится.

Когда почти совсем стемнело, Сед оглядел безлюдную центральную улицу деревни.

Я пойду поищу какое-нибудь укромное местечко и попробую связаться с Гаванью, — сказал он Алену. — А ты пока займись чем-нибудь полезным.

Сед со своим Спутником скрылись во мраке. Когда на улице воцарилась кромешная темнота, Алену пришло в голову, что сейчас наиболее полезным будет зажечь фонари, чтобы возвращающиеся жители могли идти не вслепую, а на свет. Фонари были уже заготовлены — у двери каждого дома стояло по светильнику с толстыми фитилями и большими резервуарами с жиром, судя по запаху, рыбным. Он раздобыл лучину и ошупью пробрался в один из домов.

Ему никогда прежде не приходилось видеть ничего подобного; середину дома занимал большой очаг с коническим колпаком из металла и металлическим дымоходом, выведенным через крышу наружу. Все остальное представляло собой одну-единственную необъятных размеров комнату со шкафами вдоль всех четырех стен. Окон в ней не было, лишь узкие прорезы, покрытые чем-то непонятным, но не стеклом, под самым карнизом.

Должно быть, темнота здесь не рассеивалась даже днем.

Он понимал, почему в этом доме не было окон и почему жители Эвендима старались как можно больше времени проводить на свежем воздухе. Когда здесь начинали

свирепствовать вьюги, побережье превращалось в настоящий ад: метель бушевала над водой, лязгала ледяными клыками и царапала снежными когтями. В течение пяти зимних лун из этих домов и носа нельзя было высунуть наружу, и неосмотрительно было бы оставлять ветру, которому этот рыбачий народ дал прозвание «ледяной селезень», хоть малейшую щелочку, сквозь которую он мог прорваться под их кров.

Но зима минула много лун назад, а в настоящее время опасность исходила от люден, а не от природы. Ален разжег лучину от теплившегося в очаге огня и отправился зажигать фонари.

Когда с этим делом было покончено, он увидел двух дряхлых стариков, которые медленно стаскивали дрова к кострищу в центре деревни, и поспешил им на помощь.

Ален работал не покладая рук до глубокой ночи, как не работал еще ни разу в жизни — а он, хотя и был принцем, физического труда никогда не чурался. Он натаскал дров и воды, притащил громадный чугунный котел и все необходимое для огромной порции рыбного рагу, которым отныне предстояло питаться всем до тех пор, пока не минует опасность. Он отнес факел к рогатинам для вяленья рыбы, у которых сидела старая женщина, потом прикатил ей несколько пустых бочонков, принес мешки с солью и ароматными травами и помог ей перекладывать копченую рыбу слоями соли и трав. Новой рыбы не было, но он помог ей сложить костры на тот день, когда мужчины смогут выйти на ловлю. Потом, чувствуя боль в каждом мускуле, со стертymi в кровь ногами, он укладывал младенцев и маленьких детей спать, уговаривал их оставаться в своих постельках, затем помогал улечься их бабушкам и дедушкам, когда старые ноги отказывались их держать. Потом ему не осталось делать ничего иного, как ждать, и он наконец смог присесть, устроившись рядышком с Ведалией и приглядывая за рагу, чтобы не пригорело. Он снял с Ведалии упряжь и вьюки, но не представлял, куда поставить самого Спутника и где полагается ночевать двум Герольдам. Поэтому он просто свалил сбрую вместе с вьюками в кучу рядом с костром и привалился к ней. Котел был полон до краев, так что готовиться его содержимому предстояло еще очень долго, а особого присмотра оно не требовало — разве что помешивать время от времени, чтобы ничто не прилипло ко дну и не пригорело. Алену страшно хотелось принять ванну; он, казалось, насквозь пропитался дымом, а глаза у него щипало, как будто в них сыпанули песка.

Мало-помалу жители деревни начали подтягиваться обратно, такие усталые, что были не в состоянии думать ни о чем ином, кроме следующего шага. Алена, сидевшего у костра, похоже, никто даже не заметил; все разбрелись по домам, в то, что осталось от их постелей, а он остался сторожить завтрашний обед.

Хотя у него самого слипались глаза.

Поспи, — сказал Ведалия. — Я разбужу тебя, если нужно будет помешать в котле — или что-нибудь произойдет.

— Нет. Я на дежурстве, — возразил Ален.

Тогда просто закрой глаза, пусть отдохнут, — посоветовал Ведалия.

Совет показался ему разумным: глаза у него слезились от дыма. Он решил, что не будет большой беды, если он опустит веки всего на миг.

Снова он поднял их, когда в ухо ему оглушительно прокукарекал петух. Он вскинулся, и петух суматошно захлопал крыльями вместе с двумя курицами, которые бродили у него в ногах.

Уже светало, и какая-то девчонка помешивала в котле большой деревянной лопаткой. Кто-то прикрыл его плащом, и он свернулся под ним калачиком, положив голову на седло Ведалии как на подушку. Вьюков нигде не было видно, но Ведалия дремал рядом с ним.

Ален уселся, и его Спутник тут же зафыркал и зашевелился, открыл сияющие синие глаза.

Стедрел был здесь и забрал наши вьюки, но решил не будить тебя. Там, за деревней, есть небольшой домик для путников. Если ты накинешь на меня седло, можно будет пойти его разбудить.

Но этого делать не пришлось: едва они миновали последний общинный дом, как на дороге показался Стедрел со своим Спутником.

— Можешь поворачивать, — весело крикнул Стед. — Нужно организовать береговой дозор, и нам обоим придется этим заняться.

Отчаянно стараясь подавить неукротимую зевоту и ничем не выдать своей досады на сообщение Стеда, Ален со вздохом повиновался. Хорошо хоть, можно было поесть — на общинной кухне, которую устроили деревенские старухи, копченую рыбу и хлеб выдавали всем, кто протягивал руку. Мужчины, слепо полагаясь на Стеда во всем, что касалось защиты их семей и деревни, двинулись к лодкам с завтраками в карманах.

Не успела выгореть и свеча, как деревушка уже напоминала селение-призрак. Группка пожилых женщин приглядывала за ребятишками и младенцами, но Стед приставил каждого ребенка, который был слишком мал, чтобы бежать самостоятельно, к тому, кто мог подхватить его на руки и тащить. Нескольким взрослым женщинам было поручено нести малышей, и они мастерили перевязи, чтобы можно было прицепить одного младенца за спину, другого на грудь и еще по одному с каждого боку. Таким образом, незанятыми оставались старшие дети и несколько взрослых женщин — а также кое-какие старики и старухи, способные еще довольно резво передвигаться, — которых можно было отправить в береговой дозор.

Алена вдруг пронзила ошеломляющая мысль. Эта деревушка была не единственной, которой грозила опасность.

Что по возвращении деревенских мужчин Стед без обиняков и разъяснил.

— Мы сделали для вас все, что могли, — сказал он обитателям деревни, как только мужчины вернулись с лова с полными трюмами рыбы и улов развесили на рогатинах над кострами — коптиться. — Помощь идет, и вы получите ее первыми — через три дня. Я связался с Герольдом, который оказался поблизости в сопровождении войска. Теперь мы с Аленом должны сделать то же самое для других деревень.

Момент был выбран исключительно удачно: окрыленные первым успехом, или, возможно, придавленные усталостью, жители деревни не стали возражать.

— Я поеду вдоль берега на север, Ален — на юго-запад, — объявил Стед. — Мы поможем им, как помогли вам. Если вы сможете продержаться три дня, все будет хорошо.

Ален никак не мог оправиться от потрясения, услышав, что останется в одиночестве. Он бросил на Стеда безмолвный взгляд, но пожилой Герольд уже уселся в седло и был готов выехать в соседнюю деревню.

— Герольд Стедрел? — не выдержал Ален.

Герольд ответил ему успокаивающим взглядом, но этого хватило, чтобы Ален проглотил все возражения.

Едем, — сказал Ведалия. — Если мы поднажмем, то доберемся до следующей деревни к закату.

Они поднажали — и обнаружили соседнюю деревню в таком же смятении, как и первую накануне, а поскольку люди за целый день натерпелись страху, то были готовы с воодушевлением ухватиться за любое предложение помощи. То ли они не думали увидеть именно Стедрела, то ли были настолько рады увидеть униформу Герольда, что юное лицо Алена не вызвало у них недоумения. Во всяком случае, все пункты предложенного Аленом плана были приняты ими без возражений.

Здесь прибрежные пещеры были ближе и больше по размеру; перевозка имущества и запасов происходила при свете луны и факелов, к тому же у этой деревушки имелась предводительница — пожилая властная женщина. Как только ей подсказали план действий, она исполнилась решимости в точности проследить за его исполнением, поэтому Ален, чувствуя, как быстро утекает время, решил выехать дальше в эту же ночь. Он слышал, что иногда Герольдам приходится спать в седле, и теперь обнаружил, что это и вправду так. То есть сном в полном смысле слова это состояние назвать было нельзя, но прошлой ночью, которую он провел у костра, было едва ли лучше. До третьей деревушки он добрался на

рассвете и обнаружил ее в столь же плачевном состоянии, что и первые две. И вдобавок на волосок от паники. Поэтому он решил первым делом организовать береговой дозор. И правильно сделал.

Ибо не прошло и свечи с тех пор, как молодежь отправилась на берег, когда неподалеку бешено взревели рожки, и все тщательно выстроенные планы лопнули будто мыльный пузырь.

После первого мига замешательства, когда люди, оторванные от своих дел, молча смотрели на запад, кто-то начал вопить.

И началось. Никто, казалось, не соображал, куда бежать и что делать, хотя не далее чем две свечи назад Ален подробнейшим образом все расписал. Люди бросились врассыпную: одни к домам, другие к лесу, кто-то в беспорядке хватал свои пожитки, кто-то швырял их на землю. Сохранить спокойствие удалось пятерым: Алену, Ведалию и еще трем деревенским старейшинам.

— Уводите их в пещеры! — гаркнул Ален, пытаясь перекрыть крики и плач метавшихся в панике людей. — Нужно увести всех в пещеры!

Старейшины принялись собирать детей, в суматохе совали их в первые попавшиеся руки, прикрикивали на тех, кто остоленел от страха, чтобы заставить их очнуться, и подталкивали в нужном направлении. Как только жители деревни небольшими группками двинулись в укрытия, Ведалия начал подгонять их, молотя в воздухе копытами и скаля зубы. Казалось, в него вселился какой-то демон.

Ален перехватывал тех, кто бросился в противоположном направлении, и прикрикивал на них, а парочке отставших даже досталось плашмя его клинком, и они тоже исчезли за деревьями по дороге к пещерам.

Затем он вернулся обратно и принялся подгонять еще одну группу.

Ему некогда было даже толком рассмотреть врагов, как они стремительно вошли в бухту. Он лишь мельком заметил их корабли — длинные, по хищному поджарые, очень быстрые, на его сухопутный взгляд. Он скорее ощутил, чем услышал или увидел, тот миг, когда пираты сошли на берег. Ведалия подгонял еще одну группу отставших, потом вернулся и набросился на самых последних, которые копались у сундука, пытаясь утащить его с собой.

Он так и не понял, что разбойники уже близко, опасно близко, что они во весь опор несутся по главной улице. Он не успел даже встать в оборонительную позицию. Позади него раздался крик, он сделал пол-оборота и...

Очнулся в темноте с ощущением идущей кругом головы и подкатывающегося к горлу желудка. Череп пронзала боль, руки у Алена оказались связанными, лодыжки тоже. Его швырнуло на кучу чего-то такого, что на ощупь казалось свернутым канатом, и он почувствовал, что вот-вот расстанется с содержимым своего желудка, сколь бы скудным оно ни было. Ален кое-как перевернулся на бок, и его тут же вывернуло. Он попытался откатиться от лужи. Пол под канатом, на котором он лежал, ходил ходуном.

Судя по страшной головной боли, кто-то огрел его увесистой дубинкой, причем от души и со знанием дела. От души, поскольку у него явно было сотрясение мозга — раз уж его мутило, а палуба (должно быть, он находился на палубе корабля) под ним не только вздымалась и опускалась, но еще и кружилась. Со знанием дела, поскольку его все-таки не убили.

Алена связали, но наспех; похоже, его тюремщики полагали, что удар по голове на некоторое время утихомирит врага. Его окружала темнота, поскольку стояла ночь, к тому же он лежал под брезентом, натянутым между двумя какими-то массивными сооружениями. Все звуки вокруг него были незнакомыми, непривычными: плеск и шорох воды, скрип оснастки, потрескивание дерева, крики людей. Воздух был сырым и холодным и пах водой.

Повезло еще, что его не швырнули в трюм.

Хотя, возможно, в трюме просто не нашлось места. Наверное, он оказался наименее ценным из всей добычи.

«Я на корабле, я пленник и...»

Лишь сейчас он ощутил в своем сознании зияющую пустоту.

«... попал в беду. Я не слышу Ведалию».

Он, очевидно, во многих лигах от деревни, если не может слышать своего Спутника. Во многих лигах — и никто никогда не найдет его следа.

— .. не понимаю, на кой черт тебе понадобилось брать в плен Герольда! — — послышался чей-то голос. — Что нам от него за польза? Бабы и сопляки пригодились бы, а этого куда?

— Послушай, если мы прикончим его, нам не поздоровится, — возразил другой голос. — Только попробуй убить одного из этих белых плащей, и остальные не успокоятся, пока не выследят тебя!

«Это уж точно», — подумал Ален, хотя какой ему лично будет от этого толк, коли его убьют?

— Если мы оставим его в живых, одним богам ведомо, что он натворит — или этот его конь. И одним богам ведомо, где сейчас их люди. Но я думаю, пока он в наших руках, они не осмелятся напасть на нас. Даже если они готовы поднять якоря, бьюсь об заклад, они не решатся. Побоятся, что мы убьем его. Полагаю, если мы не отпустим его, пока не уберемся туда, где они нас не достанут, то нам ничто не грозит.

Сердце у Алена ухнуло в пятки, а в животе похолодело.

«Помогите мне, боги! Бандиты, которые рассуждают!».

— Так что делать будем? — спросил первый голос, по-видимому смягчившись.

— Пройдем еще немного, убедимся, что никто нас не преследует, а потом вышвырнем его за борт. — Во втором голосе прозвучало полнейшее безразличие. — Можно бы, конечно, содрать за него выкуп, но тогда мы снова окажемся опасно близко от них.

Ален ощутил, как сердце у него замерло, а паника, которую он пока что держал в узде, всколыхнулась и затопила его. Он попробовал закричать, но с губ сорвался лишь полужадушенный всхлип, не скрип даже, а какое-то жалкое поскуливание, тут же заглушённое звуками корабля. Тогда он мысленно, молча — и тщетно — стал призывать на помощь. Это происходило независимо от его воли, а помочь себе сам, в теперешнем его положении, он не мог.

Но даже когда ментальный голос Алена сорвался на крик, какая-то часть его сознания уже сдалась, зная, что все напрасно. Произойди это все в лесу, даже если бы поблизости не оказалось никого, владеющего мысленной речью и способного прийти ему на помощь, он мог бы позвать лося, горную кошку или волков. Но здесь, посреди бескрайней водной глади, не было ни единой живой души, кроме разве что рыб. Но его сознание продолжало взывать, как будто надеялось, что кто-то, способный помочь, все-таки услышит его...

?

Этот отклик, пусть даже еле уловимый, остановил его мысленные метания.

Кто здесь? — позвал он.

? ? — отозвался кто-то неведомый, на этот раз более отчетливо! Неожиданно он ощутил, что за этим изумленным вопросом скрывается разум. Может, этого разума хватит, чтобы помочь ему?

Он подавил боль и подступающую тошноту и вложил все свои силы в более связный зов.

Помогите мне! Пожалуйста! — Призыв он сопровождал эмоциональной передачей отчаяния своего положения; это было несложно, поскольку ощущение было очень материальным.

В ответ ему раздался не один голос, а целый хор.

Землеход? Да, Землеход!

Землеход. Попавший в сети.

Брат того, кто плачет на берегу...

Пленник...

На Алена хлынул поток скорее эмоций и чувств, нежели слов — ощущение чего-то разрушительного, привкус крови и гнева говорящего. Кем бы ни были эти существа, они знали его тюремщиков и не испытывали к ним добрых чувств.

Да. Нельзя позволить им увезти его.

Довольно. Их нужно остановить.

Позовите Владыку Глубин.

Да! Владыка Глубин поможет! Владыка Глубин очистит от них лицо воды! Позовите Владыку Глубин!

Что ж, отрадно было узнать, что они считали его врагов своими врагами, но ему они так и не ответили. Он улучил момент и вставил в этот хор свою просьбу.

Пожалуйста! Помогите мне!

В этот миг чьи-то руки сорвали укрывавший его брезент. Щурясь, он растерянно смотрел на четыре темных лица, заслонявших от него звездное небо.

Из темноты раздался голос еще одного, невидимого.

— Ладно. Мы отошли на достаточное расстояние. За борт его.

Алена раздирали на части страх и дурнота, но времени как-то отреагировать ему не дали: четыре пары рук ухватили его за плечи и лодыжки, он забарахтался было, но они подняли его...

И, как пушинку, швырнули за борт, дав ему времени ровно столько, чтобы сделать глоток воздуха.

Ален камнем рухнул в темное, неприветливое пространство.

Он задержал дыхание и погрузился в воду, но она была настолько холодной, что обожгла его, и он ахнул от неожиданности, упустив этот драгоценный глоток воздуха. Руки и ноги у него были связаны, он мгновенно утратил ориентацию в черной воде и забился, пытаясь вынырнуть на поверхность, на спасительный воздух, но не знал куда.

Мы плывем, Ходячий!

Словно по взмаху волшебной палочки он оказался в окружении больших и мягких тел, и эти теплые и скользкие тела стремительно вынесли его на поверхность и поддерживали, пока он судорожно глотал воздух. Он не видел их — луна, похоже, уже зашла, — но, по ощущениям, они были крупнее него, гладкие, но без рыбьей чешуи. Они просунули длинные продолговатые головы ему под мышки и таким образом удерживали на плаву. Другие занялись веревками, стягивавшими Алену руки и ноги. У его спасителей оказались довольно острые зубы, и они по очереди рвали ими путы, время от времени задевая руки, хотя и извинялись каждый раз, когда случайно кусали его и он вскрикивал от боли.

— Ничего страшного, — успокаивал их Ален, пытаясь передать при помощи чувств, что лучше быть раненым и свободным, чем целым и невредимым, но связанным. Должно быть, эти существа были грозой здешних рыб; они казались настоящими водными волками.

В тот самый миг, когда последняя веревка у него на руках наконец-то распалась, по рядам его спасителей пробежало какое-то волнение.

Владыка Глубин плывет! — вскрикнул сначала один голос, затем другой...

И внезапно он очутился в воде совсем один и отчаянно замолотил руками.

Погодите! — крикнул он им вдогонку. — *Погодите! Я же не... я не могу...*

Спокойствие, Ходячий.

Этот мысленный голос не походил ни на что другое, что ему приходилось слышать прежде: оглушительный, низкий, отдающийся эхом. Он накрыл его сознание гигантской волной, от которой Ален затрепетал и у него перехватило дыхание; он понял, что находится в присутствии чего-то... исполинского.

Спокойствие. Не двигайся. Я плыву.

Он ощутил усиливающееся давление воды под ним, и вдруг...

Вдруг что-то огромное, больше самого большого корабля, какой он когда-либо видел, поднялось из воды, как новорожденный остров. У Алена появилось ощущение присутствия чего-то сверхъестественного, нечеловеческого.

Да, маленький Ходячий. Я держу тебя. Хорошо, что ты не можешь меня видеть, а не то твой страх превратил бы тебя в бессловесную тварь и ты стал бы законной добычей...

У существа, на чьей спине он лежал всего в какой-то ладони над водой, была такая же скользкая и упругая шкура, как и у тех, других. Ален не мог разглядеть само существо, но ощущение под собой чего-то настолько безмерного, что даже и вообразить себе невозможно, удерживало его в молчании.

Так поведай же мне, Ходячий-по-Суше, что заставило Блестящих Прыгунов прийти тебе на помощь и воззвать ко мне?

Не знаю, господин мой. — смиренно ответил Ален. *Я просто... просто позвал на помощь.*

Просто позвал на помощь. Ни разу еще ни один Ходячий не просил помощи у нас. Возможно, этого было им достаточно. Но что это за другие? — Мысленный голос существа утратил всякий намек на благодушие, и Ален снова задрожал. — *Прыгуны говорят, что их надо во что бы то ни стало остановить. Их плавучие деревья пахнут кровью и болью, их помыслы черны, как ночь. Я знаю, что они причинили Прыгунам — но что они причинили своим сородичам?*

Ален как можно более кратко описал громадному существу, везущему его на своей спине, что именно сделали пираты, и ощутил, как медленно разгорается гнев, столь же громадный, как само существо.

Вот как? Воевать само по себе скверно, но воевать с детьми и стариками... с мудростью и надеждой рода... — Повисло молчание. — *Да. Я понимаю. Но это дело твоего народа, и хотя я желаю исполнить волю Прыгунов, тебе придется заплатить за это.*

Заплатить? — Это было неважно; чего бы ни потребовало это существо, оно должно получить все, если такой ценой можно было положить конец бесчинствам бандитов. — *Это...* — Он судорожно сглотнул. — *Это меня вы желаете получить, о Владыка Глубин?*

Упругая поверхность под ним заходила ходуном; миг спустя он понял, что исполн смееется.

Нет, маленький Ходячий, даже если бы ты был хорош на вкус, ты слишком благороден, чтобы тебя съесть. Кроме того, я не хочу, чтобы Тот, Кто Плачет на Берегу, твой Белый Брат-Дух, угас от горя. Нет. Прежде чем я вмешаюсь в дела Ходячих... поклянись, Ходячий, брат Белого Духа. Что никогда и никому обо мне не расскажешь. Никогда и никому.

Клянусь, — пообещал он, не вполне понимая, зачем этому существу его клятва и что он собирается сделать взамен, но дав эту клятву без колебаний. — *Никто никогда не узнает. Даже мой Спутник.*

Тогда я начинаю.

Он ощутил, как огромная махина под ним пришла в движение, стала подниматься, пока не оказалась полностью над поверхностью воды. Он едва удерживался на этой горе живой плоти, овеваемый встречным ветром, от которого у него зуб на зуб не попадал. Упругая плоть под ним медленно колыхалась. На горизонте показались огни — слишком желтые и немигающие, чтобы быть звездами.

То были фонари на топах корабля, на котором плыли его захватчики, и других кораблях разбойничьего флота. Корабли плыли быстро, но неведомое существо под Аленом было быстрее.

Теперь он ощутил вокруг другие разумы, разумы более мелких существ, его первых спасителей. Они не обменивались словами — он уловил лишь их возбуждение и такой же гнев, как и тот, что испытывал грозный великан. А вместе с ними в его мозгу вдруг всплыли и обрывочные образы, причина их гнева — люди с этих кораблей, забавы ради быющие доверчивых обитателей озера.

Оставайся с Прыгунами, Ходячий, и смотри.

Туша, которая его поддерживала, вдруг выскользнула из-под него, и он снова очутился

в воде. Но не успел он даже запаниковать, как его уже окружали те, другие существа, а двое из них проворно просунули головы под его распростертые по воде руки. А разбойничьи корабли не успели еще уплыть далеко, как что-то черное и чудовищное вырвалось из волн рядом с ними...

И обрушилось на один них, прежде чем немногочисленные матросы, следившие за парусами и румпелем, смогли заметить что-то ужасное, несущееся на них.

В один миг корабль с оглушительным треском лопающихся шпангоутов и воплями очутившихся в воде людей превратился в щепки.

Матросы с других кораблей еще успели понять, какая участь их ожидает, но избежать ее уже не могли. Снова и снова гигантская туша выскакивала из волн и атаковала их корабли, разбивая их в щепы — как капризный ребенок ломает игрушку, но с такой яростью, какой не может испытывать ни один ребенок.

Ален так и не узнал, сколько разбойников погибло мгновенно, а сколько оказалось во власти волн, ибо маленькие пловцы снова расступились, уступая место пловцу-великану, который стремительно понес его прочь.

Там еще остались некоторые, цепляющиеся за обломки своих плавучих деревьев, но сегодня ночью я буду охотиться, Ходячий, — с мрачным удовлетворением объявил голос в его мыслях. — Когда ты окажешься в безопасности, я вернусь и славно попирую... смотри, не забудь своей клятвы.

Никогда, — горячо поклялся он и содрогнулся, ощутив довольство великана.

Нам пора. Я голоден. Чем раньше Прыгуны вынесут тебя на берег, тем скорее я смогу насытиться.

И снова исполинская тута поднялась над водой и помчала его вперед — в каком направлении? Он не мог определить. Он лишь цеплялся за своего спасителя из последних сил — продрогший, измученный, дрожащий, терзаемый мучительной болью в каждой клеточке своего тела и надеющийся, что это существо, только что рассуждавшее о том, как станет есть людей, довезет его до дома.

И все же, и все же...

Ален боялся его — но то было скорее уважение, чем страх.

Поговори со мной, Ходячий. Расскажи мне о своей жизни. Я ни разу не встречал Ходячего, способного разговаривать в моих мыслях, а я прожил долго... очень долго...

Всю эту нескончаемо длинную ночь, на протяжении всего странного путешествия, Ален разговаривал с неведомым существом, несшим его вперед. Оно было знакомо с людскими обычаями, но Герольды и их Спутники оказались ему в новинку и приводили его в восторг. А Ален вдруг понял, что если бы не его Дар, который он и за Дар то не считал, не умение мысленно говорить с животными, его бы сейчас не было в живых; загадочное существо могло слышать сильные мысли других, но неотчетливо. Один лишь Ален оказался способным разговаривать с ним — с ним и с теми, кого оно называло Блестящими Прыгунами.

Мало-помалу уважение совершенно вытеснило весь страх.

Хотя Ален не забыл, чем его спаситель намеревался заняться по возвращении к обломкам кораблей. Им овладел полный разлад: с одной стороны, эти люди были повинны в убийствах, грабежах, бесчинствах, и, попади они в руки Стражи, им точно не сносить бы головы. Но после нескончаемых мгновений ужаса, отчаянной борьбы за жизнь с водной стихией окончить жизнь в пасти озерного чудища...

Они получают то, что заслужили. Возможно, они утонут до моего возвращения, но, утонувшие или живые, они славно мне послужат. Не тебе и не мне требовать с них ответа за их деяния. Я лишь послужу орудием возмездия.

На это Алену возразить было нечего; в конце концов, подобная участь была не хуже, чем тюрьма, суд, а в конце концов — веревка или топор палача...

Однако близится рассвет, а с ним и берег, — продолжало существо. — Ни один Ходячий до сих пор не видел меня и не увидит — по меньшей мере, те, кого я оставлял в

живых. Я отправляюсь на охоту; Прыгуны отнесут тебя к твоим друзьям. — В его мысленном голосе послышалась улыбка. — Когда я покину тебя, пошли зов своему Белому Брату, чтобы он перестал горевать. Его плач даже сейчас терзает мое сердце.

Существо замедлило ход, потом остановилось и медленно ушло под воду, и Ален снова очутился на плаву. Миг спустя существа уже не было — вероятно, под водой оно плавало быстрее, чем над водой, и держалось на поверхности только ради него. После долгого пребывания в мокрой одежде на пронизывающем ветру вода казалась теплой; вскоре Блестящие Прыгуны окружили его, подхватили под руки.

Убери свои плавники из мертвой шкуры, в которую ты облачился, чтобы мы могли ухватиться за нее и тянуть тебя вперед, — сказал один.

Не сразу, но он сообразил: они просят его втянуть руки в рукава, чтобы они смогли взять их концы в зубы. Он подчинился, и вскоре двое из них тащили его за собой, а остальные плыли вокруг, время от времени выпрыгивая в воздух — по-видимому, просто от избытка чувств. Памятуя слова Владыки Глубин, Ален начал мысленно звать Ведалию. И в тот самый миг, когда темное небо окрасила заря, а вода отразила ее тусклым серебром, он уловил отклик своего Спутника.

То, что происходило между ними, было слишком глубоко, чтобы выразить это словами, и Ален был рад, что его тянут, ибо плыть и плакать одновременно он не смог бы.

А когда на горизонте показалось солнце, то стало ясно, что Прыгунам не придется везти его до самого берега: навстречу им плыли лодки, и хотя Ведалия ни в одну из них не поместился бы, на носу самой первой стоял Стед в своей белой униформе, сияющей в рассветных лучах.

Прыгуны — теперь он разглядел, что они походили на рыб, но с гладкими коричневыми шкурами, веселыми глазами и растянутыми в вечной ухмылке ртами — оправдали свое имя: все, за исключением тех двоих, что тащили его, грациозными дугами взвились в воздух. С лодок понеслись восхищенные крики, приглушенные расстоянием — и, возможно, залившей ему в уши водой.

На миг в глазах у него потемнело — к счастью, его спасители отлично знали свое дело и не дали ему утонуть: когда он очнулся, две головы с блестящими глазами поддерживали его на плаву, а его руки лежали у них на шеях — если, конечно, они вообще у них были. А самая первая лодка была уже совсем рядом. Многочисленные руки потянулись к нему, втащили через борт — и очень вовремя, потому что теперь, почувствовав себя в безопасности, он совершенно обессилел и был слабее новорожденного котенка.

Но не настолько, чтобы не заметить, как рыбаки кланяются Блестящим Прыгунам и благодарят их.

— Вы знаете их? — изумился он.

— Они — Мудрецы Волн, — пояснил один из рыбаков и накинул ему на плечи колючее шерстяное одеяло. — Некоторые говорят, будто они — духи тех, кто утонул и не нашел упокоения в земле. Мы никогда не обижаем их, а если кто-то из них запутается в сети, то мы разрезаем ее, чтобы выпустить его. Лучше уж лишиться улова, чем погубить брата.

Умеющий-Говорить с Глубиной! — позвал один из них, покачиваясь на поверхности воды и сопровождая свою мысленную речь писком и кивками. — *Скажи своим друзьям, что мы знаем, где Попавшие-в-Сети, и проводим их туда.*

Попавшие-в-Сети? Похищенные женщины?

Да! Да! А сейчас Владыка Глубин насыщается, и некому больше удерживать их в сети!

— Боги милосердные! — Он поймал рыбака за воротник. — Послушайте! Ваши Мудрецы Волн куда мудрее, чем вы можете вообразить. Они говорят, что знают, где похищенные женщины и дети, и обещают отвести вас туда.

Новость мгновенно облетела все лодки, и людей охватило настоящее безумие. Все хотели плыть за пленниками, но экипаж лодки, которая везла Стеда с Аленом, с неохотой согласился возвратиться вместе с ними на берег.

Тогда, только тогда Ален откинулся навзничь. Дрожь, бившая его, отпустила благодаря

фляге с каким-то травяным настоем, которую Стек вложил ему в руку, но Ален так обессилел, что в изнеможении привалился к подушке из канатов и одеял, которую устроил для него Стек.

Старый Герольд, из которого обычно и слова-то вытянуть было невозможно, что-то безостановочно лепетал с того самого момента, когда Алена подняли на борт.

Поскольку все это в основном были разнообразные вариации на тему «Благодарение богам, ты цел!», Ален не обращал на него внимания.

Но сейчас он слышал кое-что иное.

— Ведалия сказал, тебя спасли эти рыбы — или кто они такие? — говорил Стек.

— Не совсем рыбы... Думаю, они — что-то вроде порождений Пелагириса, *кайри* или тому подобных, — отозвался Ален, надеясь, что голос даст представление, насколько он сейчас слаб. — Они сказали, что слышат меня, а я — их, только благодаря моему Дару.

— Но как тебе удалось сбежать? — спросил Стек. Ален попробовал рассмеяться, но закашлялся и глотнул настоя.

— А я и не сбежал. Эти мерзавцы держали меня до тех пор, пока не уверились, что вы не гонитесь за ними с полными лодками Стражей. Тогда они вышвырнули меня за борт. Но я принялся вопить, как перепуганный младенец, и Блестящие Прыгуны — так они себя называют — услышали меня. — Он протянул Стекду руки, чтобы тот смог рассмотреть порезы от их зубов у него на запястьях. — Они перегрызли веревки и отвезли меня обратно. Думаю, они спасли меня еще и ради того, чтобы весь обратный путь слушать мою болтовню. У меня сложилось впечатление, что эти существа проводят немало времени, просто... играя, учась, удовлетворяя свое любопытство. Вот тебе и высокая честь и слава быть Герольдом! Похоже, единственное достоинство, которое мне пригодилось, — умение рассказывать забавные истории!

Он, конечно, смертельно устал, но слова подбирал очень тщательно. Он говорил чистую правду, просто не всю... а пока он будет продолжать говорить правду, Стек вряд ли станет допытываться, что он пытается скрыть.

Стек засмеялся, и рыбак по соседству с ним тоже, и тот, что сидел у румпеля.

— Мы всегда почитали Мудрецов Волн, но если они приведут нас к пленникам, то с этого дня и навеки они будут получать долю каждого нашего улова, — сказал рыбак. — Что касается историй, парень, поверь мне, тебе надоест рассказывать эту куда раньше, чем всем остальным — ее слушать. Слыхали мы истории о том, как Мудрецы Волн спасали рыбаков, но такого еще не бывало ни разу.

— От души надеюсь, что не случится и в будущем, — с жаром сказал Ален. — Я буду молить богов, чтобы никто и никогда больше не пережил того, что довелось пережить мне.

Он закрыл глаза и перестал слушать воркотню Стеда, а вскоре почувствовал, как быстро уплывает куда-то его сознание. Но что это: он действительно услышал где-то на границе между сном и явью далекое-далекое эхо одобрительного — и сытого — смеха?

Нет уж, этому не бывать.

Не бывать, — согласился он и заснул.

Роберт Асприн и Джоди Линн Най — Миф путешествие в страну снов («Мифические истории»)

Темно-зеленое лесное море простиралось во все стороны без конца и края. Большинству оно показалось бы раем. Я же не знал, что и делать.

Я смотрел на бесчисленные сосновые верхушки и ломал голову, в какую же глухомань нас занесло. Несколько голых вершин, вроде той, на которой я сидел, выдавались над линией деревьев, но на самом деле находились за многие мили отсюда. Ни одна из них не казалась знакомой — да и с чего бы им таковыми быть? Измерений существовали тысячи, а я побывал

всего в нескольких. Да, конфуз вышел, если не сказать больше. Я, Великий Скив, которого считают самым классным магом современности, застрял неведомо где из-за того, что по глупости провалился в магическое зеркало.

Я принялся рыться в поясной сумке в поисках И-скакуна. Я был совершенно уверен, что он где-то там. Разумеется, я был не один. За спиной у меня нетерпеливо расхаживал вверх-вниз мой товарищ и учитель Ааз.

— Говорил я тебе, не трогай ничего в лавке Безеля, — рыкнул изверг.

Когда уроженец измерения, называемого Извром, рычит, все остальные виды существ бледнеют. При этом всеобщему обозрению открывается пасть, полная острых, как бритва, четырехдюймовых клыков, а зеленое чешуйчатое лицо наводит ужас даже на драконов. Но я привык к нему, и, кроме того, он просто был немного не в духе.

— Кто бы мог подумать, что в какое-то несчастное зеркало можно провалиться? — принялся оправдываться я, но мой товарищ меня не слушал.

— Если бы ты прислушивался к тому, что я тебе вдалбливал последние хрен знает сколько лет... — Ааз поднял чешуйчатую ладонь. — Нет, можешь мне не рассказывать. Я не желаю этого слушать. Гаркин должен был хотя бы чему-то тебя научить.

— Я знаю, — сказал я. — Это моя вина.

— Голова должна быть на плечах, когда имеешь дело с магией, вот и все. Не ешь того, что просит: «Съешь меня». Не пей того, что просит: «Выпей меня». И, Пента ради, не трогай магические зеркала, которые со всех сторон отгорожены барьерами, где написано: «Не трогать!»... Что ты сказал?

Ааз круто обернулся.

— Я сказал, я знаю, что это моя вина. Я просто пытался помешать Глипу сожрать раму, — смиренно пояснил я.

— Глип! — радостно заверещал дракон у меня за спиной.

— Так что же ты не привязал его, перед тем как зайти внутрь? — спросил Ааз.

— Я его привязывал! — возмутился я. — Ты ведь знаешь, что привязывал. Я же при тебе завязывал поводок вокруг столба.

Но мы оба могли с изрядной долей вероятности предположить, что произошло.

Моего дракона не пускали почти ни в одно приличное заведение, ну, или в те заведения, которые считались приличными на Базаре-на-Деве — самой большой торговой площади во всех многочисленных измерениях. Известные своей неразборчивостью в средствах лавочники-деволы, чтобы с выгодой для себя избавиться от залежалого товара, могли устроить любую каверзу. Например, организовать приходящийся весьма кстати пожар, обеспечив себе на это время железное алиби. Или оставить дверь чуть приоткрытой, а сами тем временем на минуточку выскочить к соседу — одолжить стакан сахара. Или совершенно случайно спустить с поводка молодого дракона, который знаменит своей неуклюжестью почти так же широко, как его хозяин — своим магическим искусством и толстым кошельком. Поименованный дракон, естественно, бросается вслед за своим обожаемым хозяином. Едва он входит, как товары летят с полок на пол. Другие товары, рядом с которыми вышеупомянутый разбушевавшийся дракон даже и не стоял, разлетаются вдребезги. Вот тут-то на сцене и появляется лавочник с требованием возместить ущерб в четырех- или даже пятикратном размере против его истинной стоимости. Злополучному покупателю не остается ничего иного, как раскошелиться — или быть вышвырнутым (а то и еще что похуже) с Базара. Все подлинные ценности при этом из лавки, разумеется, заблаговременно удаляются.

— Может быть, его отвязал кто-нибудь из конкурентов Безеля? — с надеждой предположил я, не желая подвергать сомнению мое умение завязывать узлы.

— Какого рожна ты вообще полез пялиться в это зеркало?

Мне было довольно неловко признаваться в этом, но мы и вправду очутились здесь благодаря моему любопытству.

— Маша рассказывала мне о нем. Она говорила, что это классная штука. Оно

показывает тому, кто в него смотрится, его самую заветную мечту... Естественно, я хотел взглянуть, нельзя ли его как-нибудь использовать в нашей работе. Ну, там, прощупывать наших клиентов, чтобы понять, чего они хотят на самом деле...

— И что ты увидел? — быстро спросил Ааз.

— Только свои собственные мечты, — ответил я, удивляясь, с чего это Ааз так вскинулся. — Все без обмана. Я в окружении своих друзей, богатый, счастливый, с симпатичной девчонкой...

Вообще-то физические подробности зеркало передало довольно отрывочно, но у меня остались яркие впечатления о ее хорошенькой мордашке и соблазнительной фигурке.

Чешуйчатое лицо Ааза медленно расплылось в улыбке.

— Ты же знаешь этих девиц, партнер. Они никогда не оправдывают ожиданий.

Я нахмурился.

— Да, но если это моя мечта, разве она не будет в точности такой, как я хочу? А ты? Что ты увидел?

— Ничего, — отрезал Ааз. — Я не смотрел.

— Нет, смотрел, — не сдавался я, вспомнив обалделое лицо Ааза. — Так что ты увидел?

— Хватит, ученик! Это была просто подделка. Безель, небось, навел на это зеркало чары самообмана, чтобы поскорее сплавить его какому-нибудь олуху вроде тебя. Вернулся бы домой и увидел в нем настоящего простофилю, мечту Безеля.

— Нет, я уверен, что зеркало было настоящее, — произнес я задумчиво. Я помнил, о чем мечтал годами, но все эти желания были несвязными, мимолетными. Ни разу еще мне не приходилось видеть столь отчетливого и всеобъемлющего образа собственных фантазий. — Ну же, Ааз, что ты увидел?

— Не твое дело!

Но от меня было не так-то просто отвязаться.

— Брось ломаться. Я же рассказал тебе о своих мечтах, — канючил я. Желания Ааза просто обязаны были быть захватывающими. Он повидал десятки измерений и прожил куда больше моего. — Наверное, ты вынашиваешь какой-нибудь замысловатый план построить империю и стать там главным. Заправлять всем. Чтобы куча народу выполняла твои прихоти. Вино. Женщины. Это же песня!

— Заткнись! — рявкнул Ааз.

Но мое любопытство уже успело разыграться не на шутку.

— Здесь же нет ни одной живой души, на многие мили вокруг, — сказал я, и это была чистая правда. — Нас никто не сможет подслушать. Чтобы забраться сюда, понадобилось бы построить мост до следующего пика, а до него многие и многие мили. Здесь нет никого, кроме нас. Я же твой лучший друг, разве не так?

— Сомневаюсь!

— Эй! — воскликнул я, задетый за живое. Ааз смягчился, огляделся по сторонам.

— Прости. Ты такого не заслужил, даже если у тебя хватило глупости прикоснуться к этому зеркалу. Ну, раз уж здесь только мы... Да, я кое-что видел. Потому я и думаю, что здесь не обошлось без наведения иллюзии. Я видел, что все стало так, как было раньше: я творил волшебство... большое волшебство... на глазах у чертовой прорвы народу. Там их были тысячи! Нет, миллионы! Мной восхищались! Мне очень этого не хватает.

Я изумился.

— Восхищения? Мы тобой восхищаемся. И народ с Базара тоже, это уж как пить дать. Как же — Великий Ааз! Перед тобой трепещут в сотнях измерений. И ты это знаешь.

— Раньше все было совсем по-другому, — не сдавался Ааз, упрямо глядя куда-то вдаль, и я понял, что он видит не бесконечные мили древесных крон. — В те времена мы ни за что не застряли бы здесь, на голой горе, как два кота в холодильнике...

Я открыл было рот, чтобы спросить, что такое холодильник, но потом решил, что лучше его не перебивать. Ааз редко откровенничал со мной. Если он вдруг решил

выговориться, я только за честь сочту его послушать.

— ... ну, ты не подумай, что я хвастаюсь, но в былые времена мне достаточно было только взмахнуть рукой, чтобы появился мост. Вот так!

Он взмахнул рукой.

У меня отвисла челюсть. Между пиком, на котором мы стояли, и соседним с ним протянулся подвесной мост. Он состоял исключительно из игральные карты — от высоких арок и канатов до пролетов и опор, уходивших в заросли деревьев.

— Этого... этого раньше там не было, — выговорил я. Но Ааз больше не смотрел ни на мост, ни на меня. Он уставился на свой палец с таким видом, как будто тот вдруг исчез — что в каком-то смысле и произошло.

— Столько лет прошло, — проговорил он негромко. — Быть того не может.

Он поднял голову, улавливая линии силы. Я последовал его примеру.

Их было полно. Нет, не полно — ПОЛНО. Пронизывающие землю, как полноводные подземные реки, и воздух, как искрящиеся радуги, линии силы были повсюду. В какое бы измерение мы ни сунулись, оно было переполнено силой. Ааз запрокинул голову и расхохотался. Наверху, звонко чирикающая, порхала какая-то славная желтая пичужка. Он указал на нее пальцем. Птица, которая теперь стала размером с хорошего такого дракона, басовито курлыкнула. Вид у нее был несколько удивленный.

Я удивился куда сильнее. Многие годы я считал, что лишь моему покойному учителю магии Гаркину под силу было бы снять чары, лишившие Ааза его способностей. Я и понятия не имел, что существует измерение, где законы магии в том виде, как я их изучал, неприменимы. Похоже, я ошибался.

Ааз рванул к мосту.

— Эй, Сквив, гляди! — — закричал он.

И взмахнул руками. С неба повалил густой душистый снег, который превращался в ароматный туман, не успевая прикоснуться ко мне. Все небо расчертили радуги. Из ниоткуда появились реки драгоценных камней, текущие между холмами из золота. Я споткнулся об один из них и угодил в лужу из рубинов.

— Ааз, погоди! — крикнул я и со всех ног бросился за ним. Следом за мной пустился вприпрыжку Глип, но мы не успели его догнать. Едва нога Ааза ступила на мост, как тот поехал в противоположном направлении. Ааз пребывал в таком возбуждении, что даже этого не заметил. Как-то раз — я тогда слушал его вполуха — он рассказывал мне о складном мосте. Должно быть, именно такой мост он тогда и имел в виду. Этот мост складывался прямо у меня на глазах.

— Ааз! Вернись! — закричал я.

Делать было нечего. Нам с Глипом не оставалось ничего иного, как прыгать. Я ухватил его за ошейник, и мы бросились в пустоту. Я пустил в ход всю свою магию, но мы все равно промахнулись мимо края моста на ширину ладони. От конца пролета отлетела карта. Это был джокер. Пестрый человечек показал мне нос и высунул язык, и мост скрылся из виду. Я не успел обидеться на его нахальную выходку, слишком уж был занят — падал.

— Гли-и-ииип! — взвыл мой дракон, грохнувшись на склон рядом со мной. — Глиииииип!

— Хва-тай-тай-ся з-за ч-что-ниб-будь, — посоветовал я, клацая зубами, когда мы беспомощно летели кувырком по склону.

Куда подевались все эти линии силы? Надо было попытаться зацепиться за землю при помощи магической молнии. Так мы катились довольно долго, пока мой зверь, проявив изобретательность, которую я всегда в нем подозревал, не обвился длинной шеей вокруг попавшегося на пути пенька, а хвостом — вокруг моей ноги. Мы резко остановились. Я повис вверх тормашками, а моя голова очутилась на небольшом уступчике, нависавшем над глубоким ущельем.

Не знаю, каким чудом мы туда не свалились. Едва переведя дух, я вскарабкался вверх по склону и принялся нахваливать Глипа. Тот вывалил свой длинный язык и от избытка

чувств облизывал мне все лицо. На этот раз я не стал его отпихивать, как делал обычно. Счел, что он заслужил право облизывать меня, сколько душе угодно. В конце концов, он только что спас жизнь нам обоим.

Я оглядел окрестности. Если чертовы кулички существовали в природе, мне безоговорочно удалось установить их местонахождение. Проблески синевы здесь и там сквозь лесной полог — вот и все, что осталось от неба. Как только мое сердце прекратило лихорадочно выстукивать: «Ну вот, теперь мы все пропали» — и вернулось к своему обычному: «Гм, возможно, еще не совсем», — я понял, что уступ, с которого мы едва не сорвались, был достаточно широк, чтобы по нему можно было идти. Куда он ведет, я понятия не имел, но сидя на одном месте, можно было не рассчитывать найти Ааза и джокеров, которые унесли его прочь.

— Что, заблудился, дружище? — спросил мужской голос.

Я подскочил от неожиданности и оглянулся. Вокруг не было ничего, кроме густого подлеска. Я на всякий случай быстренько навел на нас с Глипом маскирующие чары, прикрыл свои клубнично-белокурые волосы зализанными назад черными и превратил мои в обычном состоянии круглые и наивные голубые глаза в мрачные раскосые щелки. Глин стал гигантским красным драконом, из-под каждой чешуйки которого вырывались языки пламени.

— Нет! Просто... осматриваюсь.

Небольшая группка деревьев поднялась и развернулась. Я только глаза вытаращил. С другой стороны ходячей рощицы обнаружилась фигура мужчины.

— А по-моему, как есть заблудился, — сказал мужчина и дружески подмигнул мне.

На нем были отделанные бахромой штаны и куртка, голову кое-как прикрывала полосатая меховая шапочка, а ноги были обуты в точно такие же башмаки. Кожа у него была грубая и шершавая, как кора, а маленькие темные глазки весело глядели из глубоких впадин. И волосы, и брови напоминали заросли кустарника.

Брови на изборожденном глубокими морщинами лбу поползли вверх.

— Скажи-ка, как ловко иллюзию навел, дружище! Ты художник?

— А? — Я ошарашенно вытаращился на него. Как он так быстро меня раскусил? — Нет. Я — искусный волшебник. Я... я — Великий Скив.

Мужчина протянул огромную ручищу и стиснул мои пальцы. Я поспешно выдернул их и тщательно пересчитал, чтобы убедиться, что ни один из них не остался в его лапище.

— Рад познакомиться. Меня зовут Альдер. Лесовик я. Живу в этих краях. Я только потому спросил, что у нас здесь иллюзия — главный вид искусства. А у тебя отлично получилось.

— Спасибо, — сказал я удрученно. Что толку в иллюзии, если все сразу видят, что это иллюзия? Я сбросил ее — Я навожу ее только потому, что внешность у меня не слишком представительная.

Альдер фыркнул и взмахнул рукой.

— Неважно, как ты выглядишь. Главное, что ты за человек. Здесь все так часто меняется. — Он поднял голову, втянул носом воздух и сощурил один глаз. Потом поднял скрюченный палец. — К примеру, как сейчас.

Альдер был прав. У меня на глазах его грубая кожа чуть разгладилась и посветлела. Теперь он походил не на кряжистый вековой дуб, а скорее на серебристую березку. Я с тревогой заметил, что и сам преображаюсь. Какая-то сила оплела мои ноги, овладела моим телом. Ощущение не было неприятным, но я никак не мог от него отделаться. Я не противился, но что-то происходило с моим телом и лицом.

— Глип! — завопил мой дракон.

Я оглянулся. Вместо зеленого дракона с рудиментарными крылышками на меня, хлопая огромными синими глазами, преданно смотрел здоровый мохнатый пес. Как только первое потрясение прошло, я понял, что этот облик очень ему подходит. Я вытащил из кармана нож и взглянул на свое отражение в зеркальном лезвии. Оттуда на меня взидало смуглое лицо с

топазово-желтыми змеиными глазами и гребнем ярко-алых волос. Меня передернуло.

— А если мне не нравятся такие перемены? — спросил я Альдера.

Тот задумчиво содрал с одной руки полоску коры и начал тереть ее в пальцах.

— Ну, есть такие, кто не может ничего с этим поделать, но бьюсь об заклад, ты не из них, дружище. Судя по тому, какое ты оказываешь *влияние*.

— На кого? — не отставал я. — Как называется это измерение? Я никогда раньше здесь не бывал.

— Это не измерение. Это Страна Снов. Она принадлежит всем людям из всех измерений. Каждый раз, когда ты засыпаешь, ты попадаешь из Мира Яви сюда. На сознательном уровне ты не помнишь этого, но уже знаешь, как себя здесь вести. Это получается инстинктивно. Ты подчиняешь себе материю сна, оказываешь влияние, как будто все время живешь здесь. Должно быть, у тебя очень яркие сны.

— Так это сон? Но здесь все кажется таким реальным!

— А я и не говорил, что оно нереально, сынок. — Альдер присвистнул сквозь зубы. — Послушай, есть определенные правила. Чем ты умнее, чем больше сосредоточен, тем лучше тебе живется в этом мире. Многие люди вынуждены подчиняться прихотям других, особенно самих Спящих, но чем лучше ты знаешь собственное сознание, тем легче тебе контролировать свою судьбу. Я, например, знаю, что мне по вкусу, а что — нет. Мне нравится жить в глуши. Когда вокруг меня возникает город, я просто ухожу и иду до тех пор, пока не найду такое место, где нет людей. А если бы я не знал, чего хочу, то застрял бы на всю жизнь в Досадном сне.

— Я как раз только что видел Досадный сон, — сказал я, глядя примерно в том направлении, в котором исчез Ааз. — Если, как ты говоришь, я такой могущественный, что же я не смог догнать своего собственного друга?

— Он загулял, — со знанием дела пояснил Альдер. — С вами, мироявцами, такое то и дело случается. Попадаете сюда и немного теряете голову. Он попробовал, каково это — когда все так, как он хочет, и вошел во вкус.

— Ему ничего не нужно, — возразил я. — У него и дома все есть. — Я запнулся.

— Что-то все-таки быть должно, — улыбнулся Альдер. — Всем хочется того единственного, чего нельзя получить дома. Так чего же хочет твой друг?

Ну, это-то я знал наверняка. Ааз сам мне сказал.

— Восхищения. Альдер покачал головой.

— Восхищения, да? Ну, что касается меня, то я не слишком восхищаюсь теми, кто вот так бросает своего товарища в беде.

Я тут же бросился защищать Ааза.

— Он не нарочно.

— Хочешь сказать, что мост длиной в пятьдесят миль — случайность?

Я попытался объяснить.

— Он очень разволновался. Да и кто бы на его месте не разволновался? Он снова обрел свою силу. Это было как... как по волшебству!

~ Что, долго был без влияния, да? — спросил Альдер с сочувствием в прищуренных глазах.

— Ну... не совсем. Там, откуда мы пришли, он обладает очень большим могуществом, — убеждал его я, удивляясь, с чего это так разоткровенничался с первым встреченным в лесу старым пеньком. Но особого выбора у меня не было — или разговаривать с ним, или с самим собой. — Он уже долгие годы не был способен творить магию. С тех самых пор, как мой бывший наставник... э-э... наложил на него заклятие. Но, думаю, здесь оно не действует.

— И не может действовать, — с ухмылкой заверил меня Альдер. — Твой друг, похоже, сильная личность, а здесь только это и имеет значение. Так что мы, скорее всего, найдем твоего друга в том месте, где он может получить то, чего хочет. Идем. Мы его отыщем.

— Спасибо, — нерешительно проговорил я. — Я уверен, что смогу найти его. Я неплохо его знаю. Спасибо.

— Ты что, не хочешь, чтобы я шел с тобой?

Мне не хотелось, чтобы он понял, насколько беспомощным я себя чувствую. Нам с Аазом покамест не приходилось попадать в такой переплет. Кроме того, со мной был Глип, мой верный... э-э... пес.

— Нет, спасибо, — сказал я бодро. — Я настолько могущественный чародей, что мне не нужна твоя помощь.

— Ладно, дружище, как скажешь, — отозвался Альдер.

Он поднялся и отвернулся. Внезапно я остался один, со всех сторон окруженный деревьями. Даже неба было не видно.

— Ау! — завопил я. Напрасно я оглядывался по сторонам. Я потерял из вида не только лесовика, но и тропку, и склон, и даже ту малость, что оставалась от неба. Я пошел на попятный. — Ну, наверное, мне все-таки не помешала бы небольшая помощь, — признался я неохотно.

Вокруг меня мгновенно образовалась поляна, а рядом с широкой ухмылкой на лице очутился Альдер.

— Тогда идем, малыш. Нужно напасть на след.

Всю дорогу по лесу Альдер болтал не умолкая. Обычно негромкий монотонный шум помогал мне сфокусироваться на задаче, которую я обдумывал, но сейчас я просто не мог сосредоточиться. Лучше всего я себя чувствую в городской толчее, а не в лесной глуши. Когда я еще был начинающим магом и беспринципным, хотя и не слишком удачливым воришкой, чем больше вокруг случалось народу, среди которого можно было затеряться после того, как вынес ценности из чьей-нибудь спальни, тем легче было скрыться от розыска. Сельский акцент Альдера напомнил мне о родительской ферме, с которой я удрал, чтобы работать на Гаркина. Я ненавидел ее. Мне пришлось напомнить себе, что он неплохой парень, который к тому же собирается помочь нам отыскать Ааза.

— Ну-ка, поглядим вот сюда, — сказал он, когда мы подошли к месту, где пересекались шесть или семь тропинок сразу, и принялся разглядывать землю. Я понятия не имел, какую из них выбрал Ааз вместе с его движущимся мостом, но был готов свернуть на первом же попавшемся повороте — просто с досады.

— Разве не любопытно?... Что случилось? — спросил он, заметив на моем лице признаки немого страдания. — Я слишком много болтаю, да?

— Прости, — сказал я, запоздало стирая с лица страдальческое выражение. — Я беспокоюсь о товарище. Он так разволновался, когда к нему вернулись утраченные способности, что даже не заметил, как его унесло прочь — без преувеличения. Я боюсь, как бы он не попытался вернуться назад и отыскать меня, когда придет в себя.

— Если то, что ты говоришь, правда, то он еще не скоро привыкнет к тому, что у него снова появилось влияние, — сказал Альдер. Я хотел было поправить его, но если местные так называли магию, я не стал спорить. — Мы напали на след этого моста. Такая здоровая машина не может не оставить следов — вот он их и оставил.

Он поднял с перекрестка пригоршню гальки шоколадного цвета и продолжил поучать меня.

— Здесь все следы перепутываются. Должно быть, гальку рассыпали джокеры, чтобы попытаться сбить нас со следа, но я стреляный воробей, меня на такой мякине не проведешь. Я считаю, что мост уже на пути в столицу, но предпочитаю доверять достоверным признакам, а не своим догадкам. Надо поторопиться, пока не поднялись ветры перемен и не спутали все следы. У меня не хватит силы в одиночку сдержать их.

— Может, я помогу? — спросил я. — Я неплохо разбираюсь в ма... ну, во влиянии. Если мой товарищ еще кое на что здесь способен, то и я тоже должен.

Кустистые брови Альдера поползли вверх.

— А что, может, у тебя и получится. Давай попробуем.

Должен признаться, грандиозный успех ждал меня не сразу. Сонное влияние вело себя как магия в том лишь смысле, что надо было усиленно сосредоточиться, представить, чего

хочешь добиться, при помощи линий силы придать своей мысли форму, а потом надеяться, что комитет, который заправлял всем в этом измерении, позволит твоим планам осуществиться. Как и любой другой комитет, этот тоже вносил в мою деятельность свои коррективы, и конечный результат, хотя и не полностью совпадал с моим первоначальным намерением, но был к нему достаточно близок.

За те несколько дней, что мы выбирались из леса, я стал довольно-таки неплохо управляться с окружающим миром, но все же не настолько, чтобы перенести нас в его столицу, Селестию, или обнаружить Ааза. Однако определять, когда поднимаются ветры перемен, я все-таки научился.

Ветры эти чем-то напоминали то странное ощущение метаморфозы, которая произошла со мной и Глипом в самый первый день, только намного сильнее. Им было трудно сопротивляться, и мне пришлось ограждать от них всю тропинку, по которой мы шли. Я представлял ее всю, даже те части, которые мы не видели, длинной веревкой, натянутой перед нами. На ней могли быть узлы, но порваться она не должна была ни в коем случае. Потерять след значило почти попрощаться с возможностью найти Ааза. Кроме того, когда мы делали привал, я выполнял и еще кое-какие мелкие задачи — просто для того, чтобы научиться делать два дела одновременно.

Альдер оказался неоценимым помощником. Он был более снисходительным наставником, чем Гаркин и Ааз. Хотя собственного влияния у него почти не было, он тем не менее определенно умел выявить наиболее сильные стороны других магов.

— Самое важное — это контроль, — говорил он, пока я пытался потушить лесной пожар, который случайно устроил как-то вечером, пытаясь разжечь костер. — Ты должен отстраниться от действия и думать не так масштабно. Ты одним намеком можешь сделать гораздо больше, чем большинство, — хоть они из кожи вон вылезут. Просто притормози немного и сосредоточься на том, чтобы сделать все как надо. Иногда одно маленькое усилие над собой стоит куда большего, чем целый парад с духовым оркестром.

Я прыснул:

— Вы что, сговорились с Аазом?

— Что? — крикнул Альдер.

— Я говорю... — Но мои слова потонули в оглушительном шуме. Из-за деревьев вдруг высыпала толпа народу в яркой красно-черно-золотой униформе. Хотя, наверное, слово «толпа» было не вполне точным — они маршировали стройными рядами, и мы с Альдером в мгновение ока очутились в добром десятке ярдов друг от друга. Каждый из них держал в руках музыкальный инструмент, издававший такие звуки, каких я не слышал с тех самых пор, когда подрабатывал на полставки в Большой Игре в измерении Валлет.

Я поднялся с земли.

— Что это было? — спросил я, когда ко мне вновь вернулся слух.

— Очередная напасть, — сказал Альдер, поднимаясь на ноги и отряхивая с одежды конфетти.

— Да, неприятно, — согласился я, — но что это было такое?

— Напасть, — повторил Альдер. — Так их называют. Это — одна из опасностей, которые подстерегают тебя в Стране Снов. Нет, на самом деле они не опасны. В общем-то, они безобидные, просто отнимают уйму времени. Пристанут как банный лист к заднице — не отвяжешься. Иногда мне кажется, что Спящие специально напускают их на нас, чтобы мы отвлеклись и они могли делать с нами что хотят. Они прямо-таки липнут к людям, особенно к тем, кого они больше всего раздражают.

Я нахмурился.

— Что-то мне больше не хочется с ними встречаться, — сказал я. — Этак мы никогда не найдем Ааза.

Альдер нацелил палец точнехонько в кончик моего носа.

— Вот именно. Держись за меня, дружище, и я избавлю тебя от самых надоедливых из них, или я буду не самый лучший лесовик во всей Стране Снов.

Черпая из поистине неистощимого источника своей силы, я сосредоточился на сохранении в первозданном виде следа Ааза, чтобы Альдер мог отыскать его. Я обнаружил, что чем меньшее влияние оказываю, тем меньше нас одолевают напасти. Пока я не расходовал свою силу, мы продвигались вперед без помех. Если бы я так не волновался, наше путешествие можно было бы даже назвать приятным.

Нам все не удавалось обнаружить Ааза, и я уже начал тревожиться. А вдруг этот складной мост запер его где-нибудь и не отпускает? А вдруг у него возникли такие же трудности с влиянием, что и у меня? Может быть, он страдает от нехватки пищи или даже воздуха! Ему ведь в отличие от меня не посчастливилось найти дружелюбного проводника из местных, вроде Альдера. Мне не давали покоя сны об Аазе, в которых он каждый раз попадал в какую-нибудь очередную беду, и наяву я тоже не мог любоваться чудесным, хотя временами и немного причудливым пейзажем. Глип, чувствуя мое настроение, всячески пытался развеселить меня — скакал вокруг, вытворял разные глупости, но я видел, что даже ему не по себе.

Однажды Альдер остановился как вкопанный посреди огромной лесной поляны, как что мы с Глипом от неожиданности врезались в деревья, растущие у него из спины.

— Ай! — вскрикнул я, потирая ушибы.

— Глип! — высказался мой дракон.

— Ну вот, мы и пришли, — сказал Альдер. Он выдрал из земли пучок травы и сунул его мне под нос. Откровенно говоря, она совершенно ничем не отличалась от той, по которой мы шли три последних дня. — — Это Селестия.

— Ты уверен? — спросил я.

— Так же, как и в том, что солнце всходит по утрам, сынок, — заверил меня Альдер.

— И посреди столицы растет такой лес?

— Это же Страна Снов. Здесь все так часто меняется. Чем тебе не нравится столица, состоящая из деревьев?

Я огляделся вокруг. Нельзя не признать, таких величественных деревьев я не видел никогда и нигде, и росли они гуще, чем где-либо. Тропинки были идеально ровными и пересекались под прямыми углами. Стройные и изящные деревья со светящимися вершинами, похоже, представляли собой уличные фонари. Альдер не обманул: это действительно был город, но город, от начала и до конца состоящий из деревьев!

— Вот такие места мне по душе, — сказал Альдер, довольно потирая руки. — Не могу дождаться, когда же мы увидим дворец. Бьюсь об заклад, это должен быть настоящий чертог на дереве!

Через несколько сотен шагов он показал его мне. Что это было за сооружение! Не меньше тысячи шагов в длину, оно было сколочено из досок и каким-то немыслимым образом пристроено на вершине ствола одного-единственного дуба-великана. Добраться до необъятных дверей можно было только по веревочной лестнице, которая свисала с ворот. Намалеванная над дверью вывеска, которую можно было без труда прочесть даже с тропинки, гласила: «Клуп. Фседабропжалвать. Король». Несмотря на несколько топорный общий вид, во всем сооружении тем не менее неуловимо проскальзывало что-то царственное.

— Не смотри на его вид. Это настоящий дворец, — сказал Альдер. — Ты должен познакомиться с королем. Мне говорили, он отличный парень. Он будет рад познакомиться с таким влиятельным человеком, как ты. Твой друг, должно быть, где-то неподалеку. Я чувствую.

Каким-то краешком своего магического чутья я уловил мощный порыв ветра перемен. И принялся сопротивляться ему изо всех сил, пока Альдер, встав на колени, обнюхивал тропинку.

— Сюда, — проговорил он, даже не потрудившись подняться. Не в силах противиться метаморфозе, он превратился в громадного поджарого кроваво-красного пса, водящего носом по тропинке. Глип, сам не свой от радости при виде нового товарища, заскакал вокруг

Альдера, потом вместе с ним побежал по следу. Запах привел его прямо к двум неохватным стволам посреди густой рощи. Альдер поднялся на ноги, на ходу превратившись обратно в человека.

— Мы пришли, — сообщил он.

— Но это же просто деревья! — воскликнул я. Потом пригляделся внимательнее. Кора, хотя и собранная длинными вертикальными складками, была гладкой, почти такой же гладкой, как ткань. Затем я заметил торчащие из земли корни. Они были зелеными. И чешуйчатыми. Как ступни Ааза. Я поднял глаза.

— Ну вот, — с удовлетворением подытожил Альдер. — Видишь, мы нашли твоего приятеля.

Гигантское изваяние Ааза задевало за облака. Он стоял, уперев руки в бока, и скалил в широченной улыбке все свои зубищи, которые при двадцатикратном увеличении были еще более устрашающими, чем обычно. Я так удивился, что даже утратил контроль над ветрами перемен. И тут же налетел смерч — вызванный скорее состоянием души, чем какими-либо физическими причинами. Деревья растаяли, оставив у меня под ногами гладкую черную дорогу. По обеим сторонам мостовой протянулись белые тротуары. Люди деловито сновали туда-сюда, пешком и на транспорте. Дворец через дорогу теперь не оставлял никаких сомнений в том, что это дворец: белое мраморное здание поразительной красоты. Но статуя Ааза как стояла, так и осталась стоять, царящая над пейзажем и ухмыляющаяся. Я с изумлением понял, что это какое-то административное здание. Глаза служили окнами.

С помощью Альдера я отыскал в ноге дверь и вошел внутрь. И тут же очутился в гуще оживленной толпы. В отличие от остальных районов Страны Снов, где мне встречались в основном пентюхи, здесь попадались и деволы, и бесы, и гремлины, и уроженцы прочих измерений, нагруженные папками или коробками и с озабоченными лицами. Как я и думал, Ааз, получив неограниченные возможности, тут же создал какую-то замысловатую организацию, в которой половина народу работала на него, а вторая половина шла к нему на поклон со своими бедами. Что же касается роскоши, стены здесь были отделаны полированным красным деревом и слоновой костью и украшены мозаикой из золота и драгоценных камней. Может, это было и не вульгарно, но уж точно вычурно, и прямо-таки в полный голос кричало о богатстве. Я не раз задумывался о том, что стал бы делать Ааз, получи он неограниченные возможности, и вот теперь я увидел это воочию. Маленькая кабинка лифта в конце коридора в единый миг вознесла меня на этаж с надписью «Штаб-квартира».

За изогнутым деревянным стволом у входа в лифт восседала красotka, которая была бы как две капли воды похожа на Тананду, если бы не ее розовая кожа. Она что-то говорила в изогнутую черную трубку, которая торчала у нее из уха. Телефоны трезвонили не умолкая, и она едва успевала переключать кнопки.

— Корпорация «Ааз Всемогуший». Чем могу помочь? Прошу прощения. Не могли бы вы подождать на линии? Корпорация «Ааз Всемогуший». Чем могу помочь? Прошу прощения. Не могли бы вы подождать на линии?..

Я оторопело оглядывал комнату. Такого роскошно обставленного кабинета мне еще видеть не доводилось. Ааз всегда был франтом, но мне никогда и в голову не приходило, что у него такой превосходный вкус в меблировке. Каждый предмет просто сражал наповал. Обшитые великолепными панелями стены были увешаны вставленными в рамки письмами и благодарностями, и каждая мелочь выглядела так, будто стоила целого состояния. Из комнаты в комнату сновали многочисленные служащие. Я направился прямо к женщине в сногшибательном костюме, у которой был всезнающий вид, и попросил проводить меня к Аазу.

— Ну конечно, мистер Скив, — сказала она, удостоив меня взглядом поверх пенсне. — Вас ждут.

— Глип? — вопросительно напомнил мой дракон.

— Разумеется, мистер Глип, — улыбнулась женщина. — И вас тоже.

..... Партнер! — воскликнул Ааз, едва я вошел. Он одним махом спустил ноги с черной мраморной крышки стола, подошел ко мне и похлопал меня по спине. — Рад видеть, что ты жив и здоров. Кого я только не отправлял на поиски, но тебя так и не обнаружили.

— У меня был проводник, — сказал я и оглянулся в поисках Альдера. Должно быть, Альдер стоял к нам спиной, слившись с деревянными панелями. Я повернулся обратно к Аазу. За последние несколько дней я так испереживался, что был страшно рад видеть Ааза целым и невредимым. — Я тоже о тебе беспокоился.

— Прости, — сказал Ааз. и вид у него сделался озабоченный и слегка сконфуженный. — Я рассудил, что если мы вдвоем станем вслепую блуждать по незнакомому измерению в поисках друг друга, толку выйдет немного. Поэтому решил спокойно сидеть и ждать, когда ты меня отыщешь. И облегчил тебе поиски. Я знал, что стоит тебе увидеть это здание, как ты сразу же меня найдешь. Как оно тебе, кстати?

— Великолпно, — сказал я твердо. — Поразительное сходство. Почти сверхъестественное. Оно ведь... не испражняется людьми, да? — спросил я, вспомнив семифутовые зубищи.

— Нет, — в замешательстве проговорил Ааз. — А должно?

— Ах, мистер Ааз! — В кабинет ворвался щупленький человечек, следом за которым спешила та деловитая дама, что проводила меня сюда, со скоросшивателем.

— Пожалуйста, мистер Ааз, вы должны помочь мне, — проговорил человечек. — Меня мучают кошмары.

Ааз развалился в большом кресле у стола и сделал мне знак сесть. Щупленький человечек принялся излагать душераздирающую историю о том, как его преследуют ужасные чудовища, которые являются к нему по ночам.

— Я так перепуган, что вот уже несколько недель не сплю. Я прослышал о вашем удивительном даре избавлять людей от проблем и подумал...

— Что? — вскричал Ааз, вскакивая и демонстрируя все зубы разом. — В жизни своей не слышал большей нелепицы, — продолжал бушевать он. Щуплый человечек даже съежился от страха. — Приятель, ко мне приходят с настоящими проблемами, а не с пустяками вроде этого.

— Что? Что? — залепетал человечек.

— Мисс Пупсик. — Ааз поманил к себе деловитую даму. — Устройте этого бедолагу к Фазилю Зеркальщику. Пусть установит вокруг его кровати зеркала, отражающими поверхностями наружу. Это положит конец кошмарам. Когда они увидят себя в том виде, в каком их видел ты, то перепугаются до смерти. И ты никогда больше их не увидишь. Ручаюсь. За свою работу я возьму всего ничего... тридцать процентов комиссионных. Понятно?

— Да, мистер Ааз. Деловитая дама скрылась.

— Ох, благодарю, мистер Ааз! — воскликнул щуплый человечек. — Прошу прощения! Вы в точности такой, как про вас говорят. Вы просто чудо! Спасибо вам, спасибо!

Ааз ухмыльнулся, продемонстрировав частокол острых зубов.

— На здоровье. По пути обратно не забудь заглянуть к моей секретарше. Она выпишет счет.

Щуплый человечек скрылся за дверью, все так же продолжая рассыпаться в благодарностях. Едва он переступил порог, на стене, где и без того было уже некуда плюнуть, возникло еще одно благодарственное письмо. Ааз снова развалился в кресле и закурил сигару.

— Вот это жизнь, а, партнер?

— Это что еще за дела? — спросил я возмущенно. — Этот бедняга был сам не свой от страха. А ты даже задницу от кресла не оторвал. Мог бы пойти и посмотреть, что там происходит на самом деле. Может быть, его действительно кто-то преследует? Кто-нибудь, кому заплатили за его голову?

Ааз помахал сигарой, и струйка дыма связалась в замысловатый узел.

— Психология, партнер, сколько тебе можно говорить? Пусть считает, что оторвал меня от важных дел. Он расскажет об этом другим, так что ко мне будут приходить только люди с настоящими бедами. А Фазиль между тем — мой агент. Он разведает обстановку. Если это всего лишь игра его воображения, зеркала отлично с ней справятся. Если же дело серьезное, Фазиль позаботится обо всем. — Он грохнул рукой по коричневому ящику на столе. — Мисс Пупсик, не подадите ли нам закуски? — Ааз махнул в сторону стены. — Твой невидимый друг тоже может к нам присоединиться. Я очень признателен ему за то, что он доставил тебя сюда в целости и сохранности.

— Пустяки, дружище, — сказал лесовик. Все это время он изображал секцию декоративной облицовки. Он обернулся и вперевалячку подошел к Аазу, чтобы пожать ему руку. — Я гляжу, ты здесь уже совсем освоился.

— Еще бы не освоиться, — подтвердил Ааз, окидывая свои владения довольным взглядом. — С тех самых пор, как меня сюда занесло, я только и делаю, что завожу связи и помогаю людям.

Деловитая помощница вернулась, толкая перед собой столик, уставленный тарелками. Перед Глипом она поставила миску с чем-то таким, что имело совершенно неаппетитный вид, но явно было мечтой всякого уважающего себя дракона. Мой зверь вприпрыжку подскочил к миске и с чавканьем набросился на ее извивающееся содержимое. Мой желудок немедля взбунтовался, но тут же был умиловлен восхитительными лакомствами, которые подала мне помощница Ааза.

— Просто потрясающе, — сказал я. — Ну и как, ты нашел способ вернуть нас обратно на Деву?

Ааз покачал головой.

— Я никуда не возвращаюсь.

— Мы всем расскажем об этом измерении и... что? — Я запнулся на полуслове и оторопело уставился на него. — То есть как это — никуда не возвращаешься?

— А зачем? — с ухмылкой спросил Ааз. — Чтобы снова превратиться в бессильного извращенца?

— Ты всегда извергательно обходился и без магии, — попытался я поднять ему настроение дурацкой шуткой.

Не вышло. Лицо Ааза осталось мрачным.

— Ты и представить себе не можешь, как унижительно, когда тебе не под силу даже сушая ерунда. Я веками полагался на эти способности. Без них я как без рук. Нет, я не виню Гаркина. Я и сам мог бы сыграть с ним такую же шутку. Мне просто не повезло, что убийца, которого подослал к нему Иштван, выбрал для покушения именно тот день. Но теперь я нашел место, где могу делать все то, что мог раньше.

— Кроме И-скачков, — ввернул я коварно, как мне казалось. — Ты навсегда застрянешь в одном измерении.

— И что? — осведомился Ааз. — Многие люди всю свою жизнь живут в одном измерении.

— И никогда больше не увидишь старых приятелей. Ааз скроил кислую мину.

— Они помнят меня таким, каким я был до того, как провалился в зеркало. Бессильным. — Он распрямился. — Я не стану по ним скучать.

Но я-то видел, что он кривит душой. И бросился в атаку.

— Правда? А как же Тананда и Корреш? А Маша? А все остальные, кто будет по тебе скучать? Я, например?

— Ты сможешь навещать меня здесь, — возразил Ааз. — Купишь у Безеля зеркало, только так, чтобы никто не узнал, что оно у тебя.

— Тебе здесь наскучит.

— Может быть. А может, и нет. Я еще не скоро приду в себя после того, как столько времени был лишен силы.

Там я вообще ничего не мог сделать без магических приспособлений или помощи учеников. Надоело, что меня вечно все жалеют. Здесь меня не жалеет никто. Все восхищаются тем, что я могу.

— Но твое место не здесь. Это мир снов. Мир грез.

— Моих грез, как ты однажды заметил, ученик!

— Партнер, — поправил я упрямо. — Если только ты не хочешь положить конец нашему партнерству.

Мне показалось, что я задел Ааза за живое.

— Пусть это будет наш новый филиал, — предложил он. — А ты будешь руководить тем, что на Деве. Ты и так уже практически им руководишь.

— Ну да, разумеется, можно поступить и так, только у тебя почти не будет клиентов извне, — сказал я. — Тебя смогут найти только те, у кого будет доступ к зеркалу Безеля, а ты только что велел мне скрывать от всех, что оно у нас.

— Я это переживу, — уверил меня Ааз. — У меня и так дел невпроворот. Меня здесь ценят. Мне это нравится. Король и я — мы приятели. — Ааз ухмыльнулся и подмигнул мне. — Он сказал, что я ценное приобретение для государства. Время от времени я помогаю ему разрешить кое-какие мелкие проблемки. — В дверь заглянула деловитая помощница. — Просту прощения, партнер. — Он поднял изогнутую трубку, сделанную из металла, и поднес ее к уху. — Здорово, ваше величество! Ну, как делишки?

Если на свете и существовал Досадный сон, то как раз он мне и снился. На любой довод, который я приводил Аазу в пользу возвращения на Деву, у него находился контраргумент. Я ни на секунду не поверил, будто ему плевать на тех, кого он оставил, но понимал, что значит для него вновь обретенная сила. Нужно было время, чтобы он свыкся с этим.

Или он никогда с этим не свыкнется? Он был могущественным магом многие столетия, пока Гаркин так несвоевременно не подшутил над ним. Каково было бы мне, если бы это я обречен был дважды потерять свой талант? Он казался здесь таким счастливым. Он был на короткой ноге с местным королем. Как я могу лишить его всего этого? Но у меня не было иного выхода. Это было неправильно.

— Пойду-ка я отсюда, сынок, — сказал Альдер, поднимаясь. — Похоже, друзья собрались поспорить.

— Нет, не уходи, — взмолился я, выходя следом за ним в коридор. — Это не тот Ааз, которого я знаю. Я должен снова провести его через портал, но я не знаю, как его найти.

Альдер вскинул на меня косматую голову.

— Если он хотя бы вполовину такой хороший исследователь, каким кажется, то он уже разузнал, где портал, дружище. Тебе придется повозиться не с тем, чтобы подвести его к воде, а чтобы заставить его пить. Сейчас ему и здесь неплохо. Ему нет никакого резона отказываться от всего этого.

Передо мной забрезжил свет.

— Хочешь сказать, ему не хватает напастей?

По шершавому лицу Альдера пробежался миллион лукавых морщинок.

— Думаю, именно это я и хочу сказать, малыш. Удачи тебе.

Он повернулся ко мне спиной и исчез.

— Спасибо! — крикнул я.

И, мобилизовав все свое влияние, я припал к глубочайшим источникам магической силы, которые у меня были, и рассеял ее над Страной Снов. Я не стал пытаться погасить звезду Аазовой славы. Наоборот, я сделал ее еще ярче. Я заставил каждую чешуйку здания лучиться силой, настоящей и кажущейся. Любой, у кого есть проблемы, поймет, к кому следует идти с ними. Ааза завалят делами — важными, не очень важными и попросту пустяковыми. К нему начнут толпами стекаться те, кто потерял ключи. Маленькие девочки, чьи котят залезли на дерево и никак не могут слезть. Пожилые дамы, которым без Ааза не вдеть нитку в иголку. И, самое главное, если только я чего-то не упустил в своем

путешествии, привлеченные влиянием, которого здесь будет в изобилии, все напасти королевства стянутся к этому зданию, как мухи на мед. Если и было что-то, что мой партнер искренне ненавидел — настолько, что не уставал долдонить мне об этом, — так это бесполезная трата времени. Если мне не удалось убедить Ааза покинуть Страну Снов, возможно, это удастся напастям.

Чудовищный всплеск магии возымел действие практически мгновенно. У меня на глазах отлаженный механизм «Ааза Всемогущего» начал давать сбои. Груды папок, которые таскали туда-сюда деловитые сотрудники, разваливались и обрушивались на пол, образуя настоящие бумажные стога. Кое-кто даже оказался погребенным под этими кучами. Другие бросились за совками, чтобы собрать их, и увязли в толпе тех, кто бестолково метался, не зная, чем помочь. Со стены одно за другим начали срываться и со звоном бьющегося стекла рушиться на пол письма в рамках. Затем все здание слегка накренилось вправо.

— Что здесь происходит? — услышал я рев Ааза. Он выскочил из своего кабинета и вцепился в косяк — теперь здание ощутимо повело влево. Я ухватился за первое, что попало под руку — а попался под нее Глип. На этот раз он приобрел облик громадной зеленой птицы с полосатой головой, плоским клювом и изогнутыми когтями, которые он вогнал глубоко в паркет. — Почему все качается?

Мисс Пупсик подлетела к окну-глазу и выглянула вниз.

— Сэр, ногу здания грызут гигантские бобры!

— Что? — Ааз бросился к ней; мы с Глипом рванули следом. И высунулись из огромного желтого овала.

И правда — громадные коричнево-черные существа с плоскими хвостами и здоровыми квадратными передними зубами обглаживали левую ногу Ааза Всемогущего. В опоре что-то хрустнуло, и здание накренилось еще сильнее.

Ааз высунулся из окна.

— Проваливайте! — заорал он. Нахальные грызуны и ухом не повели.

— Все вниз, гоните их оттуда! — скомандовал Ааз. Мисс Пупсик поспешно удалилась, и следом за ней в кабинку подъемника хлынула толпа служащих.

Мы с Аазом смотрели, как его подчиненные высыпали из здания. Они облепили ногу, карабкались на нее в попытках помешать чудищам грызть ее дальше. Бобры дружно развернулись и принялись ударами плоских хвостов отгонять нападавших. Служащие, поскуливая, разлетелись кто куда, точно игральные карты, подхваченные ветром. Гигантские грызуны преспокойно продолжили свое дело. Мне стало жалко служащих, хотя Альдер заверил меня, что обитателей Страны Снов не так-то легко убить или ранить.

— Необходимо укрепление! — рявкнул Ааз.

Я изумленно смотрел, как из воздуха вдруг появились белые круги и обмотали всю ногу, но бобры в два счета прогрызли и их тоже. Еще миг — и от ноги ничего не останется. Здание грозило вот-вот обвалиться. Империя Ааза рушилась прямо у нас на глазах. Глип схватил меня в одну мощную лапу, Ааза — в другую и полетел с нами к лифту. Едва мы втиснулись в тесную кабинку, как пол под нашими ногами треснул.

Спуск, казалось, длился целую вечность. Ааз в раздражении расхаживал туда-сюда — ему явно не терпелось выбраться из кабинки и сделать что-нибудь такое, что остановило бы разрушение. Я чувствовал, как он пытается сосредоточить свою магическую силу на том, чтобы отогнать зубастых чудовищ и сохранить свою недавно основанную империю. Я же употребил всю свою магию на то, чтобы с нами ничего не случилось. Силы, которые я пробудил, пугали меня. Я не переставал думать о том, что моя попытка вернуть Ааза домой может стоить нам всем жизни.

— Бегом, — рявкнул он, выскакивая из кабинки, едва она коснулась земли. — Нужно поторапливаться.

Но было уже поздно. В тот самый миг, когда мы переступили через порог, исполинская статуя Ааза пошатнулась и рухнула навзничь посреди парка. Я сглотнул. Еще секунда — и мы оказались бы погребены под ней. Ааз ошеломленно смотрел на обломки.

— О-хо-хо, — сказал я как можно с более невинным видом. — Как пришло, так и ушло.

— Да, — с тяжким вздохом согласился Ааз. — Это был просто сон. Там, откуда они приходят, есть еще.

К нам подбежал запыхавшийся мальчишка в облегающей униформе и маленькой шапочке на завязках. Он передал Аазу небольшой сверток, размером с его ладонь. Ааз кинул мальчишке монетку и разорвал обертку. Внутри оказалось зеркальце. Я узнал раму.

— Это портал на Деву, — изумился я. — Значит, ты все-таки искал его.

— Я затевал это ради тебя, — буркнул Ааз, отводя глаза. — На тот случай, если бы ты захотел им воспользоваться. Если бы тебе захотелось остаться, я бы не расстроился.

Сослагательное наклонение придало мне надежды.

— Но теперь-то ты хочешь вернуться? — спросил я с нажимом.

— Только не надо капать мне на мозги, — сказал Ааз, потом взглянул на руины, которые уже начали оплетать виноградные лозы. — Хотя, если бы не ты, мои мозги сейчас были бы размазаны под этими обломками. Я понимаю намеки. Идем.

Он взялся за края зеркала. Потом поднатужился, крикнул и растянул раму так, чтобы мы все могли в нее пролезть.

Теперь вместо отражения наших грез оно показывало Машу, мою ученицу, двух моих телохранителей — Нунцио и Гвидо, и Тананду, нашу подругу, столпившихся вокруг незадачливого Безеля. Девол, до того перепуганный, что его обычный темно-красный цвет стал бледно-розовым, прижимал кулачки к плечам, а его лицо казалось живым воплощением отрицания. Перепуганного отрицания. Может быть, в нашем маленьком приключении все-таки был виноват кто-то другой?

Ааз кровожадно ухмыльнулся.

— Идем. Похоже, этого беднягу пора спасать. Он глубоко вздохнул и шагнул в зеркало.

— Эй, что за шум? — спросил Ааз как ни в чем не бывало. — Кто затеял бучу?

Он поднял руку. В Стране Снов этого взмаха хватило бы, чтобы палатку снесло ветром. Здесь же это был всего лишь театральный жест. На какую-то долю секунды вид у Ааза стал разочарованный, но он мгновенно овладел собой. Я понимал, какое крушение надежд он переживает, и сочувствовал, но был рад, что сумел вернуть его домой. Он не принадлежал к миру снов. Когда-нибудь мы найдем способ снять заклятие Гаркина.

— Ааз! — взвизгнула Тананда и бросилась ему на шею. — Где ты пропадал? Мы так беспокоились!

— И о тебе тоже, парень, — сказала Маша, обвив меня мясистой лапицей и стискивая изо всех сил. Боюсь, мне повезло с объятиями куда меньше, чем Аазу.

— Спасибо, — прохрипел я.

— Глип! — возвестил мой дракон, протиснувшийся сквозь зеркало следом за нами. К нему уже вернулся его драконий облик. От радости он облизнул нас всех, не исключая и дрожащего Безеля, который не скрылся с места действия лишь благодаря мертвой хватке, которой Нунцио держал его за загривок.

— Честное слово, клянусь тебе, Ааз, — залепетал Безель. — Это не я. Я ничего не сделал.

— Это Альтабарак с той стороны улицы спустил дракона с привязи, босс, — сказал Гвидо, глядя на меня из-под широкополой шляпы.

— Ладно, Безель, — проговорил я, кивнув телохранителю. Если он готов был за это поручиться, то и я тоже. — Я тебе верю. Без обиды. Не пропустить ли нам по стаканчику, партнер? — спросил я. — Кто хочет клубнично-молочного коктейля?

— Не хотите ли вы, достойные господа, — с надеждой сказал девол, чей бледно-розовый цвет слегка потемнел, когда он осмелился вспомнить о делах, — приобрести это зеркало? Поскольку вы уже воспользовались им.

— Что? — осведомился я, круто развернувшись.

— Им полагается скидка, — сказала Маша.

— Бросить его туда, и дело с концом, — посоветовал Гвидо.

Безель снова приобрел оттенок утренней зари и едва не брякнулся в обморок.

— Разбейте зеркало, — рявкнул Ааз, продемонстрировав все зубы до единого. Потом задумался. — Нет. По зрелом размышлении я решил его купить. Имеет ведь человек право помечтать, а? Заплатите ему.

Он прошествовал к выходу из палатки. Мои друзья были явно озадачены. Я улыбнулся Безелю и полез в поясную сумку.

Дэвид Дрейк — Эльфийский дом («Повелитель Островов»)

Дворец наместника до того, как неделей раньше сюда прибыл принц Гаррик, являлся резиденцией графа Хафта, и Кэшелу не было необходимости ходить по его коридорам со своим пастушьим посохом. Однако ему нравилось ощущать в руках гладкое дерево гикори, тем более что без привычной опоры он чувствовал себя не в своей тарелке. Что касается больших зданий, то Кэшел предпочитал любоваться ими не изнутри, а снаружи. Этот же дворец отличался особым, ни на что не похожим и не слишком приятным духом.

Посох был ему верным другом в таких местах, где о друзьях не могло быть и речи. Если бы пришлось его оставить в отведенных Кэшелу огромных покоях, перед тем как отправиться на обед с принцем Гарриком в сад на крышу... Наверное, он чувствовал бы себя неловко, словно бросил в одиночестве старого приятеля. Конечно, слуги, придворные и прочий заполнявший дворцовые коридоры люд будут на него таращиться во все глаза. Что ж, такая важная персона, как Кэшел ор-Кенсет, не может не привлекать к себе внимания и привык к тому, что на него смотрят. Причем вне зависимости от того, с посохом он или нет.

К его удивлению, в данный момент челяди не наблюдалось, и юноша, неспешно шествуя по коридорам, любовался фресками. Головки украшавших стены херувимов находились как раз на уровне его плеча. Он проходил здесь не впервые, но из-за скудного освещения ему всякий раз удавалось увидеть что-нибудь новенькое.

При виде изображения распростершего крылышки малыша в попытке сдвинуть с места упиравшуюся козу Кэшел ухмыльнулся, но тут его внимание привлек женский плач. Он огляделся и непроизвольно перехватил посох (который нес в правой руке) обеими руками.

— Что случилось? — спросил Кэшел.

Он выставил посох вперед, приготовившись проучить любого, кто заставил женщину плакать.

Девушка, по виду служанка, в шапочке и простой серой тунике, перехваченной пояском из выбеленной шерсти, стояла на коленях перед находившейся с правой стороны дверью. Кэшел никогда не обращал на эту дверь внимания — скорее всего, потому, что правая стена почти на всем своем протяжении была гладкой, а он, прогуливаясь по коридору, рассматривал фрески на левой.

Незнакомка несколько раз тщетно толкнула дверь, и подняла на Кэшела глаза, в которых стояли слезы.

— Ах, добрый господин, — всхлипывая, промолвила, она, — я уронила ключ, и он закатился под дверь. Дверь теперь не открыть, ключа не достать. Если управляющий об этом узнает, он меня прибьет!

— Ну, не думаю, чтобы он так поступил, — отозвался Кэшел.

Служанка не была ему знакома, но сама мысль о том, что кто-то может ударить, а то и побить подобную малышку, казалась ему столь возмутительной, что голос его прозвучал как рычание. У него не было сомнений по поводу того, что бить каких бы то ни было девушек не следует. К тому же ни один человек, попытавшийся проделать это в присутствии Кэшела ор-Кенсета, не сможет повторить подобную попытку.

Прокашлявшись, он заговорил нормальным голосом.

— Чем хныкать, давай-ка посмотрим, не смогу ли я тебе помочь.

Дверь не соприкасалась с косяком вплотную, значит, заперта не была. Вглядевшись в щель, он уловил внизу золотистый блеск: ключ валялся на полу.

Прислонив посох к стене, Кэшел наложил ладони, одна поверх другой, на то место, где находился запор. Бросив внимательный взгляд на девушку, он про себя отметил, что почему-то она показалась ему старше, чем несколько мгновений назад. Кроме того, испуг исчез с ее лица. Убедившись, что ноги расставлены правильно, он всей тяжестью тела навалился на дверь.

В этом дворце жило больше народу, чем во всей деревушке Барка, где Кэшел вырос. Даже когда в главном холле не было никакого движения, звуки постоянно отдавались эхом в коридорах, и даже пол подрагивал. Однако сейчас ему показалось, что вибрация прекратилась и наступила полная тишина. Впрочем, не стоило так доверять своим ощущениям, это могло быть связано с усилием, которое он приложил к двери, — она тем не менее по-прежнему не поддавалась.

Прошла долгая минута, и со скрипом, как будто нехотя, щель стала больше на ширину пальца. Затем на ширину двух...

Девушка просунула в щель руку, произнесла что-то, но пастух не смог расслышать ее слов из-за шума крови в ушах.

— Не получается... — сказала она, и Кэшел надавил еще сильнее.

Щель увеличилась настолько, что девушка смогла протиснуться внутрь. Дверь при этом сопротивлялась, пружиня словно натянутый лук.

— Достала! — воскликнула служанка, когда в коридоре, на виду у Кэшела, оставались лишь ее ноги ниже колен. — Я... — Она осеклась, а потом пронзительно взвизгнула: — Я падаю, добрый господин! Падаю!

Ноги, обутые в сандалии с ремешками из тисненой кожи, скрылись за дверью.

Словно в каком-то тумане, не понимая, что происходит, юноша перестал давить на дверь, а резко ударил плечом. До сих пор он воздерживался от подобных действий, не желая портить дворцовое имущество, но теперь ему было все равно.

Еловая панель не треснула, скрипучие петли не сорвались, но дверь распахнулась гораздо шире. За ней находился вовсе не боковой коридор, а запущенный, темный чулан без мебели, с прогнившими и частично обвалившимися на пол стенными панелями.

Девушка, держа ключ в одной руке, тянула вторую к Кэшелу, но выглядела при этом так, словно соскальзывала вниз. И не просто соскальзывала, а уже каким-то неведомым манером ухитрилась оказаться дальше, чем задняя стена каморки.

Нашарив левой рукой свой посох, Кэшел протянул его девушке, но та, не в силах ухватиться за него, снова издала жалобный крик, затем еще и еще... Крики звучали все тише по мере того, как расстояние между ними зримо увеличивалось.

— Дузи!

Взревев от ярости, пастух шагнул внутрь, вытянув посох перед собой. Но стоило ему оказаться за порогом, как ноги заскользили, будто по склону ледяной горы.

Дверь за его спиной захлопнулась сама собой. Теперь единственным светом оставалось смутное, желтовато-коричневое свечение, на фоне которого вырисовывался силуэт девушки, устремившейся, как и он, вниз по невидимому склону.

Некоторое время Кэшел летел кувырком, но, странное дело, ни обо что при этом не ударился. Девушка ухватила-таки за конец его посоха, но уже не кричала от страха и вообще не издавала каких-либо звуков.

— Наконец, затормозив на усыпанном крупным гравием склоне, они остановились. Кэшел посмотрел через плечо, но увидел лишь вздымающийся склон, а над ним — серое небо. Каморка и дверь исчезли без следа.

Он огляделся по сторонам и не увидел ничего, что порадовало бы взгляд. Всюду, сколько хватало глаз, простирались голые, различавшиеся лишь по цвету — от беловато-желтого до ржаво-красного — холмы. Их каменная поверхность по большей части

раскрошилась в гравий, но кое-где выступала и сплошная твердая порода, эти выступы почему-то напоминали злобные физиономии. Или таким образом на него подействовал унылый пейзаж?

Он встал и отряхнул камушки с подола длинной рубахи. Хотя спуск оказался более чем стремительным, обошлось без повреждений, даже одежда не порвалась. Девушка между тем уже стояла на ногах. Поймав его взгляд, она улыбнулась и сказала:

— Меня зовут Мона, лорд Кэшел. Ты знаешь, где мы находимся?

— Просто Кэшел, если можно, — скривившись, запротестовал он. — Какой из меня лорд?

Прокашлявшись, он снова огляделся по сторонам и нашел ландшафт ничуть не более приветливым, так что первое впечатление оказалось верным.

— А насчет этого места скажу так: я не знаю о нем ничего, кроме того, что с удовольствием предпочел бы ему какое-нибудь другое.

— Вообще-то, — заметила Мона, медленно поворачивая голову — она тоже озиралась по сторонам, — здесь живет фея домашнего очага. То есть, я хотела сказать, жила раньше. Сейчас здесь нет ничего живого, кроме самого обиталища.

Она стояла, сложив руки на груди, выражая всем своим видом холодное неодобрение. Совсем юная девушка, почти подросток, заметно моложе девятнадцатилетнего Кэшела... только вот глаза — они казались значительно старше лица и фигуры.

Проследив за ее взглядом, Кэшел увидел за неровной линией подернутых прожилками холмов то, что сначала показалось ему белым утесом, которому ветры и непогода придали остроконечную форму. Правда, прищутив глаза и присмотревшись повнимательнее, он понял, что видит не скалу, а рукотворную башню. Расположение окон указывало на то, что они должны освещать находящуюся внутри винтовую лестницу.

— Ты имеешь в виду тот замок? — спросил Кэшел, кивнув в сторону сооружения на холме. — Там что, люди живут?

— Нет здесь ни людей, ни эльфов, — ответила девушка. — Никого нет, кроме нас с тобой. И я говорила не о замке, точнее, не только о нем. Обиталищем феи служил весь этот мир.

Кэшел прокашлялся, вытащил из висевшего на поясе кошелька клочок необработанной шерсти и, размышляя, как на все это отреагировать, протер и без того гладкую поверхность своего посоха.

— Мона, — произнес он наконец, снова взглянув на замок, — я, конечно, слышал об эльфах и феях, но по всем рассказам выходило, что это крохотные человечки, живущие под очагом и обеспечивающие мир, согласие и порядок в доме. Их иногда так и называют: «хранители очага». — Кэшел снова прокашлялся. — Правда, сам я, признаюсь, никаких таких эльфов с феями отродясь не встречал. Да и людей, выдавших их, тоже.

— Как это, интересно, можно жить под очагом? — спросила Мона с милой улыбкой, благодаря которой вопрос прозвучал не столь язвительно, как предполагалось. — Нет, эльфы населяют места, которые специально выращивают для себя. Такие, как это.

Она снова огляделась по сторонам, но уже без улыбки.

— Обычно, когда эльф умирал, его обиталище прекращало существовать, подобно тому, как после смерти паука рвется его паутина. Но это место не умерло, а зажило собственной жизнью. Ну, своего рода жизнью. .

Между тем небо заметно мрачнело, его затягивали тяжелые облака унылого каменисто-серого цвета. Судя по всему, приближалась буря — Кэшела никогда не подводили его ощущения. Дузи, маленький пастуший бог, знал, сколько раз непогода заставляла юношу на выпасе с отарой, и ему приходилось беспокоиться о том, как укрыть овец. Сейчас, однако, овец с ним не было, и Кэшел имел полное право позаботиться о себе.

— Послушай, Мона, — сказал он, — — сдается мне, что пока еще есть время, стоит поискать укрытие. Может, если у тебя нет идеи получше, пойдем-ка в тот замок на горе.

— Да, — кивнула она, — так мы и сделаем. Правда, боюсь, буря нас все равно

настигнет.

До замка, если двигаться по прямой, было около полумили. Предстояло преодолеть несколько возвышенностей и лощин, и Кэшел по опыту знал, что в действительности дорога всегда оказывается труднее, чем это видится с расстояния, но все препятствия, по его мнению, были преодолимы. Пусть даже для их преодоления ему придется нести Мону на руках.

Он снова взглянул на девушку. Теперь она уже не выглядела такой хрупкой и беззащитной, какой показалась ему в коридоре дворца. По пересеченной местности Мона двигалась уверенным, решительным шагом. Валуны она огибала, но грубый гравий под ногами, похоже, ее нисколько не смущал. «Наверное, — решил Кэшел, — подошвы ее сандалий будут потолще, чем я думал». Сам он вышагивал в крепких сапогах, которые сдавливали его мозолистые ноги, как колоды, особенно в теплую погоду. Но в чем еще прикажете ходить по мощеным улицам города и каменным полам дворца? Не босиком же, как привык он шлепать по грязи и лугам в родных краях. Где-то над облаками вспыхнула молния, резко очертив на мгновение их форму. Свой посох Кэшел держал наготове, чтобы в случае, если осыплется гравий или подвернется под ногой камень, удержаться, вонзив в склон железный наконечник. В таком месте не следовало слишком полагаться на свое чувство равновесия.

— Удивляюсь я, почему тут все так голо? — промолвил Кэшел, глядя, как легко и уверенно ступает впереди него девушка — вот уж кого равновесие не подводило! — Почва здесь, — он пнул склон носком сапога, — ясное дело, не шибко плодородная, но раз бывают дожди, что-то должно и прорасти.

— Ничто не может здесь жить, — с горечью отозвалась Мона и, наклонившись, разгребла в стороны гравий. — Смотри!

Из-под каменного крошева проступила скальная поверхность. Преимущественно бурая, с прожилками бордового, кремового и других цветов. Присмотревшись внимательнее, Кэшел нахмурился.

— Ствол дерева! — воскликнул он. — Только из камня.

— Это самое настоящее дерево, — сказала девушка. — Точнее, бывшее дерево. Теперь оно окаменело. Дом превратил его в камень и вобрал в себя, а более мелкие растения... — левой рукой, ладонью вниз, она обвела короткую дугу, — исчезли без следа. Камень и пыль — вот и все, что осталось. Дом лишь наполовину живой, поэтому ненавидит все имеющее отношение к истинной жизни. — — Покосившись на Кэшела, она криво улыбнулась и добавила: — Прости, не могу об этом говорить спокойно. То, что происходит здесь, само по себе не является таким уж злом, как рак или другая болезнь, — «волчье дерево», однако это ненормально.

— По-моему, — Кэшел кивнул на маячивший впереди замок, — нам стоит прибавить ходу.

Склон в этом месте был особенно крут, и, задрав голову, можно было видеть лишь венчавший одну из башен шпиль.

— Но вообще-то ты права, — продолжил он, — буря нас все равно настигнет.

Между тем они взбирались по все более отвесной круче. Теперь девушка то и дело касалась склона рукой, а Кэшел все чаще прибегал к помощи своего посоха.

Он знал, что такое «волчье дерево». В густом лесу всегда находились деревья — чаще всего дубы, — которые благодаря удачному сочетанию длинных корней и раскидистой, какой хватило бы на дюжину обычных деревьев, кроны угнетали более мелкую поросль, отбирая у нее все жизненные соки. Такие деревья отличались очень толстыми, но покрытыми безобразными наростами стволами, искривленными ветвями и трухлявой сердцевинной.

Разумеется, с подобными явлениями боролись. Хорошая древесина стоила дорого, и владельцы лесных участков никогда не мирились с появлением таких «волков». Если какое-то дерево начинало душить подлесок, хозяева нанимали крепкого парня вроде Кэшела, чтобы

его срубить.

Вскоре их путь преградил овраг, не широкий, зато глубиной в два человеческих роста. Юноша подумал, что, скорее всего, сможет перемахнуть на тот край, но вот девушке, видно, придется спуститься вниз, а потом...

Мона перепрыгнула овраг с места, без разбега, как белка с ветки на ветку.

— Я подожду тебя здесь, господин Кэшел, — сообщила она, оглянувшись через плечо, со смешливой ноткой в голосе.

Хмыкнув, он проверил почву на краю — не осыпается ли, отступил на пару шагов, чтобы примерить расстояние, уперся кончиком посоха в землю у самого обрыва и, используя не толчок ногами, а силу рук, перенесся на другую сторону.

— Для такого здоровяка ты на редкость проворен, — заметила Мона, когда он приземлился рядом с ней.

— Кто ты такая, госпожа Мона? — спросил он, когда они продолжили путь к замку. — Или — что ты такое?

— Служанка. — Она пожала плечами. — Мы все, в том или ином смысле слуги, разве не так? Вот ты, например, до недавнего времени пас овец.

— Но не прислуживал же я этим овцам! — воскликнул Кэшел, потрясенный таким поворотом мысли. — Я не...

Он осекся. У пастуха имелось множество разнообразных обязанностей, но, по существу, все они сводились к тому, чтобы обеспечить удобство и безопасность отары. Получалось, что он действительно служил этим самым овцам.

— А может, ты и права, — признался он вслух, вместо того чтобы попридержать язык и сделать вид, что не предал особого значения ее словам.

И тут в лицо им сыпанул дождь, да еще какой! Он хлестал так, будто Кэшел угодил в мельничную протоку своей родной деревушки. Трудно было представить, как может выносить такой ливень хрупкая девушка, однако Мона даже не сбавила шага, а лишь наклонила голову.

В облаках, под барабанный бой непрекращающегося грома, неистово выплывали молнии. Ручейки, заструившиеся вниз по склону, очень скоро превратились в потоки грязи.

Овраг, оставшийся у них позади, наверняка тоже превратился в русло kloкочущего потока, угодить в который было бы весьма неприятно.

Кончилась или, во всяком случае, прервалась гроза так же внезапно, как и началась. Дождь перестал, хотя небо оставалось таким же серым. Шапочку Моны — часть ее наряда служанки — сорвало ветром, а простая туника девушки промокла насквозь и, сделавшись на пару оттенков темнее своего изначального, светло-серого цвета, облепила тело. Кэшел подумал, что и сам он, наверное, выглядит как мокрая курица.

При этой мысли юноша ухмыльнулся — скорее, как мокрый бугай. В какую бы переделку он ни попал, никто и никогда не спутает Кэшела ор-Кенсета с курицей.

Наконец они добрались до скальной возвышенности, на которой стоял замок. Утес был довольно крут, но наверх вела тропка, казавшая слишком истертой... впрочем, нет. Скорее, она выглядела так, будто камень на этом месте каким-то образом подтаял. Но в любом случае подняться по ней наверх, даже если дождь зачистит снова, они могли.

— Постой!

Мона, присмотревшись к утесу, коснулась пальцем выпуклости размером со спелую дыню. В отличие от тусклой меловой поверхности окружавшего ее камня она отливала перламутровым блеском.

Проследив жест Моны, Кэшел увидел, что таких выпуклостей на поверхности скалы имелось столько же, сколько пальцев на одной руке. Из всего, что ему доводилось видеть, они больше всего напоминали лягушачьи икринки, хотя, конечно, были гораздо больше.

— Семена новых обиталищ, — тихо сказала девушка, — из каждого должен был вырасти дом для молодого эльфа, который смог бы принести тепло и счастье в дома населяющих реальность людей. Но это место поглотит и их тоже. Наверное, я не права, —

добавила она, повернувшись к Кэшелу, и в ее голосе, хоть и не сердитом, прозвучали стальные нотки. — То, что здесь происходит, все-таки самое настоящее зло.

— Пойдем-ка дальше, — предложил Кэшел, и Мона тут же двинулась вверх по тропе.

Не успели они одолеть половину пути, как налетел ветер. Он вихрем закручивался вокруг скалы и поэтому постоянно дул Кэшелу, который двигался по огибавшей ту же скалу тропинке, прямо в лицо. Опять зарядил дождь, редкий, но очень крупный, так что капли лупили по телу с силой хорошего града. Туника Моны не имела рукавов и была длиной всего лишь до колен, однако даже при этом Кэшел опасался, как бы эта одежонка не сыграла роль паруса и не позволила ветру сдуть девушку со скалы. Однако саму Мону ни ветер, ни дождь не смущали: она шагала уверенно и твердо, ни разу не запнувшись и не потеряв равновесия.

Вершина скалы, как оказалось, представляла собой плоскую, словно столешница, площадку, в центре которой высился замок. Впрочем, свободного пространства от его стен до обрыва оставалось не больше, чем в размах рук юноши. Он задумался о том, не была ли и эта площадка выровнена искусственно, с тем чтобы служить замку неким подобием пьедестала, но потом вспомнил, что, по словам Моны, и здание, и скала представляли собой части единого — то ли сотворенного, то выращенного — целого.

Вход в замок находился не прямо напротив того места, где на плоской вершине заканчивалась тропа, поэтому девушка двинулась направо, и Кэшел последовал за ней. Теперь, оказавшись, рядом со зданием, он понял, что издали видел не окна, а лишь очертания былых проемов: все отверстия были даже не закрыты ставнями, а заложены камнем.

Дождь пошел сильнее, к тяжелым каплям добавились еще и настоящие градины, каждая размером с перепелиное яйцо. Юноше даже пришлось прикрыть ладонью глаза, а в том, что у него появится множество синяков и шишек, сомневаться не приходилось. Ледяные шары, с треском ударяясь о камень, разлетались мелкими, острыми, больно ранившими лодыжки осколками.

— Ведущая в одну из башен дверь находилась в нише. Мона стала возиться с замком, а Кэшел, сгорбившись, встал позади, чтобы заслонить девушку от залетающих под каменный навес градин.

Стук града заглушал даже гром, однако его могучие раскаты вызывали дрожь камня под ногами. Юноша пробежался по стене кончиками пальцев, стараясь нащупать места соединения каменных блоков, но если там таковые и имелись, они были слишком незаметными для осязания или зрения.

Видя, что у девушки ничего не получается, он предложил:

— Мона, может, я попробую ее вышибить? Говорить ему пришлось громче, чем обычно, ибо любые звуки заглушала дробь града.

Поверхностный слой легко отшелушивался при прикосновении. Хотя замок и стоял под открытым небом, камень гнил, как бывает со статуями, погребенными в едкой кислотной почве леса.

— Не надо, у меня уже получилось, — ответила девушка, и дверь действительно отворилась.

Мона вошла внутрь, Кэшел последовал за ней, стукнувшись о косяк. Дверь, косяки и даже петли — все было сделано (сделано ли?) из такого же камня, как и стены. Стоило вошедшим оказаться внутри, как дверь захлопнулась со звоном, более походившим не на стук камня о камень, а на звук ксилофона.

В это же мгновение шум бури смолк.

— Здесь есть свет! — удивленно воскликнул Кэшел.

И действительно, мягкое, не отбрасывавшее теней свечение испускалось самими каменными стенами холла. Мебели в помещении не было, зато стенная резьба по вычурности и замысловатости могла соперничать с гравировкой на парадных столовых сервизах знатных особ. Правда, сохранилась эта резьба далеко не везде: о ее былом великолепии можно было судить лишь по некоторым участкам. Гниение поразило замок не только снаружи, но и внутри, затронув большую часть стен.

Мона переступила порог внутренней двери, Кэшел — за ней, и они оказались в коридоре, столь тесном, что, дабы не тереться локтями о стенки, ему пришлось идти, прижав руки к бокам.

Неожиданно впереди появилась стройная, приветственно протягивавшая руку женщина. Кэшел выпрямился, не сдержав удивленного восклицания. Кому могло прийти в голову, что в этом, заброшенном с виду, замке можно встретить живую душу.

— Ее зовут Гиглия, — пояснила Мона, направляясь к женщине. — Она приносила дворцу удачу с того самого времени, как граф Хафт его выстроил. Ни одна фея домашнего очага не умела проделывать со стеклом такие штуки, как Гиглия: каждый раз, на рассвете, окна сверкали, словно тысяча радуг.

Кэшел провел языком по нижней губе и, выставив вперед посох (не в качестве угрозы, но как барьер между ним и странной женщиной), спросил:

— А почему она молчит и не шевелится?

— Потому что она мертвая, Кэшел, — ответила Мона. — Постарела и умерла, что вполне в природе вещей. Без смерти не может быть и обновления.

Она потянулась к мертвой женщине, похожей на нее, как сестра-близнец, и, едва коснувшись пальцами ее щеки, Гиглия рассыпалась на мельчайшие пылинки. Только протянутая правая рука упала на пол неповрежденной, но тут же тоже взметнулась гейзером тонкой, кружащей в воздухе пыли.

Сладковатая сухая взвесь забивалась в ноздри, и Кэшел, хотя и не видел в этом особой беды, все же прикрыл нос мокрым рукавом своей туники.

— Мона, — обратился он к своей спутнице, — как нам отсюда выбраться? Я хочу сказать, как нам попасть обратно во дворец? Или хоть куда-нибудь?

Вместо ответа девушка зашагала к дальней двери прямо по закружившимся под ее ногами останкам Гиглии. Юноша поморщился, но ему не оставалось ничего другого, как пойти следом.

Помещение за дверью оказалось темнее прочих. У его дальней стены стоял грубо высеченный из камня трон, на котором восседало столь же примитивное грубое изваяние — существо мужского пола, человекоподобное, но с обезьяньим лицом и бивнями. В правой руке истукан держал каменную дубинку длиной с посох Кэшела.

— Здесь что, часовня? — поинтересовался юноша. — Это, наверное, бог, которого тут почитают.

Башня содрогнулась. Раздался треск и хруст крошащегося камня, клыкастая статуя закачалась на троне из стороны в сторону.

Кэшел резко повернулся. Наружная дверь захлопнулась, но он надеялся, что сможет выбить ее ударом.

— Землетрясение! — вскричал юноша. — Нам надо срочно отсюда выбраться!

— Это не землетрясение, — спокойно ответила Мона, не двинувшись с места. — И выбраться отсюда, до тех пор пока это место существует, мы не сможем. Чтобы существовать, эльфийскому обиталищу необходим хозяин, вот оно и сотворило хозяина по своему подобию.

Статуя поднялась на ноги. Кэшел подумал, что, наверное, не смог бы дотянуться до макушки истукана, не встав на носки, хотя такого намерения у него вовсе не было.

Каменный исполин поднял дубинку и двинулся вперед.

— Мона, с дороги! — проревел Кэшел и, выставив перед собой посох, попятился к двери в центральную комнату, где было больше света и необходимого для боя свободного пространства.

Камень застонал. Лик статуи дрогнул, уста зашевелились.

— Я уничтожу тебя, — прогрохотал истукан. Голос его походил на рокот камнепада, едва ли не слишком низкий для человеческого слуха.

Точно зная, что дверь находится у него за спиной, Кэшел сделал ложный выпад, целя в голову статуи, и тут же отступил. Посох он держал вертикально, чтобы не зацепить им за

дверную раму. Присутствие Моны лишь ощущалось им, поскольку все внимание было сосредоточено на ожившем изваянии. Он надеялся, что девушка сообразит держаться подальше от схватки и не мешать — больше он ничего для нее сделать не мог.

Юноша отступил за дверь. Следом, задевая за косяк, сквозь дверной проем протиснулся и истукан. Здесь, при лучшем освещении, он выглядел еще более отвратительно.

— Теперь тебе не уйти, — проскрежетал каменный монстр бесстрастным, лишенным эмоций голосом.

Кэшел крутанул свой посох по часовой стрелке и обрушил его на сжимавший каменную дубинку бесформенный кулак. Послышался треск, сопровождавшийся вспышкой голубого магического огня. Статуя взревела, как надвигающаяся лавина.

О бегстве Кэшел и не помышлял. Он пришел сюда, чтобы сразиться.

Истукан размахнулся каменной дубиной, чтобы нанести удар по голове своему противнику, но Кэшел выставил свой посох вперед, будто копье. Железный наконечник ударил статую в каменный кадык, вызвав очередную голубую вспышку.

Голова статуи откинулась назад. Удар чудовищной каменной дубины пришелся впустую: описав в воздухе дугу, она врезалась в пол, выбив в нем заметное углубление. Каменная рука разжалась.

Кэшел, тяжело дыша, попятился. Удар был нанесен им стремительно, изо всей силы, а вспышка магического света означала, что он использовал не только силу своих могучих мускулов. Вообще-то юноша не любил иметь дело с чарами — он ведь пастух, а не колдун, — но в битве с таким противником все средства были хороши.

Истукан поднял к лицу ладони, словно упрятанные в каменные варежки: отдельно торчали только большие пальцы. Своим грубым и нечетким обликом чудище походило на слепленную неумелыми руками глиняную куклу. Разинув рот, истукан издал звук, напоминавший скрежет трущихся жерновов.

— Берегись! — закричала Мона, но Кэшел не нуждался в наставлениях насчет того, как вести себя в бою.

Каменный урод метнулся к нему, подобно выпущенному из огромной катапульты ядру, однако юноша отклонился в сторону и сделал низкий выпад, так что плотное дерево угодило между каменными лодыжками. Посох прогнулся, но выдержал, а вот истукан споткнулся, потерял равновесие и с грохотом, так, что все кругом содрогнулось, ударился головой о стену.

Камень потрескался, на месте удара осталась выбоина. Истукан рухнул ничком, но тут же начал приподниматься, помогая себе руками.

Кэшел, держа посох, как таран, ударил противника по затылку, отчего тот снова врезался в стену. Двойной удар — железа о камень и камня о камень — вызвал еще одну ярко-сапфировую вспышку.

Пастух снова отступил, слегка пригнувшись и втягивая воздух открытым ртом. Истукан шевелил руками, но вяло и сумбурно, словно младенец, пытающийся плыть. Наконечник посоха, раскалившийся в момент удара до ярко-оранжевого цвета, теперь, остывая, стал тускло-красным. Юноша, вложив в удар всю силу обеих рук, обрушил посох на каменную макушку.

Истукан, однако, снова попытался поднять голову, и Кэшел, метнувшись к нему, нанес еще один удар по макушке. Со вспышкой и раскатом грома голова статуи взорвалась, а массивное тело начало крошиться и рассыпаться, словно песчаный замок под натиском приливной волны.

Чувствуя, что его шатает из стороны в сторону, юноша, опираясь на посох, едва не рухнул на колени. Дыхание его было хриплым и надсадным, кровь молотом стучала в висках.

От всего могучего истукана осталась лишь вытянутая в сторону противника каменная лапища, но и та почти мгновенно превратилась в пыль с сухим сладковатым ароматом, который напоминал об исчезнувшей Гиглии.

А потом не осталось даже пыли, ничего, кроме странного запаха в неподвижном воздухе да следа на полу, похожего на то ли оплывший, то ли оплавленный камень холмов, по которым они добирались к замку.

Некоторое время Кэшел не двигался с места. Собственно говоря, он мог бы заставить себя пошевелиться, но поскольку особой надобности в каких-либо действиях не было, юноша решил, что ему не помешает отдохнуть. Глаза его оставались открытыми, однако, сказать по правде, смотреть было не на что.

— Ты готов вернуться домой, Кэшел? — спросила Мона.

Юноша встрепенулся, к нему вернулась способность воспринимать окружающий мир. Повернув голову, он слегка смущенно улыбнулся девушке — та, наверное, уже давно ждет, когда он очухается.

— Со мной все в порядке, — промолвил Кэшел, хотя полной уверенности в том, что это утверждение соответствует истине, у него не было. Тем не менее встать — главным образом благодаря силе рук и упору на посох — ему удалось, а если его слегка и повело в сторону, то ведь так частенько бывает с человеком, который резко выпрямится.

— Со мной все в порядке, — повторил юноша, ухмыльнувшись, ибо теперь не сомневался в своих словах. — Но как нам вернуться домой, а, Мона?

Произнося эту фразу, Кэшел, прищурившись, уставился на стены.

— Мона, — обеспокоенно произнес он, — здесь что-то неладно. Камень выглядит... слишком тонким. Раньше так не было.

— Этот мир приходит в упадок, — отозвалась девушка, — настало его время. А вот нам, Кэшел, нужно отсюда выбираться. Идем.

С ключом в руке она прошла в ту комнату, где они нашли статую. Юноша последовал за ней, что, собственно, делал почти постоянно, исключая схватку с каменным исполином.

Что ж, все складывается наилучшим образом. Тем более что Мона ему определенно нравилась: девушка не терялась в трудной ситуации, но в то же время, когда за дело брался он сам, не путалась под ногами и не лезла под руку.

— Прости, что пришлось нарушить твои планы, — сказала, оглянувшись, Мона. — Но без твоей помощи мне не обойтись.

Кэшел пожал плечами.

— Тебе не стоило обманывать меня — могла бы просто попросить. Но как вышло, так вышло, можешь не извиняться.

Трон истукана превратился в кучу пыли и мелких камней, как и восседавшее на нем существо. Оказалось, что позади него, в стене, находилась дверь. Мона прикоснулась к ней ключом, и, хотя никаких признаков замка и даже замочной скважины не было видно, дверь распахнулась.

— Проходи, Кэшел, — сказала девушка, улыбнувшись, как утреннее солнце. — Спасибо тебе. Мы все благодарим тебя.

Кэшел, однако, заколебался.

— Ты ведь тоже идешь со мной, Мона? — спросил он, не в силах отвести взгляда от странной круговерти цветов и вспышек света в дверном проеме.

Ее улыбка стала задумчивой.

— Я должна освободить семена, которые мы видели. — Девушка уставилась на ключ, только что открывший невидимый замок. — Иначе они не прорастут, как положено, а сгниют.

— Но что будет с тобой?

— Возвращаясь обратно в свой мир, Кэшел, — строгим, хотя и не резким тоном произнесла Мона. — А этому миру требуется обновление.

Возразить на это было нечего. Кивнув, он направился к выходу, и, когда уже занес ногу, чтобы вступить в размытое пятно света, девушка напутствовала его:

— В твоём доме, друг мой, навсегда поселится счастье.

На миг юноша оказался в пустоте и тишине, столь глубокой, что единственным звуком

было оглушительное биение его собственного сердца, но уже спустя мгновение он, пройдя сквозь ничто, услышал, как его сапог ступил на камень. Итак, Кэшел находился в знакомом коридоре, том самом, по которому направлялся на обед к принцу.

— Ой!

Испуганный слуга выронил пару серебряных кувшинов, которые он нес, чтобы снова наполнить их из колодца во внутреннем дворе. Они покатались по полу, издавая попеременно то нежный звон, то глухой стук. Кэшел присел на корточки и, держа свой посох в одной руке, подхватил тот из кувшинов, который находился ближе к нему. Возможно, на нем появилось несколько новых вмятин, но вряд из-за такой мелочи слуге будут грозить крупные неприятности.

— Прошу прощения, милорд, — пролепетал малый. Он принял кувшин из рук Кэшела, но дрожал при этом так сильно, что, казалось, мог уронить его в любую секунду. — Я... я не заметил!

Кэшел оглянулся на дверь, из которой только что вышел, и ничего не увидел, кроме глухой стены.

— Прости, приятель, — сказал юноша извиняющимся тоном. — Я не хотел испугать тебя.

С этими словами он продолжил путь в том направлении, в котором шел, когда услышал жалобный возглас Моны.

Дворец ему никогда не нравился. До прибытия Гаррика, сменившего графа Хафта в качестве наместника, это было мрачное и запущенное, лишенное надлежащего присмотра место. Но — странное дело! — хотя вроде бы никаких видимых перемен не произошло, коридор уже выглядел не таким унылым, как совсем недавно. Мысленно отметив это, Кэшел улыбнулся. А будь у него музыкальный слух, он, наверное, еще и насвистал бы какую-нибудь веселую мелодию.

Алан Дин Фостер — Серенада («Чародей с гитарой»)

Молодая женщина была прелестна, ее спутник — застенчив, а шляпа — скрытна. Оперенный головной убор неизвестной принадлежности вполне невинно продвигался, покачиваясь, за кромкой каменной стены, на которой сидели воркующие влюбленные. За миг до того, как широко раскрылся ротик возмущенной девушки, шляпа исчезла. Красотка резко обернулась и отвесила пощечину тому, кого сочла своим обидчиком. Изумление юноши невозможно передать словами, да к тому же он от удара едва не свалился со стены. А шляпа успела исчезнуть из зоны видимости, слышимости и наказуемости.

Когда шляпа, оставившая позади себя любовный хаос, появилась на открытом месте, под нею можно было разглядеть пятифутового выдра, носящего (не считая вышеупомянутой пернатой шапки) короткие штаны, длинную жилетку и самодовольную ухмылку. Лохматый, усатый Мадж обладал достаточно сомнительной репутацией, чтобы не обращать внимания на косые взгляды прохожих, когда совершал моцион по центральным кварталам Тимова Хохота. При том что на зрение он никогда не жаловался. Наконец его зоркие глаза обнаружили друга и спутника, а зачастую и источник раздражения — пришельца из другого мира. Сия персона млела под солнышком, прислонясь к стене галантерейной лавки. Выдр ловко увернулся от кибитки, влекомой единственной ящерицей и увешанной горшками и кастрюлями, и осыпал зазевавшегося торговца посудой отборной бранью, а затем и своего товарища — веселыми непристойностями.

У Джон-Тома руки были сложены на груди, дуара висела за спиной, ножны — на правом бедре. Он открыл глаз и обозрел невысокого друга. В этом мире людей-недоростков и зверей-болтунов незванный шестифутовый гость выделялся в любой толпе. Впрочем, кроме выдающегося роста, ничто не делало его внушительным образчиком человеческой расы.

- Ты уже вернулся? Ну-ка, дай догадаться... Опять безобразничал.
- Да ты че, шеф? За живое-то зачем задеваешь? Я ведь эту цыпочку даже не знаю.
- Ох, смотри, Мадж, накостыляют тебе по шее как-нибудь.

Джон-Том оттолкнулся от стены и едва не заступил дорогу козлу с вязанкой хвороста за плечами. Попросив извинения у осерчавшего рогоносца, он двинулся по улице, но тут же ему самому путь преградил тощий человек ростом чуть выше Маджа. Лет незнакомцу было побольше, чем обоим приятелям купно. Ухоженная седая борода клином, красочная поблескивающая накидка, штаны из той же мягкой материи красного и синего цветов, капюшон на голове, простой деревянный посох с полированным шаровидным набалдашником в руке. Интерес выдра развеялся как дым, едва стало ясно: это обычное непрозрачное стекло — если украсть, много за него не выручишь.

— Простите великодушно, благородные господа. — Старец обращался к обоим, но при этом смотрел на Джон-Тому. А Джон-Том провел в этом мире достаточно времени, чтобы остерегаться незнакомцев, даже престарелых, вежливых, хорошо одетых и, с какой стороны ни взгляни, кажущихся безобидными.

— Чем мы можем вам помочь?

— Меня зовут Вольфрам, и я нуждаюсь в содействии не совсем обычного рода. — Старик кивком указал на ближайшую дверь; над арочным проемом свисала с железного прута вывеска, представлявшая заведение как трактир «Белый медведь». — Не зайти ли нам в сей уютный кабачок? Не имею привычки обсуждать важные дела на улице.

Мадж, чей взгляд уже прилип к проходившей мимо симпатичной норке, ответил, любуясь ее хвостом:

— Извини, начальник, но мы с чуваком не имеем привычки нарушать распорядок ради каких-то уличных приставок. — Как только исчез хвост норки из виду, пропал и интерес выдра к ней: — Ты угощаешь?

Незнакомец кивнул. У Маджа одобрительно встопорщились усы:

— Ну, тогда мы угощаемся. — И он вслед за людьми вошел в заведение, азартно помахивая коротким хвостом.

Как и большинство значных местечек Колоколосья, в этот час дня «Белый медведь» был полон народу: пьяницы и болтуны, любители поесть вкусно и невкусно, охотницы за чужими деньгами и охотники платить таким охотницам. Хозяин — здоровенный, но дружелюбный кабан по имени Фокгрэн, тщательно отмерявший за стойкой порции сомнительных напитков, — сделал паузу, совсем коротенькую, чтобы только хрюкнуть в сторону свободной кабинки. Заказ приняла усталая и раздраженная, но тем не менее привлекательная лисица, уклонившаяся от проказливых пальцев Маджа с ловкостью, достойной восхищения. Ее платье сзади позвякивало бисером и фестонами, а высоко задранный хвост был аккуратно причесан. Обшарпанные толстые деревянные стены кабинки чуть приглушали пиршественную какофонию, что бушевала вокруг троицы вновь прибывших.

— Помнится, вы говорили насчет помощи особого рода? — Джон-Том культурно потягивал из высокой кружки, выдр же сознательно норовил утопить в своей посудине всю морду. Аккуратно отставив посох, Вольфрам указал на дуару, занявшую место на сиденье рядом с высоким молодым человеком:

— У вас приметный инструмент, и он явно не из тех, что популярны у странствующих менестрелей. Вы, случаем, не чаропевец?

Этимися словами Вольфрам значительно повысил интерес собеседников к своей персоне. А старичок не так уж прост, если ему известно предназначение дуары, подумал Джон-Том. Может, у него и впрямь серьезное дело?

— Опыт у меня небогатый, но уверяю вас, что я ежедневно совершенствую свое искусство.

Вольфрам одобрительно кивнул:

— Поистине это великая удача! В первую очередь мне потребуются ваши музыкальные

таланты, но и толика чародейства не будет лишней.

Из высокой пивной кружки вынырнула настороженная морда Маджа, с усов полетели клочья пены, взгляд ясных карих глаз перескочил с друга на щедрого Вольфрама и обратно:

— Чародейство? В смысле, колдовство с помощью пения? Ну, нет, чувак, не подписываюсь! Мне твоего так называемого чаропения до конца жизни хватит. — И Мадж встал, поворачиваясь к выходу.

Джон-Том, не прекращая разговора с Вольфрамом, протянул руку и засунул пальцы за поясной ремень выдра, не позволив ему сбежать. Напрасно короткие ноги сучили по скользкому каменному полу.

— Не обращайтесь на Маджа внимания, — ободряюще улыбнулся Вольфраму Джон-Том. — Он всегда поначалу нервничает.

— Ты, обалдуй здоровенный! Еще бы я не нервничал! — Выдр бешено сопротивлялся, но рука друга держала крепко. — Отцепись!

Трехсторонняя беседа была прервана оглушительным грохотом. Они выглянули из кабинки и обнаружили, что источником шума были нездоровый на вид человек и пума, стоящие посередине зала. Оба, тяжело дыша, глядели себе под ноги. Человек поднял обломок деревянной палицы, его рычащий товарищ — половину дубины. Пока Джон-Том пытался понять, что эти посетители разглядывают на полу, на их физиономиях заметно изменились выражения.

В центре зала поднималось нечто большое и темное. Вот оно заслонило собой чуть ли не всю стену, и человек с котом попятись в страхе. Человек резко повернулся, бросил сломанное оружие и пустился бежать. Но протянулась обтянутая кожей лапа толщиной с его голову, и огромные пальцы, покрытые бурым мехом, сомкнулись на шее, отрывая бедолагу от пола. Беспомощно брыкая ногами, он обеими руками пытался разомкнуть стальную хватку. Помахивая над своей головой человеком, будто флажком, выпрямившийся во весь рост гризли в кожаных доспехах свободной лапой потянулся к перепуганной пуме. В тот же миг в спину ему ударился стул и разлетелся на составные части. Кто-то из посетителей выразил протест, как словами, так и действием, против столь подлого удара, и миг спустя в трактире воцарился ад кромешный — надо заметить, к великой радости скучающей публики. В гуще битвы отчетливо виден был только медведь-исполин. Он все помахивал потерявшим сознание недругом и ревом перекрывал какофонию:

— Стромагга обижать? Затопчу!

Мадж уже двинулся к двери черного хода, уворачиваясь от летящих предметов, в том числе посуды, пищи и обломков мебели. Любезный Вольфрам держался рядом, он явно хотел поскорей оказаться подальше от набирающей обороты потасовки, но Джон-Том остался на месте. Выдр умоляюще завопил другу:

— Шеф, побыстрее! Поторапливайся! Стража вот-вот заявится! А с нею шутки плохи, ты же знаешь!

— Вы идите, я догоню. — И с этими словами Джон-Том ринулся в эпицентр схватки.

Выдр, в изумлении тряс головой и в негодовании свистя, взял на себя задачу вывести Вольфрама из трактира. Дерущиеся почти не обращали внимания на высокого человека с мечом и дуарой; здесь все были давно знакомы друг с другом и теперь воспользовались случаем, чтобы свести старые счеты. Лишь изредка Джон-Тому приходилось отвесить оплеуху, чтобы освободить себе проход. Когда в его сторону подался гигантский медведь — широченная грудь, длиннющий мех и страшнейшие зубы, — молодой человек усомнился в том, что его идея была так уж хороша. Но, преодолев эти закономерные сомнения, он все же выкрикнул:

— Идем со мной! Полиция рядом!

Не глядя, медведь поверг на пол одним ударом могучей лапы подбежавшего вомбата с мечом наголо и наморщил тяжелый лоб — предложение требовало осмысления.

— С чего это я должен идти с тобой? Я тебя даже не знаю.

У выхода возникло столпотворение. Это и правда явилась полиция, снискавшая в

Тимовом Хохоте дурную репутацию.

— Потому что я могу предложить работу... возможно.

Шестерка стражников в мундирах выстроилась в шеренгу и развернулась кругом, чтобы покончить с беспорядками единственным доступным для скунсов способом. Даже самый отвязанный хулиган не мог устоять против такого спецсредства. Джон-Том покрылся холодным потом, а медведь все колебался:

— Ты поможешь Стромаггу?

— Даю слово.

Молодой чаропевец поймал себя на том, что инстинктивно пятится к двери черного хода и размышляет, успеет ли он очистить помещение, прежде чем у этого помещения появится необходимость в очистке. Медвежья лапа нырнула в толпу и вернулась с избитой, перепачканной в крови пумой. Страшной силы пощечина не привела кота в чувство. Стромагг недовольно заворчал и швырнул его обратно в беснующуюся толпу.

— Давай поторопимся! — Джон-Том ухватил гризли за лапу и потянул к выходу.

С таким же успехом можно тащить секвойю, но все же медведь подчинился. Они успели выскочить за миг до того, как наряд полиции показал, насколько он силен духом. Немузыкальный хор массовой рвоты долго преследовал беглецов по переулку. Наконец за пределами опасной для органов чувств — ив первую очередь обоняния — зоны они перешли на шаг. Мадж боязливо оглядел нового попутчика. Стромагг не возражал, пребывая в задумчивости. Впрочем, решил Джон-Том, слово «задумчивость» здесь вряд ли подходит. Судя по облику, это не полный тупица, но его мысли крайне редко забредают в сферы высшего сознания.

— Слышь, чувак, на кой нам эта гора мяса?

У Джон-Тома помаленьку выравнивалось дыхание. Он широко улыбнулся и успокаивающе положил ладонь на могучую лапищу гризли.

— Я подумал, что мускулы нам пригодятся.

— То есть? — буркнул выдр. — Мы ж еще не нанялись.

Больше ни слова не сказав другу, Джон-Том повернулся к Вольфраму, чей внешний вид успел понести ущерб в потасовке.

— Ну, а теперь скажите, сударь, какие именно услуги вам требуются от меня?

Наниматель собрался с мыслями, отведя взгляд от высоченного и широченного медведя:

— Я желаю, милостивый государь, чтобы вы спели серенаду даме, которую я обожаю всеми фибрами своей души.

Джон-Том с Маджем переглянулись. Они-то ждали от седобородого просьбы спасти мир или совершить что-нибудь подобное с превеликим риском для жизни. Мадж до того обрадовался — даже удержался от язвительной реплики.

— И только-то? — вслух выразил свое удивление Джон-Том.

Вольфрам медленно кивнул:

— Это все. За работу сию вы получите достойное вознаграждение. Видите ли, я мудр и премногими познаниями обладаю, но в певцы не гожусь, увы.

Мадж ткнул в Джон-Томову сторону мохнатым пальцем:

— Так это ж очень удачно, шеф! Мой чувак — певец что надо, ну и дурил таких, как он, еще поискать.

Джон-Том вдребезги разнес этот клеветнический выпад вопросом:

— Если вам нужна только любовная песенка, почему бы не нанять любого трубадура? Зачем понадобилось искать чаропевца?

Вольфрам снисходительно улыбнулся:

— Уверяю вас, мне самому действительно потребна лишь песня, обращенная к прелестной Ларинде. А вот вам, чтобы до нее добраться, может понадобиться кое-какая магия в сочетании с музыкой.

— Ага, я усек, — пробормотал Мадж.

— Уверен, мой странствующий друг, все получится, — попытался успокоить Вольфрам выдра. — Когда на пути возникнет препона, ваш компаньон споет простенькую чаропесенку. Я бы и своими силами обошелся, но, как уже было речено, мне на ухо наступил... э-э...

Спохватившись, Вольфрам опасливо глянул на Стромагга.

— Простенькая чаропесенка, говоришь? — произнес подозрительный Мадж. — И насколько же простенькая?

— Это решать певцу. Я же дам общие указания, а также оплачу издержки. И выдам авансом половину гонорара. — Старик порылся под полой накидки и извлек тяжелый кошель, а из него насыпал в подставленные ладони Джон-Тома горку звонких золотых монет. У Маджа округлились глаза, а Стромагг одобрительно заворчал.

— Половина, говоришь? — спросил выдр, пожирая взглядом аванс.

Вольфрам кивнул, возвращая кошелек, теперь уже пустой, под полу.

— Вторая половина — когда отзовется предмет моего обожания. — Он повернулся и указал посохом: — Приходилось ли вам бывать в каньоне Агу, протянувшимся между сим городом и Гидрией?

Джон-Том наморщил лоб в задумчивости:

— Я слышал это название, хотя никогда там не был.

— И я слышал: местечко это сухое, скучное, — кивнул Мадж.

— Там неодолимая крутизна, — добавил Вольфрам. — Я очень точно опишу дорогу. Над кручей стоит замок Намур, и там проживает очаровательная Ларинда. Исполните для нее серенаду от моего имени, спойте о моей неувядающей любви и возвращайтесь, чтобы забрать остаток честно заработанных денег.

— Слышь, шеф, ты уж меня извини, — скептически сощурился выдр на седобородого, — токо интересно, как мы с чуваком одолеем неодолимую кручу?

Рот Вольфрама под сине-красным капюшоном растянулся в улыбке:

— Охотно отвечу, мой энергичный друг. Вот для этого-то мне и понадобился чаропевец. Как преодолеть препятствие — это ваша забота. Или вы и впрямь решили, что я такие деньги плачу только за любовную песенку?

— Ничего, я хороший скалолаз, — уверил его ничуть не обескураженный Джон-Том. — Да к тому же не бывает неодолимых круч. Если понадобится, сотворю для нас прочные снасти. Или наколдую огромную птицу с повышенной грузоподъемностью.

— Ты, начальник, должно быть, забыл, что я твоих чудес навиделся и знаю, чем они оборачиваются.

— Ничего, мы справимся, — приосанился Джон-Том. — Я ведь все это время не баклуши бил — тренировался. И сейчас своим талантом куда лучше управляю, чем когда впервые дуару в руки взял. — Он уверенно похлопал по инструменту и посмотрел на застывшего в ожидании гризли. — А ты что скажешь, Стромагг? В таком походе такой парень, как ты, непременно сгодится. Идешь с нами?

На широченном медвежьем лбу пролегли глубочайшие морщины:

— А пиво будет?

Вокруг них высились гранитные скалы и глыбы, в серых и черных разводах, в пятнах цвета слоновой кости и оливково-зеленых прожилках. Стромагг без усталости шел на задних лапах, Джон-Том ехал на его плече, Мадж — на другом. Медведь словно не замечал двойной ноши. По крайней мере, не жаловался, даже когда Мадж, чтобы дальше видеть, выпрямился во весь рост. Джон-Том не боялся за здоровье спутника: выдры — прирожденные акробаты, да к тому же у них очень низкий центр тяжести, да к тому же бесполезно давать Маджу советы насчет осторожности.

Наверху кружили сипы, сплетничали, будто старухи в черном. Они были разумны, как и все птицы в Теплоземелье, исключительно вежливы и чрезвычайно разборчивы в еде.

— Вот они, — заглянул Джон-Том в карту, расстеленную для него нанимателем. Да, это были столбы-близнецы, никаких сомнений. Горный массив под названием Мурави,

источенный временем и ветрами, издали смахивал на рогатый череп. — Наш обрыв должен лежать слева.

Они покинули сухое русло, двинулись на подъем и вскоре уперлись в искомую кручу — вертикальную каменную стену. Джон-Том спрыгнул с плеча Стромагга и задрал голову, да так, что аж шея заныла. Стена поднималась минимум на пятьсот футов и была гладкой, как мраморный обелиск. Серый сланец не так красив, как мрамор, но лезть по нему ничуть не проще.

Изучив препятствие, Мадж иронически присвистнул:

— Не проблема, шеф. Берем деньжата, что уже уплатил нам чудила, и чешем в Мальдерпот. В Мальдерпоте классные кабаки. Пока старый пень Валькир нас догонит, успеем все золотишко пропить.

— Нет, Мадж, — проговорил чаропевец, изучая неприступную на вид преграду, — вряд ли такой поступок можно будет назвать честным.

— Честным? — Выдр почесал челюсть, усы приподнялись. — Не знаю такого слова. Иностранное, небось. Признайся, ты его в своем мире подцепил?

Стромагг, хмурясь, глядел на препятствие. Вдруг он резко сел, с длинных бурых косм слетела пыль, кожаные доспехи встопорщились на могучем теле:

— Стромагг не умеет лазать.

— Да ладно вам, не беспокойтесь. — Джон-Том отвязал дуару. — Я ведь по рассказу Вольфрама сразу понял, что лезть не придется. — Он повесил на грудь уникальный инструмент и чуть побренчал на смыкающихся струнах. У стыка грифов запульсировал мягкий свет. — Мы не будем перебираться через эту преграду. Мы пройдем сквозь нее.

— Пройдем? — Мадж уставился на глухую скалу, затем, многозначительно глянув на Стромагга, снова посмотрел на Джон-Тома. — Кореш, ты че имеешь в виду? Я че-то не понял.

— По туннелю пройдем, — показал Джон-Том. — Вот он, правее.

Мадж вновь посмотрел на камень. Потом связал дуару с местом нахождения застывших в воздухе ладоней друга, и его глаза слегка расширились:

— Слышь, чувак, ты уверен, что это лучше, чем просадить денежки старины Вульгара в злачном Мальдерпоте? Или надо напоминать, че бывает, когда ты открываешь рот и как бы запеваешь как бы песенку?

— Мадж, все будет так, как я обещал Вольфраму. Время и практика пошли на пользу моему искусству.

— Да токо факты про другое говорят, — проворчал выдр и перебрался поближе к Стромаггу, вернее, за него, как только Джон-Том приблизился к скале.

Медведь, хмурясь, поглядел на выдра, казавшегося рядом с ним сущим карликом:

— Что надо делать? Мадж зажал уши ладонями:

— Братан, ежели у тебя хоть кроха чувствительности есть, бери пример с меня — здоровее будешь.

Стромагг поколебался и поднял огромные лапы к голове:

— Что, волшебство — это больно?

— Волшебство тут ни при чем, шеф, — ощерился Мадж. — Уж поверь. Ты еще не слышал нашего соловушку Джонни-Тома.

Пальцы ударили по струнам, Джон-Том затянул выбранную песню — бронебойный шлягер из раннего «Зепелина». Гризли хлопнул себя лапами по ушам.

Волшебный туман, что поднимался от стыка грифов дуары, обычно имел пастельные оттенки: голубоватый, лавандовый, ярко-розовый или бледно-зеленый. Но на сей раз он был зловеще-черным. Мадж, перебравшийся еще ближе к Стромаггу, боязливо выглядывал из-за его широкого туловища. Но завитки мглы, порожденные пением Джон-Тома, были такими необыкновенными, такими удивительными, что выдр не мог оторвать от них глаз. Клуб черного дыма выплыл из неведомых измерений, сокрытых в корпусе дуары, и медленно двинулся к скале. Помедлил, а затем начал менять направление. Это обеспокоило Джон-

Тома, и он поспешил повторить мощные аккорды. Даже думать не хотелось, что случится, если эта мгла нырнет обратно в дуару. Дымовой шарик заколебался, как будто раздумывал о чем-то, известном только сверхъестественным дымовым шарикам, и снова направился к поверхности скалы. Джон-Том позволил себе чуть расслабиться. И вот черная сфера соприкоснулась с камнем, а в следующий миг растеклась по вертикальной поверхности гигантской масляной каплей. Когда все без остатка впиталось в скалу, Джон-Том завершил энергичное пение волнующим крещендо, от которого у обоих его мохнатых спутников скривились физиономии.

Смахнув пот со лба, чаропевец гордо спросил:

— Видите? Я же говорил, что справлюсь.

Мадж вынырнул из тени Стромагга и боязливо приблизился к темному пятну на скале. И заглянул — внутрь:

— Да, туннель.

Поправив съехавшую на затылок оперенную шляпу, он настороженно посмотрел на друга:

— Так че, мы теперь должны сквозь скалу чапать? Джон-Том кивнул:

— Если получилось, как было задумано, по ту сторону окажется замок Намур. — Он расправил плечи и поднял голову: — А судя по всему, получилось как задумано.

— Ну-ну, — никак не желал сдаваться в споре Мадж, — пока я вижу тока дырку в камне, а куда она ведет, в замок или еще куда, отсюда не видать. Че, скажешь нет?

— Скажу, что проверить можно только одним способом.

И, уверенным шагом миновав друга, Джон-Том очутился в туннеле.

Созданный чаропением подземный ход был достаточно высок и широк даже для Стромагга — тому и сгибаться не пришлось. Пол состоял из чистого и мягкого песка. Но все же одна проблема имела место.

Туннель оказался уже занят. Обнаживший короткий меч Мадж с рычанием и свистом попятился. Рядом с ним медведь вынул из ременной петли за спиной тяжеленную палицу.

— Ну вот, чувак, опять! А ну-ка, давай, пой, пушай дырка закроется!

Изменившийся в лице Джон-Том, отступая, слабо перебирал струны дуары.

— Я просил только туннель! — пробормотал он. — Только туннель!

Твари, что карабкались и скользили из глубин мглы, обладали пылающими красными глазами и очень острыми зубами. Эти многоногие клыкастые грибы-дождевики не имели сходства ни с кем, обитающим в этом мире. Что было вполне объяснимо, ведь Джон-Том своим пением вызвал их из мира совершенно иного. Пока Мадж со Стромаггом рубили и мозжили, Джон-Том лихорадочно рылся в памяти в поисках подходящей песенки, чтобы загнать эту буйную орду обратно в ад. Бешено кромсая монстра, щеголявшего щупальцами и бритвенно-острыми сосальцами, Мадж улучил-таки момент, чтобы бросить на друга умоляющий взгляд. А туннель исторгал из себя все новых и новых краснооких убийц.

— Странно. — Джон-Том, не позволяя себе отвлекаться на схватку, все искал благополучный выход из столь же неожиданной, сколь и отчаянной ситуации. — Может, эту же песенку задом наперед спеть?

Он так и поступил, но не получил никакого результата, разве что еще сильнее пострадали уши Маджа.

Пинком отшвырнув какого-то нахала с длинными резцами и о трех глазах, он запел снова. Мадж тотчас узнал мелодию. Эту же песенку его друг исполнял несколько минут назад — чтобы пробурить туннель.

— Чувак, ты че, спятил? На кой нам еще стока же этих кошмаров? Наоборот, надо их сократить! — С поразительной ловкостью увернувшись от чудовища, Мадж отсек ему пару-тройку ног, но у того была тьма запасных.

Снова из дуары полилась клубящаяся тьма, проплыла мимо сражающихся и ударилась о каменное препятствие. Снова появился туннель. Отбиваясь от нападающих чудищ, Джон-Том побежал к новому отверстию.

— За мной! Этот — правильный, точно! Просто в первый раз я слегка сбился с ритма.

— Слегка? Ты у нас, чувак, всегда «слегка»!

Лихо рубясь в арьергарде, выдр и гризли последовали за чаропевцем. Этот, в отличие от первого, наполнился тусклым, неясным светом. Стены и потолок были куда глаже, чем у предшественника. Лишенный песка пол — тверд. Очень похоже на взаправдашний потайной ход, который приведет в далекий романтический замок. Ширина и высота туннеля также впечатляли. А затем путники услышали рев. Источник его был наверху. И снижался!

— Вона! — показал Мадж.

Издалека был виден пылающий желтый глаз. Рев нарастал. Усиливалось адское свечение.

— Кажись, те твари мне больше нравились, — прошептал заробевший Мадж.

Джон-Том в спешке озираясь:

— Вон туда. — Он повернулся вправо и помчался по оказавшимся там ступенькам.

Мадж и Стромагг побежали вдогонку. Поднимаясь, они услышали, как позади быстро приближается чудовище. К великому всеобщему облегчению, тварь пронеслась мимо, не сворачивая за ними в боковой ход.

— Должно быть, замок прямо над нами. — Переместив дуару за спину, Джон-Том сбавил ход. Над головой появился свет. А кроме света — знакомый и на этот раз безобидный звук. Шум дождя, льющего на мостовую.

— Внутренний двор, наверное. Будьте начеку.

— Кто бы говорил! — Сильнее сжав рукоять меча, Мадж таращился вперед, пытался что-то разглядеть в сумраке.

Они и в самом деле вышли под дождь, только не во внутренний двор замка, а на узкую улицу. По ту сторону были видны фасады магазинов, темные, со ставнями на окнах. И — ни души. Чуткий нос выдра пришел к выводу быстрее, чем глаза.

— Это, чувак, никакой не замок. Очень уж круто воняет. — Мадж поднял голову, взглянул на друга. — Куда нас, черт побери, занесло?

— Ума не приложу. — Совершенно сбитый с толку Джон-Том ступил на тротуар и медленно повернулся кругом. — Это не замок Намур и даже не его ближайшие окрестности.

На глаза попала пара исхлестанных дождем вывесок. На другой стороне улицы с чугунного прута свисала доска с надписью «Паб "Пробка и замок"». Из двери на улицу лился свет, а заодно и невнятный гул скромной попойки. Вторая вывеска находилась над проемом, которым заканчивалась приведшая сюда путников лестница. Мягко светящийся красным и белым круг с горизонтально пересекающей его красной полоской.

У Джон-Тома на затылке волосы встали дыбом.

Неизвестным путем он попал в свой родной мир.

До ошеломленных путников долетели звуки непринужденного разговора. Джон-Том вернулся на верхнюю ступеньку лестницы — до боли знакомой лестницы, в пятнах жвачки и потеках мочи, — и посмотрел вниз. Там поднимались две парочки — болтали, смеялись, — опять же до боли знакомая картинка из давно утраченного прошлого. Джон-Том в страхе оглянулся на спутников:

— Здесь пройти нельзя. Надо спрятаться.

— Почему? — удивленно спросил Стромагг. — Опять чудовища?

— Нет-нет. Песня как-то пробила дорожку в мой мир. Вам с Маджем лучше не попадаться здесь никому на глаза. Такое, братцы, дело: здесь только люди говорят и соображают.

Мадж пренебрежительно фыркнул:

— Люди! Да где они вообще соображают? — И дернул носом: — Фу, какая вонища!

— Скорее! — Углядев ближайший переулок, Джон-Том повел друзей прочь от входа в метро.

В заливаемом дождем переулке было темно, но все же не настолько, чтобы нельзя было

разглядеть пьянчугу в пальто — с бутылкой в руке он стоял среди мусора, вынесенного за день из заведений, выходявших фасадами на параллельную, более respectable улицу. Алкоголик, опираясь на мокрую кирпичную кладку, махнул почти опустевшей стеклянной тарой вновь прибывшим.

Джон-Том замер.

— Добрый вечер, друзья! — Пьяница протянул в их сторону бутылку. — Как насчет глотнуть?

Стромагт тотчас подался вперед, Джон-Том едва успел схватить медведя за лапу и удержать.

— Оставайтесь здесь, — шепотом приказал чаропевец спутникам.

Он с широкой улыбкой на лице двинулся к дружелюбному аборигену, надеясь, что тот пьян в стельку и не обратит внимания на странный наряд.

— Извините, сэр, вы бы не могли объяснить, где мы находимся? А то заблудились вроде...

Пьянчуга сощурился под дождем, затем нахмурился. От него разило перегаром, но Джон-Том и не такого нанюхался в компании Маджа и его грешных мохнатых приятелей.

— А вы кто, туристы? — Пьяница оттолкнулся от стены и утвердился на ногах. — Туристы, жалкие невежды. Ты в Найтсбридже, приятель.

— В Найтсбридже? — Джон-Том задумался. Найтсбридж — мост рыцаря. Слово напоминает о замке — налицо связь с чаропесней, но никакой связи с тем, что минуту назад открылось глазам Джон-Тома. — Это где?

— Это где?! — возопил, не веря своим ушам, пьяница. — В Лондоне, приятель! А то где же еще!

Он сильнее напряг глаза и наконец углядел за спиной вопрошавшего огромного роста выдру и совсем уже каланчу — гризли в кожаных доспехах. Красные глаза до того вытаращились, что Джон-Тому удалось разглядеть кровеносные сосуды.

— О боже! — Из ослабевших пальцев вывалилась бутылка, пьяница круто повернулся, споткнулся и едва не упал, а мгновение спустя скрылся в глубине переулка.

Еще долго Джон-Том и его спутники слышали, как он налетает на мусорные бачки и спотыкается о ящики. Мадж подобрал бутылку, понюхал, состроил брезгливую гримасу, а через секунду содержимое переключалось в его желудок — Джон-Том воспрепятствовать не успел. Вытерев мохнатые губы, выдр с упреком посмотрел на друга.

— Ну че, кореш, зачаропел ты нас сюда, и спасибочки. Теперь давай выколдовывай взад.

Джон-Том беспомощно развел руками:

— Попробуем тем же путем, которым пришли. Может, в туннеле тварей больше нет. Куда еще идти, не знаю.

И он робко, осторожно двинулся назад, к улице. Дождь унялся, вернее, превратился в плотный туман. Но обратный путь оказался перекрыт.

— Дружок, удели-ка нам минутку.

Их было трое, все моложе Джон-Тома, куда самоуверенней, и двое из них — явно под воздействием чего-то покрепче, чем пиво.

Говоривший держал нож с выкидным лезвием. Самый рослый парень выхватил обрез дробовика. Стоявшая между ними девушка была вооружена зловещей ухмылкой. Джон-Том рассмотрел каждого из них, увиденное ему мало понравилось. И унюханное тоже.

— Ребята, нам не нужны неприятности. Мы уже домой возвращаемся.

Парень с ножом удовлетворенно кивнул:

— Никак америкашки? Отлично, значит, я и впрямь на вечеринке американский акцент услышал. У вас есть дорожные чеки, янки всегда ими запасаются. — Он протянул левую руку: — Давай-ка их сюда. И денежки тоже. И часы, если есть. Это и твоих приятелей касается. А потом можете преспокойненько возвращаться на дурацкий костюмированный бал, куда нас не пустили снобы чертовы!

Джон-Том напрягся:

— Нет у меня никаких чеков. И денег тоже. Может, и завалялась пара монет, но здесь от них мало пользы.

— Ничего, приятель, американские доллары меня тоже устраивают. — Парень нетерпеливо махнул раскрытой ладонью: — Пошевеливайся, некогда нам тебя светской беседой развлекать. — Взгляд стрельнул вправо-влево: — Или хочешь, чтобы я этого малыша порезал? — И он прыгнул к Маджу.

Выдр без малейших усилий прогнулся, лезвие, не причинив вреда, прошло мимо его туловища. В свете далекого уличного фонаря слабо блеснула сталь. Рослый парень встревожился и поднял обрез, но сзади из тумана появилась чудовищной величины лапа и сдавила оружие вместе с пальцами. Хрустнули кости. От неожиданности и боли парень пронзительно, по-девчоночьи взвизгнул.

Капнула слюна с оскаленных клыков; вторая пятерня гризли обвила шею грабителя, легко оторвала его от асфальта и развернула. Увидев, кто его держит, уличный бандит вытаращил глаза, из горла вырвалось бульканье.

Медведь приблизил его к себе, нос к носу, и глухо, грозно прорычал:

— Ты что-то имеешь против Стромагга?

— Урк... Ульк... — Меся ногами воздух, упираясь обеими руками в широкую косматую грудь, хулиган пытался вырваться — но проще, наверное, было бы высвободиться из стальных тисков, чем из этой чудовищной лапищи.

Мадж обнажил меч, однако работы ему пока не давал, с легкостью уклоняясь от каждого выпада или рубящего удара выкидухи. Даже разок, поднырнув под руку с оружием, тотчас повернулся и элегантно поклонился не верящей своим глазам девушке, да при этом еще успел шляпу с головы сорвать и взмахнуть ею.

Взбешенный парень бросился грудью на неуязвимого выдра. А тот, успев снова поклониться девушке, ударил мечом нападавшему между ног, на его счастье, плашмя. Тот миг утратил наступательный порыв, шлепнулся на асфальт и с воем скрутился в тугой клубок.

Стромагг, все еще державший второго грабителя за шею, нахмурился и посмотрел на Джон-Тома.

— А этот больше не говорит.

— Оставь его. — Джон-Том направился к девушке, чья растерянность сменилась страхом.

— Не бейте меня, пожалуйста! — Дрожащая рука указала на поверженного парня. — Это все Марко! Сказал, можно легких денег срубить. Сказал, американские туристы никогда не сопротивляются. Мадж с интересом посмотрел на нее:

— Американские? Ты о ком, малютка?

— Не бойся, бить мы тебя не будем, — пообещал Джон-Том. — Сказал же, мы домой возвращаемся. — Он перевел взгляд на лежащего. — Твой приятель что-то говорил насчет костюмированного бала.

— Это... это за углом, в гостинице.

Джон-Том постоял, помолчал, затем кивнул своим мыслям:

— Сгодится, пожалуй. Мне нужно время — подумать. Спасибо, — рассеянно поблагодарил он девушку и двинулся в указанном ею направлении.

Мадж кивнул незнакомке, чем окончательно вверг ее в смятение, и затрусил за другом. Аккуратно опустив бесчувственное тело налетчика на мокрый асфальт, Стромагг двинулся замыкающим.

Гостиница оказалась старой и не слишком большой. Дав спутникам знак оставаться позади, в тени, и помалкивать, Джон-Том провел быструю разведку и нашел, что искал: боковой вход, который избавит их от необходимости идти через вестибюль. Еще больше его обрадовало появление двух парочек — первые двое людей носили средневековые наряды, третий вырядился огромным инопланетным насекомым с латексной головой, четвертый был

облачен в шелковое трико, а за спиной носил бледные газовые крылья эльфа. Джон-Том на своем веку встречал настоящих эльфов; он едва не задержался, чтобы раскритиковать костюм.

Вернувшись к спутникам, он доложил обстановку, а затем отважно повел их через улицу. Мадж осторожничал:

— Слышь, чувак, ты уверен, что получится? Джон-Том, приближаясь к двери в гостиницу, с каждым шагом чувствовал себя все уверенней:

— Не волнуйся, Мадж, я про такие балы слышал. Вот увидишь, большинство участников там в маскарадных костюмах, вас со Стромаггом примут за своих. — Он посмотрел на медведя. — Только ты, Стромагг, все-таки постарайся выглядеть чуток поменьше.

Гризли послушно сгорбился, опустил голову.

— Кстати, там поесть наверняка найдется, — пообещал Джон-Том.

— Поесть? — мигом оживился медведь.

В дверях никто им не воспрепятствовал. Спросив дорогу у парочки упитанных воинов, которых в Линчбени наверняка подняли бы на смех, путники прошли в большой зал. Там было битком мельтешащего, гомонящего народу, и больше половины — в костюмах. На вновь прибывших кое-кто поглядел, но никто не удивился и не встревожился. Пока Мадж и Стромагг разглядывали открывшуюся им сцену и дивились, Джон-Том взял курс на ряд столов, уставленных закусками. Гризли принялся и пришел в восторг.

— Пиво! Стромагг чувствует пиво! — И, не слушая увещаний Джон-Тома, медведь пошел собственным путем.

— Да ладно тебе, чувак! Пускай наш амбал пиво хлебнет, — сказал Мадж своему обеспокоенному товарищу. — Он заслужил — помнишь, как хорошо в первом туннеле поработал? Я бы и сам... Ай! Смотри, куда прешь!

Натолкнувшись на него девушка носила костюм бабочки, впрочем, назвать это костюмом можно было с натяжкой. И она была куда стройнее, чем воины, встретившиеся путникам в коридоре. Мадж был вспыльчив, но отходчив. Особенно когда имел дело с такими красотками.

Девушка восхищенно посмотрела на него, затем на Джон-Тома:

— Вот это костюмчики! Сами делали?

Джон-Том голодными глазами смотрел на стол с едой, светские беседы с прекрасными незнакомками его интересовали мало. С белых скатертей стремительно исчезали яства.

— Да, — бросил он холодно.

Красотка не отставала. Ее движения передавались сделанным из ткани и проволоки крыльям.

— Вы не писатели и не художники, потому что у вас бейджиков с именами нет. — Она потрогала висящую за спиной Джон-Тома дуару: — Какая симпатичная штучка. — Она показала в противоположный конец зала на сцену с людьми и музыкальными инструментами. — Там у нас фолк играют. Готова поспорить, ты — музыкант что надо. Я, если хочешь знать, экстрасенс, любого насквозь вижу. — Улыбка сделалась еще шире. — Спорим, ты по профессии компьютерщик, программист!

— Не сов... — Но объяснить ему она не дала — схватила за руку и потащила за собой.

Мадж всласть поухмылялся, глядя, как его беспомощного приятеля буксируют к сцене. Затем повернулся и направился к богатым снедью столам.

Распорядившийся на сцене флейтист поприветствовал Джон-Тома и тоже одобрительно глянул на дуару:

— Классный инструмент. Проводок-усилок требуется?

На Джон-Тома *уже* посматривали из зала. Он сыграл два-три аккорда:

— Зачем? Голая акустика.

Флейтист шагнул в сторону, освобождая место:

— Ладно, посмотрим, что ты умеешь.

Джон-Том, чувствуя на себе пристальный взгляд «бабочки», решил: самое безопасное и простое средство избавиться от этого назойливого внимания — коротенькая и прямолинейная по смыслу песенка. Пальцы заскользили по струнам дуары, над стыком измерений начал сгущаться знакомый разноцветный туман.

На ближней к сцене кромке толпы кто-то оживился, показал пальцем:

— Глядите-ка! Световое шоу!

Джон-Том с кривой улыбкой на устах играл простейшую и безвреднейшую, как он надеялся, мелодию. Вспоминал аккорды Барри Манилова — и озвучивал, скрипя при этом зубами. Лишь бы обошлось без колдовских последствий!

Стромагг, подчиняясь своему носу, уже приближался к стойке бара, расположенного у противоположной входу стены. Выпивкой там торговали втридорога, но у медведя не возникло проблем: когда он подошел, одетый Генрихом Девятым человек сунул ему в лапу пивную кружку:

— Ну, здорово, здоровяк. Хлебни за мое здоровье! Стромагг принял угощение, с подозрением понюхал, но тут же просиял и осушил кружку одним долгим глотком. Ряженный королем восторженно захлопал в ладоши, а потом замахал призывно друзьям — мол, идите, посмотрите, кто тут у нас.

Маджа, с максимально возможной скоростью уничтожавшего замеченные или унюханные мини-закуски, от пиршества вдруг отвлекло постукивание мохнатого пальца по плечу. Он резко обернулся, готовый ответить в любимой хамской манере — но сумел только застыть с отпавшей челюстью. Ошеломивший его костюм выдры был не только великолепно скроен и сшит — он еще и великолепно сидел на изящной девичьей фигурке.

Мадж медленно вернул на стол блюдо с горой нахватавшей снеди и покрутил усы: .

— Ну-ну... Так че ты, цыпочка, от меня хочешь? Девушка, глядя сквозь миндалевидные прорезы в сделанной из папье-маше маске, произнесла с восторженно-недоверчивым придыханием:

— Я-то думала, у меня самый лучший в Англии костюм гигантской выдры! — Ее глаза жадно изучали каждый квадратный сантиметр тела Маджа. — До чего же классное шитье, никогда такого не видела! Даже стежков незаметно! А куда ты молнию ухитрился спрятать? — Взгляды настоящей и ненастоящей выдр встретились. — Мы, кто по костюмированным балам тусуется, секретов друг от друга не держим. У тебя найдется пара минут — преподать мне урок кройки и шитья?

Мадж озабоченно посмотрел на блюдо. Еда. Девушка. Еда. Девушка.

Хоть разорвись...

Как ни стерегся Джон-Том, на сцене его душа разгулялась — и вот уже пляшут, кружатся, хохочут под музыку ряженные. До того увлеклись, что не заметили, как со стыка грифов дуары слетел черный дымовой шарик, метнулся прочь со сцены, исчез в направлении дальнего дверного проема. Лишь один Джон-Том проследил за шаром — похоже, движется в сторону метро, откуда недавно поднялись пришельцы из другого измерения. Не прекращая играть, Джон-Том закричал во всю силу легких:

— Мадж, Стромагг! У меня, похоже, получилось!

Игнорируя влюбленный взгляд «бабочки» и аплодисменты флейтиста, подхватившего последнюю фразу точно рефрен, Джон-Том спрыгнул со сцены и ринулся в толпу. Кто его знает, сколько просуществует заново открытый туннель — Джон-Тому и его друзьям необходимо добраться до него прежде, чем кто-либо из ночных гуляк получит телесные повреждения.

Найти Стромагга было несложно — вокруг медведя уже собралась небольшая армия восхищенных поклонников, они диву давались, как это парень в шкуре гризли ухитряется без всяких осложнений поглощать невероятные порции пива.

Впрочем, без осложнений все-таки не обошлось.

Запахавшийся Джон-Том подбежал к нему и заозирался:

— Стромагг, нам пора идти. Где Мадж?

Покачивающийся медведь пьяно вытаращился на него сверху вниз и спросил без особого интереса в голосе:

— Кто?

— А, чтоб тебя! — Джон-Том вцепился в лапу гризли и потащил его через толпу. Сзади публика восторженно салютовала пивными кружками, бокалами и пластиковыми стаканчиками. — У нас есть возможность отсюда выбраться, нельзя ее упускать.

В зале Мадж отсутствовал. Не попался он на глаза и в коридоре, и в соседней комнате. Джон-Том остановил толстенького, каплющего латексной слюной «инопланетного пришельца» и спросил, одновременно не давая Стромаггу свалиться:

— . Вам это может показаться смешным, но тут случайно не проходила пятифутовая выдра?

— Ничего смешного! — несообразно писклявым голосом ответил серо-зеленый «инопланетянин» и ткнул назад большим пальцем: — Я только что видел аж двух таких, вон туда направились.

— Двух? — пришел в смятение Джон-Том. А в следующий миг его осенило, и он бросился бежать: — Мадж!

Сунулся в одну комнату, другую, третью... Третья оказалась кабинетом. Ворвавшись в нее, Джон-Том со Стромаггом обнаружили Маджа и вторую выдру в позах, не имевших ничего общего с освоением кройки и шитья.

Чаропевец был вне себя от бешенства:

— Мадж!

Его друг приподнялся на диванчике, оглянулся через плечо и как ни в чем не бывало проговорил:

— Привет, чувак. — И указал вниз. — Это Алтея, мы тут с ней, типа, опытом делимся.

Из одежды на девушке остались только маска и меховые чулки. Она изо всех сил пыталась чем-нибудь прикрыться. Впрочем, и ее несколько не смутило неожиданное вторжение, разве что удивило слегка. Джон-Тому, впрочем, было не до нее, он набросился на друга:

— Какого черта! Чем ты тут занимаешься? Нам что, проблем не хватает?

Выдр соскочил с диванчика, натянул короткие штаны и только после этого огрызнулся:

— Отвянь, чувак! У нас с Алтеей никаких проблем не было! Прекрасно ладили, чтоб ты знал!

— Это точно. — Красотка на диване приняла восхитительную позу, протянула руку и ухватила Маджа за правое ухо. — Я свою часть сделки выполнила, пора взглянуть, как скроен твой костюмчик. — И дернула.

Мадж взвизгнул и крутанулся на пятке:

— Ты чего! Поаккуратней, детка!

Растерянная девушка запустила пальцы в мех чуть ниже Маджева пупка, снова дернула. И опять выдр тявкнул от боли. А Джон-Том уже тащил Маджа, которому все никак не удавалось застегнуть ремень, к дверям, где дожидался пьяненький Стромагг.

— О боже! — закричала вдруг Алтея, кинув ладошку ко рту. — Это не спецэффект!

— Крошка да за кого ты меня принимаешь? — обиженно отозвался буксируемый к дверям Мадж.

На вопли Алтеи сбежалась тяжеловооруженная обслуга, перегородила коридор. Эта компания в подметки не годилась любой шайке линчбенийских профессионалов, но все же кое-кто из ряженных имел внушительные габариты, а мечи, топоры и пики выглядели отнюдь не бутафорскими.

— Сюда! — И Джон-Том увлек своих товарищей за угол по огибавшему зал коридору, в поисках выхода на улицу, под дождь.

Позади топали ряженные, судя по воплям, их возмущение росло.

— Эй, вы, стоять! — Впереди возник, перекрыл дорогу гостиничный охранник в аккуратном костюмчике. — Так это вы — те самые нарушители порядка, которые, как мне

сообщили, напугали госпожу...

Но ему не суждено было закончить свое несколько помпезное обвинение. Стромагг отстранил со своего пути охранника, едва не расплющив о стену рядом с портретом тощего лорда верхом на породистом скакуне.

Выскочив на улицу, Джон-Том двинул напрямик к станции метро. Уже совсем стемнело, но дождь прекратился, и на том спасибо. Завизжала тормозами встречная машина, едва не задавив бегущую тройцу.

Сидевшие в машине люди, хорошо одетая супружеская пара средних лет, увидели перед собой высокого чаропевца в средневековом наряде, гигантского выдра в шапке с пером, жилетке и коротких штанах, и быстро трезвеющего гризли в кожаных доспехах. Эту компанию преследовала толпа взбешенных участников костюмированного бала — от исполинского паука до мистера Спока из «Звездного пути», чью роль почему-то исполняла женщина. Муж, глядя через лобовое стекло на эту сверхъестественную картину, медленно покачал головой и мягко надавил на педаль газа.

— Дорогая, я тебе уже говорил и еще раз повторю, — сказал он своей потрясенной супруге, — Лондон с каждым годом становится все хуже и хуже.

Мадж на бегу оборачивался и корчил рожи преследователям. Он бы и штаны спустил, но Джон-Том пообещал треснуть его по голове плашмя мечом.

— Ну и зануда же ты, друг мой чаропевец. Никогда не научишься развлекаться.

— Вот оно, метро! — указал Джон-Том на мягко сияющий проем входа. Только что туда нырнул едва заметный шар черного тумана.

В погоне за мгливой сферой Джон-Том и Стромагг, пугая народ, сбежали по лестнице. Мадж предпочел лихо спуститься верхом по барьеру, разделяющему посередине ступеньки; при этом он успевал оглядываться и адресовать преследователям непристойные жесты.

У турникетов перед платформой на шум суматохи среагировал охранник:

— Немедленно остановитесь! Прекратите безобразие!

Стромагг прибавил ходу, поравнялся с Джон-Томом и смел охранника со своего пути. Ухватился за два турникета, выкорчевал из пола и швырнул к сводчатому потолку. Мадж и Джон-Том инстинктивно закрыли головы руками — сверху градом посыпались жетоны.

Среди обломков лежал потерявший фуражку злополучный охранник, обалдело глядя вслед странной тройце, и лепетал:

— Ну, если чрезвычайная ситуация, тогда — конечно...

На платформе беглецы остановились, чтобы посмотреть назад. Ряженные задержались. Они азартно сгребали жетоны. Мадж аж запрыгал от возмущения:

— Человечишки! — Часто тыча вверх коротким мечом, он пообещал: — Всем задницу надеру!

— Уймись, Мадж! — Джон-Том спрыгнул с платформы на шпалы и двинулся в северном направлении, куда уплыл волшебный туман.

Спутники пошли следом. Джон-Том перевесил дуару на грудь и, шагая по едва освещенному туннелю, принялся негромко играть. Свечение инструмента показывало путь.

Мадж вернул клинок в ножны, лапы засунул в карманы. Время от времени давая злого пинка куску штукатурки или пустой лимонадной банке, он цедил:

— Хреновенький у тебя мир, чувак. Никуда не годится. Недружелюбный, негостеприимный. — Но тут он вспомнил прелестную «выдру», и на мохнатой физиономии заиграла улыбочка.

— Пиво... — блаженно проговорил топавший по шпалам Стромагг. Очевидно, мир Джон-Томы не показался ему таким уж плохим.

Впереди вспыхнул свет, он все разгорался. К нему прибавился рев, уже знакомый Джон-Тому. Чаропевец в страхе остановился, попятился:

— А, черт!

Мадж состроил рожу:

— Че, кореш, опять колдовство не задалось?

— Бежим! — Джон-Том повернулся кругом и припустил что было силы. Сколько они успели пройти? Успеют ли добежать до платформы?

Поезд стремительно приближался. Джон-Том теребил струны, панически вспоминая песни, которые имели отношение к поездам. Тема из фильма «На игле»? Нет, это едва ли подействует. А слов песни «A-Train a-coming» ему не вспомнить. Хэви-метал, панк, даже индастриал... Нет, все это не годится против поездов.

Он так и не успел найти годный вариант. Налетел поезд. Машинист увидел бегущую по пути тройцу, душераздирающий визг тормозов покотился по туннелю.

Слишком поздно!

Джон-Том споткнулся на пути. Уже падая, увидел прямо перед собой нечто необычное. Не пустую пластиковую обертку, не окурок, не рваный проигрышный лотерейный билет. Диск черного тумана лежал между рельсовых нитей, не касаясь их. И Джон-Том упал прямо на этот диск, надеясь, что спутники заметят и поймут, что надо делать. В самый последний миг пришла кошмарная мысль, что это клочок самого обычного темного тумана, поднимающегося с нагретого пути.

Но Джон-Том не встретил препятствия. Охваченный восторгом и благодарностью, он почувствовал, что проваливается. Казалось, поезд пронесся в считанных сантиметрах над его затылком. Постепенно рев смолк. Наконец Джон-Том ударился о землю, перекатился, открыл глаза, каковые оставались принадлежностью головы, а голова не разлучилась с плечами. И это — хороший знак.

Джон-Том сел, помассировал шею, поморщился. Нащупал драгоценную дуару на спине — она благополучно выдержала падение. Лежавший рядом Мадж приоткрыл глаз, с упреком посмотрел на друга, простонал:

— Ну, все, чувак. С меня хватит. Выдай-ка мою долю золотишка, что дал тебе дедушка Вольнопер, и почапаю-ка я своим путем.

Закряхтел, очухиваясь, Стромагг. Джон-Том отвел взгляд от рассерженного выдра и обмер:

— Я бы тебе советовал оглянуться, прежде чем уходить.

— Че? Да на фига мне оглядываться... — Выдр все же обернулся, умолк и вытаращился по примеру друга.

Замок Намур венчал собою узкую гряду скал. Куда ни глянь, одни кручи. От склона горы, на котором оказались выдр, человек и медведь, к узкому промежуточному пику тянулся мост, а оттуда изгибался второй мост, еще уже, и примыкал он к высокой деревянной двери. Кругом высились гранитные шпили, а на далеком горизонте раскинулось покрытое лесом плато. Картина впечатляла, даже зачаровывала.

Мадж вышел на первый мост, осторожно глянул через единственные перила. Будто яркая синяя лента свисала там с руки великана — то извивалась проложившая себе путь в глубоком каньоне речушка. Путники добрались до промежуточной скалы и прошли по второму мосту, и вот они стоят перед тяжелой, окованной железом дверью. Выдр запрокинул голову, упер кулаки в бедра и пробормотал:

— Ну, че теперь, друг мой чародей? Можя, ключик нам наколдуешь?

— Мадж, дай мне хоть дух перевести, — рассердился Джон-Том. — Я вас со Стромаггом привел сюда? Привел! Значит, и сейчас что-нибудь придумаю.

Выдр фыркнул:

— Да уж, привел... Хотя можно было попрямее дорожку выбрать. Лондон! — Он опечаленно покачал головой: — Эх, добраться бы мне когда-нибудь до милого сердцу Линчбени!

Молчаливый Стромагг, не прислушиваясь к спору человека и выдра, шагнул к препятствию, посмотрел, а затем сложил кулачища величиной с пушечное ядро. Вскинул их над головой, поднялся на цыпочки и обрушил на дверь оба кулака, прибавив к ним тяжесть всего гигантского тела. Средняя часть двери превратилась в россыпь щепы, над этими руинами клубилась пыль. Мадж осторожно приблизился, заглянул в пробоину:

— Ни хрена ж себе ключик!

В фойе было сумрачно, источниками света служили только высокие окна. И — ни единой живой души, даже пестрая крыса нигде не прошмыгнет. Сверхчуткий нос Маджа работал всюду, трепетали длинные усы:

— Чувак, а ты уверен, что это — тот самый замок? Джон-Том шел по вестибюлю с высокими стенами, глядя на широкую, о двух маршах, лестницу в конце грандиозного зала.

— Я пел о нем и только о нем. Мы — там, где надо, наверняка.

И все же он сомневался и беспокоился, пока поиски не привели компанию в просторную, пышно изукрашенную спальню. Через витражные окна сочился радужный свет, заливая золотом мебель и превращая кружевной балдахин над кроватью в филигранное световое шоу.

На кровати лежала принцесса, а может, и не принцесса, но уж определенно писаная красавица. Она мирно почивала: руки сложены на груди, пухлые губы тронуты нежной улыбкой. Шлепнув по шаловливой руке Маджа, Джон-Том задумчиво проговорил:

— Почему-то мне это кажется знакомым...

— А мне — очень даже странным, — добавил обуреваемый самыми разными чувствами Мадж, глядя на неподвижную девицу. — Старичина Вральфрам ни словечком не обмолвился о том, что его пассия лежит в коме. Че же получается — ты ей песенки петь будешь, а она даже ухом не поведет?

Слабый шорох кожи тонкой выделки о камень заставил всех троих разом обернуться. В дверях стоял их наниматель, но Вольфрама с трудом можно было узнать. Куда девался лебезящий старец! Казалось, Вольфрам прибавил росту, не говоря уже о стати и важности. Накидка бликовала в лучах витражей, в стеклянном навершии посоха мерцала пленная молния. От пришельца в буквальном смысле слова веяло властью.

— Итак, я не ошибся в выборе, и вы исполнили свое предназначение. — Проходя в спальню, Вольфрам не смотрел ни на кого, кроме безмятежно почивающей красотки. — Жалкие невежды! Неужто вы и впрямь подумали, что я, Вольфрам Величавый, всепоглощающий властелин Теплоземель, доверю судьбу владетельницы Намура вашему легкомысленному попечению?

Джон-Том, отвечая, осторожно передвигал на грудь дуару:

— Почему-то я ждал, что услышу от тебя нечто в этом роде.

Вперед шагнул нахальный Мадж:

— Шеф, ежели ты и впрямь такой всякий-превсякий, на фига тебе мы, бедные, понадобились?

Волшебник презрительно посмотрел на выдра:

— Разве это не самоочевидно? Место сие укрыто чарами, неборимыми даже для меня. Дабы разрушить их, потребна магия совершенно иного рода, нежели та, коей я обладаю. Да, я могущественный волшебник! Но сейчас мне понадобился скудоумный чаропевец, только ему по силам проторить сюда дорожку и отвлечь на себя опасности, подстерегающие незваного гостя. Мне оставалось лишь безбоязненно следовать по его пути, что я и содеял.

— Так это и есть твоя возлюбленная? — указал Джон-Том на скованную мирным сном красавицу.

— О да, это она. — Губы над острой бородкой растянулись в улыбочке. — Хотя самой ей об этом еще неизвестно. Тот, кто дотронется до красавицы и пробудит ее от сна, тот и есть ее суженый, тот и станет ее мужем, а стало быть, получит в приданое это царство и связанное с ним влияние на иные измерения.

— Только и всего? — спросил Мадж, сосредоточенно разглядывая свои когти. — Да ради бога, шеф.

— Нет, не ради бога! — Джон-Том двинулся вперед, встал рядом с выдром. — Если речь зашла об иных измерениях, я не могу бездействовать! Я не могу позволить, чтобы этот высокомерный бородатый лжец заправлял в моем мире.

Выдр пожал плечами:

— Да какие проблемы, чувак? Можя, он хоть в этом тошнотном Лондоне порядок наведет.

Волшебник снисходительно кивнул:

— Вижу, вы для меня не помеха.

— Ну, это еще как посмотреть! — Пальцы Джон-Тома подкрались к струнам дуары. Он умело перебрал — и забраковал с десятков песен. Вольфрам — чародей могущественный и злобный, абы чем его не проймешь. Джон-Том совершенно не знал этого человека — как тут выбрать что-нибудь подходящее? И вдруг он вспомнил слова колдуна. Эврика! Чаропевец повернулся кругом и бросился к кровати.

— Хассон! — злобно прошипел Вольфрам и ткнул посохом.

Навершие выстрелило серым паром, он сгустился как раз между Джон-Томом и кроватью. Врезавшись в стену из серого камня, Джон-Том отпрянул, качнулся и рухнул на пол. Мадж и Стромагг подбежали к поверженному товарищу, переглянулись, а в следующий миг обрушили свой праведный гнев на беззащитного с виду Вольфрама.

Закипела схватка. Бойцы размахивали оружием, каждый исторгал свой боевой клич.

— Пиво! — сотрясались стены и дребезжали витражные стекла от рева гризли.

— Долгов не возвращаем! — завывал выдр.

— Паримаццо! — отвечал Вольфрам, размахивая светящимся посохом.

Прямо из каменного пола полезли вооруженные чудовища, достойные кошмарных снов. Сами каменные, они встретили атакующую пару каменным же оружием. Вольфраму оставалось лишь с самодовольной ухмылочкой наблюдать за боем. Что он и делал, картинно опираясь на посох.

В стороне от схватки постепенно пришел в себя Джон-Том. Оценив ситуацию, он осторожно потянулся к дуаре. Заиграл и запел, не поднимаясь с пола, чтобы не привлечь внимания Вольфрама.

Неожиданно он икнул — что имело еще более неожиданное последствие. В фуге перед носом потрясенного Джон-Тома повисла твердая, черная, чуть светящаяся музыкальная нота.

— Как слышится, так и пишется, — прошептал Джон-Том. — Как пишется, так и видится.

Он схватил ноту, встал и запустил ею в Вольфрама. Колдун заметил, вскинул посох. Однако нота прошла сквозь оборонительное сияние и так приложилась к темени застигнутого врасплох мага, что он едва устоял на ногах.

— Как видится, так и ощущается! — возликовал Джон-Том.

И чаропевец краем сражения, уклоняясь от мечей, решительно двинулся к ошеломленному врагу. На ходу Джон-Том играл, пел и икал, как никогда в жизни.

И с каждым иком появлялась новенькая лоснящаяся нота, а мгновением позже улетала курсом на запаниковавшего уже Вольфрама. Напрасно волшебник отмахивался посохом.

— Иммунидаго!

Перед ним в воздухе образовались большие наушники, подплыли и устроились на голове. Тотчас вернулась самоуверенная ухмылочка. Угрожающе подняв посох, колдун двинулся на Джон-Тома. Теперь он не слышал музыку, и ноты распылялись в воздухе, не долетев до цели.

Пришел черед Джон-Тому пятиться в страхе. При отступлении он сменил тактику, а заодно и музыку. К бушующему в зале хаосу добавился рев «Раммштайна», гневно полыхала дуара, исторгая яростный туман.

Вольфрам, потрясенный тяжелыми аккордами, остановился, схватился за голову. Наушники неистово вибрировали, так и норовили соскочить; он, уже не пытаясь их удержать, пальнул из посоха. Джон-Том пригнулся и успел заметить, как над ним пронеслась молния злобной энергии.

И ударила в гризли, который деловито превращал в щебенку своих каменных противников.

— Стромагг! — испугался за товарища Джон-Том. Удар был такой силы, что медведя

отбросило назад, на каменную стену, которую перед этим сотворил Вольфрам, чтобы оградить спящую принцессу. Брызнули обломки, и оглушенный медведь рухнул на кровать. Со стоном повернулся на правый бок. При этом поднялась его лапа, описала дугу и безвольно упала — на талию принцессы.

— Нет! — в ужасе заверещал Вольфрам, и Джон-Том вспомнил слова колдуна: «Тот, кто дотронется до красавицы и пробудит ее от сна, тот и есть ее суженый, тот и станет ее мужем».

Принцессу Ларинду окутала нежная дымка. Замерцал, заколебался, расплылся ее силуэт. Началась метаморфоза. Прелестная женщина превращалась в... В кого?

Туман наконец сошел. На кровати неподвижно лежали два гризли. Один — в кожаных доспехах, другая — в элегантной ночной рубашке. Принцесса потеряла глаза, села и чуть повернула голову, чтобы взглянуть на своего спасителя. Стромагг заморгал, приложил ладонь к ушибленной голове, посмотрел вверх. И в тот же миг напрочь забыл о боли.

— Вот это да!

— Нет! Нет! Нет! — Охваченный бешенством и отчаянием, Вольфрам подпрыгивал на месте, бессмысленно размахивал грозным посохом.

Стромагг сел на кровати, жалобно заскрипевшей под неожиданным двойным весом, взял принцессу за руки — вернее, за лапы — и заглянул в темно-карие глаза, такие же точно, как у него.

— Ну и ну!

Затрепетали длинные ресницы, и медведица, прочитав во взоре незнакомца искреннее восхищение, кокетливо проговорила:

— Мне всегда нравились сильные и немногословные мужчины.

— Этому не бывать! Клянусь своим всемогуществом! — Взметнулась блистающая накидка, Вольфрам круто развернулся и бросился к выходу. — Я найду нужные чары, я вновь погружу ее в сон! И в следующий раз пробуждена принцесса будет мною, и только мною!

Искра магическим посохом, никем не преследуемый, он юркнул в дверной проем, пересек фойе. За пробоиной в тяжелой двери виднелся мост, а дальше лежала богатая на чудеса Вселенная. Не в этом измерении, так в другом Вольфрам обязательно отыщет нужное заклинание...

Колдун проскочил в отверстие, а в следующий миг там мелькнула мохнатая нога в сандалии. И хорошенько поддала Вольфраму под зад.

Чародей, взвизгнув от изумления и боли, потерял равновесие и не смог удержаться на том краю моста, где отсутствовали перила. Падая, он глядел вверх — и видел быстро уменьшающееся волосатое лицо, и поражался тому, как это он, величайший из магов, попался на такой заурядный, такой пошлый прием! Рядом кувыркался спасительный посох; Вольфрам размахивал руками, пытаясь его поймать, но не успел. Встретились они только на дне каньона.

Мадж на мосту презрительно сплюнул:

— Ох уж эти волшебники! Вечно ходят, нос задрав, а под ноги не смотрят.

Он вернулся к товарищам. Стромагг так и держал за руки свою неожиданно обретенную возлюбленную, а Джон-Том смотрел на них и только диву давался.

— Простите, парни, — прошептал Стромагг. — Кажется, я остаюсь.

— Еще бы ты не остался, — заухмылялся Джон-Том. Его похлопала по запястью знакомая ладонь:

— Чувак, лучше спрячь сентиментальную улыбочку, а то в Линчбени тебя за нее вздернут.

— Да пребудет с вами удача, мои добрые друзья и спасители. — Голос разбуженной красавицы был ниже традиционного, но все же нежен и, безусловно, женствен. — Я и сама не чужда волшебству. Обещаю: по возвращении домой вы получите награду — такие же точно золотистые монеты, как те, что в последний раз попадались вам на глаза. И ваши

жилища будут полны ими — слово владельницы Намура!

— Отлично, деточка! — воскликнул донельзя обрадованный Мадж. — Значит, все-таки не зря прогулялись!

Обратный путь был недолог, но на приключения не скуп. И вот они снова в любимом своем Колоколесье. Увидев впереди родной берег, запыленный и усталый Мадж сорвался в галоп:

— Ща будем денежки считать, чувак! Помнишь, че нам мохнатенькая принцесса наобещала?

Джон-Том остаток пути преодолевал менее торопливой поступью, а потому находился на безопасном расстоянии, когда его приятель распахнул дверь и был погребен под лавиной блестящих желтых дисков. Чаропевец бросился вперед, вытащил друга из горы металла.

— Ура! Я богач! Наконец-то! Сбылась мечта! — Выдр был на седьмом небе от счастья.

Пока не рассмотрел пригоршню дисков. На мохнатое лицо упала тень сомнения.

— Странное дело, чувак! Ни разу в жизни не видел такого золота.

Джон-Том взял диск, повертел перед глазами:

— Потому не видел, что это и не золото вовсе.

— Не золото? — Восторг мигом сменился истерикой. — Че значит — не золото?! — брызжа слюной, подпрыгивал Мадж. — Принцесса же обещала! Золотые монеты, как те, что в последний раз я видел! Так и сказала! Я помню! А в последний раз мы видели золото старикашки Вербльфа в Тимовом Хохоте, када он нам в таверне задаток платил! — Выдр поник: — Головой качаешь, чувак? Мне не нравится, када ты головой качаешь.

— Мадж, она не говорила «золотые монеты». Она сказала «золотистые монеты». — Джон-Том поднял ладонь, на которой лежал диск. — Помнишь, как мы из моего мира бежали? Это жетоны, Мадж. Для проезда в лондонском метро.

На лице выдра появилась гримаса ужаса, и Джон-Том попытался успокоить друга, как мог:

— Но взгляни на это с другой стороны: теперь ты до конца своих дней можешь бесплатно кататься в столичном метро Соединенного Королевства.

Тяжело сев на гору бесполезных кругляшек, выдр медленно стащил с головы шапку с пером, посмотрел на Джон-Тому со слабой надеждой:

— Чувак, я понимаю, ситуация хреновая, но все-таки... Можя, найдется у тебя чаропесенка, чтобы ее исправить?

Джон-Том пожал плечами и перевесил дуару на грудь:

— Грех не попробовать.

Но песня «Деньги» ансамбля «Пинк Флойд» не превратила жетоны в настоящее золото. Не сделали этого и бесчисленные слезы, пролитые выдром в тот черный день на черную гладь реки.

Микки Зухер Райхерст — Бег к небесам («Стражи Бифроста»)

Ноздри Эла Ларсона наполнило теплое благоухание весны — такого аромата он не ощущал на протяжении периода, воспринятого им как десятилетия, но благодаря причуде темпоральной петли просто выпавшего из времени. В памяти его сохранился целый год отчаянных боев в джунглях Вьетнама, однако никаких сведений о нем не имелось ни в семейных анналах, ни в военном архиве Соединенных Штатов.

Вырванный божественным провидением из самых когтей смерти, он, самое меньшее, еще год провел в качестве эльфа в некоем искаженном континууме, представлявшем собой одну из версий давнего прошлого Европы. От этого периода осталось не так уж много: ряд жутких воспоминаний* потрясающе красивая невеста по имени Силме да лучший друг Таз пар Медакан — теневой скалолаз.

Радуюсь самому факту возвращения как в Нью-Йорк, так и в апрель 1969 года, Ларсон буквально упивался свежестью земного воздуха, полностью игнорируя такую ерунду, как изрядная примесь выхлопных газов.

От полноты чувств он забылся, и пластиковая тарелка с лёту довольно-таки больно ударила ему в правое ухо, заставив отступить на шаг. А потом, повинувшись инстинкту — сказывалось военное прошлое, — Эл бросился плашмя на землю и, уже лежа, услышал своеобразный, не совсем немецкий, говорок Тазиара:

— Нет никакого интереса играть во фрисби и устраивать засады, когда выигрыш достигается с такой легкостью.

Неуклюже поднявшись на ноги, Ларсон оглянулся на голос и увидел теневого скалолаза, расположившегося среди ветвей корявого клена, трепетавшие листья которого не скрывали его худощавой фигурки. Со времени проживания в суровом мире архаичной квазиисторической Германии он сохранил привычку одеваться в черное, хотя его нынешний гардероб состоял главным образом из джинсов и футболок. Голубые глаза поблескивали под лохматой копной эбонитово-черных волос, слишком длинных, но, впрочем, вполне соответствовавших стилю шестидесятых годов. Тонкокостный, едва достигавший пяти футов роста и ста фунтов веса, Тазиар уже успел пристраститься к «фаст-фуду», но, уплетая всю «Милки-Вэй» и «Овалтин», оставался резвым и быстрым, как белка, свитым из сухожилий и мускулов, без единой унции жира.

Не промолвив в ответ ни слова, Эл поплелся подбирать упавшую пластиковую тарелку. В отличие от друга он был аккуратно подстрижен, и зачесанные на пробор короткие волосы открывали по-детски округлое лицо. Ежедневные тренировки в гимнастическом зале позволяли ему и в двадцать один год оставаться столь же стройным, каким он был подростком, в те годы, когда азартно играл в футбол. Будучи на добрый фут выше своего миниатюрного друга, он тоже мог есть сколько угодно, ничуть не беспокоясь о весе, то есть о той проблеме, которая весьма волновала его сестру и невесту.

Подхватив фрисби, Ларсон, не прерывая движения, запустил пластиковый диск в скалолаза, но тот, соскочив с ветки, присел на корточки, а когда тарелка, ударившись о сучья и вызвав маленький листопад, упала, с невозмутимым видом человека, который никогда не тратил силы на движение, проронил:

— Неплохой бросок.

Тим, девятилетний брат Эла, стоявший на бетонной дорожке рядом с газоном, рассмеялся. Эл наклонился, чтобы поднять фрисби и запустить в мальчика, но Тазиар, стремительно выбросив вперед худощавую руку, успел схватить диск первым. Мальчишка согнулся от хохота.

— Обалдеть, до чего смешно! — Ларсон окинул взглядом приятеля. — Ну, и что ты собираешься делать дальше, скалолаз?

Тазиар, сунув диск под мышку, пожал плечами.

— Подожду, когда ты зазеваешься снова, и тогда... — он демонстративно стукнул себя ребром ладони по лбу, — тогда эта штуковина шлепнет тебя по башке.

— Хочешь, чтобы я заработал сотрясение мозга? — пробурчал Эл.

— А ты не зевай, когда играешь.

Тим издал такой вопль, что прохожие устали на него с изумлением. Ларсон тоже последовал их примеру. Песочные волосы растрепались, скрывая уже лишившуюся детской непосредственности физиономию, колени тряслись, о чем свидетельствовало колыхание расклеванных джинсов над грязноватыми, черно-белыми кроссовками.

— Тимми по-моему, спятил, — заметил его старший брат. — Почему бы, ради разнообразия, не съездить по башке и ему?

Свист разрезавшего воздух пластикового диска предупредил Ларсона об опасности, и он успел вскинуть руку, как раз вовремя, чтобы предотвратить очередной удар по лбу. Тарелка, стукнувшись о внутреннюю сторону его предплечья, отлетела в сторону Тима.

— Тебя тоже легко застать врасплох. — Тазиар ухмыльнулся, глядя на мальчика. — А

рассмешить — еще легче.

Ларсон также не смог сдержать улыбки. Ему нравились товарищеские отношения, сложившиеся между его братишкой и лучшим другом, хотя порой к этому чувству примешивалось и некое подобие ревности.

Поскольку на сей раз скалолаз, похоже, не собирался поднимать фрисби, Эл двинулся за тарелкой сам, но, сделав всего один шаг, ощутил ментальное давление. Нечто коснулось его сознания, и он замер, ибо знал, что контактировать подобным образом может лишь его невеста.

Вынужденная отказаться от своих магических способностей ради возможности остаться в Америке двадцатого века, Силме тем не менее сохранила способность дотрагиваться до не огражденного мысленными барьерами человеческого сознания. Впрочем, барьеры эти умели формировать лишь обитатели магических миров: никто из рожденных в эпоху Ларсона их не имел, что, кстати, и позволило Фрей вызволить его из горнила смертельного боя и переместить в тело эльфа.

Силме! — Эл мысленно сконцентрировался на имени невесты.

Аллерум!

Силме обратилась к нему так, как называла его в эльфийском облике, хотя теперь знала, что это имя было результатом ошибки какого-то заики.

Итак, главное сейчас — не впасть в панику, ибо мысленное общение, во всяком случае для Ларсона, представлялось занятием весьма сложным, так как некоторые слова, обратившись в мысли, могли обрести смысл, прямо противоположный первоначальному. Мгновенно выбросив из головы фрисби и вообще все постороннее, он устремил взгляд на голубой небосвод. Пульс участился, стук сердца раздражающе отдавался в ушах.

Силме, в чем дело? Что случилось?

Эл знал, что она, а также его сестра Пэм и матушка собрались вместе осмотреть достопримечательности города и сделать кое-какие покупки. Неужели они попали в аварию? Черт побери, таксисты в последнее время стали гонять словно сумасшедшие! Если кто-то из моих близких пострадал, я прикончу этого поганца-водителя! *Все в порядке,* — ответила Силме, хотя ее мысленный посыл был окрашен оттенком ужаса. В этот миг брошенный Тазиаром диск стукнулся о его голову, но Ларсон едва ли заметил удар.

Силме, что происходит? Сообщи мне. — Что с тобой? — спросил скалолаз, наблюдая за своим другом. Он был явно удивлен странной реакцией на его удачный бросок.

Эл поднял палец, давая знать, что просит ненадолго оставить его наедине с собой.

Мы на 86-м этаже Эмпайр стэйт билдинг.

Ларсон кивнул и лишь потом сообразил, что она не может видеть жестов. Так или иначе, полученная информация не объясняла ее испуга: вряд ли она стала бы связываться с ним из-за страха перед высотой. Нет, чувство, стоявшее за этим посылом, было очень сильным.

Здесь люди.

Люди?

Вооруженные.

Сердце Эла, только что учащенно бившееся, сжалось. Ему было трудно осмыслить ситуацию.

Нам не позволяют уйти.

Почувствовав, что кто-то дергает его за рубашку, он повернулся и увидел Тима и скалолаза. Последний держал фрисби под мышкой.

— Это Силме? — спросил Тазиар.

— Точно, — подтвердил Ларсон. — У них большие проблемы.

Силме, — он вернулся к мысленному разговору, — *мы отправляемся туда. Подробности выясню по пути. Только осторожнее!* — подумали они — в унисон.

Поездка на такси прошла в размытом тумане ментального контакта, прерывавшегося лишь для того, чтобы дать некоторые, самые необходимые объяснения Тазиару и Тиму.

Они называют себя «Армией мирного освобождения Вьетнама».

«Мирная» армия! Слишком встревоженный, чтобы оценить иронию, Эл продолжал попытаться:

Чего они хотят?

Насколько понимаю, они хотят, чтобы правительство прекратило войну.

— Хотят, чтобы мы вышли из войны, — сообщил он своим спутникам, едва сдерживая тошноту от смешанных запахов выхлопных газов и сигаретного дыма.

— Звучит достойно, — пробормотал Тазиар, глядя из окна на проносившиеся мимо небоскребы.

— Это точно, — подтвердил Ларсон, отгоняя собственные воспоминания о Вьетнаме.

Было время, когда они без конца преследовали его, и каждая затруднительная ситуация вновь и вновь оживляла в его сознании адские видения, заставляя холодеть из-за своего яркого жизнеподобия. Спасибо Силме и Богу, они соединили прихотливые нити его воспоминаний в единый узор, вернув ему контроль над собой.

— Куда уж достойнее, — хмыкнул он, — если только проигнорировать тот факт, что этой «достойной» цели они пытаются добиться, держа под прицелом ни в чем не повинных людей.

Собственные слова вернули его к обмену мыслями.

Ты можешь узнать, что они затевают?

Я способна касаться лишь мыслей, лежащих на поверхности, — напомнила Силме. — *Большее потребовало бы магии.*

Ларсон изо всех сил попытался придать своим мыслям бодрый, уверенный оттенок в надежде, что этот настрой передастся ей.

Вожак... они называют его банко. Банко?

На их языке это означает «духовный наставник».

Ларсону показалось, что слово по звучанию похоже на испанское, хотя значения его он не понимал. Вынесенное из школы слабое знание родственного испанскому французского языка не помогало.

Это на каком языке?

На придуманном, — сообщила Силме. — *Насколько могу судить, он беден и состоит лишь из нескольких ключевых понятий.*

На этом связь прервалась, и Эл, тщетно пытаясь «коснуться» невесты, запаниковал.

— Силме! Силме! — Незаметно для себя он стал звать ее вслух. — Черт побери, я потерял ее!

— Успокойся. — Тазиар схватил Ларсона за руку. — Что случилось?

Ну разве не идиотский вопрос?

— Что-что! Я ее потерял! Потерял Силме.

— Как? — спросил Тазиар, чье спокойствие и невозмутимость резко контрастировали с отчаянием его друга.

— Как-как? — сорвался на крик Эл. — Откуда мне знать? Была, и не стало! Силме!

Отчаяние повергло его в гнев: он не мог прорваться к ней, и ему оставалось лишь ждать, не дотянется ли она до него снова.

Эл...

Ментальное прикосновение Силме не несло отпечатка отчаяния, окрашивавшего мысли Ларсона с момента разрыва контакта. Он замер.

Силме, что случилось? С тобой все в порядке?

В той степени, в которой все может быть в порядке у человека, которого держат на мушке.

Ларсон вытаращил глаза. Надо же, меньше года в Америке, а по части сарказма не уступит уроженке Нью-Йорка.

— Успокойся, Эл. — Не зная, что контакт уже восстановлен, Тазиар обратился к нему на том древнем языке, которым они пользовались в другом мире. — Наверное, ей там

пришлось что-то сделать. Успокоить фанатика или, скажем, утешить товарища по несчастью.

Ларсон, чтобы удержать контакт, поднял руку, хотя Силме, конечно же, не могла понять этот жест.

— Она вернулась.

Тазиар махнул рукой, показывая, что понял.

Сколько их?

Три маньяка. Семнадцать заложников, — передала Силме. — Это все. Ты бы предпочел больше?

Ларсон сообразил, что его мысленная реплика могла быть понята неправильно и истолкована как черствость, поэтому поспешил оправдаться:

Конечно нет. Но я слышал, что туда каждый день набивается тысяч по десять посетителей. И почти все они посещают смотровую площадку.

Многие попытались убежать, когда появились люди с пистолетами, и бросились к лестницам и лифтам. Но они остановили подъемники, и надо полагать, там находится не меньше сотни.

То, что в небоскребе не работают лифты, стало для Зла еще одним неприятным сюрпризом.

Подъемники испорчены? Но я слышал, их там штук сто.

Скорее шестьдесят. Может быть, семьдесят. Они копались в чем-то на крыше и, видимо, вывели из строя все сразу.

Неуверенность Силме напомнила Ларсону о том, что его невеста способна улавливать лишь поверхностные мысли, и он занервничал. Ему казалось, будто такси ползет как черепаха, тем более что другие машины, похоже, только тем и занимались, что мешали одна другой.

~ Эй, с мамой все в порядке? — спросил Тим, подергав брата за рукав.

Этот вопрос вернул Эла к действительности. Честно говоря, задать его должен был он, причем давным-давно. Ларсон почувствовал, что краснеет.

Силме! Пэм, мама... они не очень напуганы?

Нет... с того момента, как узнали, что я с тобой связалась.

И вновь, черт возьми, Тазиар оказался прав! — У мамы все нормально, — сказал Ларсон брату. — У Пэм с Силме тоже. Но мы должны сделать все возможное, чтобы помочь им.

Можешь ты понять, способны ли они причинить кому-либо из заложников реальный вред?

Силме не ответила. Элу сначала показалось, что он снова утратил контакт, но нет, тонкая нить тревоги позволила понять, что связь не прерывалась. *Силме?*

Они уже убили двоих. Приняли их за охранников. Ларсон испытал тупой удар ужаса, но сделал все, чтобы сохранить ясность сознания. Силме должна знать, что он держит ситуацию под контролем. Хотя лишь какие-то дюймы отделяли его от паники. Он даже отказался от слов и послал ей легкий толчок — «продолжай!» *Один из них мертв. Другой пока жив, но его смерть — лишь вопрос времени. Будь у меня прежняя магия, я смогла бы его исцелить.*

Будь у тебя магия, Силме, боги забрали бы тебя в твой мир и в твоё время. И тогда ты все равно никому не могла бы здесь помочь. А я бы давным-давно покончил с собой.

Не говори так.

Это правда. — В данном случае Эл не кривил душой. — *Береги себя, потому что без тебя мне нежить.* Мысленный разговор прервал грубый резкий голос таксиста:

— Все, приехали. Дальше дороги нет.

Подняв глаза, Эл увидел, что они находятся на углу Бродвея и Четвертой авеню. До места происшествия оставалось два квартала.

— Что-то случилось, — пояснил шофер. — Я в жизни не видел на этом месте такой толкотни. Обычно тут встретишь разве что парочку зевак, туристов откуда-нибудь из Айовы, Айдахо или еще какого-нибудь захолустья.

Ларсон вытянул шею.

Колышущаяся толпа загрохотала улицей, и все взоры были обращены на Эмпайр Стэйт Билдинг. Небоскреб вздымался к небесам, подобно исполинской ракете, верхняя часть которой терялась в облаках.

— Спасибо, — бросил Эл и выскочил из машины, оставив расплачиваться Тазиара.

Миниатюрный ловкач неплохо приспособился к местной жизни. И он, и Силме научились извлекать пользу из своей ослабленной способности к чтению мыслей. Их союз мог показаться странным, поскольку Тазиар с его ментальными барьерами был единственным, чьи мысли были для Силме полностью закрыты, но их это не смущало.

Не оглядываясь, Ларсон углубился в толпу. Тазиар и Тим нагнали его через несколько шагов.

— В чем, в конце концов, дело? — спросил братишка. — Куда мы рванули?

Эл в осторожных выражениях ознакомил Тима с ситуацией, умолчав, впрочем, об убитом и раненом. Эта информация могла лишь испугать и расстроить мальчика, но никак не помочь делу.

— Прошу прощения. Извините. Прошу прощения, — механически повторял Эл, проталкиваясь сквозь толпу. Он старался, чтобы его голос и манера держаться указывали на уверенность человека, спешащего по делу. На многих (такие расступались с готовностью) это действовало, других, не желавших понять, почему какой-то молокосос претя вперед, в то время как они остаются на месте, раздражало. Хотя ему и досталось несколько тычков и толчков, почти не чувствительных для молодого атлета, преградить дорогу никто так и не решился. Ко всеобщему счастью, ибо Ларсон не колеблясь отправил бы в нокаут любого, кто попытался бы его задержать.

Тазиар и Тим каким-то образом ухитрились следовать за ним, не отставая. Впрочем, по этому поводу особо переживать не стоило: во всем, что касалось движения, теневой скалолаз не только не уступал, но превосходил его, с той лишь разницей, что там, где Эл предпочитал идти напролом, Тазиар чаще полагался на ловкость и обходные пути. Что касается Тима, то паренек просто скользил за братом в кильватере, как лодчонка за дредноутом.

Что тебе известно об этих вооруженных людях?

Спокойствие и деловитость, с которыми Ларсон прокладывал себе путь, сказались и на его мысленном послы, и он был этим доволен. Подобный настрой должен был успокоить ее, заставить поверить в то, что он владеет и ситуацией, и собой.

Силме ответила:

Их зовут Боб Хендрикс, это «банко», Стив Хестон и Майк Певрин. Стива они называют «хироном» что на их языке означает «игрок», а Майка — «тайбар» — «советник».

Здорово! Похоже, эти парни с пистолетами воображают, будто играют в гольф. Ты пробовала вступить с ними в контакт?

Только вербально. В их мысли я пока не вторгалась. Они, — девушка предугадала следующий вопрос Эла, — кажутся неуравновешенными.

Уф!

Невозможно предсказать, как они отреагируют, если кто-то вторгнется в их сознание. Думаю, такую возможность стоит приберечь на крайний случай.

Ларсон нашел это решение правильным. Продолжая движение, он отпихнул какого-то малого в потертых джинсах и футболке с надписью на спине «Признательный покойник». Парень, обернувшись, сердито нахмурился. Темные глаза оценивали комплекцию обидчика. Эл сжал кулаки и придал своей физиономии свирепое выражение профессионального боксера. Дитина буркнул что-то неразборчивое и отвернулся. Ларсон, рассыпая привычные «извините» и «прошу прощения», проследовал дальше.

Мои возможности ограничиваются обменом сведениями.

Если эти парни догадуются о ее способностях, они, скорее всего, убьют Силме, чтобы она не смогла выдать их планы. Эл тут же постарался упрятать эту мысль подальше.

Ты права. Без крайней необходимости ни во что не вмешивайся.

Если Силме и уловила подспудную тревогу своего жениха, то виду не показала, чему он был рад.

Между тем он уже добрался до того места, где полиция, оттесняя зевак криками и жестами, устанавливала временное ограждение. Здесь Тазиар ухватил его за рубаху.

— Эл, как там дела? Ты сможешь отвлечь охрану? Ларсон торопливо сообщил другу все, что успел узнать, и в свою очередь спросил:

— Что ты собираешься делать?

Некоторое время скалолаз присматривался к зданию, а потом сказал:

— Тебе лучше не знать.

На сей счет Эл придерживался иного мнения, однако возможности насесть на друга с вопросами у него не было. Поэтому он повернулся налево, к молча изучавшему обстановку Тиму.

— Оставайся здесь. Не ходи никуда и ни с кем, если это не член нашей семьи или не полицейский.

Тим кивнул.

— Будь осторожен.

Этого Ларсон обещать не мог, а потому предпочел обойтись без ответа. Вскинув голову и расправив плечи, он перешагнул через натянутую полицейскими желтую ленту и услышал, как гомон позади него стих.

Измотанный полицейский с выбивавшимися из-под фуражки мокрыми от пота волосами устремился наперерез Элу, свистя в свисток. Эл оставил его усилия без внимания.

— Эй! — заорал полисмен. — Куда тебя несет? Молодой человек указал пальцем на высочайшее здание в мире.

— Туда. Там моя невеста, моя мать и моя сестра.

Еще один полицейский, красномордый детина, раздосадованный тем, что ему приходится иметь дело с подобными своевольными недоумками, сердито проворчал:

— Не у одного тебя там родственники. Таких много. Мы делаем все, что в наших силах, а ты бы лучше не мешался под ногами.

— Послушай, — Эл попытался обогнуть здоровяка, — там всего семнадцать заложников, и трое из них — моя невеста, моя мать и моя сестра. Получается, что таких, как я, не больше тринадцати человек. А того, что «в ваших силах», явно недостаточно.

Преграждавший Ларсону дорогу красномордый страж порядка побагровел еще сильнее.

— Откуда ты можешь это знать? — спросил другой офицер, не скрывая своего удивления.

— Скажем так, я был во Вьетнаме, но вы нигде не найдете никаких следов моего послужного списка, — ответил Ларсон, надеясь, что это противоречие сработает в его пользу как намек на службу в секретных частях особого назначения. — И о моей невесте вы нигде не найдете никаких данных. Кроме того, между нами существует особая связь.

Рослый полисмен выкатил глаза и выразительно покрутил пальцем у виска. Однако на его напарника осведомленность относительно числа заложников, похоже, произвела впечатление. Видимо «Армия мирного освобождения Вьетнама» передала полиции свои требования по телефону, сообщив о количестве захваченных людей.

— Что ты еще знаешь?

— Террористов трое. Их зовут Боб Хендрикс, Стив Хестон и Майк Певрин.

— Ты попусту тратишь время, мешая специалистам заняться спасением твоих же родичей, — прорычал, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, красномордый детина. — Тоже мне, Максвелл Смарт ¹ нашелся! Проваливай!

Он указал в сторону желтой ленты.

¹ «Агент № 86», герой американского шпионского сериала 60-х годов.

Поскольку другой полицейский сопроводил требование лишь пустым, ничего не выражающим взглядом, Эл торопливо добавил:

— «Банко», «хирон» и «тайбар». Это клички террористов. Я назвал вам их имена и клички.

Тут удивился даже красномордый. Глаза его расширились, но спустя мгновение подозрительно сузились.

— А ты откуда знаешь? Ты часом не... Неожиданно притихшая толпа дружно ахнула.

Эл понял, что это, скорее всего, имеет отношение к Тазиану, но, хотя это и оказалось труднее, чем он думал, Удержался от искушения обернуться. Его движение наверняка привлекло бы к происходящему внимание копов. А что, если озверевшие «борцы за освобождение» сбросили с площадки кого-нибудь из заложников?

В это мгновение в его голове прозвучал встревоженный голос невесты:

Они злятся. Из-за того, что полиция отказывается предоставить им вертолет.

Отказывается? — Вопрос был бессмысленным и вырвался у него непроизвольно.

Они говорят, погода нелетная. Слишком ветрено.

Интересно, это уловка?

Силме вновь заговорила с сарказмом: верный признак того, что волновалась она куда больше, чем хотела показать и Элу, и окружающим.

Знаешь, когда я в последний раз летала на вертолете...

Значит, ветрено?

Вроде того.

Этот разговор ничего Ларсону не дал. Он представил себе воздушные потоки, омывающие небоскреб даже в самую спокойную погоду, и поежился. Правда, писали, что на вершине имеется вертолетная площадка... или мачта для дирижабля?

Он выбросил эти мысли из головы и взглянул на насупившего темные брови полисмена.

— Ну? Выкладывай, откуда ты столько всего знаешь?

— Я же вам уже рассказывал. — Ларсон говорил с нарастающим нетерпением, надеясь, что Тазиар уже успел сделать то, ради чего он отвлекал полицейских. — Мы с моей невестой...

— Это я уже слышал! — рявкнул детина. — Меня на этот вздор не купишь! Откуда мне знать — может, ты сам член этой банды?

Эл мог бы придумать несколько объяснений, но не видел причины утруждать. Ни у него, ни у Тазиара не было на это времени.

— Послушайте, моя мать, а также сестра и невеста там, наверху. Их держат под прицелом, и я не обязан вам ничего доказывать!

Рослый полицейский покосился на напарника, который, в свою очередь, пристально рассматривал Ларсона. В его взгляде сквозили раздражение и презрение.

— Тем не менее доказать бы не мешало. Чтобы попасть в здание, ты должен пройти мимо меня, а я получил приказ никого не пускать.

Усилием воли Ларсон заставил себя говорить серьезно и спокойно.

— Вы исполняете свой долг, я свой. Можете стрелять в меня, но я иду туда.

С кошачьей грацией Эл обогнул рослого полисмена и зашагал к пожарной лестнице.

В эту секунду толпа разразилась одобрительными восклицаниями, и это позволило Ларсону сделать вид, будто он не слышит криков полицейского. Переговорное устройство на поясе офицера сквозь писк и треск выдало сообщение о том, что «кто-то... взбирается на здание».

Один из копов припустил за Элом вдогонку, и тот, ускорив шаг, посмотрел вверх. Солнце, отражаясь от блестящих стен здания, слепило глаза, но это не помешало ему рассмотреть крохотную темную фигурку.

Тазиар!

Силме, видимо решив, что он обратился к ней, тут же отреагировала:

Что с ним? Не он ли взбирается на эту дурацкую вышку? — В ее мыслях угадывалось удивление. — А он знает, что мы — на восемьдесят шестом этаже?

Конечно знает. Я ему говорил. Ты полагаешь, будто это способно его обескуражить?

Им хорошо было известно, что у скалолаза непреодолимая тяга ко всему, что кажется непреодолимым.

А что, если он свалится?

Ларсон не стал утруждать себя очевидным ответом. Маленький верхолаз уже перевалил через пятиэтажное основание и, взбираясь по основной части башни, находился на уровне седьмого этажа, то есть на высоте, достаточной для того, чтобы при падении переломать себе все кости. Полицейские, неистово крича в мегафоны, безуспешно пытались его остановить.

— Черт с ним, пусть поднимается, — услышал позади себя Ларсон голос здоровяка.

— Это еще почему? — огрызнулся его напарник.

— Да потому, что даже если этот малый одолеет все этажи, в чем я, честно говоря, сильно сомневаюсь, он все равно ни черта не сможет предпринять.

— Если вообще заберется.

Последние слова потонули в гуле толпы, криках копов и треске помех полицейской рации. Ларсон тем временем добрался до подножия наружной пожарной лестницы. Ведущая к ней дверь, обычно запертая, была открыта, но охранялась другой парой стражей порядка.

Эл!

Неожиданное возвращение Силме застало Ларсона врасплох, так что он споткнулся.

Ты где? Что делаешь?

Направляюсь к лестнице.

К лестнице? А ты знаешь, что в ней две тысячи ступеней?

Здорово! Полторы тысячи ее не впечатляют. Ларсон постарался, чтобы эта мысль ей не передалась.

А ты бы предпочла, чтобы я поступил как скалолаз?

Конечно нет. Я предпочла бы, чтобы ты остался внизу и помогал полиции. А я передавала бы тебе информацию.

Ага, до сих пор это здорово срабатывало! Черт, надо себя сдерживать...

Полисмены, увидев его, преградили подступ к двери.

— Сюда нельзя, сынок, — сказал один из них.

Ларсон остановился. Слишком раздраженный и нетерпеливый, чтобы снова вступать в препирания, он, сделав вид, что поворачивается, развернулся и ударил одного из охранников кулаком в плечо. Охнув, коп отлетел в сторону, открыв проход, достаточный, чтобы Эл успел туда проскочить.

Набирая скорость он мчался по ступеням, преследуемый тяжелым топотом и криками:

— Эй! Туда нельзя! Это опасно! Стой! Эй!

Ларсон, не обращая внимания, несясь вверх.

Полицейские попадались через каждые несколько лестничных площадок, но у них имелись дела поважнее, чем заниматься каким-то придурком, возомнившим себя героем и попытавшимся взбежать на высоту в тысячу футов. Он, конечно, находился в превосходной физической форме, но уже на уровне десятого этажа поймал себя на том, что дышит тяжело, а на двадцатом начал задыхаться.

«Здорово, приятель! — сказал он себе. — Просто здорово! Может быть, каким-то чудом ты сумеешь взлететь наверх и потребовать, чтобы эти маньяки сдались».

И тут его посетила мысль, до сего момента вообще не приходившая ему в голову. Судьба близких ввергла его в такое состояние, что он, спеша им на выручку, даже не подумал о том, как, собственно говоря, намерен справиться с этими сумасшедшими. Пожалуй, от подобных размышлений стоит избавиться, сосредоточившись лишь на движении наверх. Ведь эти ребята, надо полагать, хоть и безумцы, но не тупицы.

Размышляя, он даже снизил темп, хотя подъема не прекратил.

Где ты? — подозрительно поинтересовалась Силме.

Тебе лучше не знать, — ответил он, вспомнив позицию, занятую Тазиаром.

Не знать, может, и лучше, но знать необходимо.

Что происходит наверху? — спросил он вместо ответа.

Троица маньяков совещается. Похоже, они не очень поверили в то, что для вертолета слишком ветрено.

Ларсону это не понравилось, но он сосредоточился на мысленном разговоре, ибо оказалось, что это позволяет хоть немного забыть о боли в ногах и разрывающихся легких.

Как думаешь, могла бы ты убедить их?

Риск очень велик. Кто знает, как могут они отреагировать на мысленный посыл?

А нельзя просто обронить замечание, что сегодня, например, ветер сильнее, чем когда ты была тут в последний раз?

Они требуют тишины. Один парнишка с перепугу заголосил, так они пригрозили сбросить его вниз. А у старика, пытавшегося подать голос, отобрали коляску. И сбросили ее.

Сердце, подгоняемое как тревогой, так и физическим напряжением, грозило выскочить из груди. Утешало лишь то обстоятельство, что захватчики, похоже, предпочитали не причинять вреда гражданским лицам. Правда, тем, на кого угодили бы обломки инвалидной коляски, могло не поздоровиться, но она, скорее всего, не вылетела за пределы полицейского оцепления. Тревожило не это, а отчетливое ощущение усиливавшегося беспокойства, исходившего от Силме.

Что?

Что «что»? — откликнулась она, прикинувшись непонятливой.

Измученному тяжелым подъемом Элу было не до игры словами.

Ты что-то знаешь, а мне не говоришь.

Я вообще много знаю.

Шутка вроде бы удалась, но Силме это не порадовало: верный признак того, что он попал в точку.

Он продолжал свой безостановочный бег, мимоходом отметив, что полицейские на лестничных площадках больше не попадают.

Так все-таки что ты от меня скрываешь?

Помнишь, я говорила про охранников?

Ларсон поморщился. Это он, разумеется, помнил.

Как там раненый?

Еще жив. Он без сознания. — Она помолчала. — Эл, они замысливают недоброе...

У него перехватило и без того тяжелое дыхание.

Продолжай.

В настоящий момент мысленное общение давало еще одно преимущество, которое Ларсон оценил только сейчас. Вслух, в своем нынешнем состоянии, он не смог бы произнести ни слова.

Охранники отправятся первыми, а потом они намереваются продолжить, отбирая людей по возрасту.

Боровшемуся с усталостью и болью молодому человеку потребовалось некоторое время, чтобы понять простое и страшное значение слов «отправятся первыми». Заложников просто-напросто скинут с площадки.

Боже мой!

Одного за другим, через определенные промежутки времени. Пока их требования не будут выполнены.

Боже мой! — Других слов у Ларсона не нашлось.

Они считают, что если уже совершили убийство, то больше им терять нечего.

Конечно, если не считать жизнью ни в чем не повинных людей.

Нотка страха прорвалась сквозь тщательно контролировавшееся, напускное спокойствие Силме.

Они считают, что их дело важнее.

Ну конечно, такая логика оправдывала все. Убивать ни в чем не повинных людей в знак протеста против убийства ни в чем не повинных людей! Искать рациональное объяснение действиям фанатиков было бесполезно, и Ларсон, достигнув очередной площадки, бросил на бегу взгляд на дверь. Оказалось, что он добрался до сорок первого этажа. Это открытие заставило его застонать: впереди почти половина пути!

Очевидно, последнюю мысль он случайно направил Силме, ибо она тут же откликнулась.

Какой?

Сорок первый, — отозвался он, пытаясь замаскировать свои истинные чувства.

Ты поднимаешься! А я ведь просила тебя этого не делать!

Ты тоже никогда меня не слушаешь.

Девушку, однако, эта реплика с толку не сбila.

Пока ты доберешься сюда, у тебя не останется никаких сил. Чем, спрашивается, твое присутствие нам поможет?

Во всяком случае не повредит, — откликнулся Ларсон.

Пробегая очередную площадку, он не смотрел на номер этажа, решив, что сделает это, лишь продвинувшись на значительное расстояние.

Еще как повредит! Тебя могут убить!

Ты видела Тазиара? — спросил Эл, чтобы не развивать затронутую тему.

Пока нет, — ответила Силме. — *Когда появляется возможность, я украдкой оглядываюсь, но они держат нас под пристальным наблюдением. Заставили сбиться в плотную кучу, чтобы все мы находились в их поле зрения.*

По правде сказать, Ларсон сомневался в том, что даже теневой скалолаз способен без всякого снаряжения взобраться по наружной стене на Эмпайр стэйт билдинг, но ему не оставалось ничего другого, кроме как надеяться. А надежду вселял тот факт, что его миниатюрному другу не раз доводилось делать то, что считалось невозможным, причем зачастую он брался за подобные дела именно по этой причине.

С размышлений о Тазиаре его сбilo очередное обращение Силме:

Сейчас они собираются сообщить полиции о своем плане. О том, что будут сбрасывать вниз по заложнику каждые полчаса, начиная с самых старых, пока не... о боги!

Контакт оборвался.

Силме! Силме!

Не получив отклика, Ларсон оставил попытки дотянуться до нее, ибо в отличие от своей невесты не обучался в драконьей школе и мог лишь ждать, когда связь восстановится. Взгляд его невольно упал на табличку очередной двери: пятьдесят третий этаж.

Сверху донеслись голоса. Ларсон сбавил темп и напряг слух, пытаясь разобрать слова, но разговор прервался. Теперь он слышал лишь шарканье подошв о бетон.

Осторожно обогнув площадку пятьдесят четвертого этажа, Эл увидел двоих мужчин, одетых в полицейские мундиры. На поясе одного из них потрескивала и свистела рация. Постаравшись придать себе непринужденный вид человека, идущего по делам и, несомненно, имеющего на это право, Эл продолжил путь вверх.

Копы, заметив его, встрепенулись. Оба они были молодыми парнями среднего роста и крепкого телосложения, но на этом их сходство заканчивалось. У одного из них из-под фуражки выбивалась непокорная рыжая шевелюра, а голубоглазую физиономию украшала россыпь оранжевых веснушек, тогда как его кареглазый спутник, похоже, то ли брил голову, то ли был лыс. Хотя они и производили впечатление людей, находящихся в хорошей физической форме, желанием продолжить подъем ни тот, ни другой явно не горел.

— Эй, приятель, ты кто? — спросил рыжий полисмен, и Ларсон порадовался тому, что полицейские рации имеют ограниченный радиус действия. Будь их диапазон пошире, копы снизу уже предупредили бы своих о том, что какой-то псих рванул вверх по лестнице.

— Эл Ларсон. Спецгруппа ФБР, — бросил он.

Оба полисмена осмотрели его с ног до головы.

— А значок есть? — спросил кареглазый.

— Есть, конечно, — соврал на ходу Ларсон, — да показывать некогда... на каждом этаже.

С этими словами он быстро, но уверенно проследовал мимо них и рванул вверх по ступеням.

— Наглый тип, — прозвучало за его спиной, но Эла интересовала не оценка его поведения. Главное, чтобы копы поверили: ему уже осточертело показывать свой значок чуть ли не через этаж. Объяснение было вполне правдоподобным — одолел ведь он более полусотни этажей, не будучи задержанным, — и, видимо, сработало. Во всяком случае, гнаться за ним не стали. Конечно, причиной тому могла быть и обычная лень, но это не имело никакого значения.

Увеличение скорости отозвалось мучительной болью в ногах, однако Ларсон не сбавлял темпа до тех пор, пока не уверился, что замедления никто не заметит.

Воздух продирался сквозь его легкие с мучительным скрежетом. Задыхаясь, Эл утер пот со лба тыльной стороной ладони.

И тут пришел зов от Силме.

Они сбросили охранников!

Что?

Зачем спрашивать? Разумеется, при мысленном общении существовала возможность искажения информации, однако он вовсе не хотел, чтобы девушка повторяла сказанное.

Обоих сразу. Они считают: это покажет полиции серьезность их намерений.

Трудно было не согласиться с тем, что сбросить хотя бы одного человека с Эмпайр стэйт билдинг — достаточно веское доказательство серьезности намерений. Правда, один из сброшенных был уже мертв, но ни копы, ни толпа внизу об этом не знали.

Ларсон прибавил шагу, хотя ноги его передвигались примерно с той же легкостью, как если бы к ним привязали свинцовые шары для боулинга, а заодно с воздухом — такое складывалось впечатление — он пропускал сквозь горло и легкие всю лестницу, вместе с перилами и ступенями.

Следующее обращение его невесты было окрашено паникой.

Эл, они сумасшедшие! Поднимайся скорее!

Ага, значит, теперь ты хочешь, чтобы я поднялся? Ларсон благоразумно придержал эту мысль при себе.

Я поднимаюсь так быстро, как могу. Вообще-то я неплохой бегун, но подъем по лестнице вовсе не то, что бег по стадиону или даже по пересеченной местности.

Несколько мгновений Силме о себе не напоминала, и он сосредоточился на размеренном движении, глядя, как под его кроссовками мелькают, убегая назад, узорчатые мраморные ступеньки. Теперь даже его ноги запомнили конструктивную особенность этой лестницы: каждый пролет состоял из восемнадцати ступеней.

Почему, черт возьми, не из двадцати?

Ларсон выбросил эту, не относящуюся к делу мысль из головы, но его тут же посетила другая, куда более тревожная.

Силме, как там мама?

Напугана, но держится. Как и все мы.

Ларсон между тем был уверен, что истинный смысл его вопроса Силме поняла прекрасно. Те уроды грозились сбрасывать заложников, руководствуясь возрастом, начиная с самых старых. И если Силме предпочла Дать ему уклончивый ответ, то...

Силме, как скоро очередь дойдет до мамы?

Она старалась избежать прямого ответа.

Ну, ты же знаешь, она еще не старая...

Силме!

А может быть, тебе лучше этого не знать?

Может быть, — согласился Ларсон, огибая очередную площадку. — Но ты все равно скажи.

На сей раз девушка молчала долго. Очень долго.

Сразу после того инвалида, коляску которого уже скинули, — сообщила она наконец. — С виду ему можно дать лет тысячу. Близкие, которые его привезли, говорят, что ему восемьдесят девять лет, но он ведет себя как младенец...

Силме... Она следующая? После старика? Разве она...

Эл, поторопись.

Как ни ужасна была правда, Ларсон не позволил этой новости парализовать его. Он понимал: стоит ему запаниковать, и все будет потеряно.

Я спешу, — сообщил он. — Но мне потребуется твоя помощь.

После перехода на шестьдесят пятый этаж на пути Ларсона к его цели уже не стояло ничто, кроме собственной человеческой слабости. Ему казалось, будто он бежит уже долгие часы, воздух обжигал его легкие, ноги болели, едкий пот заливал глаза. Ему очень не хватало спутника, кого-нибудь, вроде надежного боевого товарища, крепкого и выносливого, который приободрит бы его, не позволив сдаться или уступить отчаянию. Впрочем, в лестничной шахте царил такая духота, что он едва ли не радовался тому, что его вполне соответствовавший названным критериям друг выбрал иной путь наверх — на двоих здесь бы попросту не хватило воздуха.

Так или иначе, он был уже почти у цели. Почти. Ларсон рвался вверх и вперед, хотя его немевшие ноги двигались, казалось, уже лишь в силу привычки.

«84». Увидев на дверной табличке этот номер, он преисполнился радостного воодушевления и, окрыленный предчувствием скорого достижения цели, рванул вверх с удвоенной энергией.

И в результате едва не налетел на пару полисменов, вяло топтавшихся на лестничной площадке. Он замер на месте, тяжело дыша и не в состоянии вымолвить ни слова.

Полицейские явно поднимались отнюдь не бегом, но хотя дышали они не в пример легче Эла, выглядели довольно усталыми. Мундиры их были расстегнуты, лица блестели от пота. Молодые и мускулистые — один чернокожий, другой блондин с живыми зелеными глазами, — эти парни, видимо, были посланы наверх именно потому, что находились в хорошей физической форме.

— Какого черта, приятель? Ты откуда взялся? — спросил один из них, но в отличие от копов, обращавшихся к Ларсону до того, без всякого недоброжелательства.

— Вы знаете... сколько... — хрипло выдохнул он, шатаясь и боясь, что если сейчас упадет, дальше ему уже не двинуться.

— Меня Картером звать, — сказал негр, стукнув себя в грудь. — А ты кто?

— Эл, — пролепетал Ларсон, не зная, по имени представился коп или по фамилии.

— А я Махан, — сказал белый полицейский. — Джимми Махан. — Он пригляделся к Ларсону и понимающе подмигнул. — Ну, выкладывай.

Ларсон обхватил колени, ища наилучшее положение, чтобы набрать побольше воздуха.

— Не могу... должен... спешить.

— Куда спешить-то, парень? — хмыкнул чернокожий. — Ты глянь на себя: дышишь, словно рыба, из воды выкинутая. Ну, доберешься ты туда, а толку-то от тебя?

— Мне... надо... Они... они сбрасывают вниз... там мама...

Задышавшись, он привалился к стене.

— Сбрасывают?

Копы ошеломленно переглянулись. Ухмылка Картера пропала.

— Ты хочешь сказать, они...

— Людей... с восемьдесят шестого этажа, — подтвердил Ларсон.

— Дерьмо!

Махан утер пот со лба и снова нахлобучил фуражку.

— Делать-то что будем?

Ларсон соображал быстро. Конечно, лучше всего было бы уговорить одного из полисменов отдать ему свой пистолет, но ясно, что такая просьба едва ли будет встречена с пониманием и восторгом.

— Попасть туда... разумеется. Что мешает это сделать?

В этот миг его сознания достиг исполненный ужаса зов Силме.

Старик! Они тащат его к перилам!

Значит, мама следующая! Эл понимал, что, наверное, проявляет себя не с лучшей стороны, беспокоясь о возможной участи своих близких больше, чем о человеке, который уже сейчас находился на волосок от гибели, но он ничего не мог с собой поделать. В конце концов, старик уже прожил долгую жизнь, да и в настоящий момент, наверно, плохо осознавал происходящее.

Силме, что ты знаешь о двери в лестничную шахту?

О какой?

Этот простой вопрос на миг поверг его в растерянность.

Любой, — ответил он, помешкав.

Они заперты.

Конечно, этого следовало ожидать.

Две охраняются вооруженными людьми — практически постоянно. Если там есть и другие, я о них ничего не знаю, — передала Силме и, предвосхищая его вопрос, добавила: — *Мне открыты лишь их поверхностные мысли, а не все, что они знают.*

— Первым делом замок, — сказал Картер в ответ на вопрос, о котором сам Ларсон, отвлеченный мысленным обменом с Силме, уже успел забыть. — Ключ у нас, само собой, есть, но вот толку от него никакого. Двери почему-то отпираются не из лестничной шахты, а со стороны смотровой площадки.

Ларсон закусил губу. Ноги еще болели, но дышать уже стало легче. Он подумал о Тазиаре — хотелось надеяться, что маленькому верхолазу хватит ума не ввязываться одному в свалку. В убийцы он ни по навыкам, ни по складу характера не годился. Однако мысль о друге натолкнула его на одну идею.

— Есть на этом этаже какие-нибудь окна? Махан пожал плечами.

— Это офисное здание, сплошное стекло. Можно сказать, тут одни окна и есть. А что?

Ларсон, не теряя времени даже на фразу «некогда объяснить», рванул с места, налетел на тяжелую дверь и, вышибив ее телом, оказался в коридоре с высоким потолком. Не замечая вокруг ничего, кроме входа в какой-то офис в дальнем конце, он побежал туда, резко повернул круглую ручку и одновременно ударил в дверь плечом. Она была заперта, и деревянная рама устояла, но вставленное в нее матовое стекло разлетелось вдребезги. Осколки, поранив ему плечо, дождем посыпались на мраморный пол. Эл прыгнул в брешь, выбив из рамы оставшиеся куски стекла и растоптав в порошок осколки на полу. Поскольку взгляд его был прикован к окну, он на бегу сшиб кресло и налетел на письменный стол, сильно ушибив бедро. Боль не отвлекла его даже на долю Мгновения: изрезанный стеклом, оставив позади себя опрокинутую мебель, он метнулся к широкому и высокому — более чем на полфута выше его немалого шестифутового роста — окну и из всех сил ударил по стеклу ребрами ладоней. Стекло даже не шелохнулось. Взревев от ярости, он стал барабанить по окну кулаками.

Голос Силме, вновь возникнувший в его сознании, прозвучал со странным спокойствием.

Эл, они сбросили его. Ему конец.

О господи! Ларсон отогнал представшую перед его мысленным взором картину — старика, летящего в воздухе с округлившимися от ужаса глазами и разинутым в истошном крике ртом, — и подумал о том, сколько времени продлится этот кошмар, прежде чем чудовищный удар и мгновенная вспышка боли положат всему конец.

Силме, я иду.

Поторопись. — За этой просьбой стояло очень многое. — *Пожалуйста, поторопись!*

Ларсон попытался выбить стекло плечом, но в тот самый миг, когда в поле его зрения оказались облака и маячившие внизу, выглядевшие отсюда карикатурно маленькими дома, сообразил, что поступает неразумно. Если стекло вылетит, он отправится вниз вместе с ним. К счастью, окно устояло, и Эл, отступив на шаг, чтобы обдумать сложившееся положение, увидел оконную задвижку. Черт, это ж надо быть таким кретином! Окна, разумеется, мешают ротозеям вываливаться на улицу, однако они проектируются не с тем расчетом, чтобы их разбивали вдребезги всякий раз, когда кому-то захочется проветрить офис!

Отодвинуть щеколду и открыть окно не составило труда, однако впереди его ждало нелегкое испытание. Понимая, что он отнюдь не столь ловкий верхолаз, как Тазиар, Эл, неуклюже выбравшись на подоконник, старался не смотреть вниз, боясь, что взгляд с высоты его парализует.

Правда, начав перемещаться, молодой человек обнаружил вмурованные в известняк прочные крюки, весьма облегчавшие движение. Если такие штуковины шли вдоль всей высоты здания, теневой скалолаз мог счесть этот чертов небоскреб самой легкой вершиной, на какую ему когда-либо приходилось взбираться. Эл и сам не раз наблюдал, как Тазиар без малейших усилий карабкался по совершенно отвесным кирпичным стенам, а их общие друзья уверяли, будто он способен взбираться даже по гладкому стеклу. Заодно Ларсон сообразил, что наружные крюки, надо полагать, служили креплениями для мойщиков окон и других рабочих, осуществляющих наружное обслуживание здания.

Солнечный свет, отражаясь от стекла и стали, слепил яркими бликами, так что перемещаться по карнизу к одному из огромных пилонов из нержавеющей стали, что обхватывали находившуюся всего в этаже над ним смотровую площадку, приходилось едва ли не с закрытыми глазами.

Эл.

Он вздрогнул и судорожно вцепился в крюки.

Не делай этого.

Чего?

Этот простой вопрос помог Ларсону понять, что причина его испуга не в Силме, а в нем самом, в его нервном и физическом напряжении.

Прости. Не прерывай контакта. Ты будешь мне нужна.

Ладно, постараюсь. Я отвлеклась, потому что успокаивала одного маленького мальчика. Ты где?

В этот момент Ларсон, подтянувшись на двух крюках руками и упершись в один правой ногой, перекинул левую через уступ.

Двигаюсь снаружи, как и скалолаз. Следи за моей рукой.

Ладони его скользнули по холодному металлу, и он вспомнил, что открытая смотровая площадка для предотвращения самоубийств обнесена барьером.

Секунду, — сказал он и себе и Силме. — Площадка ограждена. Как они сбросили старика?

Проделали отверстие, — пояснила девушка с чувством, которое можно было бы приблизительно охарактеризовать как ментальную дрожь. — Пропихнули его туда, а всех нас заставили смотреть. Чтобы мы знали, что будет с нами, если полиция станет тянуть с выполнением их требований. А потом они отправили самых напуганных к телефону.

Вот уж действительно — «Армия мира»! Банда сумасшедших мерзавцев!

Видимо, его мысль передалась Силме, ибо от нее повеяло страхом.

Ты где?

Эл продвигался вдоль металлического обрамления, думая о сетке с ромбовидными ячейками, являвшейся дополнительным средством ограждения смотровой площадки и предназначавшейся для того, чтобы помешать какому-нибудь сумасшедшему перемахнуть барьер или швырнуть что-либо вниз. Он посещал эту площадку в детстве, и воспоминания подсказывали ему, что сеть натянута на прутья, наверху загибающиеся внутрь, в сторону здания.

Я нахожусь на уступе, снаружи ограждения. Следи за моими руками. Направляй меня к отверстию, которое они проделали, и отвлекай их, если возникнет опасность, что меня кто-то заметит.

Хорошо, — ответила Силме. — Я слежу и за скалолазом, только вот связаться с ним не могу.

Ларсон вспомнил о ментальных барьерах Тазиара, но сейчас его больше интересовал иной барьер — ограждение площадки. Совершенно произвольно выбрав направление, Эл шел вдоль края, используя пилоны как ступени. Перемещаться оказалось легче, чем он ожидал, хотя любое неверное движение могло стоить ему жизни.

Эл, вижу тебя. По часовой стрелке ты доберешься до дыры быстрее.

Он двинулся в обратном направлении. К сожалению, если поначалу путь показался ему несложным, то очень скоро мнение изменилось. И без того натруженные за время подъема мышцы болезненно ныли, ветер бил в лицо, ограда впивалась в пальцы, гранит царапал кожу.

Почти. Ты почти на месте.

Осторожное высказывание Силме пролилось в его уши как благотворный бальзам, но едва он успел обрадоваться, как от нее пришло испуганное предостережение:

Осторожно! Один из них направляется в твою сторону!

Сердце Ларсона бешено заколотилось. Он представил себе, как пытается подняться, но незнакомец со злобным смехом сталкивает его с ненадежной опоры, отправляя в долгий смертельный полет.

Отвлеки его!

Я попробую.

Контакт с девушкой прервался, и оставшийся без ее указаний Ларсон оказался перед отчаянным выбором. Он, конечно, мог застыть на месте в надежде на то, что его не заметят, но... Человек действия, он понимал, что просто не сможет бездействовать, рассчитывая не попасться на глаза безжалостному убийце. И Эл ускорил Движение. В его ушах оглушительно свистел ветер.

Внезапно в ладонь врезался острый край неровно обрезанного металла. Острая боль заставила Ларсона закусить губу, но он не вскрикнул и не только не разжал руку, но и оказался перед самым отверстием.

Эл! — Появление Силме в его сознании было похоже на укол раскаленного копья. — *Эл, он прямо над дырой!*

Ларсон вскинул голову, и оказалось, что он смотрит прямо в темные, расширенные от изумления глаза убийцы. Лохматые черные волосы окаймляли смуглое, с резкими чертами лицо человека не намного старше его, с кожаным рюкзаком за плечами. Вырез футболки открывал золотую цепочку с болтавшимся на ней символом мира грубой ручной штамповки.

Толкни его! — воззвал Ларсон к Силме.

Удерживаясь одной рукой за острый металлический край отверстия, он выбросил другую вперед, схватил мужчину за лямку рюкзака и рванул на себя. Тот подался вперед, скользя на подошвах, истошно завопил и попытался удержать равновесие, размахивая руками. Эл вздрогнул, понимая, что если этот парень схватится за него, они полетят вниз вместе. Он и без того почти потерял равновесие и едва держался, вцепившись одной рукой в железо, а другой — в полоску кожи. На несколько мгновений время для обоих остановилось: они зависли в немыслимом балансе между жизнью и смертью.

Потом баланс нарушился: смуглолицый, вскрикнув в безумном ужасе, перевалился через край площадки и полетел в небытие, увлекая за собой вцепившегося в его рюкзак Эла. Руку, схватившуюся за железо и удерживавшую теперь двойную тяжесть, пронзила острая боль, пальцы разжались.

«Я покойник», — подумал Ларсон с удивительным, отстраненным спокойствием, но в этот миг дополнительная тяжесть исчезла. Пронзительный крик падавшего в бездну убийцы стремительно удалялся, в то время как в руке Эла остался один рюкзак. Другой крик

раздался сверху: кто-то задержал падение самого Ларсона, крепко схватив его за запястье. Борясь с подступавшим изнутри смятением, он восстановил равновесие, вновь почувствовав, что ноги его все же не соскользнули с пилонов.

Держись, — обратилась к нему Силме. — *Я не дам тебе упасть.*

Сглотнув желчь, он забросил за уступ левую руку, продолжавшую сжимать лямку рюкзака. Только теперь до него дошло, что он мог бы избавиться от серьезной опасности, просто выпустив рюкзак. Правда, тогда сама мысль о том, чтобы хотя бы ослабить хватку, наверное, показалась бы ему безумием.

Он поднял глаза и увидел встревоженное лицо девушки, обеими руками сжимавшей его запястье.

Скорее! — Силме нервно обернулась.

Напрягшись и собрав всю силу воли — ему пришлось преодолевать острую, не ослабевавшую ни на секунду боль в травмированной правой руке, — Ларсон подтянулся и пролез в отверстие. Впрочем, как раз боль в данной ситуации воспринималась им как благо, ибо напоминала о том, что он все еще жив. Но это — если не принять срочных мер — ненадолго...

Выпотрошив рюкзак, Ларсон торопливо осмотрел содержимое: одежда, еда, какие-то журналы. Оружия не было.

Черт! Это ж надо! Я чуть не погиб из-за этого дурацкого рюкзака, а в нем даже паршивого пистолета не завалялось!

Силме. — Эл поднял глаза на невесту. — *Возвращайся к остальным. Постарайся дать им знать, что я ваш друг. Я постараюсь помочь им, а они, если будет такая возможность, пусть постараются помочь мне.*

Кивнув, девушка направилась к центральному сувенирному киоску. В этот момент дверь рядом с ним распахнулась.

.. — .. — Эй! — крикнул выскочивший оттуда громила с длинными сальными волосами. Схватив Силме за запястье, он потащил ее за собой.

Ларсон, как бы ни взбесило его увиденное, сумел не потерять головы. В тот самый момент, когда громила вскинул свой пистолет сорок пятого калибра, Эл отскочил в сторону и, прижимаясь к стене, обогнул сувенирный киоск. Но тут из двери слева от него выскочил еще один убийца, и Ларсон оказался зажатым с обеих сторон.

Дерьмо! Отчаяние побудило попавшего в окружение Эла к непредсказуемому поступку. Бросившись к заграждению, он метнулся вверх по ячеистой сетке и только потом заметил, что наверху, как раз там, где удерживавшие сеть острые штыри загибаются вовнутрь, находится другой человек.

«Тазиар! — мелькнула отчаянная мысль. — Я, можно сказать, сам вывел их на него! »

— Мать твою! — проревел светловолосый бандит и, пригнувшись, выстрелил в фигуру над головой Ларсона.

— Нет!

Забыв о собственной безопасности, Эл бросился на него, и, столкнувшись, оба полетели на пол. Пуля с визгом срикошетила. Заложники с криками шарахнулись в противоположную сторону. Сцепившиеся противники врезались в стеклянную витрину киоска. Левый бок Ларсона пронзила острая боль, но он, не обращая на это внимания, перехватил сжимавшую пистолет руку врага и резко вывернул ее. Хрустнул сустав, пистолет стукнулся об пол.

Скалолаз! — прозвучал в его голове испуганный голос Силме.

Подхватив оружие, Ларсон резко развернулся ко второму бандиту, но тот успел выстрелить в Тазиара. От пули маленький верхолаз увернулся, но потерял равновесие и сорвался со своей ненадежной опоры.

— Нет!

С диким криком Эл бросился другу на выручку, хотя никакой возможности помочь ему у него не было. В это мгновение пуля обожгла ему бедро. Он упал, как и Тазиар, с той лишь

разницей, что у него под ногами была твердая поверхность, а скалолаз сорвался в бездну.

— Нет! Нет!

Его захлестнула дикая, безумная ярость.

Направив пистолет, отобранный у блондина, на второго бандита, Ларсон нажимал на спуск снова и снова, пока не опустошил магазин.

Эл! — пыталась докричаться до него Силме, но Ларсон пришел в себя, лишь когда кончились патроны.

— Тазиар! — стонал он. — Нет! Нет! Обезоруженный им светловолосый бандит валялся без сознания возле сувенирного киоска. Его окружала толпа недавних заложников. Некоторые пытались связать его самолетиками Кинг-Конга и другими сувенирами, имевшими шнурки или ленты, другие просто пинали или швырялись чем попало.

Выронив пистолет, Ларсон упал на колени и, обхватив лицо руками — собственная липкая и теплая кровь измазала его щеки, — закричал:

— Это я, я виноват! Только я! Не сунься я в это место, они бы его не заметили! Тазиар погиб из-за меня!

Миссис Ларсон бросилась к сыну и обняла его, словно маленького ребенка. Она видела, что он весь в крови, и по щекам ее текли слезы.

— Эл! Эл, скажи что-нибудь.

Пэм опустила рядом с ним на колени и взяла в ладони его израненную руку.

— Со мной все в порядке, мама, — прохрипел Ларсон, хотя сам так не думал.

Но если и мог надеяться ввести в заблуждение мать и сестру, то с Силме это не получилось. Его настроение, так же как и ход мыслей, было для нее очевидно.

— Перестань казнить себя, — сказала она, подойдя к нему последней, уже после матери и сестры. — Ты не мог знать, где он.

Эл покачал головой. Виновником смерти друга оказался именно он. Во Вьетнаме он научился чувствовать себя ответственным за каждого из боевых товарищей, Делать все для того, чтобы они уцелели. Каждый из них мог полностью положиться на него, так же как и он на любого из них. Но на сей раз он допустил ошибку, и его лучший друг заплатил за это жизнью.

Задержка Силме, видимо, объяснялась тем, что она ходила отпирать дверь на лестничную шахту. Во всяком случае, спустя мгновение на площадке появились полицейские. Успокаивая освобожденных заложников, они приступили к осмотру места происшествия.

— Что тут произошло? — спросил Картер, но это оказалось опрометчивым поступком. Можно сказать, что бедняга открыл шлюз, ибо чуть ли не все спасенные заговорили одновременно, перебивая друг друга.

— Что случилось, на самом-то деле? — Махан направился к Ларсону.

Прежде чем Эл успел вымолвить хоть слово, заговорила перепачканная кровью сына миссис Ларсон.

— Они стреляли в моего мальчика, вот что! Не видите разве, он весь в крови!

— Со мной все в порядке, — подал голос сам Ларсон, снова погрешив против истины. Рука болела, бедро жгло огнем, но все это было пустяком в сравнении с душевными терзаниями.

— Махан! — крикнул Картер, перекрывая людской гомон.

— Да!

— Я сейчас уведу освобожденных людей и пришлю подмогу. Ты выяснил, тут все в порядке?

Полицейский посмотрел на Ларсона.

— Бандиты больше не опасны, — ответил Эл на молчаливый вопрос. Двое валяются на площадке, третий полетел вниз.

Последние слова отозвались в его сердце острой болью.

Полетел вниз... как и Тазиар!

— Ясно. — Полисмен окинул взглядом стоявших рядом с Элом женщин. — Вам, леди, надо будет спуститься вместе со всеми.

— Я не оставлю сына, — покачала головой миссис Ларсон.

Махан перевел взгляд на Пэм.

— Брата, — сказала девушка.

— Моего жениха, — сообщила Силме, прежде чем он успел к ней обратиться.

Полицейский вздохнул, потом похлопал Ларсона по плечу.

— Вообще-то, парень, я понял, почему ты так поступил. Ты ведь не из ФБР, верно?

Ларсон слабо улыбнулся.

— Я бы не стал говорить этого, будь я оттуда. Махан рассмеялся.

— Картер скоро приведет сюда медиков. Продержишься?

— Со мной бывало и похуже.

— Правда? — Мужчина откинул светлые волосы со лба. — Может, мне стоит еще раз подумать насчет ФБР?

— Эй! — донесся голос со стороны сувенирного киоска. — Я, между прочим, тоже ранен. Но почему-то милые дамы не рвутся окружить меня заботой.

Все встрепнулись, а Эл, узнав голос, даже попытался встать.

— Скалолаз? Не может быть!

Тазиар появился со стороны лестничной шахты. За ним тянулся кровавый след, кровавые пятна покрывали и его изорванную в клочья одежду.

Вопрос, произнести который Ларсону так и не удалось, задала Силме.

— Как ты?..

— Стой! Не двигаться!

Махан подошел к Тазиару, держа его на мушке.

— Ты кто такой?

— Это наш друг, Тазиар Медакан! — заявила Силме. Пэм покачала головой.

Наш друг, который только что свалился с восьмидесят шестого этажа Эмпайр стэйт билдинг! Как вообще такое возможно?

Тазиар слабо улыбнулся.

— Свалиться — это чепуха. Забраться обратно и найти открытое окно, чтобы в него пролезть, было потруднее. — Видя, что все ждут объяснений, он продолжил: — Пролетел два этажа, приземлился на карниз и залез в открытое окно. — Он поднял руку, как бы констатируя очевидное. — Подойди сюда и можешь меня потрогать.

— Чудо! — выдохнула миссис Ларсон. Махан почесал в затылке.

— Вообще-то, прежде чем тут поставили ограждение, было предпринято с дюжину попыток самоубийств. И, насколько я помню, ни один из этих чокнутых до земли не долетел.

— Правда?

Миссис Ларсон наконец оторвала взгляд от сына, что весьма обрадовало Эла. Он боялся, что не выдержит столь активного сострадания.

— Точно! Кажется, если я не ошибаюсь, один парень приземлился на том же карнизе, что и ваш приятель. Сломал пару костей, но не более того. Фокус в том, что потоки воздуха сносят все и всех назад, к зданию. Бьюсь об заклад, собирая по пенни на каждом карнизе, можно было бы заработать состояние.

Ларсон всегда полагал, что падающая с небоскреба монетка убила бы наповал любого, но только сейчас понял, почему ни разу не слышал о подобной трагедии, хотя здание, помимо смотровой площадки восьмидесят шестого этажа, имело еще и множество окон.

Послышался шум прибывающего лифта, и он вздохнул с облегчением. Все хорошо — Тазиар жив, а вот и медики! Ларсон умиротворенно закрыл глаза и сжал руку сестры, прислушиваясь к вибрации мраморного пола.

(«Наемник»)

В самый разгар весны, когда повсюду оживают цветы и их запах наполняет дыхание, Долл Дырявые Руки, третий сын Гори Высокого, разругался с отцом и братьями и отправился на поиски приключений.

— Ты еще пожалеешь об этом, — предрекал отец.

— На брюхе приползешь, когда жрать захочешь, — обещал ему старший брат.

— Вот увидишь, никому не нужен растяпа, у которого все из рук валится, — напутствовал средний брат.

Младшие братья и две сестры знай себе ухмылялись. Только третья сестренка расплакалась и обняла его, уговаривая остаться. Остальные глазели и смеялись, и тогда он отвернулся от них.

— погоди, — сказала сестренка. — Я хочу кое-что дать тебе на прощанье.

— Если ему что-то и надо дать на прощанье, — вмешался отец, — так это пинка под зад.

Но все же он отошел в сторонку, и девочка, подбежав к кровати, вытащила из-под подушки свое сокровище — обструганную деревяшку, напоминающую по виду нож. Она нашла ее в прошлом году, когда собирала орехи, — та валялась среди опавших листьев. Девочка подбежала к брату и вложила ее ему в руку.

— Возьми, — сказала она. — Вдруг пригодится.

Это была всего-навсего деревяшка, к тому же не слишком острая, но за сегодняшний день то были первые ласковые слова, которые он услышал.

— Ты правда хочешь его мне отдать, Юлия? — спросил он.

— Правда, — сказала она твердо, прямая, словно сосенка, какими бывают только маленькие дети, обвила его руками и поцеловала. Потом отступила назад, и ему не осталось ничего иного, как уйти — неуклюжему парнишке, не обладающему ни определенными талантами, ни особой красотой, совершенно одному — в незнакомый мир, в самое голодное время года, ибо кто же может питаться цветами?

Он зашагал по тропинке, которая вела к броду, и остановился на берегу, чтобы напиться стремительной ледяной воды. Он набрал бы ее в бурдюк, но у него не было бурдюка. И все-таки стояла весна, и каждая речушка и ручеек текли быстро и полноводно, и он был уверен, что раздобудет воды, когда понадобится. Вот еда — дело другое. У него не было лука и не было лески, чтобы снарядить силов. Во всем этом буйстве цветов не завязался еще ни один плод, кроме разве что диких слив, да и те пока были незрелыми и твердыми, как речная галька. Его взгляд упал на зеленую поросль, колышущуюся в бурном потоке. Она очень походила на зелень, которую мать выращивала в садике на заднем дворе. Он сорвал лист, попробовал. Так и есть. Именно она. Он набрал пригоршню, засунул листья за пазуху и зашагал прочь от ручья по тропинке, которая едва виднелась в зеленой траве — так редко по ней ходили.

К середине дня он выбрался из леса на открытое место и пошел по полю, заросшему высокой травой и цветами ему по пояс. Тропинку он немедленно потерял, но затем нашел снова, случайно наткнувшись на протоптанную бороздку, и двинулся по ней, на этот раз медленно, чтобы не сбиться, надеясь, что никакая змея не попадется ему под ноги в этом непроглядном сплетении трав. Вдалеке вздымались голубоватые холмы, но он не мог определить, сколько до них пути.

Закат застиг его все в тех же лугах, все так же медленно прорастающего сквозь цветы. Он утоптал маленький пятачок, по центру которого пробегала бороздка тропы, и сел на траву. Сзади и спереди тропинка скрывалась в высоких зарослях, образуя чуть заметную брешь. Если бы он был какой-нибудь мелкой зверюшкой, то мог бы путешествовать по ней, никем не замеченный. Эта мысль позабавила его; он задумался: каково это — быть таким маленьким, чтобы луг представлялся лесом? Когда он станет укладываться, можно будет, как в норку, просунуть в эту брешь ноги.

Листья, те, что он нарвал утром, слежались в вялый, неаппетитный ком, но он все равно сжевал их, стараясь не думать о своей семье, которая сидела сейчас за ужином. Потом улегся на землю, но тут же вскочил — в бок ему уперся сестрин подарок. Он вытащил его и провел пальцем по деревянному лезвию. Света было еще достаточно, чтобы разглядеть, что оно немного поблескивало там, где сестренка натерла его жиром, но уже не хватало, чтобы различить узор, который ощущали пальцы, — какую-то резьбу на поверхности, совсем неглубокую. Он поцеловал деревяшку, мысленно благословил сестренку — пусть это и был бесполезный пустяк, но он был ее сокровищем — и улегся спать с зажатой деревяшкой в руке.

Проснулся он в темноте с ощущением беспокойства и сначала не мог сообразить, где находится. Рубаха задралась, и по голой спине гулял холодный весенний ветер; он одной рукой одернул ее, но сон никак не хотел возвращаться. Повсюду — вокруг него и над ним — перешептывались на ветру трава и цветочные стебли. И еще что-то. Он уселся с широко раскрытыми глазами. Что это за непонятное шевеление? Полевая мышь? Крыса? Или горностаи? А может, лиса?

Смех, зазвеневший вокруг, ошеломил его, как ушат холодной воды. Они были повсюду, они окружали его, рваные тени в свете далеких звезд, с оружием, которое уже упиралось ему в бока и спину.

— Смертный мужчина, ты вторгся в наши владения. Голос был совсем тоненьким, тоньше голоска его младшей сестренки, но удивительно четким.

— Я не мужчина, — возразил он.

Это прозвучало так нелепо, что у него сорвался голос; он не раз возражал отцу, что уже мужчина, когда тот слишком часто называл его мальчишкой.

— Не мужчина? — переспросил голос насмешливо. Вокруг снова послышался смех, потом снова все стихло. — А кто же тогда, если не мужчина? Ты слишком высокий для народца скал, слишком некрасивый для эльфов, а раз ты умеешь говорить, то не можешь быть зверем, хотя, конечно, запах...

И опять смех.

Он снова обрел дар речи.

— Я — мальчик.

Старшие обычно бывали более снисходительны к детям, чем к взрослым; надо попытаться прибегнуть к этой уловке.

— А по-моему, нет, — заявил голос. — По-моему, ты взрослый мужчина, по крайней мере кое в чем... — Голос явно намекал, в чем именно, и его бросило в жар. — А поскольку мы нашли тебя спящим поперек нашего тракта и ты взрослый мужчина, я повторяю: смертный, ты вторгся в наши владения. А поскольку ты вторгся в наши владения, смертный мужчина, ты будешь наказан.

Эта смена тона, от обычного к официальному и обратно, совершенно смутила его. Он принялся оправдываться, как в детстве.

— Я не знал...

— Не знал — о чем? Что это наш тракт, или что таким, как ты, он заказан?

— И то и другое... То есть ни о том, ни о другом. Я просто хотел уйти из дома...

Он запинаясь, как трехногая корова в темноте — и неудивительно, ведь острия все так же больно упирались ему в спину.

— Ты начертил круг на нашем тракте, — сказал голос. — Ты начертил круг, а потом улегся поперек, чреслами на тракт, и ни о чем таком даже не задумался? Ну и олух. Невелика будет потеря.

— Но круг свят, — возразил он. — Круг защищает... Со всех сторон послышалось шипение, пронзительное, как царапанье снежной крупы по стерне; в животе у него похолодело.

— Линия, пересекающая круг, лишает его защитной силы, — возвестил голос. — А если уж этот круг пересечен нашим трактом... Ты сделал страшную ошибку, смертный

мужчина, и тебе не избежать наказания. Так значит, ты хотел уйти из дома? Ты уйдешь, еще как уйдешь и никогда не вернешься назад...

Его кулаки сжались от страха, и края сестренкиного подарка больно впились в кожу. Но что такое маленькая деревянная щепка в сравнении с острым оружием этих существ, которое наверняка прочнее и острее дерева?

Он должен попутаться. Он выставил нож вперед, и в свете звезд лезвие полыхнуло серебром.

— А-а... Так ты хочешь драться?

— Я... я просто хочу уйти, — сказал он.

Он почувствовал, как одно острие сквозь рубаху ткнулось в спину, и дернулся вперед, чтобы избавиться от боли. Тени впереди отступили, как будто деревянный ножик в его руке был настоящим оружием. Он для пробы помахал им, и они шарахнулись.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил голос.

— Это нож, — ответил он.

— Ты глупец, смертный мужчина, — сказал голос. — Держись подальше от наших путей; твоя удача может тебе изменить.

Острия у его спины и боков исчезли, и стайка темных теней скрылась в коридоре под травой.

Долл поднялся; сердце у него колотилось как безумное. В поле ничего не было видно, лишь расплывчатая линия отмечала его путь там, где он примял траву и цветы, но впереди ничего не было. Однако теперь он знал, что эта тропка опасна и вернуться к ней нельзя. Он не знал, что это были за существа. Встретаться с ними снова он не хотел ни за что в жизни.

Он свернул с тропы и зашагал сквозь высокие, по пояс, заросли. И, как любой, кто хоть раз пытался путешествовать в темноте, обнаружил, что это труднее, чем представляется. Хотя сверху цветочное поле казалось ровным, земля у него под ногами то уходила вниз, то поднималась вверх, и он то спотыкался о какую-нибудь кочку, то скрежетал зубами, в очередной раз угодив в яму. Но он упрямо пробивался вперед, не обращая внимания на производимый им шум и не думая об опасностях, которые мог на себя навлечь. Пробивался, пока, ничего не соображающий от усталости, не споткнулся об очередную кочку и не растянулся в траве в полный рост, да так, что искры из глаз посыпались. Прямо там он и заснул, совершенно обессиленный всем произошедшим, и спал, пока не взошло солнце и мимо него не пролетела с жужжанием какая-то ранняя пчела.

В утреннем свете паника прошлой ночи почти отступила. Он поднялся, потянулся и принялся оглядываться вокруг. Позади все было чисто, лишь вилась и петляла, словно оставленный удирающим кроликом след, полоса примятой травы. Он-то думал, что шел прямо, но при свете дня понял — он ушел от, гм, тракта и вполтину не так далеко, как надеялся.

При этом воспоминании он снова взглянул на сестренкин подарок. Самое обычное дерево, выструганное до сходства с ножом и отполированное. В косых лучах не успевшего еще высоко подняться солнца он наконец разглядел резной узор, который нащупал вечером. Он провел по нему пальцем, но ничего не произошло: линии как ничего для него не значили раньше, так ничего не значили и теперь. Что бы это ни было, именно оно отпугнуло от него этих... кем бы они ни были.

Он был голоден, но ему и дома не раз приходилось просыпаться голодным и терпеть голод до тех пор, пока не было покончено с дневными работами. Пить тоже хотелось, но он рассчитывал, что скоро найдет воду; нужно было лишь продолжить путь. Он оглядел этот бескрайний, зеленый, усеянный цветами мир и не увидел ничего знакомого. Здесь не было ни отца и братьев, которые вечно задирали его, ни сестер, которые только и знали, что браниться и насмехаться.

Утро плавно перетекало в день, голод соперничал с жаждой. Победила жажда; к полудню он уже не мог думать ни о чем, кроме воды... но воды нигде не было — даже намек на нее. Ни ласкающей взор полоски деревьев на берегу ручья или реки... повсюду

лишь трава волновалась на ветру, да все так же вдалеке маячили холмы, плоские и дымчатые на фоне бледного неба. Он все шел и шел, ориентируясь на клонящееся к горизонту солнце и надеясь, что все-таки дойдет до холмов... Уж там-то должны быть деревья, должна быть вода.

Вместо этого он наступил на что-то мягкое и податливое, и ногу внезапно пронзила резкая боль. Он ахнул и шарахнулся в сторону от этого мягкого и податливого — и, валиясь на бок, заметил мелькнувшее в траве извилистое тело, оплетенное желто-коричневым узором. Он кое-как вскочил на ноги, но обладатель узора не стал преследовать его. Нога горела и дергала, боль вздымалась волнами, вверх-вниз, как кипятик. Он со стоном уселся обратно на землю и закатал штанину. На щиколотке темнели два крохотных пятнышка, в ширине пальца друг от друга, а между ними стремительно расплывалась зловещая краснота. Его подташнивало, руки и ноги тряслись. Наверное, это была змея, но дома полевые и водяные змеи были поменьше. И никогда никого не кусали — хотя, конечно, он еще ни разу на них не наступал...

Внезапно его рот наполнился кислой слезью; он сплюнул и утер слезящиеся глаза. Яд. Змея была ядовитой. Мать его матери перед смертью говорила что-то об укусах ядовитых тварей. Место укуса надо вырезать, да, так она говорила, или срезать. Деревянный нож не мог быть достаточно острым и прочным, но ничего другого у него не было.

Он прикоснулся острием к следу одного из зубов, но не смог заставить себя воткнуть его в кожу... боль уже была невыносимой, куда же больше? Из ранки выступила густая желтая жидкость, побежала по ноге, как мед. Он устался на нее, поморгал недоуменно и вдруг понял, что чувствует себя лучше. Течь перестало. Он передвинул острие ножа к другой отметине, задержал дыхание... и вновь показалась желтая жидкость, потекшая по ноге. Желудок снова начало сводить от голода, но тошнота прошла. Опять подняла голову жажда. У него на глазах края одного отверстия сомкнулись, оставив сухой бледный шрам. Другое все еще зияло; он еще раз поднес к нему острие ножа, и оно тоже затянулось.

Зашуршала трава; он подскочил от неожиданности, огляделся. Немигающие глаза смотрели на него с узкой головы на длинном, свернувшемся кольцом теле. Еще одна змея, но на этот раз куда более крупная. Мелькнул раздвоенный розовый язык; он вздрогнул и шарахнулся, выставив нож. Змеиная голова опустилась.

Он медленно поднялся на дрожащие ноги. Ему очень хотелось вернуться обратно, но что если там еще одна?

Все так же угрожая змее ножом, он отважился бросить быстрый взгляд через плечо.

За спиной у него стоял незнакомец, появившийся так неожиданно, что он почти позабыл о змее, но она пошевелилась и привлекла его внимание. Очень медленно, настолько медленно, что, казалось, она вовсе и не шевелится, змея опустила все свои кольца на землю, а затем стремительным неуловимым движением метнулась прочь и исчезла в траве.

— Тебе повезло, — заметил незнакомец.

Долл потерял дар речи. В замешательстве он покачал головой. Как мог взрослый мужчина, одетый в тонко выделанные кожаные штаны и рубаху с кружевным воротником и обутый в высокие, до бедер, сапоги, подобраться к нему без единого звука?

— Я захватил тебя врасплох, — сказал незнакомец. — Как ты — детеныша змеи.

— Я вас не знаю, — проговорил Долл. Это было единственное, что пришло ему в голову.

— И я тебя тоже, — пожал тот плечами. — Но чтобы помочь кому-то, имя знать не обязательно.

— Меня... меня зовут Долл, — сказал Долл.

Он чуть было не добавил «третий сын Гори», но не стал, потому что ушел из дома и больше не имел права претендовать на родовое имя.

— А я — Вертан, — представился незнакомец. — Далековато ты забрался от жилья, Долл. Искал отбившуюся от стада овцу?

— Нет... Я ушел из дома, — ответил Долл.

— Что-то ты путешествуешь совсем налегке, — заметил Вертан. — Обычно, когда собираются в путь, берут с собой хотя бы бурдюк с водой.

— У меня не было, — пробормотал Долл.

— Тогда ты наверняка хочешь пить, — уверенно заключил Вертан. — На, глотни.

Он снял с пояса ярко-алый бурдюк в коричневой оплетке.

Долл потянулся к нему, внезапно ощутив такую жажду, какой не испытывал еще никогда в жизни, потом вдруг отдернул руку. Ему было нечем отблагодарить Вертана, совсем нечем, а если он что-то в жизни и усвоил, так это то, что разделившего с тобой еду непременно следует отдарить.

— Нечем отплатить? Должно быть, ты очень спешил. — Вертан покачал головой. — Ты пустился в тяжелый путь, сынок. Но без воды далеко не уйдешь. Вода у тебя должна быть всегда.

Эти слова показались Доллу знойным летним ветром на сенокосе. Во рту было сухо, как в пустыне.

— Вот что, — сказал Вертан. — Почему бы тебе не отдать мне нож? К вечеру, если ты пойдешь со мной, мы дойдем до места, где ты сможешь набрать ранних плодов, и мы с тобой поменяемся обратно. Ну, как?

Он снова протянул бурдюк. Долл видел капельки влаги на его запотевших боках, почти чувствовал запах воды, слышал, как она забулькала, когда незнакомец потряс бурдюк.

Рука у него дернулась, как будто кто-то схватил ее сзади, и он ощутил острые края ножа, врезающиеся в стиснутые пальцы. Ему вспомнилось, как тек по его ногам змеиный яд и вместе с ним покидала его дурнота, перед глазами встало лицо Юлии в тот миг, когда она протянула ему нож... Он покачал головой молча — во рту у него так пересохло, что говорить он не мог.

Лицо Вертана исказила злость, потом оно снова разгладилось и стало добродушным.

— А ты не так глуп, каким кажешься, — сказал он. И, как ветер разгоняет столб дыма, его вдруг и след простыл, а там, где он только что стоял, лишь шелестела трава.

Ноги у Долла подкосились, и он плюхнулся в траву, несмотря на свой страх перед ней и ее обитателями. Так, съевшись, он просидел очень долго, почти не замечая ни голода, ни жажды, охваченный страхом, от которого кровь стыла в жилах.

Некоторое время спустя, когда страх немного притупился, он почувствовал под ладонью что-то влажное. Слишком обессиленный, чтобы отдернуть ее, он просто повернул голову. Деревянный нож, который он сжимал в левой руке, слегка ушел в почву. Во влажную почву, как он заметил только сейчас, — в лунках вокруг стеблей травы поблескивала вода.

Жажда мгновенно вернулась, безжалостная, как пламя, и он принялся копать землю ножом. Он видел воду, он чувствовал ее запах... и когда он вырыл ямку размером со сложенную ковшиком ладонь, то припал к ней и втянул губами набравшуюся в нее воду, в которой плавали сухие травинки и земля. Грязь он выплюнул, а воду — совсем каплю — жадно проглотил. Крошечный колодец вновь наполнился, он сделал еще один глоток. На этот раз грязи в рот попало меньше. И еще. И еще. И еще. Эти глотки были совсем маленькими, но каждый из них придавал ему силы.

Когда он напился так, что больше в него уже не влезало, то сел и снова оглядел сестренкин подарок. В его памяти вновь промелькнули все события, которые произошли с ним с тех пор, как он ушел из дома: нападение маленького народца, змеи, фантом, растаявший в воздухе, его жажда. Каждый раз эта маленькая деревяшка спасала его, но он не понимал — как. С виду что-то подобное на досуге мог выстругать из первой попавшейся под руку щепки любой мальчишка. Из него самого резчик был аховый, но он не раз видел подобные вещицы — маленьких деревянных зверюшек, людей, мечи. Насколько он знал — а сегодня собственные знания казались ему куда менее обширными, чем еще день назад, — ни одна из них не обладала магической силой. Значит... Его разум медленно, аккуратно ступил на неведомый ему ранее путь логики. Значит, этот нож не то, чем кажется. Он... он — нечто другое. Но что?

Солнце уже садилось за холмы. Он огляделся вокруг. Ни куда идти, ни как избежать опасностей, которые, как он теперь знал, населяли эти безобидные с виду луга, он не представлял. А если... если, подарок, благодаря которому он до сих пор живой, поможет ему найти дорогу?

Он снова склонился к крошечному колодцу, потом поднялся, держа нож, по своему обыкновению, в левой руке. Как объяснить, что ему нужно? Рука у него внезапно без всякого его участия дернулась. Ему вдруг пришло в голову — а ведь в прошлые разы объяснять ножу ничего не понадобилось. Он вытянул руку ладонью вверх и разжал ее. Нож заерзал у него на ладони — он чуть было не уронил его в мимолетном приступе паники, — и его кончик указал в направлении, куда он сам пошел бы в последнюю очередь: вниз по склону, туда, откуда он пришел. К той опасной тропинке. Даже — если бы это пришло ему в голову — к дому.

Ему не хотелось идти в ту сторону. Ведь теперь с помощью ножа он точно может продолжить путь туда, куда ему хочется, к тем вон холмам. Возможно, там его поджидают новые опасности, но нож защитит его. Может быть, он даже его накормит.

Нож у него на ладони внезапно стал таким тяжелым, что Долл выронил его, и тот исчез в высокой траве.

Долл вскрикнул, от неожиданности и страха утратив дар речи, бросился на колени и принялся шарить между упругих стеблей. Все было напрасно. Он попытался взять обратно свои последние мысли, пообещал ножу всегда и во всем слушаться его указаний, лишь бы он вернулся.

«Всегда? »

Вопрос повис в воздухе, беззвучный, но звенящий в ушах у Долла, как удар молота по наковальне.

— Я был не прав, — пробормотал он вслух. — Это Юлия дала мне его, а она любила меня...

Порыв ветра примял траву у него над головой, в глаза полетела пыльца. Он отвернулся в сторону, чтобы проморгаться, и — пожалуйста! — обнаружил нож, лежавший на траве, которую он примял, сидя на ней. Он осторожно потянулся к нему, не уверенный, позволит ли ему нож прикоснуться к себе, и поднял его.

Он был ничуть не тяжелее прежнего. Все из того же обычного дерева. Он неподвижно лежал на ладони, и когда Долл встал, то лицо его было обращено в ту сторону, куда указал нож.

— Ну ладно, — сказал он. — Веди.

В желудке у него плескалось достаточно воды, дневной зной спал, солнце светило ему в спину, и он бодро шагал по склону. Теперь его ноги находили хорошую опору, где бы ни ступали, а ветерок, дующий в спину, овеивал его прохладой, а не бил в лицо.

Когда уже почти смеркалось, он дошел до ручья, окаймленного деревьями. Не этот ли самый ручей он перешел вброд неподалеку от дома? В полумраке утверждать наверняка было сложно. Нож провел его между деревьями и вывел к плоской скале у воды, где он смог снова напиться вволю, и нашел точно специально для него приготовленные зеленые листья, которые, как он знал, можно было без опаски употребить в пищу. Он заснул на скале, с трех сторон охраняемый чистой проточной водой, и проснулся перед рассветом, замерзший и одеревенелый, но целый и невредимый, с ножом в руке.

Он ожидал, что нож отведет его обратно домой, чтобы вернуться к его сестренке Юлии, но, к его удивлению, нож повел его вверх по течению ручья и настойчиво требовал (ибо чем дальше, тем более властно он себя вел), чтобы Долл держался в тени деревьев, росших у ручья, и не переходил на другой берег. Деревья заслоняли ему обзор, но по тому, как ныли у него ноги, он понял, что местность повышается, неуклонно повышается, делаясь все круче и круче, и пение ручейка из мирного журчания превращается в пронзительный частый смех срывающейся с все более и более высоких скал воды.

Неподалеку от ручья он нашел горсть ранних ягод, соблазнительно поблескивавших

красными бочками, и съел их, заев зеленью. Он отдирав время от времени встречавшиеся на камнях ракушки и высасывал их нежную мякоть; ухитрился даже поймать рыбину, когда в полдень нож недвусмысленно дал ему понять (хотя он сам не мог бы сказать, как именно), что пора сделать короткий привал. Теперь он мог пить вволю, когда бы ни захотел, поэтому с наступлением ночи он с удовольствием завалился спать, на этот раз в ложбинке между корнями дуба.

Утром следующего дня, все так же двигаясь вдоль русла ручья, он вышел из леса на бескрайнюю равнину, заросшую невысокой травой, из которой здесь и там торчал то пучок камышей, то одинокий корявый куст. Отсюда открывался вид на окрестности, и он увидел заросли деревьев, повторявшие каждый изгиб и поворот ручья, другие ручьи и ручейки, впадавшие в этот, увидел тонкие струйки дыма вдалеке, поднимавшиеся, должно быть, из дымоходов крестьянских домов, увидел безбрежное зеленое море травы, лизавшее колени холмов.

Выше по склону, где ручей серебристыми струями перескакивал со скалы на скалу, начинались холмы, уходившие, насколько хватало глаз, к бледному горизонту. Справа от него исполинская скалистая стена, окутанная голубоватой дымкой и увенчанная ослепительно-белой шапкой, вдруг выросла словно из ниоткуда, много выше, чем холмы, которые он видел из дома.

«Ты же хотел приключений. — И снова в воздухе повис этот безгласный голос, эти неслышные слова. — Ну что, пойдешь за мной? Или отвести тебя домой?»

Вместе с памятью о доме, который теперь, когда он покинул его, казался куда более желанным, пришло воспоминание о его первой ночевке и о том ужасном дне, а следом за ним — о куда более приятных, но тем не менее полных трудностей днях пути. Но окончательно побудило его продолжать путешествие воспоминание о Юлии. Она будет рада, если он вернется домой, но она одна верила, что он способен что-то совершить... чего-то добиться. Ради нее он пойдет дальше, пока не сможет принести ей что-нибудь... что-нибудь такое, что будет достойно ее дара.

— Я пойду дальше, — сказал Долл вслух. Молчание. Он почесал ногу пальцами другой ноги, подождал немного. Нож неподвижно лежал у него в руке. Да не об этом его спрашивали, понял он вдруг. Вопрос был «пойдешь за мной или домой», а не «пойдешь дальше или пойдешь домой».

— Я пойду за тобой, — поправился он.

Нож заерзал, и Долл двинулся вверх по крутому склону, следуя за ножом и стремительным ледяным потоком.

Наконец, едва держась на ногах от усталости, он с трудом преодолел еще один склон и обнаружил, что вода хлещет из расселины в скале рядом с утоптанной тропкой. Над головой у него взмывали в темнеющее небо отвесные скальд голые и неприступные. Долл оглянулся назад, на уходящий вниз склон, теряющийся в пурпурной мгле, которая скрывала все те места, где он успел побывать. Неужели нож ждет, что он попытается подняться на эти скалы? Долл был уверен, что ему это не под силу. Он оглянулся в поисках места для ночлега и в конце концов втиснулся в щель между двумя массивными валунами, каждый из которых был больше, чем хижина его семьи, но как только он пытался свернуться калачиком, назойливый ветер пронизывал его до костей и он никак не мог уснуть.

Он так и не уснул и уже начинал дрожать от холода, когда послышался крик. Он вскочил на ноги и принялся вглядываться в темноту, как вдруг нож у него в руке заерзал.

— Темно же, — сказал он. — Я не разберу дороги.

Он подумал, что нож засияет и осветит ему путь. Но вместо этого тот начал довольно болезненно щипать ему пальцы.

Еще один вскрик, затем хриплые возгласы. Дрожа от страха, Долл двинулся на шум, но тут же уткнулся в скалу. Он начал неуклюже карабкаться обратно; нога соскользнула на каменной осыпи, он упал и услышал, как с грохотом понеслись вниз камни, вокруг него и под ним, все громче и громче. Они увлекали его за собой, и Долл принялся цепляться за них

в попытке остановиться. Ему удалось заползти на скалистый уступ, и теперь его ноги болтались в холодном воздухе, а он лежал животом на острой зазубренной каменной кромке, отчаянно цепляясь ободранными костлявыми пальцами за край обрыва.

Он слегка подтянулся вверх, задышавшись от страха, и пошарил свободной рукой по сторонам, чтобы найти, за что лучше ухватиться. Потом нога ударилась о скалу, и он вспомнил, где была опора для ноги. Он осторожно сполз чуть назад, в темную пустоту, и с выступа слетел еще один камень, с грохотом отскочил от склона и угодил во что-то, забренчавшее громче, чем кастрюля его матушки.

На этот раз он услышал снизу сердитый голос, хотя слов и не разобрал. Дрожа, он вжался в холодную скалу. Но левую руку уже начинало сводить, и ему пришлось поменять положение, и снова из-под ног у него полетели камни, и он невольно разжал пальцы и растянулся во весь рост, приземлившись на что-то, с бранью вывернувшееся из-под него. На этот раз слова были знакомыми. Железные пальцы клещами сомкнулись на его голой лодыжке, на предплечье, сердитые голоса грозились содрать с него шкуру, а от их обладателей несло дрянным элем и луком. Его левая рука бездумно выметнулась вперед, и пальцы, стискивавшие его лодыжку, разжались. Еще один взмах — и предплечье тоже больше никто не держал.

— Назад! — выговорил кто-то, тяжело дыша. — Это того не стоит.

Послышались какая-то возня, грохот, лязг и скрежет камня по скале, а затем металла, и цоканье копыт, и шум упавшего тела, и чья-то ругань — пожалуй, ругались сразу несколько человек, — и все это постепенно отдалилось и затихло, а он все еще вжимался в скалу, сдерживая дыхание и дрожа.

Он глубоко вдохнул и протяжно выдохнул, и этот вздох прозвучал как рыдание. На него эхом откликнулся другой вздох, затем стон. Он замер, вглядываясь в темноту и не в состоянии ничего разглядеть. И уловил чье-то дыхание. Сиплое, неровное, с присвистом на каждом выдохе. Чуть левее, там, куда теперь тянул его нож. Он сделал осторожный шаг, левая нога наступила на острый булыжник — еще один быстрый шаг, и его нога опустилась на что-то мягкое, податливое.

Вопль, который последовал за этим, заставил его рухнуть на землю как подкошенного — так сильно накрыл его страх. Едва он коснулся земли, как тут же провалился в сон, несмотря на свои синяки, царапины и грозившую ему опасность.

В первых лучах рассвета лицо мужчины казалось высеченным из того же камня, на котором он лежал, — застывшая маска тревоги и боли. Долл пригляделся. Челюсть у незнакомца была тяжелее, чем у его отца, но вместе с тем в его лице сквозило что-то неуловимо схожее — в глубоких складках у губ, в морщинах, избородивших лоб.

С зарей в мир проникли цвета. Темное пятно, сначала казавшееся почти черным, оказалось кроваво-красным там, где было влажным, и ржаво-коричневым там, где оно уже успело подсохнуть. Рубаха, которая когда-то была белой и отороченной кружевами, теперь насквозь пропиталась кровью и грязью. Таких облегающих штанов, какие были на нем, Долл никогда еще не видал, а на ногах у него были сапоги — настоящие кожаные сапоги. Они были заляпаны засохшей грязью, заношены в подъеме, каблуки сбоку стоптаны. Болтающиеся концы ремня указывали на то, что с пояса у него что-то срезали. Долл чувствовал запах крови — и кислый дух эля.

Мужчина застонал. Долл содрогнулся. Он ничего не смыслил в искусстве врачевания, а этот человек явно умирал. Мертвые, которые погибали не своей смертью и уходили в другой мир без особых слов напутствия, не могли упокоиться. Их разгневанные призраки восставали из тел и подстерегали беспечных путников, чьи души утоляли их голод, а сами путники становились их рабами навеки. Дед Долла рассказывал такие истории зимой перед очагом, и Долл понимал, что ему грозит опасность страшнее, чем смерть, ибо он не знал сокровенных слов, которыми следовало вымостить дорогу умирающему.

Он попытался подняться, но слишком одеревенел, чтобы встать на ноги, а лодыжка у него — теперь, в неярком утреннем свете, он мог отчетливо это разглядеть — опухла, так что

стала размером с кочан капусты, и наливалась пульсирующей болью, поэтому не могла выдержать его веса, даже если бы он попытался убежать прочь на четвереньках.

Окровавленный мужчина пошевелился, снова простонал и открыл глаза. Долл уставился на него. Налитые кровью зеленые глаза, в свою очередь, уставились на Долла.

— Святой Фальк! — выдохнул мужчина. Голос у него был хриплый, но вполне твердый, ничуть не похожий на голос умирающего. В нем звучала скорее досада, чем что-либо еще. Он оглядел себя и поморщился. — Что случилось, парень?

Долл подавил тошноту, сглотнул и впервые за многие дни заговорил вслух:

— Не знаю... господин.

— Ох... моя голова... — Мужчина на миг прикрыл глаза, потом снова взглянул на Долла. — Принеси-ка воды, парень, и хлеба...

Более неуместной просьбы и придумать было нельзя, и Долл нервно прыснул. Раненый нахмурился.

— Хлеба нет, — объяснил Долл. В животе у него оглушительно заурчало. — И бурдюка для воды у меня тоже нет.

— Я что, не в кабаке? — Мужчина с усилием приподнялся на локте, и его брови поползли вверх. — Да, похоже, что нет. Что это за место, парень?

— Не знаю, господин.

На этот раз слово «господин» удалось ему куда легче.

— Так значит, ты тоже заблудился?

— Я... так значит, вы не умираете?

Мужчина расхохотался, но смех тут же сменился стоном.

— Нет, парень. Меня голыми руками не возьмешь. А с чего ты... — Он окинул себя взглядом и пробормотал: — Кровь, вечно кровь. — Потом зажмурился и покачал головой. Когда он открыл глаза в следующий раз, его лицо неуловимо изменилось. — Послушай, парень, судя по шуму, здесь где-то недалеко ручей. Можешь принести оттуда воды? У меня есть бурдюк... — Он принялся хлопать себя по бокам, потом покачал головой. — Похоже, больше нет. Должно быть, меня обчистили. Здесь что, были грабители?

— Я их не видел, — сказал Долл. Не исключено, что этот человек сам был грабителем. — Я услышал какие-то крики в темноте. Потом я упал...

Теперь глаза раненого взглянули на него так, как будто тот впервые увидел его по-настоящему.

— Клянусь богами, ты упал? Вид у тебя немногим лучше, чем мое самочувствие. Ты спас мне жизнь, — сказал мужчина. — Не у каждого хватит смелости в темноте броситься на помощь неизвестно кому и бросить вызов двум вооруженным грабителям, а ты ведь совсем еще мальчишка.

Долл почувствовал, что ушам стало жарко.

— Я... я не собирался... — выдавил он.

— Не собирался?

— Нет. Я упал с обрыва.

— Тем не менее твое падение спасло меня, не сомневаюсь. Ох! — Еще один стон, и мужчина с трудом уселся на земле и ухватился за голову, как будто боялся, что она может свалиться и куда-нибудь укатиться. — И зачем только я пью эту отраву, которую называют элем...

— Ради спасительного забвения, — повторил Долл отцовские слова.

Ответом ему был хриплый хохот.

— Да, это верно, хотя ты еще слишком зелен, чтобы рассуждать о забвении. Ты... — Раненый внезапно умолк и уставился на землю рядом с рукой Долла. — Где ты это взял? — спросил он.

Долл совсем позабыл о ноже, который лежал на земле, поблескивая в первых лучах солнца. Он быстро протянул руку и накрыл его ладонью.

— Сестренка дала, — ответил он. — Простая деревяшка.

— Я вижу, — сказал мужчина. Он покачал головой и зарычал от боли. Этот звук был знаком Доллу; отец напивался каждые три месяца, сколько Долл себя помнил. Незнакомец кое-как встал на четвереньки и пополз к ручейку, где принялся пить и плескаться, а потом поднялся и стащил с себя окровавленную одежду. Уже совсем рассвело, и Долл разглядел синяки и порезы на коже цвета слоновой кости, хотя у него на боках и так уже живого места не было от старых шрамов.

Пока мужчина был занят своими делами и не обращал на него внимания, Долл потянулся, морщась от боли — такое впечатление, будто его всю ночь усердно били палкой, — и подобрал деревянный нож. Если он смог справиться со змеиным укусом, может, и распухшая лодыжка будет ему под силу? И, если уж на то пошло, запекшаяся царапина, которую оставил у него на ноге острый камень?

Мужчина обернулся, когда Долл еще прижимал нож к лодыжке.

— Что ты делаешь? — спросил он резко.

— Ничего, — ответил Долл и поспешно спрятал руки за спину. — Просто проверяю, не больно ли ее трогать.

— Гм. — Мужчина вскинул голову. — А знаешь, парень... Да, кстати, как тебя зовут?

— Долл Дырявы... Долл, сын Гори, — ответил Долл.

— Долл Дырявый? Никогда не слышал.

— Отец зовет меня Дырявые Руки, — сказал Долл с поникшей головой.

— Тогда уж Дырявое Тело. Смотри, как ты ободрался, — усмехнулся мужчина. Долла бросило в жар. — Ну-ну, парень, не ершись. Твое падение отпугнуло грабителей. Может, это произошло случайно, но для меня пришлось очень кстати. Давай-ка займемся твоими ранами...

— Это не раны, — сказал Долл. — Так, пустяки, просто порезы.

— Ну, порезы там или что, а подлечить их не помешает, — ответил незнакомец. Он огляделся по сторонам. — А здесь как на грех нет никаких нужных трав. Надо идти в лес, а с такой лодыжкой ты далеко не уйдешь.

— Простите, — пробормотал Долл.

— Ничего, — отмахнулся мужчина. — Погоди-ка, я только смою кровь...

Он понес скомканную рубаху обратно к ручью. Долл ахнул. Он что, собрался осквернить ручей кровью? Но незнакомец уселся на землю, стащил один сапог и зачерпнул им воды, потом запихнул внутрь рубаху и принялся энергично трясти его. Вода, которая выплескивалась оттуда, была розовой; он плюхнул влажную рубаху на землю, выплеснул окровавленную воду в траву и повторил все снова. Это, конечно, было нехорошо, но он хотя бы не полоскал в воде саму рубаху.

После нескольких смен воды он вернулся к Доллу с мокрым комом рубахи, выжал ее и склонился над ногой Долла.

— Будет больно, парень, зато потом станет легче. Было действительно больно, каждое движение ноги отзывалось болью, а мокрая рубаха казалась ледяной. Незнакомец обмотал ею лодыжку и натуго затянул ее при помощи рукавов. Долл чувствовал, как пульсирует под тугой повязкой кровь.

— А теперь, парень, давай руку.

Долл протянул ему руку не задумываясь; мужчина ухватился за нее и одним движением вздернул его на ноги.

— Тебе придется идти самому, я еще не протрезвел и не возьмусь нести тебя по такой дороге, — сказал мужчина. — Но помочь помогу. Давай я поведу.

— Спасибо, — сказал Долл и похромал вперед, опираясь на плечо мужчины.

Нога у него болела меньше, чем он ожидал. Ноющим мышцам от движения тоже полегчало, хотя порезы и царапины немилосердно саднили.

Спуск на склону был медленным и мучительным, даже когда они добрались до тропинки, по которой, по словам незнакомца, он шел накануне.

— Овцы — не люди, — сказал мужчина, когда они добрались до первого резкого

понижения дороги. Он сполз вниз первым, Долл — следом. Незнакомец подхватил его, не дав поврежденной ноге коснуться земли. Это была практически самая длинная его речь за все время, не считая периодических «здесь поаккуратнее» и «этот камень шатается».

Солнце стояло у них над головами, когда дорожка внезапно расширилась и привела их в заросшую травой долину, где сходилась несколько овечьих троп. Впереди над сбившимися в кучку невысокими строениями поднимался дымок. Впервые за многие дни Долл ощутил запах готовящейся еды; в животе у него снова заурчало, ноги внезапно стали ватными. Он мешком повис на плече своего спутника, и тот, пробормотав что-то, обхватил его крепче.

— Потерпи еще немного, парень. До сих пор ты отлично держался, — сказал он.

Долл прикрыл глаза и сглотнул, но на ногах устоял. Мужчина помог ему дойти по широкой дорожке до поляны, где кто-то вкопал по обеим сторонам от кострища по грубой скамье. У домов никого не было видно, но, судя по запаху, внутри кто-то хлопотал. Мужчина усадил Долла на скамью и наклонился, чтобы размотать лодыжку.

— Мне не обойтись без рубахи, парень, иначе никто и слушать меня не захочет, а я собираюсь попытаться добыть нам еды. А там, в долине, должны расти нужные травы для твоих ран.

Лодыжка Долла приобрела довольно пугающий зеленовато-лиловый оттенок; теперь и нога у него тоже распухла. Мужчина натянул мокрую и грязную рубаху и направился в одну из хижин с такой уверенностью, как будто знал ее обитателей лет сто. Долл огляделся по сторонам и заметил, что из-за угла дома кто-то наблюдает за ним. Ребенок. Он отвел глаза, потом быстро повернулся обратно. Мальчишка, в изодранной рубашонке, практически ничем не отличающейся от его собственной, и коротких штанишках. Босиком, как и он сам. Мальчик робко улыбнулся; Долл улыбнулся в ответ. Мальчик подошел ближе; он годился Доллу в младшие братья, если бы они у него были.

— Что с тобой случилось? — спросил мальчик. — Он тебя бил?

— Нет, — ответил Долл. — Я упал со скалы.

— Это надо перевязать. — Мальчик указал на его лодыжку. — Ты хочешь есть?

— Мне нечем отблагодарить, — сказал Долл.

— Ты ранен. Это милость Небесной Госпожи, — сказал мальчик. — Разве там, откуда ты пришел, такого нет?

— Есть... Я просто...

— Сейчас что-нибудь принесу, — сказал мальчик и в один миг умчался прочь, юркий как улейка.

Через минуту он уже возвращался с толстым ломтем хлеба в руке.

— Вот, путник; да не оставит нас Небесная Госпожа своей милостью.

— Да благословенна будет Небесная Госпожа. Долл преломил хлеб, отдал один кусок мальчишке и принялся оглядываться в поисках мужчины. Того нигде не было видно; открытая дверь наводила на мысли, куда он мог подеваться. Долл откусил от своей половины, мальчик последовал его примеру.

Никогда в жизни он не ел ничего вкуснее, чем этот хлеб, — он даже забыл о боли в поврежденной ноге и обо всей остальной боли тоже. Он с легкостью мог бы проглотить весь кусок, но честно отложил половину для своего спутника — на тот случай, если ему ничего не дадут.

Но тот уже возвращался назад с кувшином и еще одним караваем.

— Вижу, ты зря времени не терял, — заметил он.

— Я приберег немного для вас, — сказал Долл. — Это милость Небесной Госпожи.

Мужчина приподнял брови.

— Полагаю, милость не помешает никому из нас. — Он доел кусок, который отложил для него Долл, и разломил принесенный каравай. — Держи. Полагаю, ты не откажешься еще от кусочка. А вот вода.

Доллу очень хотелось спросить, не оказали ли и ему тоже милость Небесной Госпожи, но он не стал. Мужчина немного посидел, жуя хлеб и запивая его водой. Потом поднялся.

— Пора приниматься за работу, — сказал он. — Надо поправить стену. — Он махнул рукой на дальний конец деревни, где в стене овчарни наверху недоставало нескольких камней. Долл оперся руками о скамью, пытаясь подняться, но мужчина покачал головой. — Сиди, парень. Ты еще нездоров. Просто отдыхай, скоро придет одна женщина и займется твоей ногой. Она пока заваривает для тебя чай из костоправа.

Ночь Долл провел на соломе, с замотанной ветошью лодыжкой. После стольких ночевков под открытым небом ему было не по себе под крышей. Он слышал, как дышат остальные обитатели дома, и чувал их запахи. Ему хотелось выбраться наружу, на свежий ночной воздух, напоенный ароматами зелени, но это было бы невежливо. Наконец он заснул, а на следующее утро с огромным удовольствием лакомился кашей. Ради горячей еды стоило вытерпеть неудобства ночлега, решил он.

Он с его спутником прожили в деревушке шесть пятков дней; мужчина выполнял любую работу, которую ему поручали, без слова жалобы или недовольства. Когда Долл стал меньше хромать, он тоже не сидел сложа руки. Делать привычную с детства работу, но для чужих людей было необычно. Когда он что-нибудь ронял — а это случалось все реже и реже, — то каждый раз ожидал привычных насмешек, но их не было. Даже когда он выпустил из рук кувшин с парным молоком и кувшин разбился.

— Ничего страшного, — сказала женщина, которой он подносил этот кувшин вместе с двумя другими. — Я сама виновата. Нечего было давать тебе больше, чем ты можешь унести, а у этого кувшина и ручка к тому же неудобная, уж сколько лет с ней мучаюсь.

Женщина была черноволосая и веселая, с широкими бедрами и еще более широкой улыбкой; и дети у нее как один удались в нее, а тот мальчишка, что тогда принес ему хлеба, был ее младшеньким.

Однажды вечером, после ужина, у Долла зачесалась спина, и он почесал ее острием своего деревянного ножа. Мужчина посмотрел на него и спросил:

— Откуда у тебя этот нож?

— Я же говорил вам — его мне дала сестренка. Долл вздохнул с облегчением — острие мгновенно отыскало зудящее место.

— А она откуда его взяла?

— Нашла в лесу прошлой осенью; мы все тогда собирали орехи, а она копалась в листьях, ну и нашла.

— Вот так взяла и нашла?

— Не знаю. Я этого не видел. А что? Мужчина грузно опустился на скамью.

— Долл, этот нож я выстругал своими руками, две зимы тому назад. Я выкинул свой меч — да, когда-то у меня был меч, и кольчуга, сиявшая как серебро, и горячий конь. Но кинжал у меня остался, и когда однажды меня замело снегом, в самую первую зиму моей свободы, я от нечего делать выстругивал из щепок всякую ерунду. Большую часть я потом сжег, но несколько вещиц оставил — как память о том, что умел мальчишкой. А когда пришла весна и настала пора уходить, я выбросил их в ручей и смотрел, как ониплыли.

— Значит, это ваш нож? — спросил Долл.

— Я его выбросил, — пожал плечами мужчина. — Как меч. Но в отличие от меча он вернулся ко мне обратно — в руке, которая больше его ценила. — Он прокашлялся. — Просто интересно... другие вещицы тоже кто-нибудь нашел? Там были цветы — в основном розы — и одна приличная лошадка.

— Я не знаю, — сказал Долл. — Но если он ваш... Он протянул нож.

Мужчина покачал головой.

— Нет, парень. Я выкинул его. Теперь он твой.

— Но это не обычный нож, — сказал Долл. — Он спас меня...

Он принялся торопливо рассказывать, чувствуя, что мужчине не хочется его слушать: о травяном народце, о змеином укусе, о странном существе, которое появилось из ниоткуда и растворилось в воздухе, о воде...

Мужчина смотрел на него во все глаза, раскрыв рот.

— Этот нож?

— Этот нож, — подтвердил Долл. Он снова протянул его. — Ваш нож. Это вы его сделали. Должно быть, его магия — от вас.

— Храни от коварства, от злобы людской, от голода, жажды, напасти любой... — У мужчины сорвался голос. — Не может быть... — Пальцы его потянулись к ножу, потом он сжал их в кулак. — Не может быть. Я выкинул его; нельзя вернуть то, что отпустил.

— Это глупо, — сказал Долл. Так же глупо было стоять с ножом в протянутой ладони. — Когда мы выпускаем теленка из загона, мы именно что ловим его и приводим обратно.

— Магия — не корова, парень! — Голос у мужчины был хриплый, и Долл еле отважился взглянуть на его лицо, опасаясь обнаружить там гнев, но вместо этого увидел слезы, текущие по складкам у губ. — Я отрекся от него.

«Разве ветер не поворачивает? Разве весна не возвращается каждый год?»

Мужчина вскинулся — должно быть, он тоже услышал эти слова.

Долл шагнул вперед, положил нож на ладонь мужчины и сжал его пальцы вокруг него. Он отступил назад и увидел мгновенную перемену в его лице — как будто солнце выглянуло из-за туч. Мужчину окутывало золотистое сияние, а грязная рубаша, которая была на нем, показалась Доллу у нестерпимо белоснежной. Ободранные и стоптанные сапоги вновь стали черными и блестящими, а на заляпанных грязью штанах не осталось ни пятнышка. На усталом понуре лице забрезжило новое выражение: надежда, любовь и — свет. Волосы, казавшиеся безжизненно-серыми, вдруг засияли солнечной рыжиной.

А нож, простой деревянный нож, начал растягиваться и изменяться прямо на глазах, пока в руках у мужчины не оказался меч из старинных преданий. Долл ни разу в жизни не видел меча, а уж такого великолепного тем более.

«Клятву нельзя так просто нарушить, а обязанности — сложить с себя».

Долл понятия не имел, что это все значило, но мужчина, видимо, понимал; на его лице медленно проступило выражение благоговейной печали. Он упал на колени, крепко держа в руке меч рукояткой кверху. Долл попятился; сзади в ноги ему ткнулся валун, и он опустился на него. Он смотрел, как губы мужчины беззвучно шевелятся. Затем тот взглянул ему прямо в лицо своими странными зелеными глазами, в которых все еще блестели слезы.

— Да, парень, ну и натворил же ты дел.

— Я не хотел, — начал оправдываться Долл.

— Я рад, что все так вышло, — сказал мужчина. Он поднялся и протянул Доллу руку. — Идем. Позволь мне называть тебя другом. Меня зовут Фелис, и когда-то я был паладином Фалька. Похоже, Фальк снова призывает меня к себе, даже после того, как... даже теперь. — Он взглянул на меч, и уголки его губ дернулись кверху — вряд ли это можно было с полным правом назвать улыбкой. — Думаю, мне стоит взглянуть на этот лес, где твоя сестренка нашла нож, который я вырезал, и проверить, не вынесло ли туда и другие игрушки. Что-то подсказывает мне, что обратный путь к Фальку может оказаться... интересным.

Долл принял протянутую руку и поднялся.

— А я? — спросил он.

— Надеюсь, что ты отправишься со мной, сказал мужчина. — Ты спас мне жизнь и вернул мне мой нож... да и мою жизнь тоже. К тому же я уверен, ты захочешь, чтобы твоя сестренка, которая нашла его, узнала, что он спас тебя.

— Вернуться *домой*? — Голос Долла сорвался на писк. В памяти у него встали отцовские насмешки и побои братьев.

— Похоже, мы оба должны вернуться домой, — сказал Фелис. — Мы оба бежали, но нож позвал нас обоих. Но ни ты, ни я не останемся с твоим отцом, это я тебе обещаю. Думаешь, парень, который спас паладина, может навеки остаться Дырявыми Руками?

В самый разгар лета, когда деревья, недвижимые и недреманные, стоя, как часовые, стерегут в полуденный час свою сень, а по-весеннему бурные воды утихают, превращаясь в прозрачные пруды и ленивую зыбь, Долл — теперь уже не Дырявые Руки — вернулся домой

по свежескошенному полю вместе с высоким мужчиной, на чьей нелепой одежде даже в такую жару не было пятен пота. Гори узнал Долла в тот же миг, как тот вышел из рощи, но мужчина в безупречной белой рубашке и с мечом был ему незнаком. Братья Долла остолбенели, точно громом пораженные, глядя на приближающегося брата, который двигался с грацией человека, не спотыкающегося даже на самой неровной дороге.

В тот вечер, в мягких неспешных сумерках, Фелис рассказал всем об отваге Долла, о магии вырезанного им ножа, о его обетах и о том, что должен вернуться обратно.

— Тогда... наверное, это тоже ваше, — сказала младшая девочка, Юлия.

Она вытащила из-за корсажа небольшой деревянный кружок с вырезанными на нем розовыми лепестками и протянула гостю. Долл различил в ее голосе слезы.

Фелис покачал головой.

— Нет, малышка. Когда я вырезал цветы, то думал о своих далеких сестрах. Если в нем живет магия, пусть она будет твоей.

Он коснулся теплого дерева пальцем. В воздухе мгновенно разлился аромат роз, который долго не хотел рассеиваться. Личико девочки озарила радость, она еще раз понюхала круг и спрятала его обратно под корсаж.

— Он что, и вправду вас спас? — спросил старший брат Долла.

— Я поскользнулся и упал, — сказал Долл.

— В самый подходящий момент, — заметил Фелис и одним мановением руки заглушил поток насмешек, которым было с готовностью разразились братья Долла. — Я надеюсь, что он пойдет со мной, поможет собрать остальные вещицы, которые я должен найти, прежде чем вернуться к службе.

— Но... — Гори Высокий в полумраке пригляделся к своему сыну и к Фелису. — Если он не тот мальчишка, каким был...

— Значит, ему пора уходить, — сказал Фелис. Он повернулся к Доллу. — Конечно, если ты хочешь.

Он был дома, но ни тумачков, ни насмешек не было; он вернулся победителем. Если он останется, то всю жизнь будет жить этими воспоминаниями. Рассказывать истории, показывать шрамы. Если уйдет, то на этот раз за такими приключениями, какие бывают только у паладинов. Теперь он знал о настоящих приключениях куда больше, чем раньше... и в его душе не осталось горечи и обиды. Все было за то, чтобы он ушел, и ничто его не держало.

Вечерний ветер взметнул пыль, разом всколыхнув все знакомые домашние запахи. Юлия подошла к нему сзади совсем близко — он чувствовал аромат роз от деревянного кружка у нее под корсажем. Но все перекрывал запах ручья, деревьев — неуловимый дух далеких краев, которые он лишь начал для себя открывать.

— Я пойду с тобой, — сказал он Фелису, как равный равному. А потом, обращаясь к своей семье, добавил: — И в один прекрасный день я снова вернусь домой, с подарками для всех вас.

Андрэ Нортон — Дочь земли («Колдовской мир»)

Мерет вздохнула полной грудью. Ветры, властвовавшие здесь, до сих пор веяли морозцем, хотя эта ложбина была надежно укрыта между горными склонами, которые ее образовывали. Мерет плотнее закуталась в тяжелый плащ и скрепила его на горле застежкой, прежде чем достать экспериментальный дальнозор чародея Резера. Она не переставала поражаться его способности приближать к ней то, что на самом деле находилось очень далеко.

Эх, и почему только в дни нашествия такого не было! Похоже, подумалось ей, нынешние умы не чета прежним. Науки, едва основанные и давно забытые, неуклонно

обогащались с каждым новым рассветом. Словно теперь, когда необходимость постоянно быть начеку отпала, рухнула какая-то преграда и началось возрождение образования. Мерет, разумеется, не утверждала, что в Эсткарпе и ее родном Высоком Халлаке наступил золотой век. Нет, когда Врата, известные или тайные, собрали свою жатву со множества дальних миров, чтобы заселить этот — Эсткарп, Арвон, Высокий Халлак, Карстен, Эскор, — зло проникло в него вместе с добром.

Давно в прошлом остались Врата, но хотя силы Тьмы больше не властвовали здесь безраздельно, они не сложили оружие до конца. У нее за спиной в почти отремонтированных стенах Лормта больше двух десятков ученых корпели над исследованиями, готовые ястребами наброситься на малейшие признаки древнего зла, грозившего вновь поднять голову. Башни, разрушенные Пляской Гор, уже почти восстановили. Но древние потайные подземелья этих освещенных веками сокровищниц знаний неожиданно вскрылись, и немногочисленные тогда исследователи-затворники начали изучать их. С тех пор сюда стеклось немало высокоумных. Теперь усилия добрых трех четвертей обитателей Лормта были направлены на эти исследования и даже принесли некоторые плоды.

Она снова подняла дальнозор, поднесла его к правому глазу и направила на подножие склона. Там ей показалось какое-то движение, а в этом почти обезлюдевшем краю это могло предвещать появление путника — одного из тех, что пытались отыскать кого-нибудь из разбросанных войной родных, разведчика разбойников или просто бездомного бродягу.

Глядя в свое новое приспособление, Мерет различила четкую картинку. То, что привлекло ее взгляд, оказалось худющей крестьянкой, одетой в совершеннейшие лохмотья. Это была та самая пастушка, которую она накануне видела с крошечным стадом замызганных овец. Наметанный за многие годы торговли глаз женщины мигом определил, что эти тощие пятнистые создания никуда не годятся. На такую выцветшую клочковатую шерсть агенты со складов Ферндола и не взглянули бы.

Вот девчонка обогнула скалу и споткнулась о камень, как будто была не в силах стоять прямо. Мерет, опираясь на высокий посох, поднялась на ноги, заткнула дальнозор за пояс и зашагала по склону холма вниз. Она не могла ошибиться — на худом лице застыло выражение животного ужаса.

Немая от рождения, Мерет не могла окликнуть девчонку; не обладала она и древним даром мысленного прикосновения. Внезапно ее нога ступила на что-то скользкое в пробивающейся траве, и она вонзила посох в землю как раз вовремя, чтобы удержаться на ногах.

Пастушка вскинула голову и взглянула прямо на Мерет; ее черты все так же искажал ужас. Она вскрикнула и, шатаясь, побежала от скалы прочь, но не к Мерет, а в другую сторону.

Мерет подошла еще не настолько близко, чтобы преградить девчонке дорогу посохом, к тому же она опять оступилась и едва удержала равновесие. Когда она добралась до уступа скалы, беглянка уже оказалась с другой его стороны — теперь перехватить ее не было никакой надежды.

Грузно опираясь на посох, лормтийка упорно преследовала перепуганную насмерть крестьянку, несмотря на предчувствие, острым ножом кольнувшее ее в сердце, отчего она снова едва не упала. Мерет изо всех сил вцепилась в полированное древко, и в нос ей ударил такой дух, что она на миг задохнулась. То был жуткий запах смерти — смерти, от которой исходили тошнотворные миазмы древнего зла.

Крепнувший ветер вполне мог принести это зловоние с поля битвы, но даже за годы войны Мерет всего однажды сталкивалась с такой невыносимой вонью — она проникала не только в ноздри, но просачивалась прямо в душу, пробуждала бесформенный и безымянный страх. Возможно, физический недостаток — ее немота — обострял и возбуждал все другие ее чувства. Вопрос был совсем в духе Мышки, чьи появления она потом долго вспоминала. Мышка славилась своим магическим даром и талантом распознавать соотношения между

разными вещами.

Женщина упорно продвигалась по следу девчонки, но ее размышления вдруг были грубо прерваны.

Она взглянула вниз, и ее глазам предстало воистину странное зрелище. У ее ног, в мягкой весенней траве лежала овечья шкура, растерзанная и залитая кровью. Между молодыми травинками темнели неровные островки пропитанной кровью земли.

Мерет осторожно приподняла концом посоха край шкуры и завернула его наружу, чтобы взглянуть на внутреннюю его сторону. При таком обилии крови овцу могли убить только совсем недавно, но нигде вокруг не было видно следов ни лап, ни когтей, ни ног. Более того, с обратной стороны шкуры не оказалось ни клочка мяса. Мерет не знала ни одного животного, которое могло бы убить и освежевать свою жертву таким образом. И где кости? Поблизости не было вообще никаких останков — одна шкура и кровь!

В этих горах водились хищники: медведи, воллопы, снежные барсы. Но места их пиршеств ничем не напоминали это. Один вид этого зрелища и атмосфера этого места прямо-таки вопили об опасности.

Вессель — вот кто может знать. Лормт и его окрестности многие годы были его вотчиной. Его вполне заслуженно считали и правой, и левой рукой лорда Дюратана, и если уж кого и следовало спрашивать об этом крае или башнях, то это его. Она видела его час назад — он руководил отделкой амбразур в новой башне внешней стены.

Да, но как же пастушка? Мерет медленно развернулась и принялась оглядывать луг. Девчонки, разумеется, и след простыл. Она могла бы попробовать отыскать беглянку по звуку ее шагов, но пока она разглядывала эти странные останки, время было упущено, да и все равно, скорее всего, у нее не хватило бы сил догнать маленькую крестьянку. Пастбище по краям щерилось многочисленными валунами, походившими на гигантские выщербленные зубы. За любым из них с легкостью можно было спрятаться.

Может быть, потом она одолжит одного из маленьких крепких пони и верхом отправится в деревню, порасспросит о девочке, хотя надежда на успех представлялась ей совсем призрачной. В отношениях деревни с Лормтом особой теплоты не было, поскольку многие ее жители были из рода Карстенов, которые едва уцелели во время Пляски Гор и затаили злобу на всех, наделенных Талантами.

Нет, пожалуй, разумнее всего сейчас отправиться за ответами к Весселю. С большой тщательностью выбирая, куда воткнуть крепкий посох, Мерет развернулась и медленно зашагала обратно той же дорогой, что и пришла.

Весселя она обнаружила сидящим у перевернутой телеги; он с завидным аппетитом уплетал здоровенный ломоть травяного хлеба, увенчанный увесистым куском сыра. Казалось, это сооружение вот-вот развалится, но он ловко отправил последний кусочек в рот. Мерет заколебалась: вряд ли было учтиво отрывать человека от еды ради того, чтобы он полюбовался странной шкурой, валяющейся у подножия горы. Но — время поджимало. Находку нужно было осмотреть немедленно, иначе она теряла всякую ценность.

Управляющий проглотил то, что было у него во рту, и приподнялся ей навстречу.

— Что-то случилось, госпожа?

Мерет положила перед ним свою дощечку для письма и аккуратно вывела, чтобы ему легче было разобрать:

«Внизу, на лугу. Что-то странное. Надо посмотреть».

Он завернул остатки обеда в грубую льняную тряпицу и засунул за пазуху куртки. Потом остановился, внимательно глядя на нее.

Инстинктивно уловив его невысказанный вопрос, она покачала головой, и он не стал брать с собой единственное имеющееся поблизости оружие — кирку, которая стояла у стены у него за спиной.

На этот раз она внимательнее смотрела, куда ступает. Был полдень, уже потеплело, и ее острое ухо уловило деловитое жужжание насекомых. Когда они приблизились к месту бойни, ей показалось, что вонь усилилась; однако почти осязаемое зло, которое окружало это

место Прежде, уже рассеялось. Вессель одним скачком преодолел последние несколько шагов и очутился перед окровавленной овечьей шкурой, а через миг и вовсе присел на корточки, зажав нос.

— Видать, кто-то поживился овечкой, — прогнусавил он, протянув руку к перепачканной шкуре, но не касаясь ее.

И снова Мерет зацарапала палочкой по дощечке. «Горный волк, медведь, снежный барс?» Он покачал головой.

— Нет, госпожа, такое не под силу ни одному горному охотнику. Где следы лап, кости и все прочее? Позовем-ка лучше лорда Дюратана — он когда-то учился на егеря. Пойду, — Вессель поднялся на ноги, — приведу его.

Мерет потихоньку поковыляла прочь. Туча жирных синих мух и липкий запах — это было для нее уже слишком. Даже когда она вернулась обратно в Лормт, ей еще некоторое время не хотелось заходить в кладовую. Вместо этого она отправилась в крошечную комнатку, служившую ей жилищем, и уселась за столик, на котором громоздились кучи документов и парочка книг в деревянных переплетах — тяжелые обложки были призваны защитить древние пергаментные страницы.

Ей еще нужно было заняться делом Ларвита — это была ее обязанность в Лормте; она должна выполнять ее. Только что закончившаяся изнурительная война, резня Древней расы Карстена, Пляска Гор смешали все в ее жизни, как стряпуха смешивает тугое тесто для праздничного пирога. Семьи и кланы безжалостно разметало в разные стороны.

Теперь Лормт собирал и систематизировал сведения о таких потерях и предлагал помощь всем, кто искал своих родных. Иногда, чтобы отыскать хоть какую-нибудь зацепку, приходилось копаться в очень древних летописях. Мерет, с юности привыкшая на суше и на море вести торговые записи для своей семьи, на старости лет сочла это занятие вполне подходящим для себя, тем более что делать это она умела отменно.

Вот только... Стоило ей на миг закрыть глаза, как перед ними вставала окровавленная овечья шкура. Она хлопнула себя по губам ладонью, сглотнула и потянулась за фолиантом с геральдическими девизами. Потом решительно распахнула его и заставила себя найти одну пометку.

Ей все-таки удалось на какое-то время отделаться от леденящего кровь воспоминания и взяться за исследование. И в конце концов она так увлеклась, что даже вздрогнула, когда к ней пришли от лорда Дюратана с просьбой — если, конечно, ее это не затруднит — присоединиться к нему.

Уже почти стемнело, когда Мерет, опираясь на посох, миновала коридоры и осторожно спустилась в подземелья Лормта. Там она постучалась в дверь покоев лорда Дюратана, где он занимался делами, которые касались безопасности древней сокровищницы мудрости. В далеком прошлом он был Стражем границы, и теперь его покои всегда были ярко освещены, а когда Мерет получила приглашение войти, то немедленно уловила звук, выдававший его настроение, — неритмичный стук.

Он расчистил на своем столе небольшой пятачок, сдвинув в сторону бумаги, перья и толстые фолианты. Его рука мерно поднималась и опускалась, а пальцы сгребали вместе пригоршню разноцветных кристаллов и тут же рассыпали их по столу беспорядочным узором, который он внимательно изучал после каждого броска. Значит, он счел это происшествие по-настоящему серьезным! Мерет тоже взглянула на прихотливый узор, который складывали случай и его необыкновенный талант. На этот раз кристаллы легли весьма красноречиво.

Большая часть темных упала довольно далеко от основного узора, в котором переливались все оттенки зелени — от молодой весенней травы до самого темного, Цвета ежевичных листьев. Однако его там и здесь оживляли вкрапления бледно-желтого, разбросанные случайным образом. Смотритель Лормта поднял голову, в упор посмотрел на Мерет и заговорил, как будто зачитывал наизусть кусок какого-нибудь отчета из конторской книги Весселя, а закончил свою речь следующими словами:

— Госпожа Мерет, в дни до установления Стражи корабли вашего рода плавали в дальние края. Слыхала ли ты когда-нибудь о такой мерзости, с какой столкнулась сегодня?

Доска и стило Мерет уже были наготове. «Нет».

Ответ был односложным, но большего и не требовалось.

— В этих вершинах довольно тварей, которых следует опасаться. — Он принялся собирать кристаллы, чтобы спрятать их обратно в двойной мешочек из кожи ящерицы. — В это время года они очень изголодались после зимней скудости. Но все же никто из окрестных обитателей обычно не обглаживает свою жертву настолько, чтобы от нее оставалась одна шкура. Вессель пока расспрашивает...

Следующее слово Дюратана потонуло в шуме, который заставил обоих мгновенно вскочить и метнуться к одному из узких окон в комнате зрителя. Мужчина оказался у него в два скачка, но Мерет не собиралась уступать ему и оказалась вынужденной выглядывать у него из-за плеча, чтобы рассмотреть...

Тьма почти поглотила склон, который отгораживал долину от внешнего мира. Вдалеке плясали маленькие огоньки — судя по виду, факелы, рассудила Мерет. Они, пожалуй, не приближались к Лормту, а скорее просто толклись на месте в некотором отдалении.

Дюратан отстранил женщину со своего пути и пересек комнату, остановившись лишь затем, чтобы подхватить плащ, небрежно брошенный на спинку кресла. Накидка Мерет осталась в ее комнате, в нескольких этажах отсюда, но она не задумываясь двинулась к двери вслед за ним, хотя он уже бросился бежать. Ей же, даже опираясь на посох, не под силу было за ним угнаться, поэтому когда она добралась до центрального дворика, там уже собирался небольшой отряд вооруженных стражников, а двое с ворчанием отворяли массивные ворота. Они благоразумно приоткрыли створки ровно настолько, чтобы в щель мог пройти только один стражник.

Хотя отсюда факелов было не видно, со стены в двух уровнях сверху послышался крик часового:

— Они все еще там!

— Госпожа! Ночь будет холодной! Вот, закутайся. — Беталия, экономка Лормта, сбросила свой собственный плащ и накинула его на плечи Мерет. Над ними колыхались волшебные огни — ярче любого факела. Похоже, за дело взялась леди Налор.

Мерет торопливо закивала головой в знак благодарности, поскольку Дюратан уже проскользнул в узкую щель между створками и привратник собирался захлопнуть их, когда она протиснулась следом. Он бросился было удержать Мерет, но она не обратила на него внимания. Лишь когда мрак сомкнулся вокруг нее, Мерет остановилась. Сюда свет волшебных шаров не проникал. Единственный неверный шаг мог обернуться для нее очень болезненным падением. Впереди послышалось бряцанье оружия, и она в досаде закусила губу. У нее не оставалось никакого иного выбора, кроме как ковылять вперед с черепашьей скоростью, изо всех своих скудных сил вонзая посох в землю при каждом шаге.

От кучки факельщиков донеслись крики и пронзительный вопль, тут же оборвавшийся, как будто от удара. Когда Мерет наконец добрела до места событий, в скудном колышущемся свете факелов ей представилось зрелище борьбы, окружавшей ее.

Ни один из стражников не обнажил оружия, но все вокруг колотили друг друга короткими и толстыми деревянными дубинками, которые почти ничем не отличались от ее более длинного посоха. Их противниками оказались жители деревни, которые хрипло что-то выкрикивали, не переставая драться.

Мерет разобрала грубую брань, перемежаемую воплями:

— Ах вы, отродья Тьмы! Пропадите вы пропадом! Оставьте нас в покое!

Так уж сложилось, что исследователи древней мудрости из Лормта почти не общались с деревенскими, за исключением тех тяжелых времен, когда они распахнули двери цитадели знаний перед теми, кто спасал свои жизни. Тогда местные жители и их семьи были очень признательны своим спасителям, но когда сельчан настигло страшное бедствие — сдвинулись горы, — ими овладело недоверие, и все их контакты стали ограничиваться лишь

торговлей. Однако Мерет никогда еще не слышала о таких беспорядках, каким стала свидетельницей сейчас.

Но времени на размышления Мерет не дали: она развернулась, опираясь на посох, и едва уклонилась от смертоносного удара, нацеленного ей в голову. Но совсем избежать его ей все же не удалось: дубинка больно задела ее по плечу.

Робер! Да ведь только сегодня утром сын возчика поприветствовал ее, вежливо и с подобающим почтением, а теперь его налившееся кровью лицо свело в искаженную ненавистью застывшую маску, как у обезумевшего от запаха крови разбойника. Мерет содрогнулась. Время точно повернуло вспять. Она инстинктивно ответила обидчику тем же: с отточенной долгими годами опыта силой размахнулась и посохом угодила ему куда-то в область колена. Он завопил и рухнул наземь.

И принялся кататься, держась за коленку. Приземлился он не на землю, а на чье-то другое тело. Обнаженная плоть в свете факелов отчаянно извивалась. Это была пастушка, связанная по рукам и ногам, точно приготовленная к закланию овца, и без одежды казавшаяся совсем маленькой и сморщенной. Кровавые рубцы у нее на руках не оставляли никаких сомнений в том, что ей пришлось пережить до этого.

Мерет двинулась к ней, готовая защищать бедняжку и себя саму, но Робер уже полз прочь, все еще держась за коленку и беспрерывно воя. Основная гуща свалки переместилась в сторону, и две женщины остались одни во мраке — факелы или погасили, или их унесли.

Однако Мерет уже успела заметить какое-то подобие укрытия — еще один каменистый уступ. Нести девчонку было ей не по силам, но, возможно, она сумеет докатить ее дотуда. Она наклонилась и ухватила пленницу за волосы, сальные и покрытые грязью. Один быстрый взгляд сказал ей, что глаза пастушки устремлены на нее. Старая женщина зажестичулировала, изображая, что она хочет сделать, и ткнула в сторону камня, надеясь на понимание.

Ответа не последовало, но Мерет изо всех оставшихся сил потянула, и маленькое тельце пришло в движение и принялось извиваться, пока они вдвоем кое-как не добрались до спасительного валуна. Женщина рухнула на землю почти без сил, и беспомощная девочка оказалась вплотную к ней. Мерет трясло — нет, скорее ей передавалась мучительная дрожь, колотившая тощее — кожа да кости — тело девчонки.

У Мерет не было с собой ножа, чтобы перерезать путы маленькой пленницы, но она расстегнула застежку плаща Беталии, обняла девочку и, как смогла, натянула плотную шерстяную ткань на них обеих.

Она попыталась подтянуть девчонку повыше, и край плаща обвился вокруг одной из туго связанных костлявых рук пленницы. Крестьянка дернулась вперед, но вырваться у нее не получилось. Извиваясь в руках Мерет, которая только усилила хватку, она снова вскрикнула и ухитрилась взглянуть прямо ей в лицо.

— Зло! Убей меня! Быстрее!

Мерет не могла написать ни вопрос, ни ответ. Но в этот миг один из факельщиков отступил и оказался поблизости, и она увидела... По скрученным рукам пастушки, по ее плечам уродливой каймой тянулась ободранная, кровоточащая плоть — лишенная всякой кожи. Мерет мгновенно отпихнула от себя девчонку и увидела костлявую спину, испещренную все теми же зловещими отметинами голого мяса, из которых торчали клочья разорванных листьев и темные сломанные стебли.

То были следы не жестокой порки, но чего-то неизмеримо более устрашающего. Мерет содрогнулась. Нужно доставить бедняжку в Лормт, пусть Налор попробует при помощи своего целительского дара облегчить страдания несчастной девочки.

Девчонка извивалась, пытаясь отползти от Мерет, хотя даже самое незначительное движение заставляло ее пронзительно кричать от боли. Но все попытки старой женщины удержать ее, чтобы как-то облегчить эту ужасную пытку, лишь заставляли ее вопить громче. Лишенная дара речи, Мерет была сейчас почти так же беспомощна, как и связанная крестьянка. Нет! Нет! НЕТ! Ее разум сражался с кляпом, которым судьба заткнула ей рот,

как когда-то в далеком прошлом, когда ее младшую сестру у нее на глазах зарезал ализонец.

— Госпожа!

Мрак рассеялся. Над ней стоял Вессель, прижимая к груди левую руку, а мастер Форби, с которым они уже успели обменяться приветствиями, склонялся к ней с факелом.

— Что здесь такое? — подошел к ним Дюратан. — Леди Мерет, как ты здесь оказалась?

Она кивнула на дрожащую девчонку, которая внезапно стала казаться всего лишь жалкой кучкой ободранной плоти. Мерет привалилась к камню, и безжалостный свет факела осветил сочащееся кровью тельце. Вессель от души выругался, а командир лормтийского гарнизона развернулся и гаркнул:

— На помощь!

Его крик разлетелся над полем, где больше не было видно сражающихся стражников и жителей деревни.

Когда они наконец вернулись в Лормт, по жесту Налор двое пожилых ученых придвинули стол к пылающему в камине огню. В комнате высоко под потолком на веревках висели пучки сушеных трав. Мерет притулилась на скамеечке у камина, блаженно грея заледеневшие руки о кружку с теплым настоем.

Налор проворно расстелила на столе простыню, а Дюратан, которому помогал один из стражников, уложил на нее девчонку лицом вниз. В самый последний момент травница аккуратно повернула голову девочки в сторону. Низкая лампа, подвешенная на цепи к балке над столом, осветила истерзанную плоть.

К изумлению Мерет, отвратительные полосы содранной кожи не переходили на спину, как было бы со следами порки. Вместо этого они пересекали левую руку, левое плечо и левый бок; остальная кожа была в синяках и ссадинах, но на месте.

Когда мужчины вышли, рядом с леди Налор появилась госпожа Беталия с маленьким дымящимся котелком в руке и стопкой чистых тряпиц под мышкой.

Ее лицо пылало от гнева.

— Что за звери эти деревенские олухи? — возмутилась она.

Леди Налор ничего не ответила, но открыла одну из своих лекарственных сумок и вытащила оттуда тоненькие щипчики. Мерет, догадавшаяся о ее намерениях, с трудом поднялась, отставила свою кружку и вытянула из-под мышки экономки одну тряпицу.

Расправив ее на ладони, Мерет оттеснила Беталию в сторону и встала рядом с главной травницей, которая с явной осторожностью, но проворно начала очищать раны от обломков стеблей, грязных листьев и цветов, которые так крепко прилипли к ободранной плоти, что, казалось, застряли в ней намертво.

Как только они были удалены, она кивнула Мерет, которая мгновенно накрыла одной кромкой приготовленной ткани другую, чтобы ничто не ускользнуло.

— Чувствуешь? — спросила Налор.

Мерет кивнула, крепко зажав тряпицу между ладонями. О да, она еще как чувствовала. Возможно, не столь сильно, как Налор, которая принадлежала к Древней расе и обладала Даром: ярость, жгучую, сконцентрированную ярость, что может заставить человека броситься в бой, не думая о себе, и убивать и убивать до тех пор, пока его самого, в свою очередь, кто-нибудь не убьет.

И хотя никакой возможной физической причины не было, эта ярость исходила из сложенной тряпицы у нее в руках.

Она должна удерживать ее; сейчас не время идти за дощечкой, чтобы написать хотя бы один из вопросов, роящихся в мозгу, и Мерет стояла и смотрела, как Налор выполняет свою целительную работу. В то же время половина внимания Мерет была сосредоточена на скомканной тряпице, в которую вонзались ее ногти.

Наконец госпожа Беталия позвала двух своих помощников, которые унесли с ног до головы забинтованную девочку прочь. Но время вопросов и ответов еще не пришло, даже теперь — хотя бы потому, что одна из них была не в состоянии высказать их. Или Мерет привыкла к странной ярости, или она угасла. Мерет все еще крепко сжимала тряпицу, хотя

уже начали подносить или подводить пострадавших в схватке. Среди них были как защитники Лормта, так и жители деревни — окровавленные, избитые и едва ли сознающие, где находятся.

Леди Налор прервалась, чтобы подхватить стеклянную чашу, и поманила Мерет пальцем.

— Туда.

Она подняла крышку. Мерет затолкала смятую тряпку внутрь, и главная травница мгновенно захлопнула крышку и закрепила ее.

Появилась экономка, забрала у Мерет посох и положила сморщенную и сведенную судорогой руку старой женщины на свой крепкий локоть.

— Идем, госпожа. Уже почти рассвело. Мы ведь не хотим подхватить лихорадку, правда? Идем, идем в постельку...

Налор не просто сняла с Мерет бремя, которое подтачивало ее силы, но, похоже, задействовала энергию женщины и исчерпала ее до дна. Мерет позволила отвести себя в спальню, в мягкий уют расстеленной постели.

Когда она проснулась, было светло — первые неяркие лучи солнца играли на откинutom пологe кровати. Мерет уселась в подушках и провела рукой по лбу, но боль в голове не утихла. Она дважды оглянулась по сторонам, чтобы убедиться — никакая злая тень не проникла сюда из снов, которые терзали и мучили ее.

Она медленно умылась чуть теплой водичкой, которую обнаружила в тазу. Похоже, кто-то заглядывал к ней, совсем недавно. Дрожа, она вытащила из сундука тяжелое платье бледно-фиолетового цвета и серую шаль, которую искусные руки вязальщицы превратили в настоящее кружево. Мерет продолжила бороться с болью, которая прочно обосновалась у нее за глазами и, тяжелее обычного опираясь на свой посох, отправилась на поиски всех остальных.

И нашла их в одном из общих залов. Она никогда еще не видела, чтобы он был так набит; голоса звенели громче, чем обычно. Когда Мерет, почти никем не замеченная, вошла, ее чуть не оглушил поток новостей, которыми обменивались находившиеся в зале.

Лорд Дюратан послал за ближайшей Мудрой... Нет, он сам выехал на ее поиски... Он намеревался обратиться к лорду Корису, нынешнему правителю Эса... Жители деревни связались с запретными древними силами... Они принесли девочку в жертву какой-то нечисти... И все в том же духе!

Мерет затопталась у двери, испытывая искушение бежать от этого гвалта куда глаза глядят. Если бы только она могла заткнуть уши — но она не отваживалась отпустить свои посох, опасаясь, что в результате окажется на полу.

— Леди Мерет!

Рядом с ней внезапно появился чародей Фагголд, один из старейших ученых. Несмотря на свой весьма почтенный возраст он в отличие от большинства сверстников не утратил связи с реальностью и по праву считался, пожалуй, лучшим историком из всех, кто сейчас обитал в Лормте.

Он возвысил голос, чтобы перекрыть шум.

— Какая удача найти тебя здесь! Мы как раз собирались начать совет.

Он с изяществом заправского сердцеда предложил ей руку.

Здесь собрались те, кто мог считать себя новым спасителем своего мира. Лорд Дюратан отсутствовал. На его месте восседала Налор, его супруга, а перед ней на столе, вокруг которого стояли их кресла, лежала тряпица, очень хорошо знакомая Мерет. Кроме нее за столом присутствовали Вессель, еще один бывший Страж Границы, трое мудрецов и Фагголд.

Когда Мерет удобно устроилась и приготовила свою дощечку, леди Налор, пользуясь кончиком пера как указкой, приподняла край тряпицы и откинула его. Затем указала на коричневые ошметки, прилипшие к ткани, которая теперь была далека от белой.

— Вы видели, как то, что здесь лежит, выглядит под увеличительным стеклом. Вы

почувствовали... — Она помолчала, переводя взгляд с одного лица на другое.

С того самого мига, когда ее взгляд упал на тряпицу, Мерет отчаянно мотала головой. Она силилась подавить то, что последовало за ней из ее горячечных сновидений. Ее рука по собственной воле принялась водить по дощечке.

«Оно живет... оно пожирает... пожирает живущих...»

Стило выпало из ее пальцев. Фагголд подхватил его, не дав коснуться пола. Леди Налор кивнула.

— Да. — Потом постучала кончиком пера по столу, чтобы привлечь к себе внимание, и осторожно отделила один из темных прутиков. — Эта сущность — не от солнца и не от Света. Она живет под землей. Хотя она кажется растением, на самом деле это не то, что понимаем под растениями мы, ибо пища ее — плоть и кровь.

Она снова обвела членов Совета взглядом.

Мерет взяла палочку со стола, куда ее положил Фагголд. Она уже совершенно овладела собой, и буквы не дрожали.

«Неужели древнее зло снова пробудилось? Или... где-то остались Врата? Незапечатанные? Может, нужно искать, чтобы вырвать его с корнем?»

Она немного помедлила, обдумывая последнее предложение. Покопалась в памяти. Конечно, в прошлый раз на загадочном острове далеко на юге им пришлось сражаться с куда меньшей опасностью, но тогда их импровизированное оружие сработало отлично.

«Можно использовать очищающий огонь или снадобья из ядовитых трав», — написала она на своей дощечке.

Фагголд и леди Налор внимательно следили за тем, что она пишет.

— Кислота Сафолла! — с воодушевлением закивала Налор.

— Горячие угли остановили клещи губительного железа, — быстро вставил свое предложение Чародей. — Нужно заручиться помощью жителей деревни...

Мерет чуть отклонилась назад. Все сидевшие за столом заговорили разом. Ее охватило ощущение, будто у нее над головой повисла туча. Все это было как-то слишком просто.

Она забрала со стола дощечку и стило и спрятала в мешок, прикрепленный к поясу. Вокруг нее лихорадочно строили планы; время от времени возникали разногласия, какой именно метод следует применить, но все сходились во мнении, что действовать нужно как можно скорее, пока чудовищная подземная плеть не расплзлась дальше.

Опираясь на посох, она поднялась на ноги. Леди Налор подняла на нее глаза, и Мерет сделала короткий жест правой рукой. За годы, проведенные в Лормте, она разработала целую систему подобных жестов, которую ее товарищи без труда усвоили. Затем она легонько кивнула.

Однако, покинув зал, Мерет не отправилась в свою спальню, а прошла через галерею в маленькую боковую комнатку. В кресле у кровати клевала носом служанка. Когда на пороге появилась Мерет, она быстро поднялась, протирая глаза и зевая. Мерет улыбнулась и махнула в сторону двери. Служанка радостно скрылась за дверью, уступив кресло старой женщине.

Мерет с осторожностью устроилась в нем, не сводя глаз с лежавшей в кровати девочки. По мере того как ее подозрения становились все сильнее и сильнее, росла и ее настороженность. Девчонка лежала перебинтованной спиной кверху, от повязок исходил слабый травяной дух. Но лицо ее было повернуто к старой женщине, а глаза резко распахнулись.

Заговорить с ней Мерет не могла, а если девчонка не умеет читать, как ей тогда?..

Мерет вздрогнула. У нее возникло ощущение, что послышался... зловредный смех.

«Что тебе нужно от меня, старуха?»

Не может же эта крестьянка быть одной из Могуущественных?

«Верно». — Слово вонзилось в раскалывающийся мозг Мерет как острие меча. «Сила — палка о двух концах. Все имеет оборотную сторону. Так что же тебе нужно от меня, спрашиваю я еще раз. И берегись истощить мое терпение. Подумай, что захочешь спросить:

твои каракули на доске — пустая трата времени. Если хочешь получить ответ, так дело не пойдет».

Мерет стиснула руки. В дни войны страх стал ее постоянным спутником, но это было нечто иное — как будто ее приковали к прутьям какой-то клетки, а вокруг нее медленно, но верно поднималась грязная зловонная жижа. Но она должна заставить себя узнать, что за бедствие обрушилось на Лормт.

«Кто ты?» — с трудом вылепила она мысль, отозвавшуюся в голове болью.

«Я — Ворсла, Старква, Карн...» — плавный поток мысли прервался.

Мерет упорно смотрела на сцепленные руки. Встречаться с серыми глазами девчонки она избегала.

В ее мозгу снова раздался голос:

«У фора».

В горле у Мерет что-то булькнуло.

«О да, да! Неужто в детстве твоя мать не пугала тебя этим именем? У фора из темных лесов, что способна обратить тебя в дерево, которое уже облюбовал дровосек, или в скакуна, которого уже оплел Свежевщик, Пожиратель?»

Мерет заставила себя выпрямиться в своем кресле. Неужели это существо может читать не только те мысли, которые предназначены для него? Она поспешно приготовила другой вопрос.

«Что я здесь делаю? — продолжал лесной демон. — Я пробудилась от Долгого Сна в облике той, кого ты перед собой видишь, — сироты, которую все обижают. О. я ждала долго, очень долго, чтобы вновь стать самой собой. — Девчонка коснулась смятой простыни, прикрывавшей ее грудь. — Лишь теперь, когда я попробовала крови, я вспомнила все до конца. Эти глупцы, которые Живут на земле, считают, будто выиграла древнюю войну, потому что закрыли Врата в миры иного уровня. Но мы живы, мы просто спали все эти нескончаемые годы. Мы снова обманули время. Остались проходы, и в них будут свиты новые гнезда. И У фора снова завладеет миром!»

Худенькая фигурка на кровати шевельнулась, встала на четвереньки и перевернулась. Потом принялась сдирать толстые пахучие повязки, пока не избавилась от них до конца. Гладкая кожа, на фоне белых простынь кажущаяся еще более темной, покрывала тело, в котором больше не было видно костей.

Мерет яростно сражалась с болью в голове, пульсирующей, как будто слова отбивали внутри черепа барабанную дробь.

Мнимая девчонка сорвала с кровати простыню и обвилась ею. Потом стянула вместе два конца и связала их, а узел разгладила.

— А теперь... — проговорила она вслух, но тут же умолкла. Постояла, склонив голову набок, как будто прислушивалась к чему-то. Потом ее лицо свело в маску гнева. — Так вот как! — наконец нарушила она молчание. — Значит, они...

Она бросилась к двери, но неудобное одеяние замедляло ее движение. Мерет сделала одно-единственное точно рассчитанное движение. Ее посох, брошенный как копье, угодил девчонке в ребро. Та вскрикнула, ухватилась за кровать, чтобы не упасть, и рухнула на пол. В тот же миг дверь распахнулась с такой силой, что с грохотом ударилась о стену. Госпожа Беталия бросила быстрый взгляд на Мерет и сосредоточилась на девчонке, которая с рыком обернулась к старой женщине, а ее пальцы зашевелились, явно складываясь в какой-то знак.

Беталия схватила тяжелую связку ключей, свисавшую у нее с пояса, сорвала ее и запустила этим позвякивающим клубком девчонке в руки. Меткости ей было не занимать. Мерет слабо откинулась в своем кресле. Дышать ей было очень трудно, а боль в голове, казалось, окутывала ее пеленой, затмевала зрение, однако она расслышала отчетливые слова госпожи Беталии:

— Железом, холодным железом тебя, маленькая дрянь! Железом!

Эти зловещие слова эхом отдавались в ушах Мерет, когда ее увлекло во тьму.

Ни разу еще со времен своего путешествия за Магическим камнем Мерет не

чувствовала себя столь далекой от действительности и повседневной жизни. Как будто кто-то другой, не она, покинул свою комнатуху, поднялся из кресла и прошел по коридорам, вышел на просторный двор, а потом и вовсе из стен Лормта. Воля, которую она не определяла как свою собственную, овладела ею. И на этом туманном пути ей не встретилось ни единой живой души. Она словно осталась совершенно одна во всем огромном здании Лормта.

А потом вдруг безо всякого предупреждения стены и заново отстроенные башни исчезли. Мерет больше не была одна, хотя те, кто окружал ее, казались призраками. Перед ней расстился крутой каменистый склон, где в ту памятную ночь произошло столкновение с жителями деревни. Дерн был содран, а неподалеку землю терзали граблями, явно не предназначенными для обычного крестьянского труда. Они были больше обычных, с шире расставленными зубцами, и их ужасные острия, похожие скорее на холодное оружие, чем на крестьянскую утварь, жадно вырывали комья земли.

Именно этим и занималась большая часть многолюдного сборища. Мерет то и дело принималась моргать, пытаясь избавиться от раздражающей пелены пред глазами. Лорд Дюратан стоял в обществе Весселя и двух Других бывших Стражей Границы — он знал, что оба они опытные лучники. Примерно в шаге позади стояла леди Налор с обнаженным мечом, явно слишком тяжелым для нее.

И...

Та же сила, что привела Мерет сюда, погнала ее вперед, все быстрее и быстрее. Страх, похожий на внезапный ледяной дождь в горах, накрыл ее с головой. Что-то связанное, лежащее на земле между Налорой и нетронутым дерном, пошевелилось. Та, которая называла себя У форой, поднялась на ноги. Ее лицо казалось маской, высеченной из зеленоватого льда самых высоких горных вершин. Она отчаянно пыталась поднять руки, но тщетно: запястья ее были крепко стянуты. День стоял хмурый, и свет, сочившийся сквозь плотные облака, был совсем скудным, но на руках у девчонки что-то поблескивало. Пленницу заковали в железо!

Железом, холодным железом...

Налор творила заклятие. Время от времени Дюратан бросал в У фору пригоршней растолченных трав. Раз, другой попыталась У фора снова поднять закованные руки. Губы похожего на маску лица кривились. Возможно, она силилась произнести слова какого-то своего, темного обряда.

Потом мнимая девчонка чуть приподняла голову, и темные глаза на странно зеленоватом лице впились в лицо Мерет, нашли глаза старой женщины...

У фора мгновенно оказалась перед ней, медленно-медленно протянула вперед скованные руки. Она видела их, невысказанным образом отраженные в безжизненных глазах. Если нажать здесь... и здесь... оковы раскроются. Мерет понимала, к чему та пытается ее принудить.

Трижды ее собственные руки поднимались и тянулись к схваченным железными кандалами запястьям. И трижды ее воля побеждала, и они снова падали, но с каждым разом она слабела все больше и больше, а голову наполняла такая боль, что Мерет не сомневалась — ей не выдержать.

Голос Налор, произносящий слова древнего заклинания, не дрогнул. Они казались Мерет бессмысленными. Но они были не единственными!

Дети Грая, Поднимаем якоря! Без конца и края Впереди лежат моря !

То был мужской голос, глубокий, гортанный, звенящий отвагой — голос человека, готового отправиться в свое последнее плавание.

Откуда-то из глубин памяти всплыли слова, которые она не могла произнести.

Парус и ветер Не подведут Тех, что к Свету Идут...

Песня, которую она не могла спеть, отзвучала у нее в душе. Рольф, он... Она яростно подавила это воспоминание. Но... но... он освободил ее! Посох, ее верный спутник, поднялся. Эти темные колдовские глаза утратили свою власть над ней. Они стали светлыми — и странно тусклыми.

Голос Налор взвился, зазвенел последней властной строкой.

Странная девчонка попятилась, не сводя глаз с Мерет и Налор. Ее нога угодила в сплетение внезапно выползших наружу корней. Она вскрикнула, наклонилась и принялась молотить кулачками по тонким зеленым стеблям, увенчанным желтыми цветками — с лепестками в форме клинков меча.

Прежде чем кто-нибудь успел сдвинуться с места, это сделала земля. Она вдруг разверзлась, и из огромной трещины выползло кружево тонких корешков, в мгновение ока оплетшее девчонку. И снова земля содрогнулась, готовясь сомкнуться. Налор стряхнула с себя оцепенение и швырнула в эту вздымающуюся поросль шар, Другой, третий — Дюратан протягивал их ей один за другим. И земля сомкнулась, сомкнулась! Мерет передернуло — пронзительные вопли медленно затихли, предсмертные крики той, что никогда не должна была жить.

Так завершилась Последняя Битва Лормта, окончившаяся победой, и хотя тамошние мудрецы часто пытались отыскать в своих драгоценных летописях сведения о чем-либо подобном, усилия их были напрасны. Однако Мерет поведала эту историю Мышке из Ученых, но каков был ее ответ, не узнал никто — слишком бесценным даром являлся для нее разговор на мысленном уровне и слишком высокой ценой он ей давался.

Майк Резник — Влюбленная метла («Джон Джастин Мэллори»)

Закинув ноги на письменный стол и сдвинув на затылок потрепанную фетровую шляпу, Джон Джастин Мэллори внимательно рассматривал расписание скачек.

— Знаешь, — заявил он, — схожу-ка я сегодня на скачки — скажем, во второй половине дня.

— Боже мой! — выдохнула Виннифред Каррутерс, его низенькая седовласая партнерша, обладательница пухлых розовых щек. — Кто-то снова запряг это несчастное существо, не так ли?

— Как ты догадалась? — спросил Мэллори.

— Чего тут догадываться! Ты навевываешься на скачки только в тех случаях, когда бежит Летун.

— «Бежит» — это сильно сказано, — заметило не-совсем-человеческое существо, примостившееся наверху холодильника в соседней комнате. — «Еле тащится» — вот что он делает, этот Летун.

— Когда мне потребуется совет офисной кошки, — раздраженно буркнул Мэллори, — будь уверена, я тебя о нем попрошу.

— Вот-вот, — продолжала вещать Фелина с высоты холодильника, — как раз это качество и отличает вашего хваленного Летуна. Я имею в виду — неколебимая уверенность.

— Если тебе придет в голову уйти отсюда, — сказал Мэллори, — можешь поискать работу в труппе комедиантов. Подобным шуточкам там самое место.

— С какой стати мне уходить отсюда? — заурчала Фелина. — Тут тепло, сухо, и ты меня кормишь.

— Джон Джастин, сколько забегов подряд проиграл Летун на настоящий момент? — спросила Виннифред.

— Пятьдесят три.

— Это тебе ни о чем не говорит? — не унималась она.

— Просто его час пока не настал.

— Удивительно! — Виннифред пожала плечами. — Как самый лучший детектив на этом Манхэттене может быть таким глупым?

— Тебе просто недостает веры, — вздохнул Мэллори.

— Ты распутал уйму сложных дел и как минимум дюжину раз был на волосок от смерти, — гнула свое миссис Каррутерс. — Неужто все это имело одну цель — раз за разом просаживать деньги в тотализатор, делая ставки на Летуна?

— Когда я берусь за дело, моя задача заключается в том, чтобы найти искомое, — ответил Мэллори. — А когда иду на бега — в том, чтобы испытать судьбу. Не понимаю, почему это тебя вообще должно беспокоить. Агентство «Мэллори и Каррутерс» оплачивает все свои счета, но что касается личного дохода, тут каждый из партнеров распоряжается им по своему усмотрению.

— К стремлению «испытать судьбу» я отнеслась бы с пониманием, — отрезала партнерша, — это предусматривает элемент случайности. В случае же с Летуном ничем таким и не пахнет — верный проигрыш.

— Ну и дурацкий же у тебя будет вид, когда он наконец всех обставит, — парировал Мэллори.

— Хорошо сказано! — послышался чей-то скрипучий голос — Ты молодчина, Джон Джастин Мэллори!

— — Кто это? — строго спросил Мэллори, мгновенно вскочив на ноги. — Кто это сказал?

Пружинисто прыгнув на пол, Фелина вбежала в кабинет и с ухмылкой ткнула блестящим когтем в прислоненную к стене в дальнем углу помещения метлу.

— Да ладно тебе! — усмехнулся детектив. — Метлы не разговаривают.

— А я тем не менее очень даже разговариваю, — возразила метла.

Мэллори вытаращился на нее, а потом перевел взгляд на Виннифред.

— Твоя? — спросил он.

— Никогда раньше ее не видела, — покрутила головой партнерша.

— Что она в таком случае здесь делает?

— Почему бы не спросить у нее самой? — предложила женщина.

— Мне никогда не доводилось разговаривать с метлами. Как к ней следует обращаться?

— Вы можете называть меня Геката, — представилась метла.

— По-моему, так звали какую-то колдунью, — заметила Виннифред.

— Точно. Она была моей первой хозяйкой.

— Хорошо, Геката, — кивнул Мэллори. — Ответь мне, кто ты такая, что ты собой представляешь и — самое важное — что ты делаешь в моем офисе?

— Я хочу быть рядом с тобой, Джон Джастин Мэллори, — промолвила Геката.

— Почему?

— Гранди терпеть тебя не может. Разве этого недостаточно?

— Ага, значит, за всем этим стоит он, верно?

— Нет, он не знает, что я здесь, — возразила метла.

— Трудновато сохранить что-то в секрете от самого могущественного демона на Восточном побережье, — указал Мэллори. И, помолчав, осведомился: — И где же, по мнению Гранди, ты находишься?

— У него на стене, вместе с прочими магическими трофеями.

— Так почему ты не там?

— Он противный, прижимистый, жестокий и не деликатный, — пожаловалась метла. — Прошел уже целый год, как повесил меня на стенку и с тех пор не позволял спускаться. На протяжении нескольких месяцев я обдумывала побег, но никак не могла найти подходящее укрытие. Ну а потом он начал вслух жаловаться на тебя: «Мэллори сделал то, Мэллори сделал се, Мэллори опять расстроил все мои планы»... Вот я и поняла, что ты единственный

человек, который способен защитить меня от Гранди. — Геката помолчала и добавила: — Он все повторял: «Этот урод Мэллори», но теперь я вижу, что это вранье. Ты настоящий красавчик, Джон Джастин Мэллори!

Детектив повернулся к Виннифред.

— Вызови такси.

— Что ты собираешься делать? — с опаской спросила Геката.

— Я собираюсь вернуть тебя твоему хозяину, прежде чем он разнесет мой офис вдребезги.

— Не делай этого! Он же снова повесит меня на стенку!

— У нас хватает своих проблем, — сообщил детектив, направляясь к метле. — И с твоими, Геката, придется разбираться тебе без нашего участия, самостоятельно.

Он взял метлу и понес ее к парадной двери, на выход. Та запищала:

— Ах! Ох! Надо же! Какие у тебя сильные, мужественные руки, Джон Джастин Мэллори!

— Откуда, черт возьми, исходит твой голос? — поинтересовался Мэллори.

— А что?

— Я хочу, чтобы ты заткнулась. Наверное, не мешало бы заклеить тебе рот.

— Ни за что тебе не скажу!

Мэллори открыл дверь, потом оглянулся через плечо.

— Виннифред, скажи им, что я заплачу вдвойне, если таксист не будет задавать вопросов.

— Хорошо, — пообещала партнерша.

Детективу потребовалось двадцать минут, чтобы добраться до готического баптистского замка Гранди в северном конце Центрального парка. Прибыв туда, он вручил метлу одному из троллей — прислужников демона, сел в такси и вернулся домой. А когда он вошел в офис, метла уже дожидалась его у письменного стола.

— Я прощаю тебя, Джон Джастин Мэллори, — произнесла она.

— Как, черт побери, тебе удалось сюда вернуться раньше меня?

— Я — волшебная метла, поэтому умею не только болтать, но и летать. Ох, и полетали же мы в свое время, с моей прежней хозяйкой! Она, помнится, любила закладывать мертвые петли, пока артрит ее окончательно не замучил.

— Забудь обо всем этом, — сказал Мэллори. — Боюсь, ты не совсем понимаешь здешнюю ситуацию. Твой нынешний владелец не только мой злейший недруг, но еще и существо, которому ничего не стоит, дунув и плюнув, заморозить весь этот чертов город. Все, кто с ним связывается, имеют кучу неприятностей. Если он найдет тебя здесь, то подумает...

— Что он подумает?

— Дерьмо! — проворчал детектив, обернувшись к новому гостю. — Похоже, стучаться больше не принято. Как, впрочем, и вообще пользоваться дверью.

Напротив Мэллори стояло примечательное во всех отношениях существо, ростом чуть выше шести футов, чью безволосую голову украшали внушительные рога. Кожа его была глянцево-красной, глаза — жгуче-желтыми, зубы ярко-белыми, а нос своей формой походил на орлиный клюв. Одежду незваного и неожиданного посетителя составляли рубашка и штаны из мягкого бархата и атласный плащ с воротником и обшлагами из меха какого-то обитателя полюса. Этот наряд дополняли блестящие черные перчатки, сапоги и висевшая на шее золотая цепь с двумя магическими рубинами. Вдобавок ко всему при дыхании гость выпускал из ноздрей и рта маленькие облака пара.

— С какой это стати я должен стучаться? — ответил Гранди. — Ты разве стучался, когда стянул у меня мою метлу?

— Да не крал я ее, — возразил детектив. — - Черт, я только что пересек весь город, чтобы вернуть ее тебе.

— Однако она у тебя. — Демон указал на Гекату.
— Забирай ее, — буркнул Мэллори. — Я ее не звал, и мне чужого не надо. Она твоя.
— Как ты можешь говорить это! Неужели ты забыл, чем мы были друг для друга? — спросила метла.

— Ничем мы друг для друга не были, ни в каких отношениях не состояли и никогда больше не увидимся! — отрезал мужчина. Взяв метлу, он кинул ее в руки Гранди. — Возьми ее и убирайся отсюда!

— Так ты по-прежнему меня несколько не боишься? — с любопытством в голосе осведомился посетитель.

— Давай скажем так: я питаю здоровое уважение к твоим возможностям, — ответил детектив.

— И никакого страха?

— Во всяком случае сейчас я тебя не боюсь. Но ты должен знать: эту чертову штуковину я не крал, и не моя вина, если она прониклась ко мне симпатией. — Он покачал головой. — Может, тебе стоило познакомить ее с красивым, мужественным веником.

— Нет! — воскликнула метла. — Мне нужен только ты, и никто, кроме тебя!

Мэллори и Гранди переглянулись, и в первый раз со времени прибытия в этот Манхэттен из своего собственного, детектив ощутил прилив сочувствия к своему незваному гостю. Как может противостоять сколь угодно могущественный демон такой искренней, пусть и неверно ориентированной страсти?

— Мэллори! — вскрикнула метла, когда Гранди слишком крепко ее сжал. — Неужели ты ничего не скажешь?

— Мы всегда будем помнить нашу встречу, — ответил мужчина.

В это мгновение Гранди с метлой пропали из виду. Всего лишь доля секунды, а их уж и след простыл.

— Ну, — покрутил головой детектив, — что ты об этом думаешь?

— Мне жаль ее, — сказала Виннифред.

— У нас есть Фелина. Хватит нам и одной нахлебницы.

— Но провести остаток жизни повешенной на стенку...

— Это же метла, бога ради! — раздраженно произнес Мэллори. — Она не живая.

— Геката способна думать и чувствовать! — упрямо возразила розовощекая партнерша.

— Чувства у нее дурацкие, а мысли иррациональные, — парировал детектив.

— И это говорит человек, собравшийся в очередной раз поставить на Летуна!

— Уберусь-ка я отсюда, подобра-поздорову — например, в паб «Изумрудный остров», там ко мне цепляться не будут, — пробурчал Мэллори.

— Я с тобой, — раздался знакомый уже голос. Оглядев комнату, детектив увидел приткнувшуюся к камину метлу.

— Дерьмо! Ты откуда взялась? Разве Гранди не забрал тебя пару минут тому назад?

— Он умеет приспособливать время так, как хочет, — ответила метла. — Я провела в замке почти три дня субъективного времени, все ждала, когда троллям, эльфам да гоблинам осточертеет за мной присматривать и можно будет дать деру.

— Но ты же понимаешь, что я должен отправить тебя обратно, — устало вздохнул Мэллори.

— Нет! — воскликнула метла. — Ты не можешь отправить меня обратно и обречь на вечное унижение и прозябание. Все относится ко мне, словно... к какому-то предмету.

— Вряд ли у меня получится выразить это поделикатнее, но ты и есть предмет.

— Нет! Я — живое существо с надеждами, мечтаниями, страхами и сексуальными потребностями!

— Не могу сказать, будто я рад это слышать, — отозвался детектив.

— Ты не можешь отослать меня обратно! Умоляю тебя, Мэллори, я живу только ради тебя! Позволь мне остаться здесь, чтобы вместе с тобой ловить преступников!

— Но я не полицейский. В патрули не хожу, дежурство не несу и ловлей преступников не занимаюсь. Я — детектив. Сажу у себя в офисе и жду, когда кто-нибудь меня наймет.

— Ты нуждаешься в менеджменте, рекламе. Позволь мне составить хороший текст объявления о твоём агентстве для телефонного справочника. И, — тут метла перешла на шепот, — бросай ту толстую тетку. Зачем тебе кто-то кроме меня!

— Мне это нравится! — хмыкнула Виннифред.

— А есть у тебя ещё какие-то другие предложения? — саркастически осведомился Мэллори.

— Позаботься о том, чтобы эта противная глупая кошка не точила об меня свои когти.

— И это все?

— Все — если не считать того, что мне не терпится увидеть тебя за работой. Когда ты рассчитываешь выследить злодея в темной аллее?

— Боюсь, в ближайшие пять — десять минут этого ожидать не приходится, — язвительно заметил сыщик.

— В таком случае я просто останусь здесь и буду восхищаться тобой, — заявила метла. — Ты прекрасен, Джон Джастин Мэллори. Изысканный, утонченный... Короче говоря, воплощение совершенства.

— Спасибо, — устало отозвался мужчина.

— Бьюсь об заклад, что ты покажешь высший класс в спальне, где будет зеркальный потолок, а также кровать в форме сердца с водяным матрасом.

— Пошла к черту! — рявкнул Мэллори — Я уже почти два года отираюсь в этом Манхэттене, но всякий раз, когда мне кажется, будто я вроде бы начинаю хоть чуточку понимать его, кто-нибудь обязательно убеждает меня в обратном, ляпнув нечто подобное!

— Зато у меня с этим нет проблем, — заметила Фелина. — Тут полно народу, собранного специально для того, чтобы гладить меня, почесывать за ухом и кормить.

Бочком кошка осторожно приблизилась к Мэллори.

— Спроси ее, пьет ли она молоко.

— Ты хочешь поделиться с ней молоком? — удивился детектив.

— Ну уж нет! Если она заявит, что пьет, я буду царапать и скрести ее до тех пор, пока от нее останется только куча опилок.

— Я все слышу! — строго сказала метла. — Что за чудовищ ты держишь в своем офисе, приятель?

Он вздохнул.

— Что есть, то есть. И своих хватает, и новые прибываются.

— Итак, отвечаю на вопрос этой безмозглой кошки: молока я не пью.

— Спрашиваю исключительно из любопытства — что же ты ешь и пьешь? — Мэллори никак не мог понять, где у метлы находится рот.

— Ела я так давно, что уже не припомню, что именно, — призналась Геката. — Не всем выпало счастье жить в комфорте и довольстве. Некоторые терпят лишения и невзгоды, в то время как те, кого они любят, не обращают на них внимания.

— Я являюсь объектом твоей любви, самое большее, минут десять, — указал ее собеседник.

— Это не так. На расстоянии я люблю тебя уже не один год.

— Не один год? — переспросил Мэллори.

— Ну, не год, так неделю, какая разница. — Геката пренебрежительно фыркнула. — Стоит ли мелочиться, Джон Джастин Мэллори? Почему бы тебе вместо этого не заключить меня в объятия и не сказать, что ты готов ответить на мою любовь?

— Тебе нужен полный перечень причин?

— Боже мой, какой ты безжалостный, как умеешь ты ранить словом! — простонала метла. — Это так унижительно — слышать нечто подобное, особенно в присутствии этой толстой тетки и мерзкой кошки.

— Уверен, что они обе в должной мере оценили твою чувствительность.

— Как они могли? Они что, все еще здесь?

— Видишь ли, они вообще-то здесь живут, А ты — нет.

</emphasis> Как ты можешь говорить мне такие вещи? — возмутилась Геката. — Кто другой способен любить тебя до такой степени полно и бескорыстно? Кто еще слышит небесную музыку в звуке твоего голоса? Это страсть вечности! Как можешь ты быть слеп к столь высокому чувству?

— У меня катаракта, — сухо пояснил мужчина.

— Я изливаю душу в присутствии двух ничтожных прихлебательниц, а ты отпускаешь мелкие шуточки! Неужели тебе нравится причинять мне такую боль?

— Вообще-то, я об этом не подумал, — признался Мэллори. — Но и теперь, когда ты открыла мне глаза, я все равно не чувствую за собой никакой вины.

— Растерзай меня заживо! Наплюй на мою любовь! — с трагическим пафосом вскричала метла. — Ты увидишь, насколько сильна моя страсть!

Детективу надоело ее слушать. Он взял телефон, набрал одну за другой буквы «Г», «Р», «А», «Н», «Д», «И», и спустя мгновение перед письменным столом материализовался демон.

— Будь любезен, забери обратно свою эмоционально неустойчивую метлу, — сказал Мэллори.

Гранди смерил метлу долгим взглядом, потом повернулся к детективу.

— Похоже, от этой метлы больше хлопот, чем она того стоит. Поэтому я дарю ее тебе.

— Мне она не нужна. Геката издала стон.

— Что тебе нужно или не нужно, меня ничуть не интересует, — заявил демон. — Метла теперь твоя.

— Ты, Гранди, — воплощенное великодушие, — вздохнул детектив.

— Прибереги свой сарказм, Мэллори, — фыркнул демон. — Он понадобится тебе для облегчения страданий, когда я стану тебя потрошить — медленно и мучительно.

— Ты собираешься заняться этим в скором времени?

— Скоро, не скоро, какая разница? — В конечном счете смерть всегда побеждает.

— Не понимаю, почему тебе так хочется меня убить. — Мужчина пожал плечами. — Я единственный человек, который никогда тебе не лгал.

— А как по-твоему, почему ты до сих пор жив? — задал встречный вопрос демон. И, не дождавшись ответа, исчез.

— Приходят, уходят, мелькают... просто проходной двор, а не офис частного детектива, — саркастически заметил Мэллори. — Почему-то мне кажется, что мы уже больше не в Канзасе, Тото.

— Меня зовут Геката, а не Тото, — заметила метла. — И теперь наконец мы с тобой навеки будем вместе. Разве это не прекрасно?

Сыщик бросил взгляд на Виннифред.

— Знаешь, я ведь действительно мог бы возненавидеть этого чертова демона.

— А что ты собираешься предпринять в отношении... ну, ты знаешь, кого?

— Метлы? — уточнил он. — Ну что ж, она здесь и она наша. Почему бы не занять ее работой?

— Мытья посуды или там окон вы от меня не дождетесь, — заявила Геката.

— Ты волшебная, а значит, и возможности у тебя волшебные. Вот мне и пришло в голову: не взять ли тебя с собой на дело и посмотреть, на что ты способна.

— Ты и я? Вместе? Будем выслеживать суперзлодеев в их логовищах? Разоблачать международные шпионские банды?

— Есть тут одна гоблинша, вообразившая, что ее обманывает муж, — уточнил детектив. — Мне нужно проследить за ним и выяснить, ошибается она или нет.

— Какая проза!

— За выслеживание суперзлодеев полагаются медали, — пояснил Мэллори. — А вот за ходящих на сторону мужей выкладывают деньги. Такой у нас бизнес.

— Неважно, — сказала метла после недолгого размышления. — Раз уж я буду с

тобой... хм... можно мне называть тебя — дорогой.

— Лучше не надо.

— Хорошо, сладкий мой, — сказала метла. — Давай отслеживать неверных гоблинов.

В ночь с понедельника на вторник Геката и Мэллори отправились на первое совместное задание. Они последовали за гоблином до перекрестка улиц Вождения и Отчаяния, где подозреваемый в измене муж резко свернул на улицу Вождения.

— Ага, с ним все ясно! — возбужденно вскричала метла. — Этот малый наверняка держит путь в бордель!

Гоблин обернулся на звук голоса метлы, взгляделся в темноту и, увидев Мэллори, припустил, как летучая мышь из ада.

— Огромное спасибо, — пробормотал детектив.

На второе дело они отправились в среду, тоже ночью. Прячась неподалеку от пансиона «Кринглово воинство», сыщик и метла следили за тем, как личности, наряженные Санта-Клаусами, один за другим заходили в парадную дверь, каждый с горшком денег в руках.

— И как же ты различишь, какие из них законопослушные, а какие — жулики и бандиты? — любопытствовала Геката, не удосужившись хоть бы немного понизить голос.

Трое Санта-Клаусов мгновенно выскочили из вестибюля и открыли по затаившимся наблюдателям беглый огонь. Под неприятно близкий свист пуль Мэллори нырнул за угол и укрылся позади пары мусорных баков.

— Что бы я только без тебя делал? — вздохнул детектив, удостоверившись, что его руки и ноги непонятно каким чудом уцелели.

Следующее задание предполагалось осуществить в субботу вечером.

Старик с редкими седыми волосами и длинными, до подбородка, бакенбардами, пряча глаза за темными стеклами очков, стоял на Бродвее, держа в одной руке миску нищего-попрошайки, а в другой — старую трость. Он внимательно наблюдал за «Салоном экзотики» Гадкого Конрада. Сейчас, как полагал сыщик, этот самый Конрад показывал очередному намеренному им для шантажа клиенту кое-какие, может быть не вполне художественные, зато более чем откровенные фотографии.

Проходившая мимо женщина бросила в чашку Мэллори несколько монет и случайно слегка толкнула его. Детектив, чтобы не выйти из образа слепого попрошайки, пошатнулся, сделав вид, будто вот-вот упадет, и она, остановившись, поддержала его.

— Не смей трогать руками моего возлюбленного! — взревела метла.

Гадкий Конрад, привлеченный неожиданным шумом, выглянул из своего логова, внимательно присмотрелся к нищему, а когда узнал его, то злорадно ухмыльнулся. А несколько снимков Вихревой Мерцалки — девушки-ящерицы, которая ради этой операции с шантажом в «Бурлеске Риалто» четыре раза за ночь меняла кожу, — мигом исчезли неизвестно куда.

— Ну и как? — спросила Виннифред, оторвав глаза от бумаг, когда детектив, шаркая, вошел в офис.

— Если я возьму эту чертову метлу еще на пару-тройку дел, нам придется закрывать агентство и искать новую работу.

— Где сейчас Геката?

— В углу, ест кофе и пончики.

— А почему бы ей...

— Она не хочет, чтобы я узнал, где находится ее рот, — объяснил, не дождавшись вопроса, Мэллори. — Хотя на данный момент мне куда больше хотелось бы установить, где у нее яремная вена.

— И что же нам делать?

— Я уже думал об этом, — сказал Мэллори. — В конце концов, мы же детективы. Наша работа не обязательно заключается в ловле мошенников или в предотвращении преступлений. Суть ее состоит в разрешении проблем... так что, сдастся мне, пора нам

отвлечься от чужих и заняться нашими собственными.

— Каким образом? У тебя есть идея?

— Идея-то у меня есть, но вот воплотить ее в жизнь мне самому не под силу. Чертова метла не выпускает меня надолго из виду. — Он достал из кармана скомканные банкноты и с мрачным видом пересчитал их. — Эти деньги я собирался поставить на Летуна в тот вечер, когда объявилась Геката.

— Мне-то что с ними делать, Джон Джастин? Он швырнул ей купюры.

— Купи галлон клея и несколько бутылок лаку, а потом пойдешь к Моргану, в лавку скобяных товаров Горгоны и...

— Что здесь происходит? — строго спросила Геката.

— Обычные дела, — сказал Мэллори. — А что?

— Ничего себе — обычные! — заявила метла.

— А, ты имеешь в виду их? — Сыщик с улыбкой указал на двадцать новехоньких метелок, выстроившихся у стены. Каждая из них была покрыта сверкающим золотым или серебряным лаком.

— Да, я имею в виду их! — отрезала Геката. — Раньше их здесь не было! Что происходит, Джон Джастин Мэллори?

— Помощь, которую ты оказывала мне в последние несколько ночей, была просто неоценима, вот я и подумал, что тебе не помешают помощницы, — пояснил Мэллори. — Коль скоро я собираюсь проводить все мое время с ними, то почему бы не окружить себя красотой?

— Но... но... — запинаясь, произнесла Геката, которую гнев едва ли не лишил дара речи.

Сыщик выбрал наугад одну из метелок.

— Разве она не великолепна? — спросил он, любовно поглаживая вызолоченные прутья. — Теперь уж мне точно не придется скучать во время слежки.

— Неблагодарный! — вскричала Геката. — Невежда! Подлец! Свинья! Как ты посмел предпочесть меня другой метле?

— Двадцати другим, — любезным тоном поправил ее Мэллори.

— А я уж было собралась выйти за тебя замуж, — проговорила метла, сотрясаясь от рыданий. — Но нет, коварный изменник, теперь мне ясна твоя лживая суть, и я вернусь туда, где меня ценили. Может быть, Гранди и не проводил со мной много времени, но мне был обеспечен должный уход, я находилась на виду, и люди даже замирали на месте, чтобы полюбоваться мною... — Ее голос потонул в плаче.

— Ты можешь остаться здесь, — предложил детектив. — Я клятвенно обещаю выводить тебя из чулана не меньше двух раз в год, причем на исключительно легкие дела. И подумай о том, как тебе будет весело в компании всех этих поистине прекрасных метелок. Кто знает, может быть, ты даже позаимствуешь часть их очарования?

— Моя матушка была права! — воскликнула метла. — Все мужчины — обманщики, и порядочная метелка не должна верить ни одному из них!

Издав напоследок душераздирающий стон, она растворилась в воздухе — в одно мгновение! Такое исчезновение сделало бы честь и самому Гранди.

— Наконец-то ты отделался от нее, Джон Джастин! — воскликнула Виннифред.

— Чувствую себя дерьмом, — угрюмо проворчал Мэллори, — и все же другого выхода у меня не было.

— Не расстраивайся, — сказала Фелина. — Я уж точно не буду расстраиваться, когда вынуждена буду тебя покинуть.

— Спасибо, — иронично заметил Мэллори. — Я черпаю в этом огромное утешение.

Кошка радостно улыбнулась.

— Я так и знала.

— Напомни мне, чтобы через несколько месяцев я проверил, как у метлы дела. Хочется

быть уверенным, что у нее все в порядке.

— Обязательно, Джон Джастин, — пообещала миссис Каррутерс.

— Хорошо. — Он достал бумажный носовой платочек, высморкался и кинул его в корзину для бумаг рядом с письменным столом. — Где ты купила такую штуковину?

— О чем речь?

— Мусорная корзина с такой забавной отделкой, — пояснил детектив. — Не помню, чтобы видел ее раньше.

— Никаких корзин, забавных или не очень, я не покупала, — заявила партнерша.

Корзина для бумаг приблизилась к Мэллори и нежно потерлась о его ногу.

— Мне кажется, я в тебя влюблена, — промурлыкала она.

Кристофер Сташефф — Вечная жизнь Святого Видикона Катодного («Чародей»)

С благодарностью Моррису Макги, почетному генеральному настоятелю, и Лори Паттен, почетной генеральной настоятельнице ордена Кассет.

(Введение)

Аббат ждал в приемной монастыря, любуясь красотой ее строгих линий и скромной обстановкой, которая его окружала, блеском золотистых воощенных филенок, букетом цветов в изысканно простой керамической вазе и двумя картинами на стенах, освещенных падающим из окон светом. На той, против которой он сидел на скамье, были изображены две женщины, старая и молодая, а на той, что висела на стене слева, — лицо мужчины средних лет под монашеским капюшоном, кажущееся погруженным в мрачную задумчивость, когда бы не блеск в глазах. Если это был именно тот мужчина, о котором думал аббат, неведомая художница превосходно ухватила его характер и оставила своим последователям прекрасное наследие. Вся комната дышала заботой и религиозным пылом сестер Ордена и их преданности своему призванию.

Дверь открылась, и вошла женщина приблизительно его возраста, с годами явно расплывшаяся, но с добрым, хотя и строгим лицом. Аббат почтительно поднялся.

— Прошу вас, сидите, милорд, — сказала монахиня и чуть нахмурилась. — Не пристало настоятелю Ордена святого Видикона вставать перед скромной монахиней.

— Ни один воспитанный мужчина не станет сидеть, когда в комнату входит дама. — Но все же сел, как она просила. — Думаю, аббату следует проявлять уважение к матери-настоятельнице Ордена Кассет.

— Я всего лишь сестра Патерна-Теста, простая монахиня, как и все мои сестры, — чопорно отозвалась женщина. — Как вам известно, милорд, мы не имеем официального разрешения и формально не являемся Орденом, поэтому наши руководительницы никогда не претендовали на этот титул.

— Если уж речь зашла о титулах, то и я не лорд, — с добродушной улыбкой заметил аббат. — Я крестьянин и сын крестьянина.

— И вы не используете титул, когда говорите с герцогами и графами?

Сестра Патерна-Теста явно была настроена скептически.

— Я соглашаюсь на эту небольшую уступку суетному тщеславию, — сказал аббат без малейшего намека на раскаяние. — Не могу же я рисковать навлечь на себя их презрение, ведь мне случается распекают их за дурное обращение с крестьянами.

— Я слышала, что вы поступаете именно так, — сказала сестра Патерна-Теста, — хотя многие ваши предшественники почти не покидали монастырских стен, а если и покидали, то только по вызову монарших особ.

— Или от возмущения действиями монархов. — Аббат кивнул. — Мне пришло в голову, что если я начну вразумлять лордов и даже их величеств, пока они еще не успели серьезно нагрешить, возможно, мне удастся предотвратить обстоятельства, при которых я был бы вынужден выражать им свое негодование.

— Так и произошло, если то, что говорит молва, правда. — Сестра Патерна-Теста кивнула. — Значит, вы прибыли, чтобы вразумить меня и потребовать передачи моего Ордена в ваше подчинение?

— Упаси Господь! — Аббат воздел руки к небу, как будто одна мысль об этом привела его в ужас. — Но мне думается, двум Орденам в стране следует поддерживать связь друг с другом, а ваш Орден должен быть официально признан, поскольку ни в каком отношении не уступает моему.

— Весьма великодушно, — медленно проговорила сестра Патерна-Теста, — но мы многие столетия обходились без этого признания — собственно, о нас вообще никто не знал. Откуда вам стало о нас известно?

— Возможно, вашу помощь Верховному Чародею и Верховной Ведьме и удалось бы утаить, — с улыбкой сказал аббат, — но только не слух о сражении, которое вы дали, помогая им. Менестрели разнесли предания о нем по всем уголкам страны, и в конце концов они достигли даже моих ушей.

— Менестрели! Мне это не нравится. — Сестра Патерна-Теста нахмурилась и отвернулась. — Теперь королева точно призовет нас к себе, чтобы убедиться, что мы считаем себя ее вассалами.

— Скорее уж она призовет вас, чтобы исцелить тех, кто погрузился в пучину уныния или витает в облаках иллюзий, — сказал аббат, — но каковы бы ни были ее мотивы, это повысит ваши шансы на официальное учреждение и признание Папы.

— Я слышала, его святейшество в конце концов все-таки нашел Грамарий, — явила аббату свое хмурое чело сестра Патерна-Теста.

— Нашел, но вполне удовлетворился тем, что оставил нас на попечение генерального настоятеля нашего Ордена, — сказал аббат.

— Значит, мы стоим на зыбучем песке, — сказала сестра Патерна-Теста. — У нас нет ни аббатисы, ни генеральной настоятельницы.

— Вот именно, — сказал аббат, — поскольку у Ордена Кассет не существует никакого другого монастыря, кроме этого, тогда как у Ордена святого Видикона имеются филиалы на каждой колонизированной планете.

— Мы имеем такое же право на признание, как и вы!

— Я ни в коей мере не оспариваю ваши права, — сказал аббат, — но вы имеете такое же право существовать как независимый Орден, подчиняющийся одному Папе!

Сестра Патерна-Теста свела брови на переносице и внимательно посмотрела ему в глаза, ища каких-нибудь признаков двуличия, но ничего не нашла. Потом медленно проговорила:

— Но как мы можем доказать такое право? Ватикан едва ли примет наши слова на веру.

— Одна эта картина послужит самым веским доказательством. — Аббат кивнул на портрет монаха. — Если она совпадет с фотографиями из архивов нашего Ордена, кто сможет вам возразить? Она ведь написана с натуры, верно?

— По меньшей мере по памяти. — Сестра Патерна-Теста взглянула на портрет. — Его написала одна молодая женщина, ставшая нашей второй наставницей, несколько лет спустя после посещения монаха, который спас жизнь ей и нашей основательнице. Но он так и не назвал своего имени.

— Однако рассказал предания о святом Видиконе, которые нам неизвестны, — сказал аббат, — по крайней мере, так всегда пели менестрели. О том, что вы владеете знанием о святом, которого нет у нас.

— Так вот зачем вы приехали! — Сестра Патерна-Теста снова обернулась к нему. — Хотите пообещать свою поддержку в обмен на наши знания, да?

— Мы окажем вам поддержку безвозмездно, если вы согласитесь ее принять.

Теперь уже аббат чопорно поджал губы.

— И вы рассчитываете получить наши знания столь же безвозмездно? — с ноткой иронии в голосе осведомилась сестра Патерна-Теста. — Что ж, так тому и быть, ибо мы полагаем, что знания должны принадлежать всем, кто желает их получить.

— Я видел ваши школы для крестьянских ребятишек, и они служат лучшим подтверждением вашего заявления, — сказал аббат. — Если вы хотите поделиться с нами, я возражать не стану.

— Только не принимайте все за чистую монету, — предостерегла его сестра Патерна-Теста. — Не исключено, что все это просто сказка, которую сочинила какая-нибудь одаренная монахиня, чтобы скоротать долгие зимние вечера себе и сестрам, — а если так, я уверена, что за многие зимы история обросла многочисленными подробностями.

— А может, ее в самом деле оставил вам тот монах. — Аббат кивнул на портрет. — Обещаю, я не буду легковверным, сестра, ибо кому ведомо, что может произойти со святым *после смерти*?

— Лишь тому, чьими устами глаголет сам святой Видикон, — вздохнула сестра Патерна-Теста, — или тому, кому доставляет удовольствие воображать, что приключилось с Недругом Порока в загробной жизни. Вы помните, как умер святой Видикон?

— Кто этого не помнит? — спросил аббат. — Хотя любому из нас нелегко поверить, что столь обильно населенный мир, каким была Древняя Земля, может оказаться так ослеплен предрассудками и невежеством, что попытается ниспровергнуть римско-католическую церковь.

— Как ни дико это звучит, но наши предания гласят, что это правда.

Аббат кивнул.

— У нас есть хроники Терры, которые это подтверждают, — те, что привезли с собой на эту планету наши предки, — и не только церковные, но и мирских ученых, не католиков, агностиков и даже атеистов.

— Это правда? — Глаза сестры Патерны-Тесты загорелись интересом. — В них тоже говорится, что речь его святейшества Папы Римского спасла тогда церковь?

— Да, он, по-видимому, был исключительно одаренным оратором.

— Но как он смог сделать так, чтобы его услышал целый мир?

— Вы должны дать мне слово, что никогда не расскажете об этом ни единой живой душе, кроме членов наших Орденов, — сказал аббат, — и взять с ваших сестер клятву тоже хранить молчание, ибо мы не хотим, чтобы народ Грамария заразился лишними знаниями о передовых технологиях.

— Именно такова была воля наших предков, хотя временами я сомневаюсь в их здравомыслии, — сказала сестра Патерна-Теста. — Что ж, если вы просите, вот вам мое слово. Так как это сделали?

— При помощи магического прибора, именуемого «телевизором», посредством которого изображение его святейшества было перенесено в каждый дом планеты, — сказал аббат. — Или, по крайней мере, туда, где захотели смотреть передачу, а поскольку вокруг этого вопроса было сломано немало копий, то смотрела большая часть планеты. Смотрели все католики, и отступившие католики, которых было много больше.

— И святой Видикон отвечал за эти магические чары?

— За это электронное чудо, скажем так, — ответил аббат. — Он был инженером, обеспечивавшим работу передатчика, но прибор был старым и неисправным, в нем то и дело горели резисторы, и он выходил из строя.

— Так он занял место этого резистора? — благоговейно спросила сестра Патерна-Теста.

— О да, и обитатели Терры смогли прослушать речь Папы от начала до конца, — сказал аббат. — Отступившие католики хлынули обратно в церкви, и все мировые правительства поняли, что не могут пойти против воли такого множества своих граждан — и

Церковь была спасена.

— Но отец Видикон погиб, — прошептала сестра Патерна-Теста.

Аббат кивнул.

— Электрический огонь, который сжег резисторы, сжег и его жизнь. В тот же год его причислили к лику святых, ибо ни у кого не возникло сомнений — он принял мученическую смерть за веру.

— Ни у кого, — согласилась сестра Патерна-Теста, — хотя к тому времени, когда Папа объявил об этом, уже не одного из тех, кто просил у святого помощи, спасало какое-нибудь чудо.

Аббат кивнул.

— Всех, кто работал с магическими приборами, как отец Видикон.

— Конечно, — улыбнулась сестра Патерна-Теста. — Когда они воззвали к нему, святой Видикон уже одержал победу над самыми опасными умонастроениями, которые побуждали человечество впасть в грех отчаяния и опустить руки, и тем самым обратил против них их же собственное оружие.

— Что это были за умонастроения? — Аббат весь подался вперед; жажда познания, снедавшая его, наконец-то сделалась явной. — Как отец Видикон победил их?

Сестра Патерна-Теста негромко рассмеялась и начала свой рассказ.

(Окончание)

— Значит, наш Орден был основан тем, кто послужил каналом для Творения? — спросил аббат с горящими от гордости глазами.

— Так гласит предание. — Глаза сестры Патерны-Тесты блеснули. — Но разве лукавый не восторжествовал бы, если бы мы поверили, что такое предание может оказаться вымыслом какой-нибудь монахини с необузданным воображением?

— Или священника вроде нашего отца Риччи — тот тоже был не прочь пошутить. — Аббат усмехнулся, разделяя ее веселость. — Что ж, сестра, когда я стану писать отчет, то предупрежу всех, кто будет его читать, чтобы воспринимали этот рассказ как выдумку — забавную историю, не более, которая иллюстрирует натуру отца Видикона.

— А именно?

— Праведник, но наделенный чувством юмора, к тому же находящий огромное наслаждение в иронии и удовольствие в разрешении парадоксов. — Аббат умерил свою веселость и кивнул. — Не волнуйтесь, сестра, — может, это предание и неправда, но оно вдохновит очень многих.

— Воистину так — ибо все члены вашего Ордена должны были поработать инженерами, прежде чем смогли стать монахами, верно?

— Верно.

— Тогда как же мы можем утверждать, что произошли от святого Видикона? — осведомилась сестра Патерна-Теста. — Мы же не инженеры, а учителя и целители.

— Целители человеческих душ, — напомнил аббат, — а я никак не могу отделаться от мысли, сестра Патерна-Теста, что столь сложный объект, каковым является мозг, должен быть подвержен замешательству и парадоксам не меньше любого компьютера.

Теперь сестра Патерна-Теста улыбнулась с неподдельной теплотой, и ее лицо, когда она склонилась и накрыла его руки своими, сияло.

— Поверьте мне, святой отец, — в этом человеческий мозг превосходит любой компьютер.

Когда святой отец наш Видикон схватился за высоковольтный провод и не отпускал его даже в смерти своей, чтобы слова его святейшества Папы через спутники могли достигнуть всех телепередатчиков мира спасения ради нашей Святой католической церкви — да, когда свершил он сей подвиг духа и через это погиб за веру, в тот нескончаемый миг

ослепительной боли его поддерживала и давала силы уверенность в том, что, приняв смерть мученическую, он отправится напрямик на небеса и к лику святых причислен будет.

Сколь же глубока была бездна смятения его, когда боль притупилась и пришел он в сознание и обнаружил, что падает во тьму, в холоде, который леденит его душу. Вдалеке заметил он несчетные солнца, и понял он, что летит сквозь пустоту и это его нескончаемое падение — и не падение вовсе, а лишь отсутствие гравитации. О да, он узнал это место, ибо не было в нем ничего, и страх овладел душой его, ибо таков, знал он, должен быть ад: пустота, лишенная всякой жизни.

И тогда, охваченный ужасом, вскричал он в гнев своем:

— Господи! За Тебя отдал я жизнь свою! За что Ты отверг меня?

Но едва сорвались слова эти с губ его, как раскаялся он, и назвал себя глупцом маловерным за то, что даже теперь, в смерти своей, усомнился в том, что Христос не оставит его.

А следом за этой мыслью снизошло на него ослепительное, словно молния, озарение: понял он, что если воистину, отдал он жизнь свою ради того, чтобы обхитрить демона Извращенности и упрямством своим посрамить самого лукавого, должен он ожидать обратного тому, на что надеется, и если отдал он Господу душу свою, ожидая воскреснуть в райских кущах, то ждет его бездна ада.

И вернулось к нему мужество, а за ним и решимость его, ибо понял он: не окончена еще борьба, но лишь начата сызнова, и если ищет он рая, то придется ему заслужить его. И задумался он: а святые, те, что пребывают с Господом, могут ли считать, что закончены их труды земные — или вечно они сражаются с силами зла?

И увидел он ясно свое предназначение, и понял святой, зачем попал он в пустоту эту. Враг, с которым боролся он всю жизнь свою, не сложил еще оружия — и теперь отец Видикон восстанет против него и взглянет в лицо его.

Так подумал он, и замедлилось вдруг падение, и увидел он разверстый во тьме перед ним зев туннеля, и озаряло чрево сего туннеля зловещее красное зарево. Все близилось и ширился дьявольский туннель, разевая пасть, готовую поглотить его, но не дрогнул святой отец наш Видикон, не попытался отступить. Нет, храбро держался он, непоколебимый даже в небытии своем, и рвался вперед, и ступил он на дряблую, пористую плоть и отважно устремился прямо в чрево адово.

Так шел он, и с каждым шагом все ярче разгоралось красное зарево, все сильнее опаляло жаром тело святого, пока не овладел им страх, что не выдержит плоть его, но вспомнил он, что нет у него плоти. Все ярче и жарче становилось зарево, пока не завернул он за поворот туннеля адского и не очутился перед лицом демона Извращенности.

Огромнен он был и осязаем, раздувшийся от ложных утверждений и искаженный от парадоксов. Силлогизмы торчали из боков его, тянулись к отцу нашему Видикону всеми своими посылками и заключениями, и стоял он, но не держался, на экзистенциальных экстенсиях.

— Прочь! — взревел демон со злобой ужасною. — Регрессируй, ретроград! Ибо никто из тех, кто попал внутрь, прогрессировать не может!

— Изыди! — вскричал отец наш Видикон. — Ибо мне ведомо, кто ты таков, старый злобный демон! Это ты подталкиваешь к краю каждого самоубийцу, это ты укрепляешь единственную руку Однорукого Бандита, что обирает до нитки игрока заядлого, ты засыпаешь снегом леденящим лежачую фигуру наркомана бессознательного? Нет, давно известен ты мне, и знаю я, что тот, кто хочет удалиться от тебя, должен тебя преследовать! Встань позади меня — ибо я одолею тебя!

— Так ты тщишься одолеть меня? — вскричал демон. — Тогда защищайся — ибо я сотру тебя в порошок!

И снизошло тогда на блаженного спокойствие великое, и медленно выпрямился он, и улыбнулся ласково, и сказал:

— Нет, не стану я защищаться — ибо ведомо мне, что тот, кто защищается, обращает

меч свой против себя самого. Нет, не защищаться я стану, но нападать!

И, сказавши так, бросился он на демона и ударил его кулаком своим.

Но демон выставил щит, пластину из белого металла, гладкую как факт и неприкрашенную как статистика, и отполированную до такого блеска, что могла она и не существовать вовсе.

— Зри! — вскричал демон в злобной радости. — Зри чудище, твоей злобой порожденное!

И взглянул отец наш Видикон, и узрел в пластине лик, ненавистью искаженный и самосомнением истерзанный, бесстыдный, как ложь, и в белый воротничок права римского затянутый.

Но не отступил блаженный. Нет, не дрогнул он, не усомнился ни в себе самом, ни в деле своем правом; лишь вскричал он голосом, муки исполненным:

— О Господь всемилостивый! Не оставь меня в этот час! Молю Тебя, дай мне оружие, чтобы мог отразить я гнусные хитрости щита искажения демонического!

И воздел он в мольбе руки свои и — глядь! Слева от него клинок возник светло-блестящий, с лезвием остроты моноволоконной, а рукоять его сама в ладонь блаженного легла.

Ощерил демон зубы свои в хохоте и вскричал:

— Зри, как отблагодарил тебя хозяин твой! За жизнь твою отдал тебе железякой ничемною, что не сможет пронзить даже неверного понимания!

— Нет, — вскричал святой отец наш Видикон, — ибо это бритва Оккама!

С этими словами ударил он по щиту клинком божественным. Завизжал демон, съезжился, но не отступился блаженный, и продолжил кромсать щит искажения, и вскричал:

— Нет, никогда не восторжествовать тебе! Ибо мог бы я целую вечность искать грех в душе своей, что мог так исказить лик мой и наложить на него печать Зла! Но лезвие сие видит истину, и не устоит против него щит твой!

Так сказавши, взмахнул он клинком, и рассек он щит надвое, и обнажились скрытые контуры, выпуклости и вогнутости, увертки и двусмысленности. Завизжал демон в ужасе, и вскричал блаженный:

— Это не мой лик страшен, но твой щит искривлен! И бросил демон свой щит, и кинулся прочь, чтобы скрыться во внешней тьме.

И преисполнился блаженный гнева праведного, и бросился было вдогонку за ним, но остановился, когда озарила его мысль, ибо прозвучала она громко, как голос, в душе его: «Нет! Не должен ты стремиться умертвить его, ибо тем самым сам превратишься во врага сущего. Останови лишь и обуздай его; ибо жизнью приумножается благодать Господня, а умерщвление само по себе пагуба добру! »

И склонил блаженный главу свою в досаде — и там, прямо во чреве адском, преклонил колени свои и сложил руки в покаянии.

— Прости мне, Владыка Небесный, что в слабости своей позабыл я Твои заповеди.

И поднял лезвие на ладони, и взмолился он:

— Забери назад инструмент, созданный для Тебя верным слугой Твоим, Уильямом, ибо больше нет у меня нужды в нем. Ибо в Тебе, Господи, сила моя и щит мой; с Тобой в душе ничто больше не нужно мне.

Вспыхнуло лезвие огнем божественным — и исчезло в единый миг.

И поднялся отец наш Видикон с колен, безоружный и одинокий, но на сердце у него было легко, и укрепилась решимость его.

— Куда бы ни повела меня воля Твоя, Отец мой Небесный, — пробормотал он, — я последую за Тобой, и с какими бы врагами Ты ни свел меня, я буду сражаться.

Так сказавши, зашагал он вперед в чрево адское, и псалом был на устах его.

Неустрашимо шагал святой Видикон в чрево адово. Разгромивши демона извращенности, не бежал он прочь, но устремился вперед, следуя на зов, который вел его, исполняя призвание, которое Господь указал ему.

Так шел он и шел, и стены кроваво-красные потемнели и стали рубиновыми, и еще потемнели, и стали пурпурными. Протуберанцы начали вырастать на пути его, и каждый последующий был выше предыдущего, и стояли они на стеблях высотой по грудь ему. И стали их кончики разрастаться и раздуваться, и увидел он, что через каждые несколько шагов стоит шар светящийся. И увидел он полосу на потолке, что ширилась прямо у него на глазах, и горели на ней узоры затейливые, завитушки и арабески причудливые. И вырастали оттуда люстры, и были они квадратные и прямоугольные, и подвешены были за углы на цепях. Да не цепи то были, но кабели или даже стержни.

— Похоже на столы, — удивился отец наш Видикон, — вверх ногами повернутые.

И заметил он выпуклость в потолке, и расширялась она, и пустила ростки сбоку. И нахмурилось чело отца нашего Вид икона, и снизошла на него мысль:

«Это похоже на стул».

Так оно и было воистину.

И понял блаженный, что ступает он по потолку коридора длинного, устланного дорожкой ковровой персидскою и уставленного столами и стульями, что висели над головой его. Глядь! Прошел он мимо зеркала настенного, что отражало стену багряную; и увидел он в зеркале себя, перевернутого, и терялись вверху грудь и бока его. Зажмурился он и потряс головой, чтобы рассеялся морок, и когда открыл он глаза свои, то увидел, что стены уплывают вперед, и прошел мимо зеркала во второй раз, в обратную сторону. С каждым шагом все дальше вперед уходили стены, и одолело его головокружение. И пробежала по жилам его дрожь опасности, ибо понял он, что вступил в область обратных превращений, где вверх ногами все и прогресс в регресс обращается, где каждый шаг вперед уводит на два шага назад и все противоположно тому, как должно быть.

«Ближусь, ближусь к демону», — сказал он себе, и понял, что подошел к духу алогизма Противоречия.

Но понял блаженный, что не сможет подступить к духу этому если не отыщет какой-нибудь способ вперед двигаться. Остановился он, и стены остановились с ним вместе, как и следовало; и возликовал отец наш Видикон, и шагнул назад. И воистину начала тогда стена двигаться назад спереди. И рассмеялся он от радости, и продолжил идти таким образом. И снова миновал он зеркало, от начала к концу его, как и надлежало. И так, назад отступая, шел отец наш Видикон вперед, к духу Противоречия.

Глядь! А дух уж приблизился, хотя и не сдвинулся с места; ибо стоял, подбоченясь и расставив ноги свои, и улыбался при виде праведного отца нашего Видикона; и были глаза духовы скрыты за двумя искривленными плоскостями мрака. С головы до ног облачен он был в хаки, даже рубаха его, там, где виднелась она между лацканами, и галстук его были этого цвета. С чисто выбритым удлинненным лицом улыбался он отцу Видикону цинично, и была голова его увенчана фуражкой с тульей высокой и козырьком сверкающим, и блестели на погонах его знаки отличия.

И остановился тогда отец наш Видикон в нескольких шагах поодаль — из осторожности — и рек он так:

— Я знаю тебя, дух, — ибо ты есть Мерфи! Но молвил дух:

— Нет, ибо все черты всех людей, что населяют твой реальный мир, слились в мифическую фигуру, которая росла сама по себе и стала мной. Следовательно, я не Мерфи, но тот, кто носит такое же имя.

И потемнело чело отца нашего Видикона.

— Тебе не обмануть меня. Ты — тот, кто сформулировал тот гнусный принцип, что обрекает на провал все проекты рода человеческого.

— Корни провала — в душах исполнителей, — коварный дух ответствовал. — Как могу я выкорчевать их? Нет, не моя в том вина, а их.

— Слова твои ложны, лютый враг! — вскричал отец наш Видикон. — Ведомо тебе, что желание потерпеть крах глубоко сокрыто в душах почти всех людей, и если не шевелить его, так оно и останется почивать мертвым сном. Это ты подстрекаешь всех смертных, ты

питаешь и взращиваешь те семена гибельные!

Но не померкла улыбка на губах духа.

— Даже если и я, что с того? Обвинишь ты в потворстве меня?

— Да, в том, что взращиваешь пагубную неосмотрительность! И то было бы тебе самому ведомо, если бы не смотрел ты на мир сквозь фильтры обратного превращения.

И бросился отец наш Видикон вперед — схватить затемненные линзы духа, сорвать экраны мрака, и вскричал он:

— Не смотри сквозь очки свои!

И подались они под рукой его, но не только линзы темные, но все лицо сошло с головы духа, как оболочка сморщенная, открыв гриву волос.

Ошарашен был отец Видикон.

И тогда медленно развернулся дух, и отвел в сторону волосы, и показалось из-под них другое лицо. И устремил он глаза свои на блаженного, и были они воистину темны, но без оправ, ибо глаза его были из матового стекла, и ухмылялся кривой рот его.

И сглотнул отец наш Видикон, и взглянул на руки свои, и увидел изнанку пустого лица.

— Вот она, истина! — вскричал он. — Должен, должен был догадаться я! Ты носишь все задом наперед.

И возликовал дух:

— А вот и нет! Взгляни на башмаки мои!

И опустил отец Видикон глаза свои, и увидел он, что дух речет истину. И были спереди задники ботинок его, а носки смотрели в другую сторону.

— Увы! — воскликнул святой праведный отец Видикон. — Какая разница! — И поднял он глаза свои, и воскликнул: — Они смотрят назад.

— Воистину так, — ухмыльнулся дух. — А ты ожидал чего-то еще?

— О нет! — И зажмурился отец наш Видикон, и пошло чело его морщинами. — Я должен был догадаться! Ты — Янус враждебный.

— Двуликий, истинно, — согласился дух.

— Нет, не бывать тому! Нет истины в том, кто двулик. Твое заднее лицо было ложным!

— А еще что? — пожал плечами дух. — Как можешь ты быть уверен в ложности того лица? Быть может, под волосами у меня еще один лик, и у меня воистину есть глаза на затылке, как те, что ты видел тогда?

— О нет, я должен это видеть, — сказал тогда святой, и устремил глаза к небесам, и взмолился: — Отец наш небесный, прости лее мне, что я в гордыне своей и глупости счел себя способным сражаться с такими коварными недругами. Молю Тебя, окажи мне помощь Свою, ниспошли мне оружие, чтобы мог я противостоять этому создателю скорбей наших!

Но хихикнул дух:

— Тщетны твои мольбы! Разве может дать тебе твой Заступник оружие, что способно сделать верным неверное?

И сверкнула тогда в руке святого праведного отца Видикона вспышка света, горящего и переливающегося в стекле, и поднял отец Видикон зеркало.

И расхохотался недруг его.

— Что? И ты хочешь бороться с духом Поражения таким ничтожным оружием?

— Да, — отвечал отец наш Видикон, — если показывает оно истину.

— Нет, ибо оно темно, хотя и стекло. Разве не припоминаешь ты?

Но поднял отец Видикон зеркало, и отразилось в нем лицо духа.

— Нет, у меня есть другое! — вскричал тот тогда. И скользнул он рукой во внутренний карман, и выхватил оттуда другое зеркало, в целый фут шириной, и поставил его напротив того, что держал праведный святой отец Видикон, чтобы отразилось в нем отражение в зеркале преподобного.

— Нет, не поможет оно тебе! — вскричал святой отец, и выросло тогда зеркало, и стало в половину такого размера, как зеркало духово, и узрел дух лик свой с зеркалом рядом с ним, и внутри того зеркала был его лик рядом с зеркалом, а внутри того зеркала — маленький лик

его рядом с зеркалом, в котором был его лик рядом с маленьким зеркалом, и так далее, пока не стали отражения настолько малы, что и не разглядеть их было совсем. И возопил дух, и отшвырнул прочь свое зеркало, но лик его остался отражен в зеркале отца нашего Видикона.

— Поздно теперь! — вскричал святой отец. — Неужели не видишь ты, что вызвал обратную реакцию неконтролируемую?

И воистину случилось так.

— Нет, не могло такого быть! — взвыл дух. — Не может происходить обратная реакция там, где нет силового входа!

— В руках моих — вход величайшей силы, какая существует только, — объяснил святой с неземным спокойствием. — Вся сила во Вселенной проистекает из этого божественного источника!

Все ярче и ярче сияло зеркало, ярче и ярче, пока не раскалилось добела, и пылало оно, и загорелось в нем отражение демона, и горело оно, и горел и сам дух.

— Ибо, — рек отец наш Видикон, — воистину был он лишь отражением.

Так, завывая и вопя, расползлся и распадался дух, и догорел он, и не стало его.

— Значит, в основе своей был он не чем иным, как голограммой, — протянул отец наш Видикон задумчиво, — а что зеркалами создано, ими же может быть и уничтожено.

Положил он зеркало, духа поглотившее, осторожно на землю вниз и, руки на груди сложивши, вскинул глаза свои к небу.

— Господь всемилостивый, возношу я Тебе хвалы свои, ибо Ты и во второй раз спас от гибели слугу Твоего недостойного! Молю Тебя лишь о том, чтобы не оставил Ты меня Своей милостью и ниспослал мне силы духа и смирения, без которых не смогу я выстоять против врагов, на коих Ты посылаешь меня.

Замигало зеркало, блеснуло и исчезло в единый миг.

Взглянул отец наш Видикон на место, где только что было оно, и выдохнул:

— Благодарю Тебя, Господи, что услышал меня. Сохрани же меня, молю Тебя, от всех опасностей, что грозят мне.

Так сказавши, осенил он себя крестным знамением, и поднялся он, и зашагал дальше во чрево адово.

Долго, долго шагал святой праведный Видикон по коридору кроваво-алому, и одолела его усталость; но слышал он позади рев оглушительный, и все выше и громче становился он, как будто близился. Оглянулся отец Видикон и увидел аэроплан приближающийся, и пропеллер на носу у него пятном казался смазанным. И изумился отец Видикон, как такой крупный объект может передвигаться в таком пространстве ограниченном, но понял он, что была то модель. А потом понял, что несется она прямо на него, да точно так, как будто кто-то в него целился.

— Ложись! — вскричал отец наш Видикон, и бросился он на пол, и прикрыл руками голову. С ревом промчался над ним аэроплан, и приподнялся тогда отец Видикон, и услышал, что завертелся пропеллер медленней, а самолет снизился, и коснулись шасси его пульсирующей земли, и покатился он, замедляясь, пока не остановился совсем.

Изумленно взирал на него отец Видикон, потом нахмурился; слишком уж странным, слишком уместным показалось ему совпадение, что явил себя самолет в тот самый миг, когда усталость одолела его. Но слишком уж большим искушением был для него аппарат летательный; даже в смерти желание управлять им одолевало его; и направил отец Видикон к самолету стопы свои, и очутился рядом с фюзеляжем размером не больше роста его, с открытой кабиной, в которую мог он втиснуться — так и сделал он.

И заработал пропеллер в тот же самый миг, превратился в расплывчатый диск в секунду единую, и накренился аэроплан вперед, подпрыгнул и побежал, и взмыл в воздух, и помчался в глубь зева темнеющего. Святой Видикон, не понаслышке с авариями знакомый, поискал ремень безопасности, но не нашел его, и содрогнулся от дурного предчувствия. Может, появление аэроплана было чистой случайностью, а отсутствие ремня безопасности — простым совпадением, но собрался он с духом и приготовился к третьей неприятности.

И точно: закашлял двигатель, затрещал и заглох, и с ужасом смотрел отец Видикон на пропеллер, который сначала замедлился, а потом и остановился совсем. Подстегнутый неудачей, схватился он за штурвал, поставил ноги свои на педали управления, и взглянул он на датчики. Нет, топлива в баках оставалось в изобилии, значит, все дело в неисправности.

В изобилии! Накренился вниз аэроплан, помчался к полу гнусному, студенистому. Потянул за штурвал отец наш Видикон, и нос снова вверх пошел. Вспомнил отец Видикон ту малость, что в книгах об этом читал, и выпустил он закрылки, чтобы нос самолета вверх смотрел, пока самолет снижается. И ударился он о мясистый пол с такой силою, как будто то был асфальт; и подскочил он, и снова ударился, и снова подскочил, и так, подскакивая, затормозил и остановился совсем.

И выбрался отец наш Видикон из этой вероломно гостеприимной кабины, и строго сказал себе, что никогда больше не станет управлять машиной, которую не осмотрел прежде, — ибо если первый раз мог быть случайностью, а второй совпадением, то последний, третий раз точно происками его врага подстроен.

Но какого врага?

Недостаточно было данных у отца Видикона для достоверного вывода. Сначала пошатываясь, затем твердым шагом, продолжал он идти вперед, в темнеющий зев, освещенный лишь сиянием неких сферических выростов на стенах.

И вырисовался перед ним объект, сначала смутный и расплывчатый, потом прояснившийся, — и очутился отец наш Видикон перед уменьшенной моделью танка «шерман», гусеничной крепостью высотой чуть за его плечо, что стояла посреди туннеля, как будто специально его поджидая — хотя без враждебности, ибо пушка его смотрела вперед.

И остановился блаженный, и напомнил себе, что лишь минуту назад дал себе слово никогда не управлять механизмом непроверенным, поэтому осмотрел он все гусеницы с особым тщанием, после чего открыл отсек двигателя и дизель изучать принялся. Довольный тем, что не обнаружил он никаких дефектов, ступил он ногой своей на гусеницу, вскарабкался на башню и спустился в люк.

Сквозь прорезь над панелью управления виднелся тускло освещенный туннель. И сел он перед панелью, и сжал рычаги по обеим сторонам, и двинул их вперед с осторожностью. Завелся танк, чихнул и с лязгом пришел в движение. Но отец наш Видикон с присущей ему осторожностью скорость держал невысокую, лишь немногим быстрее, чем мог бы идти он пешком. Выгода его заключалась в том, что мог он таким образом сидя путешествовать, но превыше этого было наслаждение управлять машиной, доселе не виданной.

Так, лязгая гусеницами, продвигался он по туннелю вперед, прибавляя по чуть-чуть скорости, потом еще по чуть-чуть и еще — пока не достиг он темпа весьма приличного, как вдруг справа что-то грохнуло и закрутился на месте танк его. В мгновение ока сбавил отец наш Видикон газ, и танк послушно замедлил ход, но крутиться не прекратил, и понял блаженный, что кружит и кружит он на одном месте.

И потянул он рычаги, и заглушил двигатель, и выбрался из люка, ступив на правую гусеницу, и обнаружил, что пустота под ногою его. Замер на месте он, развернулся и спустился вместо того по левой гусенице; затем обошел он вокруг танка и узрел он, что правой гусеницы и вправду нет. Оглянулся он назад и увидел, что лежит она на дороге полосой бесполезною. Тогда нахмурился он, подошел ближе и присел на корточки, чтобы концы осмотреть, и увидел, что растрескался металл кристаллизованный, как и могло случиться, если бы стоял этот «шерман» здесь и ждал его шестьсот лет.

— Природа всегда действует заодно со скрытыми дефектами, — пробормотал он и помертвел, поняв, что процитировал из закона Мерфи следствие. Но он же нанес Мерфи поражение — так кто же из его прихвостней подстроил эту аварию?

А если то и не прихвостень был вовсе? А если то было чудище, ни в чем ему не уступающее, ибо закон Мерфи сам представлял собой следствие общего утверждения Финэйгла, и не было числа его приспешникам.

Решив отложить это решение, поднялся блаженный, и направил стопы свои вперед, и зашагал в глубь туннеля дальше.

И подошел он к группе магнитофонов, на чьих бобиных крутились ленты двухдюймовые. И нахмурился он, вспомнив, что было такое во времена его юности, но не нашел ни телевизионных камер, ни контрольных цепей поблизости. Но при виде старинной пишущей машинки без валика загорелись глаза его.

— Компьютерный терминал! — вскричал он восторженно, и бросился к консоли, и вошел он в систему.

Зажужжали бобины за спиной его, и похолодел он, и напомнил себе, что имеет дело с прибором неведомым. Потом ненароком напечатал имя программы, которую знал хорошо, но когда дал он компьютеру команду запустить ее, лишь минуту крутились бобины, а потом застрекотал принтер. И взглянул на него отец наш Видикон, и увидел слова «Ошибка в строке 764», но продолжил принтер печатать, и печатал он до тех пор, пока не появилась на листе картина, знаками препинания начертанная. И вгляделся отец Видикон, и узрел он образ жука.

— Видать, не отловили в своих программах всех блох программисты здешние, — рек отец наш Видикон и тут вспомнил, что в мире находится, где в каждом приборе скрытый дефект имеется.

И поднялся он, и дал себе зарок крепкий, что не подойдет больше ни к одному прибору здесь, и зашагал вперед.

И шагал он так добрых десять минут, пока дверь не встала на пути его, и горело над нею световое табло, и желтыми буквами было на нем написано: «РЕПЕТИЦИЯ». И забилося часто сердце блаженного, и забыл он разом все зарок свои, ибо при жизни был он видеоинженером, и приблизился он уверенно к телестудии, что почти ничем не отличалась от той, где впервые постигал он искусство управления телекамерой в дни своей юности.

И задумался святой отец наш Видикон — войти или не войти, но не видел он никаких причин, почему входить туда ему не следует, если внутри всего-навсего репетиция. И дернул он на себя дверь, песком наполненную, и оказалась за ней небольшая комнатка в шесть футов квадратных, с такой же дверью напротив него и еще одной сбоку, как и подобает приличному тамбуру звукоизолирующему. Тщательно закрыл он дверь за собой, чтобы звук внутрь не проник, открыл ту дверь, что сбоку была, и ступил в аппаратную.

Была она темна, и возвышались в ней три ряда кресел, обращенных в сторону мониторов бесчисленных: первый ряд для инженеров, второй для режиссера, его помощника и оператора, а третий — для наблюдателей. И каждый из них был залит светом крохотных прожекторов, что висели сверху.

Пусты были все три ряда. Один он был в помещении.

И выглянул он в окошечко, и узрел он студию, такую же безлюдную, но с камерами старинными черно-белыми, на мольберты нацеленными, и на каждом мольберте был ворох картин. И увидел отец наш Видикон, как огонек на камере «Один» погас и загорелся на камере «Два» товарищ его, а с мольберта камеры «Один» одна картина на пол слетела, а за ней другая обнаружилась.

И нахмурился отец Видикон; то определенно была автоматическая студия, и еще более определенно — искушение. Но не видел он большой в том беды, а поскольку студия поперек туннеля стояла, так и так нужно было пройти ее. И сел за видеомикшер он, и улыбнулся ласково, увидев, что есть там лишь один блок просмотра изображения, два блока микширования да группа выпускающих клавиш; и пробудились сладостные воспоминания в душе его.

Но недолго предавался ностальгии он, ибо объявил из интеркома голос металлический:

— До эфира пять... четыре... три...

Быстро нашел блаженный кнопки аудиомикшера и отключил его.

— ... два... один... Эфир! — прогремел голос.

И запустил отец наш Видикон камеру «Один», и увидел на мониторе программном

площадь Святого Марка, и услышал голос приятный, о ней повествующий. И взглянул отец Видикон на монитор камеры «Два», и увидел крупный план позолоченного льва, и поднес он палец к кнопке «Два» в группе эфира. И начал голос о льве рассказывать, и нажал он кнопку, и появился крупный план льва на мониторе программном. И улыбнулся отец наш Видикон, и попал он вновь в былой ритм программы, и вспомнил он все мелочи, а потом увидел он кадр с гондолой на канале, и начал он наплывать на него.

Только стало достаточно резким изображение, как поплыло оно, сжалось, затем снова расширилось, и снова сжалось — и исчезло совсем. В мгновение ока переключился на камеру «Один» отец Видикон, но и она тоже вспыхнула и погасла.

— Аппаратная! — взревел отец наш Видикон, чтобы режиссер мог услышать глас его сквозь наушники (ибо на нем самом наушников не было). — Неполадки в эфире! Дайте заставку!

Глядь! Появился на экране образ инженера, видео пленкой обмотанного, который пытался отчаянно с допотопным видеоманитофоном справиться, пленку зажеванную извлечь силился. Но неподвижен был кадр, и со вздохом откинулся назад отец наш Видикон, и поднялся на дрожащих ногах.

— Я должен был знать, — пробормотал он в отчаянии. — Должен был помнить!

И побрел он, качаясь, сперва назад в тамбур звукоизолирующий, потом снова в студию. И обошел он камеры, и отодвинул в сторону занавесь тяжелую, бархатную, что скрывала стену заднюю. И обнаружил он в ней дверь потайную, двойную, что вела в хранилище реквизита. И рванул он дверь, и пошел меж рядов контейнеров, и пробрался мимо диванов, в штабеля сложенных, и кресел, одно на другое составленных, и нашел он за ними дверь входную. И открыл он ее, и переступил порог, и очутился в тусклом свете туннеля багряного. Пустился он снова в путь, губы угрюмо сжавши, и сказал он себе; «Знаю я теперь, с каким приспешником Финэйгла предстоит мне бой вести», — ибо не было у него сомнений в том, кто действовал заодно с дефектом скрытым, кто заставлял оборудование давать сбой в самый ответственный миг, кого притягивало к приборам тем сильнее, чем они были совершеннее, и была то не природа.

Глядь! Чудище приблизилось — или, точнее, святой приблизился к чудищу, и улыбнулось оно, видя приближение блаженного, и сверилось с пометкой в папке своей, и, поднявши глаза, ухмыльнулось оно — или то были только губы его, ибо глаз его не видел отец Видикон; были прикрыты они козырьком зеленым, и было лицо его лицом не человека, но гнома. И облачен он был в рубаху полосатую с манжетами, и стянут был воротничок его галстуком, но поверх всего был надет на нем комбинезон в тонкую полоску, а на левой руке его вместо пальцев были ключи торцевые гаечные. Чисто выбрит он был и круглолиц, и цинично улыбался он от удовольствия, тогда как рука его правая клавиатуру нежно поглаживала.

И остановился тогда отец Видикон в нескольких шагах поодаль, и исполнилось сердце его настороженности, и возвестил он:

— Я знаю тебя, дух, — ибо ты есть греmlin!

— Не я определяю политику! — отозвался злодей. — Я лишь провожу ее!

— Не увиливай! — строго рек ему отец Видикон. — Это ты выискиваешь все дефекты скрытые и обрекаешь на провал все проекты рода человеческого.

— Создавать их — в природе человеческой, — греmlin парировал. — Я лишь провожу в исполнение то, что они не заметили.

— И хочешь ты, чтобы поверил я, что это природа действует заодно с дефектами скрытыми, хотя нам обоим ведомо, что не природа создает механизмы?

— Природа действует заодно со мной! — греmlin отвечал. — Смеешь ты обвинять меня в том, что иду я на поводу у природы?

— Не природе ты служишь, но энтропии!

— А что есть природа, если не энтропия? — согласился греmlin. — Человек созидает, но в природе заложено разрушение.

— Но лишь в свой срок, — напомнил отец наш Видикон, — когда пора роста позади остается.

— Нет, — отвечал ему греmlin, — дефект изначально заложен в новорожденном создании. Но лишь тогда, когда достигает он зрелости, разрушение его явным становится.

— А как же те, в ком дефекты обнаруживаются прежде зрелости?

Пожал греmlin плечами.

— Те не достигают возраста, когда могут они творить, и, лишь назад оглядываясь, видят они жизнь, которую прожить стоило.

— Лживы слова твои, негодяй, — твердо отец Видикон отвечал, — ибо не может быть позади то, что впереди находится!

— Да? Так, значит, ты никогда о муле не слыхивал?

И застучали пальцы греmlина по клавишам, и замерцали в сумраке перед лицом его буквы зеленые: «ЗАГРУЗКА МУЛА». И отступил назад отец Видикон, и охватило его дурное предчувствие; и исчезли вдруг слова, а рядом с греmlином встало четвероногое длинноухое, и разинуло оно пасть, и заревело во всю глотку.

— Я должен был догадаться, — ахнул отец Видикон. — Этот зверь более всего должен быть восприимчив к наущениям твоим, ибо славится он упрямством своим; и когда более всего нужно нам, чтобы работал он, ни за что не станет он работать.

— А все те, кто не работает, со мной заодно действуют, — отвечал греmlin, — как и те, что, давая волю характеру, проявляют упрямство свое.

И протянул он руку свою, и погладил тварь длинноухую, и затянул:

У мула четыре копыта, Два сзади и два впереди. И чтобы узнать, Зачем те, что сзади, Ты встань позади, Чуть-чуть подожди — И все у тебя впереди.

И увидел святой перед лицом своим мулов хвост, и брыкнул мул копытами своими, и лягнул его в голову. Но пригнулся отец наш Видикон, и не задела копыта головы его.

— Не оскорбляй меня, — рек он, — ибо ведомо мне, что тварь эта часто ошибкам подвержена.

— Так воспользуйся этим, — посоветовал греmlin, — ибо снова собирается он лягнуть тебя.

И было это воистину так — изготовился мул снова ударить копытами. И обежал отец Видикон мула вокруг, чтобы оказаться у головы муловой.

— Где перед, а где зад? — вскричал греmlin. — Зри, здесь только что была голова его, а теперь он потерял ее! Ибо если ведомо нам, зачем те, что сзади, тогда те, что сзади, у нас впереди!

И выпрямился отец наш Видикон перед головой мула — и увидел он, что это зад мула и копыта его, которыми лягнул он отца нашего Видикона.

— Этот мул от упрямства своего явно потерял голову! — сказал греmlin.

Вскрикнул святой праведный отец Видикон, отскочил в сторону быстро, но недостаточно быстро, и задело копыто мулово плечо его, и пронзила спину его боль мучительная. Закричал он, но потонул крик его в хохоте гремлиновом, что эхом раскатился вокруг.

— Некуда бежать тебе, — с торжеством злорадным вскричал дух, — ибо с какой стороны ни обежишь ты мула, найдешь лишь то, что потерял!

И снова мелькнули копыта муловы, и бросился святой отец на землю. Просвистели копыта муловы в воздухе над головой его, и встали на землю, и двинулись к нему,

— Ну же! — вскричал греmlin. — Вся жизнь твоя всегда была в работе твоей! Неужто станешь ты сейчас валяться и затруднять других? Смиришься с поражением?

Но поднялся святой отец на ноги, и побежал он, и услышал громогласное эхо топота копыт позади. Но вдруг озарила его мысль, и повернул обратно он.

— Если две пары задних копыт одновременно бегут, то движутся они в разные стороны и, следовательно, на одном месте оставаться должны!

И воистину, именно это происходило с тварью бедною; ибо каждая пара ног, вперед

двигаясь, уравнивала усилие другой.

— Пусть это не тревожит тебя, — греmlin посоветовал, — ибо до сих пор я его сдерживал, но ныне дам я ему голову и во весь опор вперед погоню!

И понял отец Видикон, что остался у него лишь миг, чтобы воззвать к силе Того, кому служил он, и воздел он руки к небесам, и взмолился он:

— Боже правый, прости мне, что я в гордыне своей счел себя способным побить искателя дефектов. Ниспошли мне, молю Тебя, орудие, что сможет найти и уничтожить все ошибки, им порожденные!

И потяжелели внезапно руки его. И опустил он глаза свои, и увидел недоуздок.

И услышал он рев ослиный, и увидел, как померк мулов хвост, а на месте его показались ноги передние, а над ними голову с зубами острыми, которые укусят его силились.

Закричал отец наш Видикон, отскочил в сторону, но накинул на мула недоуздок божественный. Рванулся мул, вскочил на дыбы, заревел протестующе, но не отпустил поводьев отец наш Видикон, и развернул мула к его хозяину, и вскочил на спину мулову. Но не утратил действия приказ нападать, что мулу греmlin дал, и пустился мул галопом вперед, и схватил зубами своего хозяина.

— Это еще что?! — греmlin возопил, по клавиатуре стуча. — Как смог ты обратить против меня артефакт мой собственный?

И исчез мул, и рухнул на пол святой с недоуздом в руке — но было мягким его приземление.

— Ты ожидал падения! — греmlin его упрекнул. — Откуда мог ты знать?

— Потому что готов я был к любой случайности, — отвечал святой, — и ожидал любой неисправности, которую даже назвать не мог, ибо не придумал ее.

— Не мог же ты ожидать неожиданного!

— Еще как мог, ибо всегда ожидал я тебя, с тех самых пор, как начал учиться на Коболе программировать. — И приблизился к нему святой праведный отец наш Видикон, и занес недоуздок вверх. — Знай же, что с Божьей помощью могут эти ремни любого обуздать, кто их энергию расходует.

И приблизился он еще на шаг, и недоуздок еще выше занес.

— Ты говоришь о тех, кто энтропию воплощает, — греmlin возразил и назад попятился.

— Неважно, — святой праведный отец наш Видикон отвечал, — ибо жизнь есть расходование энергии, но рост — обретение структуры.

— Неужто будешь ты настолько глуп, что саму энтропию повернуть вспять попытаешься! — греmlin вскричал и назад еще больше попятился.

— Лишь на время короткое, — святой отвечал, — но каждая минутка малая, с другими сложившись, может составить жизнь целую.

— Но все равно погибнет народ твой в конце концов! Всего-то миллиард-другой жалких лет — и взорвется солнце ваше, и поглотит всех пламень безжалостный! Все тщета, все бессмысленно, все есть абсурд!

— Но куда длится жизнь, противоречит она абсурду — если есть в ней структура.

И опустил недоуздок отец Видикон, а потом набросил его на гремлина.

Взвыл греmlin — и исчез, как и не было.

И остался отец наш Видикон стоять одиноко, и осенила его дума безрадостная: «Не навеки исчез он, но вернется вновь там, где люди что-нибудь создать попытаются, — ибо против таких, как он, мы боремся, чтобы смысл найти».

И опустил он взгляд свой на недоуздок, и созерцал его миг, а потом к небу воздел его.

— Благодарю Тебя, о Отец мой небесный, за то, что не оставил Ты слугу своего тщеславного, дал ему оружие уничтожить этого врага рода человеческого, пусть даже на краткий миг. Возвращаю Тебе недоуздок Твой, что даровал Ты мне, чтобы обуздать нашу склонность все дела проваливать, и благодарю Тебя от всей души.

И минуты не прошло, как засиял недоуздок огнем божественным, вспыхнул — и исчез совсем.

И остался блаженный стоять в одиночестве, и размышлял он о том, что безоружен опять; но вспомнил он слова псалма, и произнес их вслух:

— «Ибо в Тебе, о Господь мой, мудрость и сила моя». Нет, не беззащитен я, пока Ты со мной.

Так сказавши, зашагал он снова вперед по туннелю, ожидая, какого еще противника ему Господь пошлет.

Так шагал отец наш Видикон в чрево адское, исполненный решимости сражаться с любым, кто бы на пути его ни встал. И шел он вперед, и сгустился багрянец стен, и превратился он в пурпур, и потемнел еще, пока не стал индиговым. И стал тогда свет тускнеть, и потемнело вокруг, и очутился отец наш Видикон во мраке крошечном. И овладел им ужас, и превратились в воду все суставы его, и обессилели все члены его, но собрал он воедино всю решимость свою, и укрепил сурово сердце свое, и обуздал он страх свой. И протянул он руку вперед, ожидая на стену наткнуться — но коснулось пальцев его что-то влажное, мягкое и податливое, и пошевелинулось оно под прикосновением его. И отдернул он руку стремительно, и содрогнулся он, и едва было не ушло в пятки сердце его; но собрался он с духом и шагнул вперед ногой правою, а за ней и левою — и так дальше пошел по туннелю адскому.

И земля под ногами его смягчалась, пружинила, и споткнулся он, и упал наземь, но успел он подставить руки свои. И вскрикнул он, и отпрянул назад со словами молитвы на устах, ибо оказалась земля влажной и податливой, как живая ткань.

— Воистину, — пробормотал отец наш Видикон, — я иду в чрево адское.

И поднялся он, и заставил себя идти вперед, сгибаясь под гнетом страха своего, но не останавливаясь.

И вспыхнул вдруг свет ослепительный, и зажмурил отец Видикон глаза свои, а потом приоткрыл их медленно, чтобы привыкнуть к такой яркости, и узрел отец Видикон голову мертвую, ухмыляющуюся, от которой свет исходил — но не собственный свет ее, ибо была она бледною и мертвенно-зеленою, а горела слишком ярко, чтобы могло такое сияние изнутри исходить. Но не было вокруг больше ничего. И нахмурился тогда отец наш Видикон, и прикрыл глаза ладонью своей, но не мог все равно на нее глядеть.

— Воистину, — прошептал он, — что это за свет такой, который сам по себе есть тьма, что это за свет такой, что может так гореть? Как может свет отбрасывать тьму?

И тут же осенила его мысль спасительная, и сорвал он с себя воротничок свой, и взглянул на него, и увидел, что светится тот голубовато-белым огнем.

— Он флюоресцирует! — вскричал отец наш Видикон торжествующе, и понял он, что свет, наполнявший зал, невидим для ока человеческого. Но воротничок его, что частицы стирального порошка содержал, незримый этот свет преобразовывал и отражал его, и тот-то отраженный свет и воспринимало его око как сияние.

И вернул тогда отец наш Видикон воротничок на место, и почти не дрожали руки его, и пробормотал он:

— Так значит, пришел я в царство духа Парадокса.

И дрогнуло тогда сердце его, ибо понял он, что все те страсти, с которыми прежде столкнулся он, ничто в сравнении с духом Противоречия, с каким ему вскоре столкнуться предстоит. Но склонил он голову свою в молитве, и почувствовал, как воспрянуло сердце его. Вознеся Господу благодарность безмолвную, поднял он голову свою и снова зашагал вперед по туннелю гигантскому. Мертвая голова слева осталась, а справа узрел он скелет, в странной позе замерший, как будто бежал он куда-то, и был он или мал, или просто удален сильно. И продолжил отец наш Видикон бесстрашно вперед шагать, и миновал он черепа и кости скрещенные, что остались слева от него, а справа узрел он скелеты в позах, что могли бы быть соблазнительными, если б только на костях их плоть была — каковы они, должно быть, духу Парадокса казались. И взмолился отец наш Видикон, чтобы не видеть существа

во плоти, ибо верил он, что дух решит мертвым прикинуться.

И повернул тогда налево и вниз коридор, мимо костей и левосторонних спиралей, в обратную сторону развернутых. И кружилась слева от него Галактика; но были по краям спиральные рукава ее, а в сердце ее была тьма — диск пустоты. Справа от него сливались звезды в единое целое, образуя шар удлинённый, и вся Вселенная двигалась в обратном направлении и вывернута наизнанку была.

И пошел наверх коридор, продолжая все так же налево заворачивать, и услышал отец наш Видикон шаги над головой своей, которые сперва приближались к нему, а потом удаляться начали. Нахмурился он, но продолжил вперед идти, мимо горящих символов смерти, по коридорам, что бесконечно влево заворачивали. Только начал туннель снова вниз клониться, вниз и вниз, и так шел он мило или больше даже, пока в конце концов увидел слева от себя...

Ухмыляющуюся голову мертвую.

Остановился отец наш Видикон как вкопанный. И побежали мурашки по спине его, и встали дыбом волосы, ибо мог он поклясться, что именно эту голову видел, когда только вошел в туннель этот непроглядный. И вспомнил он шаги, что слышал над головой своей, и понял он (хотя и сам не знал, откуда ему то ведомо), что шаги те были его собственные. А сверху прозвучали они потому, что *шел* он тогда снаружи туннеля, внутри которого находился сейчас, и теперь он снова по нему прошествовал.

— Воистину. — прошептал он, — я брожу по бутылке Клейна.

Так и оказалось все — находился он внутри трубы, которая изгибалась и внутрь себя уходила, а там изгибалась еще раз и расширялась, наружу выходя незаметно. Так мог бы он вечно бродить по этим коридорам темным и так и не выйти никуда, кроме точки вхождения. Так и блуждал бы он, и старел бы все более и более, пока не упал бы — старый, дряхлый и древний дух. Но...

— Нет, — вскричал он, — ибо нахожусь я в царстве Парадоксов, и по мере того, как время вперед движется, не старею, но молодею я!

И озарила его мысль еще одна: блуждая здесь, он может никогда не найти духа, в чей зев он забрел, — духа, что окружал это место.

Или это место окружало духа?

— Да! — вскричал он ликующе. — Ибо попал я не в зев адский, но в зев Фингэйла, а его горло было бутылке Клейна подобно.

И снова пустился в путь отец наш Видикон. и воспрянул он духом, и улегся страх его, и шел он вперед и вперед, вниз и влево, затем влево и вверх, пока стена под его рукой не подалась и пол под его ногами вниз не ушел. И вскричал он тогда торжествующе:

— Я наружу выбрался! Взгляни же на меня, дух, ибо я вышел наружу и стою на коже твоей! Зри же меня!

И распахнулась с грохотом дверь в нескольких футах в стороне, и едва не задела отца нашего Видикона. И шарахнулся он, пригнулся, от страха вскрикнувши, кулаками вокруг себя молотя в полной панике, и наткнулась его рука на спицу, что росла из поверхности. И вонзились в руки его шипы острые, и причинили ему боль жестокою; но не обратил он на нее внимания, но глаза вверх поднял и узрел око, злорадством горящее, и заполонило око это все его зрение.

— Воистину теперь я вижу тебя, — пророкотал глас оглушительный. — Да пребудет хвала в порицании! Начал уж я беспокоиться, что вовек не изгнать мне тебя из организма моего!

— А ты и не изгнал меня, — возликовал отец наш Видикон, — ибо наружная поверхность организма твоего одновременно является внутренней! Воистину, изнанка твоя есть наружность твоя, а наружность — изнанка! Едины они, друг в друга перетекающие бесконечно!

— Рано, рано торжествуешь победу ты, — пророкотал глас громоподобный, — ибо взываешь ты к Фингэйлу, автору всего, что имеет с самим собой точку пересечения! Я — тот

грозный дух, что порождает все парадоксы и делает две стороны единого целого обособленными и друг другу противоположными, как тезис и антитезис в дуализме гегельянском.

— Ах, значит, он принадлежит Гегелю? — вскричал отец наш Видикон.

— Нет, — голосом громовым Фингэйл отвечал, — ибо Гегель принадлежит мне.

— Не напугать тебе меня, — воскликнул отец наш Видикон. — Наконец-то я узнал тебя! Ты — мост между завтра и вчера, между плюсом и минусом, между центробежной силой и силой центростремительной! Ты — мост, что соединяет все, что противоположным кажется!

— Ты сам произнес это, — эхом раскатился вокруг Фингэйлов глас. — Соответственно я — начало и конец всему. Преклони же колени свои и поклонись мне, ибо я тот, кого ты зовешь Господом своим!

— Нет, не Господь ты! — вскричал отец наш святой Видикон, и охватил его гнев праведный. — Нет, ты — часть Его, как и мы все, — но только часть! Следственно, должен ты быть Им ограничен и контролируем.

— Ты так уверен? — Великанское око в гневе сощурилось. — Ибо если я есть начало и конец в одном, как могу я лгать?

— Да потому, — отец наш Видикон отвечал, — что ты есть дух всех парадоксов и можешь речь правдивые слова так, что они ложными кажутся! Лжешь ты, говоря истину!

— Чересчур уж ты понятлив на мой вкус, — пророкотал Фингэйл. — Берегись же, жрец! Ибо должен я испепелить душу твою!

И вспыхнул свет ослепительный, и озарил тьму кромешную, и запылало везде пламя жаркое. И прикрыл святой праведный отец наш Видикон глаза ладонями, и зажмурился он что было сил — но остался свет. И вспомнил блаженный, что в царстве Парадоксов находится, и приоткрыл он немного глаза свои, и свет, что в них проник, притушил сияние ослепительное, и смог блаженный снова различать очертания и детали мелкие.

И узрел он птицу гигантскую, огненную, что восставала из пепла, и взмахнула она крыльями, готовясь взлететь, и хотела она ударить его клювом своим. И овладел ужас душою блаженного, и сжал он спицы, что держали его на коленях на плоти Фингэйловой, и вскинул он голову, и вскричал:

— О, Отец мой небесный! Услышь меня — или навеки погибну я! Увидь слугу Твоего на земле распростертого беспомощно пред грозной птицею, называемой фениксом, которая обладает силой великою, ибо в начале ее конец ее! Молю Тебя, ниспосли мне щит, ниспосли мне оружие, чтобы мог защитить я себя, или обречен я на гибель мученическую! Исчезнет навеки душа моя, превратится в чистую немодулированную энергию, всякой структуры лишенную, если эта грозная тварь убьет меня!

И воздел он к небесам руки в мольбе — и свет воссиял на ладони его, запульсировал, взорвался, собрался вместе вновь, сгустился — и очутилось в руке блаженного яйцо Света!

И наполнил Вселенную хохот духа оглушительный, и взревел он в торжестве злорадном:

— Нет, глупый жрец! Тщетно взываешь ты к Создателю, не может Он больше ничего дать тебе! Яйцом ищешь ты победить птицу ширококрылую! Покорись же воле моей, ибо ныне пришел срок сгнуться тебе!

— Нет, — воскликнул святой праведный отец наш Видикон, — ибо я знаю тебя, и то мне ведомо, что, когда громче всего смеешься ты, одолевает тебя страх, а когда торжествуешь победу ты, владеет тобой страх поражения. А иначе и быть не может — ибо для феникса твоего, что берет начало в конце, принес я начало его, а с ним и смерть!

И поднялся отец наш Видикон, чтобы встретить величайшую угрозу самому его существованию во весь рост и с бесстрашием, и поднял он яйцо в чаше рук своих, словно было оно приношением.

И закричал феникс, и забил по сторонам крыльями огненными. И нацелился на отца нашего Видикона клюв пламенеющий, словно луч лазерный, и не дрогнуло лицо отца

Видикона нашего, но внутри его поселилось смятение. Со всех сторон окружало его пламя жгучее, все ближе и ближе подбиралось оно к нему — и накрыл его собой дух чистой энергии, и впитал в себя его...

И очутился отец наш Видикон внутри. И опалил жар лицо его, и зажмурил он глаза свои. Но коснулось его щеки дуновение прохладное, и открыл он глаза, и увидел птицу, и была она теперь размером с ладонь, и далее уменьшаться продолжала. И пронзил его слух и сердце отчаянный ее крик, ибо, съеживаясь, погибала она. Поглотило яйцо весь огонь и каждый эрг энергии до последнего, и исчезла голова феникса в скорлупе его. И воссияло яйцо в ладонях отца Вид икона нашего, так ярко и светло, как никогда не сияло.

И вырвался из груди отца Видикона нашего вздох, и вскричал он:

— О, благодарю Тебя, Господи, за то, что спас Ты меня от горы Света Смерти!

И померкло сияние, и снова узрел он гигантское око, взиравшее на него все так же злокозненно.

— Ну и ну, жрец! — прогремел голос Фингэйла. — Лишил ты меня слуги моего самого могучего. И что же ты теперь сделаешь со мной? — И звучала насмешка в голосе его. — Уничтожишь меня? О да, сделай так — и освободишь ты народ свой от тяги к саморазрушению, что одолевает его!

И снизошло на отца нашего Видикона спокойствие безмерное.

— Нет, — рек он, — ибо не под силу мне положить конец твоему существованию, и никому не под силу, ибо ты есть часть Господа нашего, как и мы все, и ты есть дух — дух Парадокса гибельного. Нет, не искушай меня впасть в грех гордыни и самонадеянности, ибо ведомо мне, что, уничтожь я тебя, даже тут наизнанку ты все вывернешь и превратишь гибель свою в созидание. И восстанешь тем самым против Господа — ибо Он один Создатель наш, но никто другой. Не умрешь ты, лишь обретишь форму иную — но лучше, чтобы оставался ты таков, какой есть, ибо сейчас твое обличье нам ведомо.

Ступай на все четыре стороны, ибо ты есть необходимая часть бытия.

— Ах вот как?! — пророкотал глас с досадой нескрываемой — нет, звучало в нем почти что отчаяние. — Значит, ты даруешь мне жизнь?!

Но знал отец наш Видикон, что, когда дух Парадокса доведенным до отчаяния кажется, на деле торжествует он.

— Умерь гордыню свою, — он посоветовал, — ибо даже в этот самый миг ты во власти Божией, что и доказал Он тебе чрез меня, и даже тебя разумом возможно постичь и примирить с гармонией бытия. И тем самым твоя тяга к саморазрушению может быть в рост преобразована. Вечно пребудешь ты с племенем Адамовым и Евиным — но ни один мужчина и ни одна женщина не станут больше страшиться тебя. Ибо будут знать они, что ты — такая же часть мира вне их, как ветер и дождь, и такая же часть мира их внутреннего, как и тяга к милосердию.

— Значит, вот какие речи ведешь ты? — пророкотал дух. — Но разве не насмешка то над твоей победою? Неужели не видишь ты, что восторжествовал я над тобою? Что теперь станешь делать ты, умертвивши феникса тем, что спрятал его вновь в сферу рождения? Уничтожишь его, а с ним и все начинания?

И покачал тогда головой отец наш Видикон.

— Нет, ибо не мне она принадлежит по справедливости. Должен я вернуть ее туда, откуда взята она.

И вскричал он тогда:

— Отец мой небесный: Отдаю Тебе ныне яйцо Возрождения, и возношу Тебе благодарности и хвалы свои. Спасибо Тебе, Господи, за то, что спас меня, но и не только — за то, что счел меня достойным Твоим орудием, чтобы дать этой твари жизнь новую!

И воздел он яйцо высоко к небесам в ладонях своих, как подношение, и воспарило оно над ладонями его, и взмыло вверх, и выше и выше поднималось оно, и вскричал тогда отец Видикон:

— Зри! Это яйцо Всего Сущего, яйцо Космическое, Единоцелое!

И, достигнув вершины, взорвалось яйцо, и заполнило всю пустоту светом своим, и заполнило космос семенами энергии и материи, и пылью космической, а с ними и структурой пространства и времени, сотворивши порядок из хаоса.

И стоял там отец наш Видикон, подобно свече пылающей, ибо пламя окружало его со всех сторон — окружало, но не сжигало его; и вознесся он сквозь пространство и время прямоком в Разум Божественный.

Дэвид Вебер — Паутина обмана («Градани»)

Снова шел дождь.

По мнению Каэриты, на сотойской Равнине Ветров шло чертовски много дождей. Особенно этой весной.

Облокотившись на край оконной ниши, она мрачно смотрела на серебряные стрелы дождя, осыпающие зубчатую стену Замка Стража Холмов. Порывистый ветер гнал по небу цвета мокрой золы тучи, набрякшие холодным дождем; в воздухе висела зябкая сырость. Было лишь чуть теплее, чем ушедшей зимой.

Сквозь густую пелену туч донесся рокот грома. Когда порыв ветра через открытое окно брызнул в лицо дождем, Каэрита поморщилась. Но не отодвинулась. Более того, глубоко вдохнула пропитанный влагой воздух. Почти ледяной — — и все же вызывающий нервную приятную дрожь, этакое покалывание по всему телу. И гримаса сменилась усмешкой, едва Каэрита призналась себе самой, в чем, собственно, дело.

Ее раздражение было вызвано — — нет, вовсе не дождем. Если уж на то пошло, она даже любила дождь. Конечно, потоп, заливавший Западный округ последние несколько недель, выходил за рамки приличий, однако дождь был тишь поводом для расстройства ее планов. Уже две недели, как ей следовало бы находиться в пути, а она все откладывала и откладывала отъезд под предлогом вот этого самого нескончаемого дождя.

Для задержки, впрочем, хватало и других причин. Длиннющий список, и все достаточно веские. К несчастью, эти «причины» в ее собственных глазах все больше напоминали «оправдания». Из чего следовал один вывод: дождь там или не дождь, а пора тебе отправляться в путь. Кроме того...

Ее мысли были прерваны появлением высокой рыжеволосой девушки, стремительно появившейся из-за поворота коридора. Заметив Каэриту, она резко остановилась. Очень юная и очень высокая, даже для сотойской аристократки, в свои четырнадцать она уже перешагнула шестифутовую отметку. Она была выше даже Каэриты, считавшейся по меркам аксейцев высокой. Тело девушки как раз начало утрачивать детскую угловатость, обещая, что со временем она превратится в необычайно привлекательную женщину.

На ее лице застыло сложное выражение: забавная смесь удовольствия, чувства вины и вызова, — а одежда... «Да, такая одежда впору младшему помощнику конюха, а не юной аристократке», — подумала Каэрита. Потертые кожаные штаны (в некоторых неподходящих местах слишком тесные) и вылинявшую блузу украшало множество влажных пятен, а сапоги и свисающее с левой руки насквозь промокшее пончо были забрызганы грязью.

— Прошу прощения, госпожа Каэрита, — торопливо заговорила она. — Я не хотела помешать. Просто решила срезать путь...

— Ты мне и не помешала, — заверила ее Каэрита. — Но даже если бы и так, леди Лиана, если не ошибаюсь, это твой родной дом. И ты можешь ходить тут, куда вздумается.

Она улыбнулась, Лиана ответила тем же.

— Ну да, конечно, — сказала она. — Хотя, если быть честной, я решила срезать путь, чтобы не попасться на глаза отцу.

— О! И чем же тебе удалось так рассердить отца, что теперь приходится бегать от

него?

— Я не рассердила его... пока. Просто предпочла бы вернуться к себе и переодеться до того, как он меня увидит, — ответила девушка. Наклонив голову, Каэрита с любопытством смотрела на нее. — Я люблю отца, госпожа Каэрита, но он слишком... ну, *нервничает*, стоит мне прокатиться верхом без сопровождения полудюжины вооруженных людей. — Она ساختила невинную гримасу. — И они с мамой все время твердят, что мне следует одеваться в соответствии со своим положением. — Девушка выразительно округлила зеленые глаза и издала мученический вздох.

Каэрита с трудом удержалась от смеха. Вместо этого с похвальной серьезностью она сказала:

— Сколь это ни огорчительно, однако в их слова есть смысл, знаешь ли. — Лиана бросила на нее скептический взгляд, и Каэрита пожала плечами. — Ты — *единственный* ребенок одного из четырех самых влиятельных лордов во всем королевстве, — мягко продолжала она, — а у таких людей всегда много врагов. В чужих руках ты можешь превратиться в могущественное оружие против своего отца, Лиана.

— Ну, наверно, вы правы, — после раздумья согласилась девушка, — хотя здесь, в Бальтаре, я в безопасности. Это признает даже отец, если, конечно, не упрется, желая настоять на своем. К тому же, — мрачно добавила она, — вряд ли меня можно превратить в оружие против него.

— Думаю, ты не права, — нахмурившись, возразила Каэрита. — И уж наверняка твой отец придерживается на этот счет другого мнения.

— Да? — Несколько мгновений Лиана не сводила с нее пристального взгляда, после чего тряхнула густыми, заплетенными в длинную косу золотисто-рыжими волосами. — Может, он так и думает, но на самом деле это ничего не меняет, госпожа Каэрита. Вы не хуже меня знаете, сколько людей жаждет, чтобы у него родился *настоящий* наследник. В Королевском Совете все только об этом ему и говорят, стоит только отцу появиться там!

— Уверена, вовсе не все, — возразила Каэрита, с удивлением видя, что обычная жизнерадостность на лице Лианы сменилась выражением глубокой горечи.

— Ох, конечно, не все, — согласилась Лиана. — Те, у кого есть сыновья подходящего возраста, чтобы жениться на наследнице Бальтара и Западного округа, таких разговоров не затевают. И те, кто считает себя достаточно молодым, чтобы самому претендовать на эту роль, тоже. — Она поморщилась. — А все остальные используют любой удобный момент, чтобы наброситься на него с обвинениями, словно стая дворняжек на привязанного к дереву волкодава. Сам факт моего существования дает им прекрасный предлог, чтобы досаждают ему.

— Неужели все и в самом деле так скверно? — спросила Каэрита. — Я хоть и избранник Томанака, но аксейка, а не сотойка. Томанак! — Она засмеялась. — Да и аксейка я не по рождению. Мои родители — крестьяне из Мореца! Так что я, конечно, наслышана об интригах среди придворных, но по собственному опыту мало что знаю об этом.

Лиане явно трудно было представить себе такое — чтобы женщина, удостоившаяся пояса рыцаря, да еще ставшая избранницей самого Томанака, была не сведуща в том, что так много значило в ее жизни. И еще девушку удивило, что Каэрита, казалось, искренне интересовалась *ее* мнением.

— Ну... — медленно заговорила она, и голос ясно выдавал ее желание быть максимально объективной, — я, может, немного преувеличиваю, но дело обстоит достаточно скверно. Вам известно, какие у Сотойи законы о престолонаследии?

— В самых общих чертах, — ответила Каэрита.

— Тогда вы знаете, что по закону сама я не могу унаследовать титулы и земли отца; они перейдут к моим детям. При условии, конечно, что у него так и не родится сын. Поскольку обычаи и традиции нашего просвещенного общества не позволяют женщине править, тот счастливцев, которому удастся завоевать мою руку, станет регентом. Он будет правителем Бальтара и протектором Западного округа от моего имени до тех пор, пока эти

титулы не унаследует наш первенец. Ну, а если, к несчастью, у меня родятся только девочки, он будет править, пока одна из *них* не произведет на свет сына.

«Грустно слышать иронические нотки в этом юном голосе», — подумала Каэрита.

— Так что, — продолжала Лиана, — две трети Совета хотят, чтобы отец решился наконец отослать мать и произвел на свет доброго, сильного наследника *мужского* пола. Одни напирают на то, что это его долг перед королевской семьей, другие напоминают, что регентство всегда создает возможность государственного кризиса. Не исключено, что некоторые вполне искренни — но большинство прекрасно понимают, что он никогда так не поступит. Они используют эти разговоры как дубинку против него в надежде, что он растратит политический капитал, постоянно отбивая их атаки. Меньше всего сейчас ему нужно, чтобы враги получили в руки какое-то оружие против него... Однако те, кто искренен, может быть, даже еще хуже. Потому что реальная причина, по которой они так жаждут появления наследника мужского пола, состоит в нежелании, чтобы «лакомый кусочек» — то есть я — попал в руки кому-то из соперников. А та треть Совета, которая не подбивает отца расстаться с мамой, надеется, что «лакомый кусочек» достанется кому-нибудь из них. Каэрита медленно кивнула, глядя в темно-зеленые глаза девушки. Восемнадцать лет назад Телиан Лучник женился на Ханатхе Белое Седло. Их брак объединил Лучников Бальтара с кланом Пика Ветров, но это был не просто политический союз между двумя влиятельными семействами, это была любовь. Каждый, кто когда-либо видел барона и его жену вместе, понимал это.

И уж точно утратил бы все сомнения, наблюдая, с какой яростью Телиан отвергает предложения расстаться с Ханатхой, несмотря на то, что из-за несчастного случая во время прогулки верхом она охромела на одну ногу и больше не могла иметь детей. Однако эта стойкость, безусловно, дорого обходилась их единственной дочери.

— А как сам «лакомый кусочек» относится к тому, что может кому-то достаться? — спросила Каэрита.

— «Лакомый кусочек»? — повторила Лиана, глядя в темно-голубые глаза Каэриты, и ответила совсем уж чуть слышно. — «Лакомый кусочек» отдал бы душу за то, чтобы оказаться где угодно, только не здесь.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом Лиана стряхнула с себя оцепенение, наклонила голову в полупоклоне и быстрым шагом пошла прочь по коридору, напряженно выпрямив спину. Каэрита провожала ее взглядом. Может, эти признания вырвались у девушки почти против воли? И часто ли ей случается обнажать перед другими свои истинные чувства?..

Послышался новый раскат грома. Каэрита с хмурым лицом повернулась к окну. Ее симпатии были на стороне девушки — да и ее родителей, если уж на то пошло, — но не эта причина привела ее на Равнину Ветров, и она уже давно примирилась с тем, что *на самом деле* привело ее сюда. Некоторое время она стояла у окна, глубоко вдыхая влажный весенний воздух. Потом отвернулась и быстро зашагала по коридору в сторону винтовой лестницы.

Базел Бахнаксон, градани из племени Конокрадов, перевел взгляд на дверь библиотеки за мгновение до того, как она открылась. Сидящий напротив него за игорным столом рыжеволосый человек тоже посмотрел туда и покачал головой.

Дверь распахнулась, и вошла Каэрита, дочь Селдана.

— Прекратили бы вы *это*. — У барона Телиана был неожиданно высокий голос, особенно странно звучащий в устах человека шести с половиной футов ростом.

— Что именно вы имеете в виду?

Базел, напротив, обладал звучным, глубоким басом, что отнюдь не казалось странным, поскольку его голос исходил из широкой груди градани ростом *семь* с половиной футов.

— Вы прекрасно понимаете что. — Телиан сделал ход черной пешкой, которую только что взял с шахматной доски. — Вот *это*. — Он махнул рукой в сторону Каэриты, все еще

стоящей в дверном проеме и улыбающейся ему. — Могли бы, по крайней мере, хотя бы *для приличия* выждать, пока раздастся стук в дверь, как все нормальные люди!

— При всем моем уважении, милорд, — третий из сидящих в библиотеке, тоже градани, правда, несколько дюймов уступающий барону в росте, оторвал взгляд от лежащей на коленях книги, — вряд ли у кого-то хватит глупости считать «этих двоих» хоть в чем-то нормальными.

— Можно же, по крайней мере, попытаться, лорд Брандарк, — возразил . Телиан. — Черт побери, эти сверхъестественные штучки... внушают тревогу моим людям. Фробус! Временами они и мне внушают тревогу!

— Прошу прощения, милорд. — Каэрита еле заметно улыбнулась. — Нельзя сказать, что мы это делаем сознательно. Просто так... получается.

— Ну да. — Базел широко улыбнулся барону. — И если уж на то пошло, никто никогда не говорил, что слово «ненормальный» неприменимо к избранникам Томанака.

— Потому что они такие и есть, — чуть более серьезно добавил Брандарк, насторожив остроконечные «лисы» уши, характерные для всех градани. — Я бы сказал, не вполне обычные. А кроме того, милорд, необычно и другое: ведь в доме одновременно гостят два избранника. Очень немногие люди имеют возможность наблюдать за двумя необычными существами сразу. Телиан задумался и кивнул.

— В этом есть смысл, — согласился он. — Но если уж на то пошло, и вся нынешняя ситуация необычна, верно?

— Именно, — с чувством пророкотал Базел своим глубоким голосом.

Он откинулся в кресле, специально сооруженном столяром Телиана по размерам и весу Базела, и посмотрел поверх рядов изящных шахматных фигур на хозяина дома — человека, в силу обстоятельств ставшего пленником градани, связанным словом.

— Надеюсь, вы не поймете меня неправильно, барон, но, думается, многие ваши люди предпочли бы видеть только мою голову на копье над воротами, а не меня целиком, сидящего в этом кресле.

— Конечно, есть и такие, — согласился Телиан. — Точно так же, как многие подданные вашего отца предпочли бы видеть *мою* голову на копье, если бы мы с вами поменялись местами. Трудно рассчитывать на другую реакцию, когда меньше двухсот градани «берут в плен» несколько тысяч воинов Сотойи, верно?

— Пожалуй, — ответил Базел. — Однако понимание этого не делает ситуацию приятнее, равно как не избавляет меня от зуда в лопатках. Вокруг столько людей с кинжалами...

— С другой стороны, — мягко заметила Каэрита, — никто никогда не высказывался в том духе, что быть избранником Томанака — одно сплошное удовольствие. По крайней мере, я ничего подобного ни от кого не слышала.

— И я тоже, — признался Базел, вздрогнув при воспоминании о том, как Бог Войны уговаривал некоего Базела Бахнаксона стать избранником одного из Богов Света, первым из градани на протяжении последних двенадцати тысячелетий. — «Сплошное удовольствие» — нет, эти слова никогда не срывались с губ Томанака...

— Могу понять, — покачал головой Телиан. — Достаточно сложно быть обычным бароном, безо всякого бога, постоянно выглядывающего из-за твоего плеча!

— Возможно, но и для вас, наверное, не было ничего «обычного» в том, как мы сражались в Глотке, — сказал Базел.

Телиан с улыбкой откинулся в кресле.

— Ну, я, по крайней мере, войду в историю. В конце концов, многие ли могут похвастаться тем, что сдались противнику, численно превосходя его в двадцать, а то и тридцать раз?

Все четверо рассмеялись, но с оттенком горечи. Самовольное вторжение в земли градани могло закончиться катастрофой для всех. Матиан Красный Шлем, тогдашний протектор Гленхарроу, успел достичь узкого ущелья под названием Глотка. Телиан, сместив

Красного Шлема, сумел избежать худшего, но его решение было воспринято многими сотойцами как... мягко говоря, не идеальное. Со всем отрядом вторжения он сдался Базелу и миссии Ордена Томанака, впервые объединившей всех градани. Только это могло предотвратить кровавую бойню, угрожающую беззащитным гражданам города Харграма. Кроме того, случившееся существенно усложнило положение Телиана и самого Базела.

Официально и сам Телиан, и все капитулировавшие всадники Сотойи оставались пленниками Базела. Все воспринимали это как нелепую формальность, но мало кто мог хотя бы попытаться изменить положение, пока Базел и Телиан выступали единым фронтом. Это был единственный способ поддерживать хрупкий мир между двумя народами — учитывая тысячелетнюю взаимную ненависть Сотойи и градани. И Базел, и барон были полны решимости сохранять нынешнее положение вещей до тех пор, пока этот мир не станет хоть сколько-нибудь стабильным. Однако слишком многие с обеих сторон просто бредили близким крахом своих лидеров. И в данный момент Телиан находился под гораздо более массированным огнем лордов, чем Базел — со стороны градани.

— У меня такое чувство, милорд, что вы войдете в историю не только по этой причине, — сказала Каэрита. — Боюсь, однако, что время, когда я была лишена «моря удовольствия», которое никогда не было обещано мне и Базелу, подходит к концу.

— А? — Базел наклонил голову. — Он сам говорил с тобой, Керри?

— Не напрямую. — Она покачала головой. — Ну, *он* вообще разговаривает со мной напрямую не так часто, как с тобой.

— Может быть, — пробормотал Брандарк, только выглядевший тихоней, — это потому, что он не поручает тебе ничего настолько сложного, чтобы потребовалось... м-м-м... связаться с тобой *напрямую*.

— Ничего не могу сказать по этому поводу, — натянуто ответила Каэрита, сверкнув голубыми глазами, а Базел сделал грубый жест в сторону друга. — Однако у *него* есть свои способы передавать мне сообщения. И то, которое я получила сейчас, дает понять, что я слишком засиделась в вашем доме, милорд.

— Своим присутствием вы оказали честь моему дому, госпожа Каэрита, — со всей серьезностью ответил Телиан. — Я хотел бы, чтобы вы пробыли здесь столько, сколько пожелаете. Я понимаю, обязанности избранника превыше всего, но, может быть, вы дождетесь, по крайней мере, пока закончится сезон дождей?

— Неужели дождь на Равнине Ветров когда-нибудь заканчивается? — криво улыбнулась Каэрита.

— Только не весной, — опередил Телиана Базел. — Хотя иногда бывают передышки и в это время года.

— Боюсь, Базел прав, — согласился Телиан. — Зимой, конечно, погода еще хуже. Говорят, Чемалка использует Равнину Ветров как полигон для проверки своей самой отвратительной погоды, прежде чем отослать ее куда-нибудь еще, и я верю в это. Однако весна и вправду самый дождливый сезон. Хотя, если быть честным, эта весна — из ряда вон даже для нас.

— Что, без сомнения, окажет чрезвычайно благотворное воздействие на травы и хлеба, если, конечно, не смоет все зерно прежде, чем оно прорастет. Однако тебе, Керри, от будущего урожая легче не станет, — заметил Базел.

— Мне не привыкать мокнуть, — пожала плечами Каэрита. — До сих пор я не растаяла и не зачахла. Надеюсь, обойдется и на этот раз.

— Вижу, вы всерьез настроены покинуть нас, — сказал Телиан, и она кивнула. — Ну, я не настолько глуп, чтобы пытаться указывать избраннику Томанака, что делать, миледи. Однако если *он* настаивает, чтобы вы отправились в путь в такую погоду, могу я, по крайней мере, хоть как-то облегчить вам путь?

— Да — если подскажете, куда он лежит, — печально ответила Каэрита.

— Прошу прощения? — у Телиана сделался такой вид, будто он засомневался, не дурачит ли она его.

— Одно из наиболее огорчительных последствий того, что *он* не говорит со мной напрямую, как с Базелом, — пояснила Каэрита, — состоит в том, что я зачастую не знаю, куда мне следует направиться.

— Да уж, Базел умеет добиться точных указаний, — с лукавой улыбкой заметил Брандарк.

— Продолжай в том же духе, малыш, — откликнулся Базел. — Уверен, когда кое-кто влепит тебе по волосатой заднице и ты полетишь в ров, всплеск будет что надо.

— В этом замке *нет* рва, — заметил Брандарк.

— Будет, как только я закончу его копать специально для такого случая, — огрызнулся Базел.

— Как уже было сказано, — продолжала Каэрита тоном гувернантки, игнорирующей шалости своих буйных воспитанников, — я не получила никаких точных указаний насчет того, чем должна здесь заниматься.

— Вы многого добились, разрушив храм Шарны и учредив миссию вашего Ордена среди подданных Базела, не говоря уж о той роли, которую вы сыграли, не позволив этому идиоту Матиану развязать войну, — заметил Телиан.

— Хотелось бы так думать. — Каэрита еле заметно улыбнулась. — С другой стороны, меня вели сюда задолго до того, как появился Базел. Конечно, я и тогда не знала, почему. Но одно у меня не вызывает сомнений, милорд: *он* не любит, когда его избранники бездельничают. От висящих на стене мечей толку мало. Сейчас я точно знаю, что у него есть какие-то планы в отношении меня.

— И никаких намеков? — спросил Базел.

— Ты знаешь его достаточно хорошо, чтобы не задавать таких вопросов, — ответила Каэрита. — Что бы то ни было, место моего назначения лежит на востоке.

— При всем моем уважении, госпожа Каэрита, — заметил Телиан, — должен напомнить, что три четверти Равнины Ветров «лежат на востоке». Вы не могли бы хотя бы слегка сузить рамки?

— Боюсь, не намного, милорд. Могу сказать лишь, что моя цель находится в нескольких днях пути. Не больше недели.

— Ни в коей мере не рискуя критиковать бога, — сказал Телиан, — должен заметить, что если бы мне пришлось планировать кампанию с теми крохами информации, какие он предоставил вам, я бы оказался в глубокой заднице.

— От избранников требуется некоторая... сообразительность, — согласилась Каэрита. — С другой стороны, милорд, это в большой степени объясняется тем, что он не хочет водить нас за руку. — Телиан вопросительно вскинул бровь, и Каэрита пожала плечами. — Мы должны сами твердо стоять на ногах, а если начать полагаться исключительно на его подробные инструкции, то много ли сделаешь *без* них? Он рассчитывает, что мы умеем работать головой и сами догадаемся, что нужно делать.

— Чувство юмора у него еще то, — вмешался в разговор Базел.

— О да... — мрачно кивнула Каэрита.

— Поверю вам на слово, — сказал Телиан. — В конце концов, вы двое — первые его избранники, с которыми мне довелось встретиться. Хотя, если быть честным, вынужден признать, я сильно сомневаюсь, что вы типичная парочка. — Базел и Каэрита усмехнулись. Телиан покачал головой. — Как бы то ни было, с ходу я не могу припомнить ничего к востоку отсюда на расстоянии нескольких дней пути, что требовало бы присутствия избранника. Если бы где-то там происходило что-то серьезное, я бы уже вынужден был вмешаться!

— Уверена, вы бы так и поступили, милорд. Однако часто до этого не доходит, в особенности если местные власти достаточно компетентны.

— Вряд ли можно было позволить этому идиоту Красному Шлему и дальше проявлять свою «компетентность», — кисло заметил Телиан.

— Вряд ли можно было помешать ему сделать это, — возразила Каэрита. — Вы же не

могли отстранить его от власти до того, как он неправомочно использовал ее? Зато когда тайное стало явным, вы действовали достаточно энергично.

— Не уверен, — сказал Телиан.

— Достаточно, достаточно, — заметил Базел. — И, между нами говоря, весьма эффективно.

— Без сомнения, — согласилась Каэрита. — Однако, на мой взгляд, милорд, избранники часто обнажают проблемы, которые каким-то образом ускользают от внимания местных властей. Нередко — с помощью Шарны или одного из его родственников.

— Думаете, то, с чем вам придется иметь дело, настолько серьезно? — Внезапно нахмурившись, Телиан выпрямился в кресле. — Неужели на Равнине Ветров действует еще кто-то из Богов Тьмы?

— Я этого не говорила, милорд. С другой стороны, не впадая в паранойю, хочу напомнить вам, что мы с Базелом — избранники одного из Богов Света. У Томанака нас не так уж много, и вряд ли имеет смысл поручать нам легкие задачи. — Ее лицо приобрело такое выражение, что Телиан расхохотался. — Конечно, нам постоянно приходится заниматься в этом мире бедами обычных смертных, но мы в состоянии разглядеть деятельность Богов Тьмы там, где большинство людей видят лишь человеческое зло. А Боги Тьмы весьма преуспели в умении скрывать свое присутствие и влияние.

— Как Шарна в Навакке, — мрачно заметил Брандарк.

— Ну да, но... — начал Телиан и смолк. Все трое гостей смотрели на него безо всякого выражения, и у него хватило такта не скрывать смущения. — Простите меня. Я собирался сказать, что это случилось в среде градани, а не всадников Сотойи. Но это все равно что подумать: «Раз с *нами* такого не может случиться, то пусть все идет как идет», — верно?

— Отчасти, — ответила Каэрита. — Заразу всегда трудно различить, пока она не проявит себя. И долг избранника отчасти в том и состоит, чтобы очистить рану до того, как она загноится настолько, что единственным выходом будет ампутация.

— Прелестная аналогия. — Телиан состроил гримасу, но видно было, что он всерьез задумался, откинувшись на спинку и барабанив пальцами по ручке кресла. — Мне по-прежнему не приходит в голову ничего настолько серьезного, что может потребовать вмешательства избранника, — заявил он в конце концов. — Но поскольку вы и Базел — и Брандарк — стоите на своем, я задумался над тем, что на первый взгляд может показаться менее важным, чем является. Если вы, Каэрита, задержитесь на день-другой, я еще раз внимательно просмотрю отчеты местных лордов и управляющих, в поисках чего-то, ускользнувшего от моего внимания. В данный момент единственное, что мне приходит в голову, это ситуация в Калатхе.

— В Калатхе? — повторила Каэрита.

— Это городок на расстоянии примерно недели пути на восток, — объяснил Телиан. — Вы говорили, что место вашего назначения находится в «нескольких днях» пути, но я подумал об этом городе, поскольку, полагаю, с хорошим конем вы управитесь и за пять.

— Почему этот город вас беспокоит? — спросила она.

— Почему бы ему меня *не беспокоить*? — Он отрывисто рассмеялся, и Каэрита непонимающе посмотрела на него. — Калатха — не просто один из множества городов. Он имеет особый статус, гарантирующий ему независимость от местных лордов, и у некоторых это вызывает возмущение. И не только потому, что жители города освобождены от уплаты налогов, хотя и это тоже. — Телиан криво улыбнулся. — Наипервейшая причина в том, что Калатха — вольный город. Лорд Келлос, Мастер Мечей, мой прапрапрадед по материнской линии, более двухсот лет назад даровал его «девам войны» — с одобрения Короны, которая была весьма настойчива.

Каэрита прищурила глаза, и Телиан закивал.

— «Девы войны» не слишком популярны, — продолжал он таким тоном, что его слушатели поняли: это еще мягко сказано. — Полагаю, иначе и быть не могло, мы, Сотойя, слишком привержены традиции. Однако в большинстве своем они, по крайней мере,

пользуются уважением — как враги, которых никому не хотелось бы иметь. Их очень многие не любят, но даже среди замшелых рет-роградов мало кто настолько глуп, чтобы затевать с ними свару.

— Однако сейчас в Калатхе произошло именно это? — спросила Каэрита.

— Это зависит от того, чью версию принять на веру, — ответил Телиан. — Местные лорды утверждают, что жители Калатхи вторгаются на территорию, выходящую за пределы подаренной им, ведут себя «враждебно», не прикладывают усилий, чтобы разрешить спорные проблемы мирным путем. «Девы войны» заявляют, что местные лорды — в особенности, Тризу из Лорхэма, самый влиятельный из них — непрерывно покушаются на права, гарантированные им много лет назад. Такие истории время от времени случаются всегда, и в особенности там, где замешаны «девы войны». Однако в Калатхе дело обстоит хуже всего. Калатха не самый большой вольный город «дев войны», однако самый старый, спасибо моему шибко принципиальному предку. Хотелось бы думать, что он не отдавал себе отчета в том, какой занозой в заднице станет вольный город для его потомков. А если понимал, значит, он был еще тупее, чем я привык полагать.

Каэрита хотела задать следующий вопрос, но приостановилась, удивленная не только язвительностью, но и явной горечью, прозвучавшей в тоне барона. Она решила ни о чем не спрашивать, просто кивнула и сказала:

— Да, не похоже на проблему первостепенной важности. С другой стороны, надо же откуда-то начинать, и это место кажется вполне подходящим. К тому же каждый избраннык Томанак имеет свои специфические... особенности, назовем это так. — Телиан удивленно выгнул бровь, и Каэрита рассмеялась. — Предполагается, что любой его избраннык в состоянии справиться с любым делом, с которым может столкнуться, и все же каждый из нас имеет свои характерные особенности и умения. Это позволяет нам служить ему более эффективно. Сейчас Базел в точности на своем месте, служа ему как Богу Войны, хотя он не менее успешно служил ему и как Богу Справедливости. — Она улыбнулась Базелу, и тот вежливо улыбнулся в ответ, однако, судя по выражению лица, градини собирался многое дать ей почувствовать, когда они в следующий раз встретятся на тренировочной площадке. — Меня же подтолкнула к служению ему обостренная жажда справедливости. — Каэрита нахмурилась, глаза потемнели от старых, болезненных воспоминаний; но она моментально взяла себя в руки. — Служение Томанаку как Богу Справедливости порождает во мне ощущение покоя или даже счастья, а мои таланты и способности проявляются наилучшим образом. Так что если между Калатхой и соседними лордами действительно существуют правовые разногласия, логика подсказывает, что мне лучше начать оттуда. Покажете мне по карте, как туда добраться?

— О, я в состоянии сделать кое-что получше, миледи, — заверил ее Телиан. — Может, Калатхе и дарованы королевские привилегии, но Тризу и его соседи — мои вассалы. Если вы подождете до конца недели, я сделаю дополнительный запрос и смогу во всех подробностях проинформировать вас о нынешней ситуации. И, конечно, я отошлю им письма с рекомендациями и приказом во всем оказывать вам помощь.

— Благодарю вас, милорд, — подчеркнуто официально произнесла Каэрита. — Это очень любезно с вашей стороны.

— Это было восхитительно, Тала. Как и всегда, — пробормотала Каэрита с глубоким вздохом удовлетворения.

Аккуратно положив ложку в пустую чашу из-под пшеничного пудинга, она похлопала себя по плоскому животу и откинулась в кресле, улыбаясь коренастой женщине-градине средних лет. Талу прислал из Харграма принц Бахнак, чтобы она стала домоправительницей его сына.

— Рада, что сумела доставить вам удовольствие, миледи, — ответила Тала с заметным навахканским акцентом. — Всегда приятно готовить для того, кто способен оценить вкусную еду.

— И пожирает ее в невероятных количествах, — заметил Брандарк, глядя на уставленный пустыми тарелками стол, за которым сидел вместе с Каэритой и Базелом.

— Что-то я не заметила, чтобы вы ели мало, милорд, — сухо сказала Тала.

— Нет, но я ем ровно столько, чтобы поддерживать свои силы, — с усмешкой ответил Брандарк, рi Каэрита улыбнулась в ответ.

Ростом шесть футов два дюйма, Брандарк был ниже даже среднего градани из племени Кровавого Меча, не говоря уж о таком высоченном Конокраде, как Базел. И все же он был на три дюйма выше Каэриты и сложение имел более массивное; плечи его были почти так же широки, как плечи Базела.

— Ага, — согласился Базел. — Хотя для карлика-градани, который целыми днями просиживает задницу, не отрываясь от пера и пергаментов, ты нарастил на костях слишком много мяса.

— Я припомню тебе эти слова в следующий раз, когда ты захочешь, чтобы я перевел очередной запутанный текст Сотойи, — пообещал ему Брандарк.

— Кстати о запутанных текстах Сотойи, — сказала Каэрита, когда улыбающаяся Тала вышла. — Не мог бы ты, Брандарк, во время очередного набега на библиотеку Телиана найти мне копию хартии о «девах войны»?

— Пока он мне не попадался, — ответил Брандарк. — Меня заинтересовала история «дев войны», которую вы обсуждали сегодня утром с Телианом, и я провел кое-какие исследования, но пока ничего существенного не нашел. Хотя, думаю, должны быть копии хартии и дарственной на основе этого документа. Хочешь, чтобы я поискал их?

— Сама не знаю. — Каэрита поморщилась. — Просто до меня только сейчас дошло, что я, в общем-то, совершенно несведуща во всем, что касается «дев войны». Может, мне и впрямь предназначено уладить их проблему, как думает Телиан, но в юриспруденции Сотойи я разбираюсь несравненно хуже, чем в законодательстве Империи Топора. И если мне предстоит разобраться, насколько обоснованы претензии «дев войны», нужно хотя бы знать, какие привилегии им дарованы.

— Я не уверен, что для этого достаточно прочесть копию хартии. — Базел откинулся на спинку кресла, которое затрещало под его тяжестью.

— Почему? — спросила Каэрита.

— «Девы войны» не слишком популярны у большинства сотойцев, — повторил Базел сказанные недавно слова Телиана, тем же самым многозначительным тоном. — Чтобы не ходить вокруг да около, скажу, что некоторые сотойцы предпочли бы видеть в своих землях вторгшуюся армию градани, а не вольный город «дев войны».

— Они настолько непопулярны? — удивилась Каэрита.

Базел пожал плечами.

— Какой урон от вторгшейся армии, Керри? Сожженные крыши? Но крыши можно восстановить. А вот восстановить подход к жизни немного... сложнее.

— Именно этого и опасаются твои, как правило, консервативные сотойцы, — согласился Брандарк.

Каэрита кивнула в знак понимания, хотя и с выражением недоумения на лице. Как она рассказывала Лиане, родом она была из Мореца, общества с таким же феодальным укладом, как Сотойя. Однако она сбежала оттуда, когда была даже моложе Лианы. И воспитание получила в Империи Топора, где женщинам обеспечены гораздо более широкий выбор и возможности, чем в Сотойе.

— Керри, — сказал Базел, — мне кажется, в тебе слишком много от аксейских женщин. Подумай хорошенько, насколько трудно любому сотойцу воспринять женщину как воина. Для этого ему придется пересмотреть все свои представления о жизни.

Каэрита снова кивнула, теперь она действительно поняла, и Базел рассмеялся. Ему как градани приходилось в Бальтаре нелегко, но и Каэрите было не намного легче. Люди Телиана восприняли поведение своего сеньора как пример и относились к ней с тем уважением и почтением, на которое мог рассчитывать любой избраннык Томанака. Однако

не вызывало сомнений, что они воспринимают саму концепцию женщины-рыцаря — не говоря уж о рыцаре Бога *Войны* — как нечто противоестественное.

— Ну, поскольку на протяжении тысячи лет наши народы с упоением резали друг друга, — продолжал Базел, — мы с Сотойей хорошо знакомы. И уж чего про них никто не подумает — это что они по своей природе склонны к новшествам, в особенности в том, что касается обычаев и традиций. Пусть пример Телиана не обманывает тебя. Для Сотойи он радикал, каких нечасто встретишь, и вдобавок много знает о чужих землях. Однако типичный сотоец упрямее любого градани, а настоящие консерваторы по-прежнему убеждены, что колесо — опасное, безрассудное новшество, от которого в жизни не будет никакого толку.

Каэрита засмеялась, Брандарк усмехнулся.

— Не скажу, что в этом кратком описании нет элементов преувеличения, — спустя некоторое время заговорил он, — однако оно достаточно точно. Само существование «дев войны» оскорбительно, с точки зрения взгляда здешних консерваторов на устройство общества — да и всего остального мира тоже, если уж на то пошло. «Девы войны» вообще бы не существовали, если бы Корона не гарантировала их права. К несчастью, и я полагаю, именно это обнаружил Базел, «хартия» — скорее удобное, чем точное описание королевских гарантий.

Каэрита вопросительно подняла бровь, и он пожал плечами.

— На самом деле это целая куча отдельных хартий и указов, изданных по каждому конкретному случаю, а не четкий, единообразный правовой документ. В соответствии с тем, что мне пока удалось выяснить, первоначальный документ, узаконивающий существование «дев войны», к несчастью, в нескольких ключевых пунктах достаточно расплывчат. На протяжении следующего столетия были выпущены несколько дополнительных указов, имевших целью прояснить неточности, к ним присовокупили частное мнение какого-то судьи, и вот эту-то мешанину они наивно называют «хартией». Сам я с таким не сталкивался, как ты понимаешь, но подобные случаи нередки и у градани. Когда нечто возникает, как эта «хартия», неизбежен существенный разнобой в терминах, встречающихся в отдельных документах. А это прекрасная почва для всяческих двусмысленностей и недопонимания... в особенности если оговоренные в этих указах права не по нраву соседям.

— Тебе присущ редкий дар говорить о чем угодно, кроме самого главного. — Каэрита вздохнула и покачала головой. — Какие все-таки *права* получили «девы войны»? В общем и Целом, независимо от существования вариантов в отдельных документах?

— В основном, — ответил Брандарк, — они имеют право жить, как хотят, не придерживаясь традиционных для Сотойи семейных и общественных обязательств. — Бард откинулся в кресле и сложил перед собой руки с хмурым, задумчивым видом. — Хотя их принято называть «девами войны», большинство из них таковыми не являются, — Он пожал плечами, заметив, что Каэрита вопросительно вскинула бровь. — В королевстве Сотойей феодальные отношения развиты куда сильнее, чем в Империи Топора. Фактически всякое реальное право здесь, на Равнине Ветров, так или иначе связано с владением землей и вытекающим из него обязательством служить Короне. И «девы войны» не исключение. Сердцевиной этой «хартии», провозглашающей сам факт их существования, является обязанность вольных городов поставлять Короне военные силы. Когда мной овладевает особый цинизм, мне кажется, что это обязательство было включено умышленно, с намерением свести хартию на нет, поскольку я не в силах представить себе короля Сотойи, всерьез рассчитывающего на то, что группа женщин в состоянии поддержать Корону хорошо обученными военными отрядами.

— Если это так, то в итоге король, без сомнения, был неприятно удивлен, — вклинился в разговор Базел, и Брандарк рассмеялся.

— Это уж точно! — воскликнул он. — Когда мной совсем не владеет особый цинизм, я склоняюсь к мнению, что король Гартха включил это обязательство исключительно потому, что его вынудили сделать это. Если Сотойя до сих пор враждебно воспринимают само

понятие «дева войны», можно не сомневаться, что узаконивайте их существования преодолевало чудовищное сопротивление. Вполне вероятно, что Королевский Совет, пользуясь в этом вопросе мощной поддержкой, сумел бы заблокировать хартию, не включи король это условие. Видимо, противники короля верили, что при первом же призыве воинских сил хрупкие, застенчивые женщины не сумеют показать себя умелыми воинами, это сведет на нет усилия Гартхи, и потому нет смысла переходить к открытому противостоянию с королем. В любом случае только около четверти «дев войны» на самом деле воины. Их законы и традиции требуют, чтобы все они владели хотя бы элементарными навыками самозащиты, но большинство выбирают другие профессии. Некоторые занимаются сельским хозяйством или, как многие Сотоя, разводят лошадей. Однако больше всего среди них лавочников, кузнецов, врачей, стеклодувов и даже юристов — вот те занятия, которые пользуются особой любовью у жителей вольных городов. И цель хартии — гарантировать им, несмотря на тот факт, что они женщины, те же законные права и защиту, какими пользуются мужчины.

— Все они женщины?

— Ну, — криво улыбнулся Брандарк, — настоящие воины — действительно «девы». Однако если ты спрашиваешь, состоит ли их общество исключительно из женщин, ответ такой: нет. Тот факт, что женщина предпочитает жить сама по себе, отнюдь не означает, что она ненавидит мужчин. Конечно, многие из них становятся «девами войны», потому что недолюбливают мужчин (или те их), и лишь некоторые вступают в связь с другими женщинами. И мужчины Сотоя не любят их не за это, а прежде всего потому, что в их представлении женщина, самостоятельно распоряжающаяся своей судьбой, явление противоестественное. Однако вы ошибетесь, сочтя, что любая женщина, которая решила стать — или, если уж на то пошло, родилась — «девой войны», не может влюбиться в мужчину и прожить с ним всю жизнь. Или, по крайней мере, встречаться с мужчинами время от времени. Как и у остальных женщин, у «дев войны» рождаются не только девочки, но и мальчики. И конечно, это лишь усложняет те «неопределенности», о которых я уже упоминал.

— Почему? — Опираясь локтями на стол и покачивая в пальцах стакан с вином, Каэрита наклонилась вперед.

Базел постарался скрыть улыбку. Точно такое же выражение, придававшее ей сходство с охотничьим ястребом, появлялось на ее лице, когда она встречалась с новой техникой боя.

— Всегда существовал вопрос: распространяется ли хартия «дев войны» автоматически на их детей мужского пола, — объяснил Брандарк. — Или даже на их детей *женского* пола, для подлинных реакционеров и это служит камнем преткновения. Когда женщина становится «девой войны», ее обязанности по отношению к семье теряют силу, таков закон. Любой, даже очень узколобый человек должен с этим согласиться. И тем не менее некоторые аристократы продолжают доказывать, что этот узаконенный разрыв относится исключительно к самой женщине, и что линия наследования и семейные обязательства должны перейти к ее детям в нетронутom виде. Большинство не согласны с ними, но даже они признают, что здесь все еще есть неясности. Полагаю, скорее всего, чистое везение, что первое поколение «дев войны» принадлежало в основном к простому народу и лишь незначительная часть имела знатное происхождение. А может, и *невезение*. Если бы в дело оказалась замешана высшая знать, то борьба разгорелась бы нешуточная, и Королевский Суд был бы вынужден принять окончательное решение уже много лет назад. Как бы то ни было, вопрос легального статуса детей «дев войны» все еще висит в воздухе, по крайней мере отчасти. И точно так же обстоит дело с их браками. Наиболее твердолобые оппоненты утверждают, что, поскольку их драгоценная хартия отсекает все прежние семейные обязательства, это препятствует возникновению новых обязательств. То есть в их глазах брак «дев войны» не имеет никакой законной силы. И насколько я понимаю, эта проблема и в самом деле не решена. Сильно сомневаюсь, что Гартха задумывался о том, будут «девы войны» выходить замуж или нет, и как сделать так, чтобы их брак считался законным.

Однако старший служащий магистрата барона Телиана утверждает, что язык документов очень неточен и допускает различное толкование многих положений. Все знают, сказал он, что техническая сторона может влиять на толкование буквы закона, но не его духа, и все же проблема остается. Наконец, чтобы быть до конца честным, из того, что он говорил — и кое-чего, о чем он не *упомянул*, — вытекает, что «девы войны» тоже немало потрудились, мутя воду.

— Зачем? спросила Каэрита. — Если только... Ох, ну да! Дети.

— Вот именно. Если брак «девы войны» не имеет законной силы, тогда каждый ее ребенок — незаконнорожденный.

— И как таковой не может ничего унаследовать, разве что нет других, законных наследников, — Каэрита понимающе кивнула, но на лице отразилось беспокойство. — Такая логика мне понятна, — снова заговорила она спустя некоторое время, — но это кажется ужасно недальновидным с их стороны. Это, может, и не позволяет отнять у них детей и вернуть их в систему, которую они отвергают, но и лишает их семьи возможности защищать этих детей.

— Да, — согласился Брандарк. — С другой стороны, их собственные суды подходят к проблеме иначе, и по большей части юрисдикция указов, издающихся в вольных городах, распространяется на всех граждан города. Проблема возникает тогда, когда рассматриваемое дело оказывается на границе юрисдикции «дев войны» и Сотойи, причем в него замешаны знатные традиционалисты.

— Томанак! — вздохнула Каэрита. — Какая путаница!

— Ну, я бы выразился иначе — это не самая однозначная ситуация в мире, — сказал Базел. — Как бы то ни было, Сотойя справляются с ней вот уже на протяжении двух или трех столетий. Некоторые все это время точат ножи, но худо-бедно они научились ладить друг с другом.

— И все же я вижу огромный простор для возникновения неприятных ситуаций, — заметила Каэрита. — И мне почему-то не кажется, что *он* послал бы меня туда, где живут Сотойя, которые «научились ладить друг с другом». А ты что думаешь?

— Ну, если ты так ставишь вопрос, — с кривой улыбкой ответил Базел, — то мне тоже так не кажется.

Дождь все еще шел, когда Каэрита покинула Замок Стража Холмов... наконец-то.

По крайней мере, хоть не ливень, подбадривала она себя, по крутому спуску удаляясь от родового замка барона Телиана. Равнина Ветров представляла собой обширное высокогорное плато, по большей части заросшее травой. Холмов тут было немного, и на протяжении столетий все населенные пункты и фортификационные сооружения возникали главным образом на и около них. Страж Холмов тоже был построен на высоком холме. Произошло это примерно восемьсот лет назад, когда Холи Лучник, первый лорд-губернатор Бальтара, отыскал место для столицы своих новых владений. Теперь город Бальтар расползся на несколько миль вокруг возвышающегося над ним замка.

Сотойя предпочитали не строить больших городов. Здешним людям ближе был пасторальный образ жизни их предков. Равнина Ветров являлась центральной частью королевства, но Сотойе принадлежали также обширные владения на востоке, ниже плато, где был более умеренный климат. Знаменитые скакуны и рогатый скот Сотойи обычно зимовали там, в более здоровых условиях. Однако огромные конные заводы, где разводили и обучали боевых скакунов, оставались там, где им традиционно и следовало быть — на Равнине Ветров. По непонятным причинам скакуны Сотойи отказывались «разводиться» в любых других местах.

Любым лошадям — и скакунам Сотойи в том числе — требуется много пространства, и присматривающие за стадами люди селились по всей Равнине. Поэтому по Равнине было разбросано множество деревень и маленьких городков, а больших городов почти не встречалось. Зато те, что были, становились действительно большими и постоянно росли.

Города поддерживались в хорошем состоянии, и Каэрита быстро скакала по широкому, прямому проспекту на новой лошади, которую Телиан убедил ее принять в дар. Она отказывалась, но — признавая это с легким чувством вины — не слишком упорно. Любой боевой скакун Сотойи стоил бешеных денег, а подаренная Телианом кобыла была принцессой среди своих собратьев. Меньше и легче, чем более тяжелые кавалерийские кони других стран, не боящиеся мороза боевые скакуны Сотойи великолепно подходили для стремительных, смертоносных атак верховых лучников — излюбленная тактика сотойцев. Только редкие рысаки-иноходцы превосходили их в скорости и выносливости.

И в отличие от Каэриты боевых скакунов, казалось, ничуть не раздражала сырая весенняя погода.

Она рассмеялась и похлопала кобылу по плечу. В ответ на ласку та шевельнула ушами, и Каэрита улыбнулась. Имя лошади, скорее всего, объяснялось ее гнедой мастью, и сейчас каштановый цвет казался даже более темным из-за дождя, однако Каэрита решила, что называть такое прелестное создание Темной Боевой Тучей — дурной вкус. Она сразу же укоротила это имя до Тучки, не обращая внимания на страдальческий взгляд Телиана. Его конюх, однако, лишь усмехнулся, и, судя по готовности, с которой Тучка откликнулась на свое новое имя, Каэрита предположила, что конюх в обращении с лошастью тоже применял какое-то похожее ласковое имя.

Следом за Тучкой скакал выучный конь. Даже он, плебей по сравнению с такими аристократами, как боевые скакуны, был замечательным созданием. Везде, кроме Сотойи, его бы с радостью взяли в легкую кавалерию, и Каэрита понимала, что за всю свою жизнь у нее не было коней лучше. А это говорило о многом, учитывая, какое внимание Орден Томанака уделял экипировке рыцарей своего бога.

Доскакав до восточных ворот, она обнаружила, что, несмотря на внушительные размеры Бальтара, движения на дороге почти нет. Вряд ли тут дело в погоде, думала

Каэрита, глядя сквозь распахнутые ворота на уходящую вдаль дорогу и подернутый рябью бесконечный океан Равнины Ветров, заросшей весенней травой. По меркам Империи Топора дороги Сотойи, в общем и целом, были так себе. За пределами Империи вообще было мало хороших дорог, но сотойцам, по-видимому, было на них вообще наплевать, и у Каэриты подкатила к горлу тошнота при виде пути, который расстилался впереди. Дорога была прямая — что неудивительно, учитывая ровный характер местности, — но больше об этой широкой полосе грязи сказать было нечего.

Офицер охраны у ворот уважительно отсалютовал избраннице Томанака, когда она проскакала мимо, и Каэрита вежливо кивнула в ответ. В голове промелькнула мысль: вряд ли он узнал бы, кто она такая, если бы не золотые и зеленые символы Ордена Томанака, которые швея Телиана вышила на ее пончо.

Она миновала ворота и мягким движением послала Тучку неторопливой рысью вниз по склону в сторону пустующей дороги.

Над горшком с тушеным мясом поднимался пар. Еще больше пара поднималось от случайных капель дождя, залетающих под навес, установленный Каэритой, чтобы защитить костер. Столетиями Сотойя насаждали деревья вдоль своих дорог, в основном для защиты от ветров, но также и с той целью, с которой Каэрита сейчас использовала эту густую рощу. Хотя весна еще только вступала в свои права, ветки над головой покрылись свежими зелеными листьями, и они отчасти защищали ее маленький лагерь. И, конечно, лес обеспечивал множество дров для растопки, пусть и пропитанных влагой.

Накрытый попоной выучный конь был привязан к дереву рядом с бурно разлившимся от дождя шумным ручьем, у подножья невысокого холма, на котором Каэрита разбила лагерь. О том, чтобы привязывать Тучку, и речи не шло — даже сама эта идея стала бы смертельным оскорблением для боевого скакуна Сотойи. Лошадь, побродив там и тут, выбрала место с подветренной стороны костра. То ли для того, чтобы отчасти защитить огонь от ветра, — то ли просто греясь у потрескивающего пламени. В любом случае Каэрита

не возражала.

Она снова помешала мясо, взяла ложку, попробовала. И вздохнула. Мясо было горячее, почти готовое, но Каэрита знала: что-то, а готовить она никогда не умела. Вот Брандарк — тот прекрасно управлялся со стряпней, а от одного воспоминания о том, как готовит Тала, слезы навернулись на глаза, пока Каэрита разглядывала плоды собственных усилий.

Состроив гримасу, она сидела на корточках под прикрытием своей распахнутой настежь палатки, установленной очень продуманно, на основе опыта, заработанного немалым трудом. Навес и склон холма отражали прямо в палатку тепло костра, с совсем небольшой примесью дыма. Даже на Равнине Ветров, насквозь пропитавшейся влагой, Каэрита обеспечила себе максимально возможные в таких обстоятельствах удобства — и сухость. Что ни говори, это был совсем не пустяк. Она встала и начала собирать хворост, складывая его под навес, где ему не угрожал дождь, а костер давал возможность подсохнуть. Она уже почти закончила, когда Тучка внезапно подняла голову. Навострила уши, чуть наклонив их вперед, и повернулась в сторону дороги. Каэрита сунула руки под пончо, расстегнула ремни, на которых крепились ее короткие мечи, и как бы случайно изменила положение, оказавшись лицом к возможной угрозе.

Слух у Тучки был несравненно острее, чем у нее. Даже зная это, Каэрита удивлялась, как кобыла могла слышать что-то сквозь несмолкающий перестук дождя. Спустя некоторое время мелькнула мысль, что, может, Тучка на самом деле и не слышала ничего, но тут из-за пелены дождя в вечернем сумраке проступила призрачная фигура. Стало ясно, что у кобылы не просто разыгралось воображение.

Каэрита молча наблюдала за приближающимся всадником. В общем и целом, королевство Сотоя было мирным, а его граждане законопослушными... сейчас, по крайней мере. Так, однако, дело обстояло далеко не всегда, и до сих пор встречались разрозненные шайки разбойников, несмотря на то что такие лорды, как Телиан, безжалостно расправлялись с теми, кого ловили на месте преступления. Бандиты могли посчитать одинокого путника, в особенности женщину, легкой добычей, не зная, что она избранница Томанака. Пока Каэрита видела лишь одного всадника, но их могло быть и больше, и она внимательно наблюдала за приближением непрошеного гостя.

Вряд ли это разбойник, подумала она, лучше разглядев его коня. Он был почти так же хорош, как Тучка. Ни один вор не решился бы путешествовать на таком приметном, легко узнаваемом коне. Все это, однако, ничего не говорило о том, что делает тут этот человек, в особенности с учетом надвигающейся ночи.

— Эй, там, у костра! Приветствую! — произнес звонкий голос, и, услышав его, Каэрита закрыла глаза.

— Почему я? — пробормотала она себе под нос — Почему это всегда случается со мной?

Туманная ночь не удостоила ее ответом. Она вздохнула и открыла глаза.

— Приветствую тебя, Лиана. Полагаю, ты хотела бы присоединиться ко мне и отдохнуть.

Леди Лиана Глорана Силивесте Лучник, наследница Бальтара, Западного округа и еще по меньшей мере дюжины больших и малых поместий, скрестив ноги, сидела у костра напротив Каэриты и куском хлеба выскребала остатки мяса из своей плошки. Лицо у нее было в грязи, золотисто-рыжая коса, точно толстая, насквозь промокшая змея, бессильно висела на спине, в каждом движении заметно проступала усталость.

— Ты, наверно, сильно проголодалась, — заметила Каэрита. Лиана подняла на нее вопросительный взгляд. — Мне слишком часто приходится есть то, что я готовлю, чтобы питать иллюзии относительно моих кулинарных талантов.

— А по-моему, получилось совсем неплохо, в самом деле, госпожа Каэрита, — вежливо ответила Лиана.

Каэрита насмешливо фыркнула.

— Преувеличивая достоинства моей стряпни, ты ничего не добьешься, девочка, —

ответила она. — Учитывая тот факт, что ты больше похожа на полуголодную, едва не утонувшую, забрызганную грязью крысу, чем на наследницу одного из самых влиятельных людей в королевстве, я сочла нужным предложить тебе поесть горячего и согреться, прежде чем расспрашивать. Теперь пора перейти к делу.

Лиана вздрогнула от колкого тона Каэриты, но уклоняться от разговора не стала. Положила ложку в опустевшую плошку, аккуратно отставила ее в сторону и взглянула прямо в лицо Каэриты.

— Я сбежала, — сказала она.

— Об этом, я уже догадалась, — сухо ответила Каэрита. — Почему бы нам сразу не получить ответ на два «почему»?

— Два «почему»? — удивленно повторила Лиана.

— «Почему» номер один: почему ты убежала? «Почему» номер два: почему ты ведешь себя так, будто не ожидаешь, что я немедленно отправлю тебя домой?

— Ох! — Лиана залилась краской и опустила взгляд зеленых глаз на потрескивающий между ними костер. Некоторое время она смотрела на пламя, потом подняла взгляд на Каэриту. — Я не вдруг решила убежать сегодня. На то есть множество причин. Впрочем, большинство из них вы уже знаете.

— Полагаю, что да. — Каэрита вглядывалась в лицо девушки, чувствуя, как смягчается выражение ее собственного лица, и не в силах справиться с этим. — Но я понимаю и другое — как сейчас обеспокоены и огорчены твои родители. И ты, без сомнения, тоже понимаешь это.

Лиана вздрогнула.

— Почему ты так обошлась с ними? — холодно закончила Каэрита, и взгляд Лианы снова уткнулся в огонь.

— Я люблю родителей, — после долгой, тягостной паузы ответила девушка так тихо, что Каэрита едва расслышала ее сквозь шум дождя. — И вы правы — они беспокоятся обо мне. Я понимаю. Просто... — Она снова замолчала, сделала глубокий вдох и подняла взгляд на Каэриту. — В тот вечер, когда вы покинули цитадель, отец получил формальное предложение от человека, претендующего на мою руку.

Теперь Каэрита отвела взгляд. Она опасалась чего-нибудь в этом роде, но теперь, когда причина стала ей известна, легче не стало. Она обдумывала разные соображения, которые могла бы высказать, и отбрасывала их одно за другим, помня свой недавний разговор с Лианой.

— От кого? — спросила она вместо этого.

— От Ральта Черного Холма, — ровным голосом ответила Лиана.

Каэрита явно не поняла, о ком речь. Девушка состроила гримасу и закончила:

— Он протектор Траншара... И осенью ему исполнится пятьдесят лет.

— *Пятьдесят?* — Помимо воли Каэрита не сумела скрыть удивления. Лиана кивнула с мрачным видом. — С какой стати мужчина в таком возрасте хоть на мгновение поверит, что отец согласится на его брак с тобой?

— А почему нет? — спросила Лиана.

Каэрита посмотрела на нее сердито:

— Потому что он старше тебя втрое, вот почему!

— Но он невероятно богат, любимец премьер-министра, член Королевского Совета, а еще по крови и через брак состоит в родстве с бароном Кассаном, — ответила Лиана.

— Но ты же говоришь, что ему почти пятьдесят!

— Какое это имеет значение? Он недавно овдовел, имеет четырех детей от первого брака, двое из них мальчики, самому младшему меньше года. Ясно, что он в состоянии зачать детей... и, весьма вероятно, сыновей.

Лиана произнесла эту речь таким рассудительным тоном, что Каэрита вынуждена была прикусить язык. Ее охватила злость — как можно быть такой *рассудительной*! Однако спустя некоторое время она поуспокоилась. Лиана говорила тоном человека, сознающего,

что мир, в котором она выросла, ждет от нее рассудительности, но отнюдь не *согласия*.

— Ты и в самом деле полагаешь, — спросила Каэрита после короткой паузы, — что отец может отдать тебя за пятидесятилетнего человека?

— Не думаю, что он сделал бы это по доброй воле, — все так же тихо ответила Лиана. — На самом деле мне кажется, он откажет. Но уверена я быть не могу. А главное, если даже и откажет, будет только хуже.

Она посмотрела Каэрите в глаза, как бы умоляя о чем-то. О сочувствии, подумала Каэрита. Но это не все. Возможно, Лиана нуждалась не столько в сочувствии, сколько в понимании.

— Что значит — «хуже»?

— Ральт Черный Холм — могущественный, очень жадный и честолюбивый человек, — ответила Лиана. — Кроме того, он тесно связан со своим кузеном и шурином бароном Кассаном. А барон Кассан и отец... не ладят между собой. Не любят друг друга, расходятся по большинству политических вопросов, и барон Кассан возглавляет при дворе группировку, резко выступающую против любых форм «умиротворения» градани. Кассан убеждал короля отвергнуть ходатайство отца о низвержении Матиана Красного Шлема, он едва не добился успеха, и Черный Холм поддерживал его. Им обоим — и тем, кто думает так же, как они, — брак наследницы отца с одним из союзников Кассана доставил бы огромное удовольствие.

Ее юное лицо напряглось от отвращения и гнева. Каэрита медленно наклонила голову. Если только этот Ральт Черный Холм не представляет собой редкое исключение среди мужчин, ему, разумеется, охота затащить к себе в постель столь привлекательную девушку, как Лиана, с иронией подумала Каэрита, и она это хорошо понимает.

— Думаю, Кассан отдает себе отчет, что все эти соображения лишь подтолкнул твоего отца к тому, чтобы отказать Черному Холму, — сказала она.

— Наверняка, — согласилась Лиана. — Более того, он, скорее всего, на это и рассчитывает.

— Ну, тогда я уж совсем ничего не понимаю, — призналась Каэрита.

— Кассан ненавидит отца. И жаждет любым способом дискредитировать его в глазах короля и Совета. И хотя брак с человеком возраста Черного Холма меня, безусловно, не привлекает, по всем остальным меркам это превосходная партия. Учитывая, что все знают о возможном кризисе престолонаследия в Бальтаре — если только отец не отошлет мать и не женится на женщине, способной родить ему сыновей, — многие члены Совета начнут давить на него, убеждая принять это предложение. Они будут твердить, что вопрос наследования власти слишком важен для Бальтара, чтобы позволить ему и дальше висеть в воздухе при наличии в высшей степени достойного предложения со стороны знатного человека пусть и преклонного возраста, но уже продемонстрировавшего свою способность и готовность решить эту проблему. Поэтому, если отец откажет, политических сторонников у него станет еще меньше. Многие и так уже отшатнулись от него из-за того, что он «сдался» принцу Базелу.

Каэрита покачала головой.

— Все это слишком хитроумно и сложно для моей бедной головы, учитывая, что родом я из простых крестьян, — сказала она и насмешливо фыркнула под пристальным взглядом Лианы. — Ох, я не хочу сказать, что не верю тебе, девочка. Мозгами я даже могу понять, что путем ряда беспринципных рассуждений можно прийти к такому выводу. Я просто не понимаю всего этого как *человек*.

— Хотелось бы и *мне* не понимать этого как человеку, — ответила Лиана. — Или, по крайней мере, не иметь обязанности понимать.

— Охотно верю. — Каэрита подбросила веток в костер и помолчала, прислушиваясь к шипению испаряющейся под воздействием пламени влаги. — Значит, кто-то, кто тебе не нравится и за кого ты не хочешь выходить замуж, просит твоей руки у твоего отца, и ты опасаясь, что, отказавшись от этого предложения, он огреbet большие неприятности. Поэтому ты сбежала?

— Да -Было в этом односложном ответе что-то заставившее Каэриту вопросительно вскинуть брови. Нет, не ложь, вне всякого сомнения. Однако и не *вся* правда, остро ощутила Каэрита. А не попытаться ли докопаться до истины?.. Потом она передумала.

— И каким образом твой побег может решить все эти проблемы? — спросила она.

— Мне кажется, это очевидно, госпожа Каэрита, — удивленно ответила Лиана.

— И все же растолкуй мне, — сухо сказала Каэрита. — Хотя в целом я, кажется, представляю себе твою стратегию. Нет, я не стану льстить себе, высказывая предположение, что ты последовала за мной, рассчитывая на защиту избранницы Томанака. Я подозреваю, что на самом деле ты стремишься в Калатху, вдохновленная легкомысленной, романтической идеей стать «девой войны», чтобы ускользнуть из сетей нежеланного поклонника. Так?

— Да, — робко, словно защищаясь, ответила Лиана.

— А ты хорошо обдумала, от чего при этом отказываешься? — возразила Каэрита. — Я, как тебе уже известно, из крестьян, *леди* Лиана. Не думаю, что твоя жизнь в качестве «девы войны» окажется столь же трудной, но она будет совсем-совсем иной по сравнению с тем, к чему ты привыкла. А пути назад уже точно не будет. Ни семья, ни происхождение больше не защитят тебя — в сущности, для своей семьи ты как бы умрешь.

— Знаю, — совсем тихо сказала Лиана, глядя на костер. — Знаю. — Она снова подняла взгляд на Каэриту. — *Знаю*, — повторила она в третий раз, с влажными от слез глазами. — Но я также знаю, что родители всегда будут любить меня, независимо от того, дочь я им по закону или нет. Этого не изменит ничто. А если я уйду в «девы войны», то избавлю отца от необходимости принимать решение. Никто не сможет упрекнуть его за отказ Черному Холму, если я больше не его дочь. И, — она сумела криво улыбнуться, — позорный поступок, который я собираюсь совершить, перейдя все границы дозволенного, поставит меня в такое положение, что даже столь честлюбивый человек, как Ральт Черный Холм, перестанет считать этот брак достойным.

— Но тебе ведь еще и пятнадцати нет. — Каэрита грустно покачала головой. — Ты слишком молода, чтобы принимать такое важное решение. Я не знаю твоего отца так хорошо, как ты, но, по-моему, он был бы против. Ты думаешь, что делаешь это для него, но, как по-твоему, на самом деле он *хотел* бы этого?

— Наверняка нет, — с легким оттенком гордости призналась Лиана. — Он *понял* бы меня, но это не то же самое, что хотеть, чтобы я так поступила. Уверена, он со своими людьми уже бросился следом за мной. И если он догонит меня, то решит, что должен увезти меня домой, хочу я этого или нет. Потому что он любит меня и потому что, как и вы, считает, что я слишком молода для принятия такого решения. Но согласно хартии «дев войны», моих лет достаточно. У меня есть законное право принять это решение, если я сумею добраться до одного из вольных городов прежде, чем отец догонит меня. А когда дело будет кончено, он уже не заставит меня вернуться домой, и Черный Холм с Кассаном больше не смогут использовать меня против него.

Слеза наконец сорвалась, покатила по щеке, и Каэрита глубоко вздохнула.

— Тогда, полагаю, нам лучше лечь спать, — сказала она. — Мы обе устали и наверняка уснем, а утром сможем встать пораньше. Посмотрим, догонит ли он нас.

Когда утром они сворачивали лагерь, дождь наконец прекратился. Это что-то да значит, сказала себе Каэрита, вскочив в седло и сунув в держатель у правого стремени толстый конец посоха, который носила вместо традиционного копья. И вообще-то — она глубоко вдохнула влажный, чистый, прохладный утренний воздух — это нам на руку.

Пока они собирались в путь, она исподтишка наблюдала за Лианой. В девушке ощущалась почти болезненная готовность справиться с любыми трудностями, которые ее ожидают, хотя не вызывало сомнений, что с большинством из них она никогда прежде не сталкивалась.

Как любой из благородных Сотоя, будь то мужчина или женщина, она села в седло

примерно в то же время, когда научилась ходить без посторонней помощи, и прекрасно владела навыками верховой езды. Ее жеребец, удостоившийся еще более заумного имени, чем Темная Боевая Туча, прекрасно отзывался на дружеское Сапожок, и Каэрита невольно задавалась вопросом, называют ли вообще боевых скакунов Сотоя их официальными именами. Насколько это возможно при такой сырости и грязи, Сапожок (гнедой жеребец, получивший свое прозвище из-за черных ног и белых «сапожек» на передних ногах) был безукоризненно вычищен, седло и упряжь почти сверкали. К сожалению, его всадница гораздо хуже разбиралась в других мелких хозяйственных делах, неизбежных при путешествии по дикой местности. Ну, по крайней мере, она преисполнена рвения, отметила Каэрита, и ведет себя удивительно верно для человека высокого происхождения. Поразмыслив, рыцарь начала склоняться к мысли, что в характере девочки определенно чувствуется «металл».

И лучше, чтобы так оно и было, мрачно подумала она, глядя, как Лиана проворно взлетает в седло. Каэрита не могла не уважать мотивы девушки, но один факт не вызывал у нее сомнений: та не имела — да и не могла иметь — сколько-нибудь реалистического представления о суровых переменах, которые ее ожидают. Не исключено, что, если шок не сломит девушку, новая жизнь понравится ей даже больше, чем теперешняя. Каэрита надеялась, что так и произойдет, и все же пропасть между дочерью одного из четырех самых влиятельных феодальных магнатов королевства и безымянной «девой войны», презираемой фактически всеми в том единственном мире, который она до сих пор знала, была глубже, чем обрыв за краем крепостного вала Замка Стража Холмов. Пережить это падение — ей по силам, но такой опыт может оказаться поистине сокрушительным, во всяком случае для выращенного в холе и безопасности цветка благородной женственности. И не важно, насколько старательно готовила себя Лиана к тому, что ей предстояло.

Правда, Каэрита никогда не видела смысла в этих самых «выращенных в холе и безопасности цветах благородной женственности». Может, именно поэтому она согласилась помочь девочке выбраться из ситуации, в которую загнал ее безжалостный рок? Хотелось думать, что дело обстоит именно так. А еще хотелось думать, что ею руководит долг избранницы Томанака: спасти беспомощных от преследования. Учитывая данное Лианой уничтожающее описание Ральта Черного Холма, его брак с юной девушкой воспринимался Каэритой как самая что ни на есть грубая форма преследования, а Томанак, будучи Богом Справедливости, всегда на стороне преследуемых. Кроме того, Лиана права: она имеет законное право сделать свой выбор, если сумеет добраться до Калатхи.

Обе причины достаточно весомы, размышляла Каэрита. Однако сердцем понимала, что существует еще одна, может быть, даже более глубокая. Воспоминание о тринадцатилетней сироте, которая, угодив в ловушку другой, даже более страшной жизни... отказалась смириться с приговором.

На мгновение взгляд сапфирово-голубых глаз госпожи Каэриты стал темнее, глубже и холоднее, чем воды залива Белхадан. Однако мрачное настроение рассеялось, и она, как промокшая собака, стряхнула с себя воду воспоминаний и вгляделась в прохладное, туманное утро. Солнце расплавленным золотым шаром висело над горизонтом прямо впереди, утренний туман окутывал его, словно пар — кузнечный горн, последние облака вчерашнего дня громоздились на юге, верхушками касаясь золотистого мерцания, и быстрый северный ветер гнал их прочь. Дорога не стала менее раскисшей от грязи, однако день обещал быть прекрасным, и Каэрита почувствовала, как внутри страстно зашевелилось нетерпеливое желание. Желание отправиться в путь и снова начать действовать.

— Ты готова, леди Лиана? — спросила она.

— Да. — Лиана направила Сапожка к Тучке и рассмеялась. Каэрита удивленно посмотрела на девушку. — Мне просто кажется, что звучит естественнее, когда вы называете меня «девочка», а не «леди Лиана».

— Неужели? — фыркнула Каэрита. — Может, это во мне проснулась крестьянская девушка. С другой стороны, тебе, наверно, и впрямь стоит привыкать к недостатку

почтительности.

Она мягко сжала пятками бока Тучки, и кобыла послушно двинулась вперед. Лиана что-то негромко пробормотала Сапожку, жеребец догнал кобылу и поскакал рядом с ней голова к голове, как будто они были запряжены вместе.

— Я понимаю, — заговорила девушка спустя несколько минут. — В смысле, что мне надо начать привыкать к этому. Думаю, недостаток почтительности будет волновать меня меньше, чем отсутствие служанок, которые наполняют ванну и расчесывают мне волосы. — Ее передернуло. — Я уже уяснила, что между реальной жизнью и песнями бардов существует огромная разница. Или, по крайней мере, барды не упоминают о некоторых неприятных мелочах, без которых невозможно никакое «приключение». Одно дело — путешествовать в одиночку, а другое — в сопровождении множества охранников и слуг, готовых удовлетворить все твои нужды.

— Несколько ночей под дождем определенно способствуют пониманию этой разницы, — согласилась Каэрита. — А у тебя, я вижу, даже палатки нет.

— Нет. — Лиана снова состроила гримасу. — Мне было достаточно сложно в течение нескольких дней потихоньку собирать еду на дорогу и прятать в седельные сумы Сапожка, чтобы думать еще и о дорожном снаряжении. — Она вздрогнула. — Первая ночь и впрямь была очень тяжелой. Я так и не сумела разжечь костер.

— Это нелегко без сухих дров, — заметила Каэрита, изо всех сил стараясь скрыть всплеск сочувствия, который ощутила, представив себе Лиану одну в холодной, дождливой ночи, без палатки и даже костра. Что ни говори, а девушка, как бы ни старалась казаться кем-то другим, оставалась изнеженной молодой аристократкой. Наверно, это была самая тягостная ночь за всю ее жизнь.

— Именно это я и обнаружила. — В усмешке Лианы не чувствовалось жалости к себе. — На следующее утро, осознав свою ошибку, я потратила около часа на поиски большого бревна. Кинжалом настрогала из него сухих щепок и набила ими половину седельной сумки. — Протянув правую ладонь, она со смешком показала свежие волдыри. — По крайней мере, этот опыт не пропал зря, и на следующую ночь я первым делом разожгла костер. Боже, как было хорошо!

Она так забавно вытаращила глаза, что Каэрита не могла удержаться от смеха. Потом покачала головой, переключила внимание на дорогу и пустила Тучку рысью. Кобыла охотно подчинилась и в сопровождении Сапожка быстро поскакала по дороге, разбрызгивая грязь.

«Да, — думала Каэрита, — это истинное сокровище — прекрасные зеленые глаза, которые умеют смеяться, когда их хозяйке холодно, мокро и, без сомнения, страшно. *В ней, без сомнения, чувствуется звон металла, слава Томанаку!*»

— Отец уже нагоняет.

Каэрита оторвалась от завтрака, который готовила на костре, и посмотрела на Лиану. Девушка стояла у дороги, обхватив Сапожка за холку и глядя в ту сторону, откуда они ехали. Она стояла очень спокойно, с напряженным выражением лица, только пальцы правой руки беспрерывно двигались, лаская мягкую, теплую шкуру коня.

— Почему ты так уверена? — спросила Каэрита, поскольку мрачные слова девушки прозвучали отнюдь не как вопрос.

— Потому что знаю — он хватился меня на второе утро и тут же бросился в погоню, — ответила Лиана. — Но, по правде говоря, я просто *знаю*. — Она посмотрела на Каэриту. — Я всегда знаю, где он и мама.

Каэрита обдумала услышанное, переворачивая ломти бекона на почерневшей походной сковородке. Потом вытащила их из растопленного жира и положила на последние куски слегка зачерствевшего хлеба. Выплеснула жир в пламя костра, тут же жарко вспыхнувшего, и подняла взгляд на Лиану.

Лицо девушки выглядело усталым. На Сапожке и Тучке тоже начали сказываться последствия долгой, быстрой скачки. Конечно, Сапожок покрыл то же расстояние, что и

Тучка, на сутки быстрее, а после того, как девушка догнала Каэриту, оба скакали вровень. Барон и его брат Хатан — отличные наездники. С другой стороны, несмотря на всю свою ярость и тревогу, Телиан был слишком уравновешенным человеком, чтобы рискнуть отправиться в погоню вдвоем лишь с Хатаном — лорд Западного округа представлял собой слишком лакомую цель для врагов, — но они с братом наверняка задали эскорту безжалостный темп.

— Что это значит — ты всегда знаешь, где они? — спросила она.

— Просто знаю. Лиана еще раз погладила Сапожка, подошла к костру и взяла у Каэриты причитающуюся ей долю скромной трапезы — хлеб с беконом. Откусила кусок и пожала плечами. — Простите. Я не пытаюсь напускать таинственность, просто не умею объяснить. Мама говорит, в ее семье всегда была такая способность. — Она снова пожала плечами. — Толком, правда, мне ничего об этом не известно. Дело не в том, что в нашей семье были маги или что-то в этом роде. Но я всегда знаю, где родители, или если они огорчены, или если им плохо. — Она вздрогнула и внезапно будто постарела на несколько лет. — Как знала, когда мамина лошадь упала и подмяла ее под себя.

Несколько мгновений Лиана разглядывала что-то видимое только ей одной, но потом опомнилась. Посмотрела на хлеб с беконом в своей руке, словно видя его впервые, и откусила снова, одарив Каэриту застенчивой, почти смущенной улыбкой.

— И они тоже всегда «знают», где ты? — спросила Каэрита.

— Нет. — Лиана покачала головой и задумалась на мгновение. — Ну, на самом деле насчет мамы я не уверена. Когда я была совсем маленькой, она всегда словно заранее знала, что я собираюсь напроказничать, но я называла это «мамочкиной магией». Что касается отца, он таким свойством не обладает. Иначе за последние годы у меня было бы гораздо больше неприятностей. Вряд ли я тогда вообще могла бы сидеть в седле! И, уж конечно, мне не удалось бы удрать от него. Прямо сейчас я чувствую, что он огорчен и обеспокоен, но не догадывается, что отстает от нас всего на несколько часов.

Последние слова девушка произнесла совсем тихо, с потемневшими глазами. Чувствовалось, что она сильно огорчена тем, что отец обеспокоен и в расстройстве.

— Еще не поздно передумать, Лиана, — сказала Каэрита. Девушка бросила на нее быстрый взгляд. — Если он так близко, все, что от нас требуется, это посидеть тут несколько часов. А можно продолжить путь. Судя по карте, которую дал мне управляющий твоего отца, до Калатхи часа два-три, не больше. Однако решение за тобой.

— Все уже решено, — полушепотом ответила Лиана. Ноздри ее затрепетали, она тряхнула головой. — Я не могу — и не стану — ничего менять. Кроме того, — она криво улыбнулась, — он встревожен и огорчен, да, но им владеют и другие чувства. Он знает, куда я направляюсь и зачем.

— Знает? Ты уверена?

— Ох, у меня хватило ума не оставлять залитую слезами записку, которую могли обнаружить раньше, чем мне хотелось, — ответила Лиана. — Я ускакала сразу после завтрака, а предыдущим вечером отпустила обеих своих служанок к их родителям. Причем каждая из них не знала об отсутствии другой, так что меня должны были хватить только на следующий день к завтраку. Вы знаете, отец отличный наездник. Если бы я не имела перед ним преимущества хотя бы в один полный день, он не стал бы дожидаться своих телохранителей и бросился в погоню вдвоем с Хатаном. И тогда уж точно догнал бы меня, хоть я и на Сапожке. Раз этого не произошло, значит, раньше времени мое отсутствие обнаружено не было. Однако отец умен и знает, что я тоже не дурочка. Думаю, он понял, куда я направляюсь, в то же мгновение, когда выяснилось, что меня нигде нет. И тут же поскакал следом, хотя, по правде говоря, какой-то частичкой души он не хочет меня догнать.

Покончив с хлебом и беконом, она встала, глядя на Каэриту с мягкой, почти нежной улыбкой.

— Как и вы, он опасается, что я совершаю ужасную ошибку, и полон решимости помешать мне, если сможет. Однако он понимает, почему я делаю это. И именно поэтому

догоняет меня отчасти против воли. На самом деле он хочет, чтобы я добралась до Калатхи, потому что понимает не хуже меня — только став «девой войны», я сумею избежать участи племенной кобылы для вынашивания жеребцов Черного Холма... или кого-то в этом роде. К маме он так никогда не относился, и он знает, что я тоже такого не стерплю. Он сам учил меня такому отношению к себе — учил ценить себя — и знает, что его уроки не пропали даром.

— Что не помешает ему попытаться остановить тебя, если получится, — сказала Каэрита.

— Не помешает. — Лиана покачала головой. — Глупо, правда? Вот мы оба — я убегаю от него; он догоняет меня, чтобы вернуть домой, хочу я этого или нет. И все это потому, что мы так сильно любим друг друга.

Она смахнула сверкнувшую на ресницах слезу и, отвернувшись к Сапожку, занялась его упряжью.

— Да. — Каэрита вылила из горшка остатки чая в огонь и начала забрасывать угли землей. — Да, Лиана. В самом деле глупо.

~ Вы, наверно, не в своем уме!

Сидящая по другую сторону стола седоволосая женщина сердито и недоверчиво смотрела на Каэриту и Лиану. У нее на шее висел на широкой цепи бронзовый ключ от ратуши, карие глаза смотрели твердо, почти гневно.

— Уверяю вас, бургомистр Йалит, я в своем уме, — резко ответила Лиана.

После долгой езды в седле они с Каэритой вымотались до последней косточки, были забрызганы грязью, но чувствовалось, что девушка изо всех сил сдерживается. Равным образом нельзя было не заметить, что житейский опыт дочери барона Бальтара наилучшим образом подготовил ее к обращению с людьми ранга Йалит.

— Безумные редко отдают себе отчет в том, что они не в своем уме, — — отрезала бургомистр. — И чтобы ты там ни воображала и как бы ни верила, что стать «девой войны» — это способ решения общественных проблем, я вижу такие аспекты этой ситуации, которые лишь усугубят положение.

— При всем моем уважении, бургомистр, — впервые вмешалась в разговор Каэрита, — девушка не говорила об «общественных проблемах». Она говорила о вполне конкретных вещах, которые — если, конечно, я правильно поняла хартию короля Гартхи, дарующую «девам войны» право на существование, — вы и ваш город обязаны гарантировать *любой* женщине.

— Большое спасибо, но нечего цитировать хартию *мне*, госпожа Каэрита! — рывкнула бургомистр. — Вы, может, и рыцарь Томанака, но мне не приходилось слышать, чтобы Томанак хоть что-то сделал для «дев войны»! И стать «девой войны» — вряд ли подходящий выход для изнеженной дворянки, дочери барона, желающей избавиться от нежелательной помолвки, на которую ее семья даже не дала еще свое согласие!

Каэрита открыла рот, собираясь ответить, хотя и понимала, что вспыхнувший в ней гнев приведет лишь к тому, что Йалит не станет ее слушать. Однако не успела произнести ни слова — Лиана положила руку ей на плечо и посмотрела прямо в лицо бургомистра Калатхи.

— Да, — сказала она, не отпуская взгляда карих глаз Йалит. — Я хочу избежать помолвки, на которую моя семья пока еще не дала согласия. Я не знала, однако, что у «дев войны» есть обычай допрашивать тех, кто хочет присоединиться к ним, — помимо необходимости убедиться, что речь не идет о преступлении и попытке скрыться от наказания. Выходит, я ошибалась?

Теперь настала очередь Йалит проглотить невысказанные слова. Несколько напряженных мгновений она сердито сверлила Лиану взглядом, но потом покачала головой.

— Нет, — призналась она. — У нас нет обычая «допрашивать», как ты выразилась. Или скорее мы задаем вопросы, но ответы не влияют — не должны влиять — на факт принятия или непринятия соискательницы. Однако, согласись, это не совсем обычная ситуация.

Прежде всего никогда еще молодая женщина столь высокого происхождения не заявляла о желании стать «девой войны», и лишь боги знают, к чему это приведет. Во-вторых, самой распространенной причиной, по которой женщины бросаются к нам, является стремление избежать навязываемого им брака. И именно в этом случае по прошествии времени они чаще всего начинают сожалеть о своем решении. Мы всегда прикладываем особые усилия, чтобы помочь женщинам разобраться в их собственных чувствах. И, наконец, третье. Сейчас, с точки зрения обстановки в Калатхе, возможно, самое неподходящее время для твоего появления, поскольку с нами затеял вражду человек, не уступающий барону Телиану!

— Позже мне хотелось бы поговорить с вами об этом более подробно, бургомистр Йалит, — вмешалась в разговор Каэрита. — В данный момент, однако, думаю, вам не стоит опасаться враждебного отношения Телиана. Мне не кажется, что он обрадуется, узнав о случившемся, и я понятия не имею, какой будет его *официальная* позиция. Но, никаких сомнений, он не станет упрекать вас за то, что вы поступили в точном соответствии с требованиями вашей хартии. Тот факт, что просительницей является его дочь, на его мнение не повлияет.

— Неужели? — недоверчиво фыркнула Йалит. — Ну хорошо. Допустим, вы правы, госпожа Каэрита, в том, что касается ее отца. А как насчет барона Кассана и этого Черного Холма? Если они охотятся за этой молодой женщиной, — она ткнула пальцем в Лиану, — ведомые жадностью, как вы предполагаете, как, по-вашему, они отреагируют, если «девы войны» помогут ей проскользнуть у них между пальцев? Может, сделают нам крупное денежное пожертвование?

— По-моему, они черт знает как обозлятся, — честно призналась Каэрита, и, как ни сердилась Йалит, грубоватые слова заставили вспыхнуть ее темные глаза. — С другой стороны, какие новые сложности они смогут вам создать? Судя по словам Лианы, Черный Холм и Кассан уже настроены по отношению к «девам войны» крайне враждебно.

— Боюсь, в этом госпожа Каэрита права, бургомистр Йалит, — криво улыбнулась Лиана. Йалит перевела на нее взгляд и фыркнула. Молодая женщина пожала плечами. — Я не хочу сказать, что они не разозлятся и не постараются причинить вам все неприятности, какие в их силах, если я помешаю их планам, став «девой войны». Конечно, постараются. Но если смотреть шире, они уже настроены к вам враждебно.

— Какая *замечательная* причина восстанавливать их против себя еще больше!

Несмотря на едкий сарказм, чувствовалось, что сопротивление Йалит слабеет.

— Бургомистр Йалит, — спокойно сказала Лиана, — к «девам войны» враждебно относятся все аристократы, похожие на Черного Холма и Кассана, просто по факту рождения. Я понимаю, что моя ситуация «не совсем обычная». И понимаю, почему вы обеспокоены многочисленными последствиями, связанными с моим появлением. Однако госпожа Каэрита права, и вы знаете это. *Любая* «дева войны» — особый случай. Именно поэтому они вначале и объединились — чтобы впервые в нашей истории дать всем этим особым случаям прибежище, куда они могут уйти. Поэтому, если вы отвергаете мою кандидатуру по причине высокого происхождения, как тогда поступают «девы войны» с *любой* женщиной, которая хочет одного — жить своей собственной жизнью, самой принимать решения? Лиллиара не делает различий между «девами войны» и другими женщинами, прибегающими к ее защите. Разве не должны те, кто считает ее своей покровительницей, поступать так, как ей угодно?

Она снова приковала к себе взгляд бургомистра. Сейчас во взгляде девушки не было ни гнева, ни отчаяния или мольбы — только вызов. И требование ответить на вопрос: готова ли Йалит жить согласно тем идеалам, которым посвятила свою жизнь?

В комнате повисло молчание, нарушаемое лишь потрескиванием угля в камине. Каэрита почти физически ощущала напряжение, повисшее между Йалит и Лианой, не касаясь ее самой. Она была зрителем, не участником. Эта роль не слишком соответствовала тому, к чему готовит себя рыцарь Бога Войны, и все же ей было ясно, что это не ее сражение. В этой битве могла сражаться только Лиана. И только она должна была либо победить, либо

проиграть.

В конце концов Йалит сделала глубокий вдох и впервые с тех пор, как Лиану и Каэриту ввели в ее кабинет, откинулась в своем кресле.

— Ты права, — вздохнула она. — Мать знает, как я хотела бы, чтобы это было не так, — она криво улыбнулась, — потому что ситуация грозит нам кошмарами Шигу, но ты права. Отвергнув тебя, я впоследствии обязана буду отказать любой женщине, пытающейся избежать неприемлемого для нее брака и лишенной законного права сделать это. Полагаю, у нас нет выбора, миледи?

В этом почтительном обращении отчетливо прозвучали язвительные нотки, однако было совершенно очевидно, что женщина примирилась с принятым решением. И еще, этот странно подчеркнутый формализм был умышленным, поняла Каэрита: как будто Йалит хотела напомнить Лиане, что если ее прошение будет удовлетворено, никто никогда больше к ней так не обратится.

— Нет, бургомистр. — Судя по тону, Лиана определенно поняла намек. — Выбора нет. Ни у кого из нас.

— Прибыл барон Телиан. Он требует разговора с вами и своей дочерью.

Йалит посмотрела на вестницу и перевела на Каэриту взгляд, в котором чувствовался намек типа «полюбуйтесь, во что вы меня втянули». К ее чести, это был всего лишь намек. Она тут же переключила внимание на стоящую в дверном проеме женщину средних лет.

— Слово «требует» исходит от него или от тебя, Шаррал?

— От меня, — с легкой досадой ответила та. — Он был достаточно вежлив. Учитывая все обстоятельства. Однако очень... настойчив.

— Ничего удивительного. — Йалит сжала двумя пальцами переносицу и состроила гримасу. — Вы сказали, госпожа Каэрита, что он нагоняет вас. Тем не менее, я рассчитывала, что у меня будет чуть больше времени... ну, хотя бы час... чтобы подготовиться к этому разговору.

— И я тоже, — призналась Каэрита. — Честно говоря, что-то трусливое во мне очень хотело бы узнать, есть ли в этом кабинете задняя дверь.

— Если вы воображаете, что я позволю вам ускользнуть, миледи, то вы печально заблуждаетесь, — сердито ответила бургомистр Калатхи, и Каэрита засмеялась.

Невеселым смехом, по правде говоря, потому что предстоящая стычка ее отнюдь не радовала. С другой стороны, как только Йалит приняла решение и напряжение слегка разрядилось, рыцарь начал испытывать к этой женщине больше симпатии, чем ожидала от себя поначалу. И все же взаимное раздражение еще витало в воздухе — точно две кошки, выгнув спины, украдкой примеривались друг к другу, раздумывая, стоит ли пускать в ход когти. Каэрита не могла сказать, откуда возникло это ощущение, да, в общем-то, ее это и не волновало. Чтобы вздыбленный мех улегся, нужно время, напомнила она себе. При условии, конечно, что обе они переживут разговор с Телианом.

— Ну, что же, пригласи его сюда, Шаррал, — со вздохом сказала Налит.

— Да, бургомистр.

Женщина вышла и закрыла за собой дверь. Спустя меньше двух минут она снова открылась, и вошел барон Телиан. Вид у него был «ощетинившийся» — ничего лучше этого слова на ум Каэрите не пришло, хотя оно не совсем точно отражало производимое бароном впечатление. Он был буквально с ног до головы в грязи, и это свидетельствовало о том, что он — как и сама Каэрита — скакал без усталости, стремясь поскорее добраться до Калатхи. Только вот она имела перед ним преимущество в целых два дня. Даже его скакуна наверняка утомила такая скачка, а большинство телохранителей — те, что скакали на худших конях, — наверняка были вынуждены взять с собой, по крайней мере, по два подменных.

— Барон...

Йалит встала, приветствуя его. В ее голосе чувствовались уважение и даже некоторое сочувствие, но звучал он твердо. Она как бы давала понять, что помнит, какого он звания, и

понимает его беспокойство как отца, но одновременно и напоминала, что здесь *ее* кабинет... и что за прошедшие столетия «девы войны» перевидали немало встревоженных родителей.

— Бургомистр Йалит, — сказал Телиан. На мгновение его взгляд сместился к Каэрите, но ее он не приветствовал, и она тут же задалась вопросом, насколько это плохой знак. — Думаю, вы знаете, зачем я здесь. — Теперь он снова смотрел на Йалит. — Я хочу увидаться с дочерью. Немедленно.

Его высокий голос звучал ровно и лишь чуть-чуть резко, взгляд был тверд.

— Боюсь, это невозможно, барон, — ответила Йалит.

Телиан угрожающе нахмурился, открыл рот, собираясь вспылить, но Йалит опередила его.

— К сожалению, правила и обычаи «дев войны» в этом вопросе совершенно недвусмысленны, — поразительно спокойно, с точки зрения Каэриты, продолжала она. — Лиана подала прошение о присоединении к «девам войны». Поскольку ей всего четырнадцать, ее ждет шестимесячный испытательный срок, и лишь потом ей позволят дать клятву, окончательно связывающую ее с нами. На протяжении этого времени члены семьи могут контактировать с ней письменно или через третьих лиц, но не лично. Должна признаться, что, прибыв сюда, она ничего не знала ни об испытательном сроке, ни о запрещении беседовать с вами во время него. Когда я сообщила ей об этом, она попросила госпожу Каэриту поговорить с вами от ее имени.

С каждым словом Телиан все сильнее стискивал зубы, правой рукой сжимая рукоять кинжала. Если прежде еще можно было сомневаться, рассержен он или нет, то сейчас никаких сомнений не осталось. Однако каким бы негодующим отцом он ни был, опыт придворного научил его контролировать и выражение лица, и язык. Поэтому он проглотил рвущиеся с губ возмущенные слова, сделал глубокий вдох и только после этого заговорил.

— Моя дочь, — он по-прежнему смотрел прямо на Йалит, как если бы Каэриты тут не было вовсе, — молода и, о чем я слишком хорошо осведомлен, упряма. Однако она еще и умна, что бы я ни думал об этой ее последней выходке. Она знает, как этот поступок огорчил ее мать и меня. Не могу поверить, что она не хочет разговаривать со мной при таких обстоятельствах. Вряд ли она жаждет этого разговора или будет рада ему, но она не настолько бессердечна, чтобы отказаться видеть меня, зная, как сильно мы любим ее.

— Я не говорила, что она отказывается, милорд. На самом деле она очень огорчилась, узнав, что это для нее невозможно. К сожалению, наши законы не оставляют мне выбора. Это не высокомерие или жестокость, а исключительно стремление защитить просительницу от возможного запугивания или манипуляций с целью помешать ей сделать свободный выбор. Однако признаюсь, мне редко приходилось видеть просительниц, которые так сильно желали бы побеседовать со своими родителями. Как правило, если уж девушка бросается к «девам войны», она меньше всего хочет встретиться с семьей, из которой сбежала. Лиана подобных чувств не проявляет, и, будь ее воля, она оказалась бы здесь немедленно. Но — увы. Боюсь, я ничего не в силах изменить.

Костяшки обхватывающих кинжал пальцев Телиана побелели, ноздри раздувались. На мгновение он закрыл глаза, потом снова открыл их.

— — Понимаю, — очень, очень холодно произнес он.

«Для человека, которому только что отказали в разговоре с дочерью, он держится замечательно», — подумала Каэрита. Потом его взгляд переместился к ней, и она увидела в его глазах и ярость, и отчаянную любовь, и боль потери.

— В таком случае, — тем же ледяным тоном продолжал он, <emph>полагаю, я должен выслушать то, что моей дочери было позволено передать мне.

Йалит еле заметно вздрогнула, ощутив страдание в его голосе, но взгляд ее по-прежнему был тверд. Интересно, подумала Каэрита, сколько подобных бесед ей пришлось пережить за долгие годы?

— Думаю, что да, милорд, — согласилась бургомистр. — Предпочитаете поговорить с госпожой Каэритой наедине, чтобы она могла без свидетелей подтвердить, что Лиана

пришла к нам по доброй воле?

— Благодарю вас, милорд, за понимание. — Йалит слегка наклонила голову. — Я сама мать, и я разговаривала с Лианой. Мне известно, почему она здесь, и причина не в том, что она не любит вас и мать или хотя бы на мгновение усомнилась в вашей любви к ней. Во многих смыслах это один из самых печальных случаев, с которыми мне пришлось столкнуться. Я признательна вам за то, что, несмотря на гнев и боль, которые владеют вами, вы понимаете, что это было *ее* решение. А теперь я оставляю вас с госпожой Каэритой. Если позже вы пожелаете снова поговорить со мной, я, конечно, к вашим услугам.

Она снова поклонилась, более низко, и вышла, оставив Телиана и Каэриту наедине.

Несколько долгих секунд барон молчал, то стискивая, то отпуская рукоять кинжала и сверля Каэриту сердитым взглядом.

— Кое-кто сказал бы, что вы не слишком щедро отплатили за мое гостеприимство, госпожа Каэрита, — наконец отрывисто бросил он.

— *Кое-кто* — без сомнения, милорд, — ответила она, стараясь говорить как можно спокойнее. — Мне очень жаль, если вы разделяете их мнение.

— Наверняка жаль, — ответил он, чеканя каждое слово. Закрыв глаза и покачал головой. — Как бы я желал, — теперь его голос звучал мягче, с оттенком печали, чтобы вы вернули *ее* мне! Чтобы когда моя дочь — мое единственное дитя, Каэрита! — вышла к вам из темноты, на краю одинокого пути, убегая из родного дома и от нашей с Ханатхой любви, вы поняли бы все безумие затеянного ею и остановили *ее*. — Он открыл глаза — в них блестели слезы — и посмотрел рыцарю в лицо. — Не говорите мне, что не могли помешать ей сломать свою жизнь, отбросить всех и все, что она когда-либо знала. Если бы вы только попытались!

— Да, могла, — решительно заявила Каэрита, не отводя взгляда. — Несмотря на всю *ее* решимость и мужество, я могла остановить *ее*, милорд. И едва не сделала это.

— Тогда *почему*, Каэрита? — умоляюще спросил он — сейчас никакой не барон, не хозяин Западного округа, а всего лишь убитый горем отец. — Почему вы *не сделали* этого? Это разобьет Ханатхе сердце, как уже разбило мое.

— Потому что таково было *ее* решение, — ответила Каэрита. — Я не сотойка, Телиан, и не претендую на понимание ваших подданных и их обычаев. Но когда ваша дочь прискакала к моему костру, внезапно появившись из тьмы и дождя, она убегала не от вашей любви и не от любви Ханатхи. Она убегала к ним.

Долго сдерживаемые слезы заструились по изнуренному, небритому лицу Телиана. Каэрита почувствовала жжение в собственных глазах.

— Вот что она просила передать вам, — продолжала избраница Томанака. — Что она, наверно, никогда не сможет выразить, как сильно сожалеет, что своим поступком причинила боль вам и матери. Однако она также понимает, что это лишь первое сделанное ей предложение. Будут и другие, если вы откажете этому претенденту, Телиан, и вы знаете это. Точно так же, как знаете, что все эти предложения будут сделаны совсем не из тех соображений, которые могли бы *ее* устроить. Точно так же вы знаете, что не сможете отвергнуть их *все* — разве что заплатив за это заметной потерей политического влияния. Да, ей только четырнадцать, но она видит и понимает это. Поэтому она и приняла единственно, по *ее* мнению, возможное решение. Не только ради себя самой, но ради всех, кого любит.

— Но как она могла вот так оставить нас? — хриплым от волнения голосом воскликнул Телиан. — Теперь по закону все связи между нами полностью разорваны, Каэрита! У нее будет отнято все, что она имела. Почему вы позволили ей заплатить такую цену, чем бы она ни руководствовалась?

— Потому что она та, кто она есть, — ответила Каэрита. — Не «что» — не дочь барона, — а человек. Вы же сами вырастили *ее* такой. Слишком сильной, чтобы смиренно удовлетвориться в жизни ролью высокородной племенной кобылы для какого-нибудь Черного Холма. И слишком любящей, чтобы позволить кому-то вроде него и барона Кассана

использовать ее как оружие против вас. Вы с Ханатхой вырастили молодую женщину, достаточно сильную и любящую, чтобы отказаться от всех привилегий своего происхождения, пережить боль бегства от вас и даже еще более тяжкую боль от понимания того, что она разбивает ваши сердца. Не потому, что она глупа, обидчива или испорчена, — о нет! Она сделала это лишь из любви к вам обоим.

Слезы заливали лицо отца. Каэрита подошла ближе и положила руки ему на плечи.

— Что я могла сделать перед лицом такой любви, Телиан? — мягко спросила она.

— Ничего, — прошептал он, наклонил голову и ладонью накрыл лежащую у него на плече руку.

Они стояли так долго — целую вечность. Потом он глубоко вздохнул, легко сжал ее руку, поднял голову и смахнул слезы.

— Я от всего сердца хотел бы, чтобы она этого не делала, — сказал он уже спокойнее, но все еще очень тихо. — Я никогда не выдал бы ее замуж против воли, какую бы *политическую* цену ни пришлось за это заплатить. Полагаю, она понимает это?

— Думаю, что да, — печально улыбнулась Каэрита.

— Однако, как бы сильно я ни сожалел об этом, что сделано, то сделано. И вы правы — это решение, продиктованное не слабостью или трусостью. Поэтому, несмотря на всю боль и печаль, которую оно причинит мне и Ханатхе — и Лиане, — я горжусь ею.

Он покачал головой, как бы не веря собственным ушам, но все же повторил: — — Да, я горжусь ею.

— У вас есть для этого все основания. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, в глазах его отразилось что-то похожее на умиротворенность.

— Скажите ей... — Он замолчал, подыскивая нужные слова. Пожал плечами, видимо, осознав, что все очень просто. — Скажите, что мы любим ее. Скажите, что мы понимаем, почему она так поступила. И что если она передумает во время «испытательного срока», мы будем счастливы ее возвращению домой. Но также скажите ей, что решение принадлежит ей *самой*, а мы примем его и будем продолжать любить ее, чем бы все ни кончилось.

— Я передам. — Каэрита склонилась в полупоклоне.

— Спасибо вам, — сказал он и, к ее удивлению, хрипло рассмеялся. Каэрита вопросительно вскинула брови. — *Меньше* всего на протяжении последних трех дней я предполагал, что, нагнав вас, произнесу слова благодарности, госпожа Каэрита. Хотя вы и избранница Томанака, я собирался обойтись с вами очень круто!

— Будь я на вашем месте, милорд, — она криво улыбнулась, — я бы думала о палаче и плахе.

— Не стану утверждать, что такая мысль у меня не мелькала, — признался он, — хотя, несомненно, было бы трудно объяснить это Базелу и Брандарку. С другой стороны, я уверен — какую бы кару я для вас ни придумал, это ерунда по сравнению с тем, что я *должен* сделать, по мнению моих телохранителей. Все они глубоко преданы Лиане, и некоторые ни за что не поверят, что она выкинула такую штуку без поощрения со стороны. И наверняка будут винить вас. Кое-кто из моих слуг и вассалов воспримут ее поступок как бесчестье и оскорбление моему дому. И им тоже захочется найти того, кого можно обвинить.

— Следовало ожидать, — сухо сказала Каэрита.

— Беда в том, что это не будет способствовать улучшению вашей репутации в глазах всадников Сотойи, — предостерег он.

— Рыцари Томанака часто оказываются непопулярны, милорд. С другой стороны, как говорит Базел, «избранник делает то, что должен». Я должна была это сделать.

— Может быть, — согласился он, — но, надеюсь, что последствия содеянного не помешают тому, для чего прислал вас сюда Хранитель Равновесия.

— Пока все это происходило, милорд, — задумчиво произнесла Каэрита, — мне пришло в голову, что помощь Лиане была частью того, что мне предназначено сделать. Не знаю, почему, но *чувствую*, что поступила правильно, а я уже научилась доверять своим ощущениям в подобных случаях.

Судя по выражению лица Телиана, мысль, что какой-то бог, тем более Бог Войны, пожелал помочь его единственному ребенку сбежать к «девам войны», не особенно вдохновляла его. Каэрита не могла упрекнуть Телиана за это... По крайней мере, он достаточно вежлив, чтобы не облекать свои мысли в слова.

— Как бы то ни было, — продолжала она, — я буду счастлива передать Лиане все, что вы думаете о случившемся.

Благодарю вас, — повторил он и с легкой насмешкой огляделся по сторонам. — А сейчас, полагаю, мы должны пригласить бургомистра в ее собственный кабинет. Думаю, это проявление элементарной вежливости с нашей стороны — дать ей возможность убедиться, что мы не разорвали друг друга на клочки!

По крайней мере, Чемалка решила послать свои ливни с ураганами куда-то в другое место.

Эта мысль заставила Каэриту усмехнуться. Она стояла на балконе гостиницы в Калатхе, с кружкой чая, над которым поднимался пар, и смотрела в туманное раннее утро. Телиан и его телохранители отказались от гостеприимства «дев войны» и отбыли вчера, во второй половине дня. Каэрита была уверена, что барон отклонил предложение Йалит не потому, что сердился или обижался, хотя, без сомнения, испытывал эти чувства. Просто его возмущенные вассалы могли спровоцировать ссору, и трудно сказать, чем бы она закончилась.

Усмешка сменилась гримасой. Каэрита с ощущением покорности судьбе покачала головой и отпила еще глоток чаю. Телиан не зря предостерегал, что многие будут обвинять ее в том, что Лиана приняла такое решение. Сотойцы были слишком дисциплинированы, чтобы открыто проявлять свои чувства по поводу ситуации, публично одобренной их сеньором, но не требовалось быть магом, чтобы оценить степень враждебности взглядов, которые они бросали на Каэриту. Она надеялась, что их ярость не выплеснется на Базела и Брандарка, когда они вернутся в Бальтар. Если и так, однако, Базел сумеет с этим справиться. «И, без сомнения, сделает это, — с кривой улыбкой подумала она, — в своей неподражаемой манере».

Она пила чай, глядя, как солнце поднимается над раскисшими от грязи полями вокруг Калатхи. «День обещает быть теплым, — подумала она, — и солнце скоро разгонит туман!». В день своего прибытия она заметила тренировочную площадку и зал позади городской оружейной. Интересно, будет капитан охраны губернатора Йалит возражать, если она позаимствует что-нибудь на час-другой? Они с Лианой так стремительно скакали к цели, что ей было не до регулярных утренних упражнений. Кроме того, по слухам, ее техника двумечного боя знакома «девам войны». Если удастся уговорить кого-нибудь из них потренироваться с ней, может, она сумеет научиться чем-нибудь новому.

Покончив с чаем, Каэрита вернулась в комнату и поставила кружку на стол рядом с оставшейся от завтрака посудой. Посмотрелась в маленькое зеркало над камином — неожиданная, очень дорогая, даже роскошная вещь. Спать в гостиничной постели было на редкость приятно, но еще больше удовольствия доставила рыцарю общая купальня. Теперь она снова обрела человеческий облик, решила Каэрита, хотя пройдет не меньше часа, прежде чем длинные иссиня-черные волосы высохнут. Большая часть одежды все еще где-то в городской прачечной, но в седельных сумках осталась вполне приличная и, по крайней мере, чистая смена. Немножко помялась и кое-где топорщится, но, в общем и целом, выглядит неплохо, решила Каэрита.

Что может сослужить ей неплохую службу, учитывая предстоящий разговор с Йалит.

«А может, и нет», — уныло подумала она.

— Спасибо, что согласились принять меня так рано, бургомистр, — сказала Каэрита, когда Шаррал провела ее в кабинет Йалит и она уселась в предложенное кресло.

— Не стоит благодарности, — оживленно ответила Йалит. — Вы, конечно, привезли

мне горячую картофелину в виде Лианы — что, уверяю вас, не вызвало у меня восторга, но для любого рыцаря мы готовы сделать все, что в наших силах, госпожа Каэрита. Хотя я в некотором недоумении. Что избранница Томанака делает здесь, в Калатхе? Конечно, Лиана — девушка высокого происхождения, и все же еще не было случая, чтобы желающую стать «девой войны» приводил к нам избранник. А если бы это произошло, я скорее ожидала бы увидеть одного из служителей Матери.

— Да, вы правы, — ответила Каэрита. — Я уже находилась по дороге в Калатху, когда Лиана догнала меня.

— В самом деле?

В тоне Йалит сквозил вежливый интерес, не удивление — и, как показалось Каэрите, некоторая настороженность.

— Да. — Она подняла лежащую на ручке кресла левую руку открытой ладонью вверх. — Не знаю, Йалит, насколько близко вы знакомы с избранниками и с тем, каким образом мы получаем указания.

В ее тоне тактично прозвучал оттенок вопроса, и Йалит улыбнулась.

— Я никогда напрямую не имела дела с избранниками, если вы это имеете в виду, — ответила она. ~ Как-то мне довелось встретить стартовую служительницу Матери, но я тогда была слишком молода и, уж конечно, еще не стала бургомистром. В те времена никому не приходило в голову интересоваться, как именно она получает указания от Лиллины. Думаю, Мать каким-то образом добивается исполнения своих желаний и намерений. Почему-то мне кажется, что Томанак и другие боги действуют так же.

— Несомненно, — с кривой улыбкой согласилась Каэрита. — Что касается Томанака, у него свои особые методы для каждого избранника. В случае со мной возникает... ну, такое *чувство*, что я должна двигаться в определенном направлении или задуматься над определенной проблемой. По мере приближения к той цели, которую поставил передо мной *он*, я обычно получаю более конкретные указания.

— Видимо, это невозможно без очень глубокой веры, — заметила Йалит и тут же сморщила нос, удивленная тем, что у нее вырвались такие слова. — Думаю, вера избранника вообще должна быть глубже той, которая присуща обычным людям?

— Да, без этого не обойтись, — согласилась Каэрита. — Так вот, все началось с возникновения ощущения, будто *он* хочет, чтобы я двигалась в этом направлении.

Насколько я в тот момент оказалась в состоянии расшифровать его указания, он имел в виду Калатху.

— И не только ради того, чтобы проводить сюда Лиану, надо полагать.

— Нет. Перед тем как покинуть Бальтар, я побеседовала с бароном Телианом, бургомистр. Судя по отчетам его управляющих и других должностных лиц, у меня сложилось впечатление, что отношения между вашим городом и соседями... ну, не настолько хороши, как могли бы быть.

— По мне, это еще очень тактично сказано.

Едкой иронии в голосе Йалит хватило бы, чтобы растворить утренний туман и без воздействия солнца. Несколько мгновений она молча сверлила Каэриту взглядом, потом откинулась в кресле и сложила на груди руки.

— На самом деле мы и наши «соседи» просто кипим от злости друг на друга. Хотя, конечно, и я, и городской совет уверены, что мы правы, а они нет. Надеюсь, вы простите меня, но я не в силах понять, с какой стати наши разногласия и ссоры могут интересовать Томанака. Наверняка у него есть дела поважнее, чем делать своих рыцарей посредниками в схватках, продолжающихся десятилетиями. Кроме того, при всем моем уважении я думаю, что проблемы «дев войны» — дело Лиллины, а не Бога Войны.

— Прежде всего, — — спокойно ответила Каэрита, — Томанак — Бог Справедливости, а не только Бог Войны. И, судя по отчетам Телиана, в данном случае речь идет как раз о «справедливости». Во-вторых, согласно тем же отчетам, между «девами войны» и их соседями происходит нечто более сложное, чем обычные раздоры.

Йалит, казалось, не слишком понравилось упоминание о Томанаке — или скорее тот факт, что в качестве Бога Справедливости он может иметь вполне законный интерес в вопросе, который она считала прерогативой Лиллиары. Однако высказываться по этому поводу Йалит не стала. Пока, по крайней мере.

— Возможно, сейчас тут и впрямь творится что-то еще, — недовольным тоном согласилась она. — Вообще-то Тризу из Лорхэма никогда не питал симпатии к «девам войны». Как и его отец. Но старик, по крайней мере, понимал, что мы никуда не уйдем, и что ему следует научиться жить бок о бок с нами. Тризу унаследовал его титул три года назад, он молод и... нетерпелив. Мне иногда кажется, будто он и впрямь верит, что сумеет избавиться от нас, доставив нам побольше неприятностей. Например, мы просто, — она помахала в воздухе пальцами, — исчезнем и оставим его в покое. — Она состроила гримасу и покачала головой. — С другой стороны, даже Тризу не кажется мне настолько тупым, чтобы действительно думать, будто так все и случится. А это означает, что он валяет дурака по какой-то другой причине. Я объясняю это его незрелостью и дурным нравом. От всей души надеюсь, что со временем он просто перерастет их. — При всем моем уважении, бургомистр Йалит, — как можно более ровно и твердо сказала Каэрита, — судя по его отчетам и жалобам, обращенным к барону Телиану, он, видимо, считает, что у него есть законные основания для недовольства Калатхой. — Увидев, что Йалит прищурила глаза, она умиротворяющим жестом вскинула руку. — Я не говорю, что вы ошибаетесь, его поведение наверняка продиктовано враждебными чувствами; судя по тону его посланий, так оно и есть. Я просто хочу сказать: он настаивает на законных основаниях для недовольства, помимо того факта, что он вам не симпатизирует.

— Мне это известно, — холодно ответила Йалит. — Я наслышана о его претензиях на воду и пастбища, и, честно говоря, меня от них уже тошнит. Хартия Калатхи недвусмысленно дарует нам контроль над рекой, поскольку она протекает по нашей территории. И что мы с ней делаем, касается нас, но никак не его. А если он хочет сделать доступной для себя большую, чем сейчас, часть *нашей* воды, пусть, в свою очередь, пойдет на некоторые уступки.

Каэрита кивнула — в знак понимания, не согласия; хотя она сомневалась, что Йалит почувствовала разницу. Учитывая, какое количество воды падало с неба на протяжении последних недель, спор между Калатхой и самым влиятельным местным аристократом из-за прав на воду казался смехотворным. Каэрита, однако, первые годы своей жизни провела среди крестьян и прекрасно понимала, как отчаянно может обостриться эта проблема, когда сырая весна сменится жарким, сухим летом. С другой стороны, вполне возможно — и даже весьма вероятно, — что спор из-за воды был проявлением другой, гораздо глубже укоренившейся вражды.

— Из докладов, представленных управляющим Телиана, — заговорила Каэрита после небольшой паузы, — кажется очевидным, что Тризу оспаривает честность и недвусмысленность вашего права на реку. Очевидно, он рассчитывает привести какие-то веские аргументы, когда попытается убедить суд решить дело в его пользу. Я не утверждаю, что у него и в самом деле есть такие неоспоримые аргументы; просто, по-видимому, он *верит* в это.

Йалит презрительно фыркнула, но не произнесла ни слова.

— Если быть честной, — продолжала Каэрита, — в данный момент меня больше интересуют «уступки», о которых вы только что говорили. Тризу жалуется Телиану, что «девы войны» настроены враждебно и отвергают все его усилия решить спор мирным путем. Насколько я знаю, он не приводит никаких конкретных примеров этой враждебности и конфронтации. Как вам кажется, может, дело в уступках, которых вы добиваетесь от него?

— Враждебность? — проворчала Йалит. — Да, по отношению к *нему* я буду вести себя враждебно! Достаточно мы были умеренны и благоразумны, имея дело с таким тупоумным, жадным, упрямым, самоуверенным молодым идиотом!

Вопреки собственному желанию, Каэрита не смогла сдержать улыбки. Ярость Йалит

облегчала положение, поскольку свидетельствовала о том, что ее ненависть к Тризу укоренилось глубже и пылает жарче, чем ей хотелось признаться Каэрите... или, возможно, самой себе. И, уж конечно, даже человек несравненно более уравновешенный, чем Тризу, не мог бы не почувствовать острую враждебность со стороны «дев войны».

~ Ничего существенного, — ответила Йалит. — По крайней мере, так нам кажется. Мы хотим получить право прогонять коней через его пастбища; шесть или семь лет назад мы лишились этого права. Мы хотим заключить официальное соглашение о том, как в сухие сезоны будет делиться и доставляться речная вода. Мы хотим получить гарантию, что продукты, выращиваемые нашими крестьянами, и сами крестьяне будут иметь равный со всеми остальными доступ на местные рынки, не подвергаясь гонениям со стороны его перекупщиков и чиновников. И еще мы хотим окончательного и безоговорочного подтверждения тек привилегий, которые мы получили благодаря королевской хартии и дарственной лорда Келлоса — *всех* без исключения.

— Понимаю.

Каэрита откинулась в кресле, обдумывая услышанное. Первые три пункта и впрямь, казалось, не содержали в себе ничего «существенного». Она слишком хорошо знала, как просто и разумно можно изложить взгляд на спорную проблему, и все же склонялась к мысли, что непреодолимые преграды, приведшие к конфронтации «дев войны» и лорда Лорхэма, кроются в четвертом пункте.

— Какие конкретно привилегии оспариваются? — спросила она наконец.

— Их несколько. — Йалит состроила гримасу. — В хартии четко обозначено, от каких обязательств перед местными лордами освобождаются «девы войны», и, честно говоря, старшие Тризу, отец и дед нынешнего, в общем и целом, придерживались их. Правда, они противились тому, чтобы наши ремесленники и крестьяне имели такой же, как все прочие, доступ на рынки. Это очень плохо, тем более что такое отношение сохраняется на протяжении многих поколений. Тем не менее мы научились как-то с этим жить. Однако несколько лет назад возникло новое разногласие — из-за прав на воду, о которых я уже говорила, и неприкосновенности земель, дарованных нам лордом Келлосом. Он четко обозначил границы и бросающиеся в глаза приметы местности, но семья Тризу и, если уж на то пошло, некоторые другие местные лорды, хотя и в меньшей степени, постоянно нарушали эти границы. Отец Тризу взял и построил мукомольную мельницу прямо на нашей земле, и Тризу не желает признавать, что лорд Дархал поступил неправильно. Более того, он твердит, что эта земля принадлежит ему и *всегда принадлежала ему*, вопреки тому, что, согласно дарственной, граница проходит почти на полмили дальше мельницы. И это лишь один пример грубого нарушения границ наших владений.

Она перевела дыхание.

— Хартия также недвусмысленно освобождает нас от уплаты пошлины за использование дорог Лорхэма. Лорд Келлос и прапрапрадед Тризу время от времени проводили через наши земли свои конные отряды, и в качестве компенсации за это лорд Ратман даровал нам освобождение от пошлин. Однако около тридцати лет назад отец лорда Тризу начал требовать с нас плату. По общему согласию, мы не заостряли эту проблему, поскольку пошлины лорда Дархала были весьма умеренны. Более того, они шли исключительно на поддержание дорог, по которым мы перевозили свои товары и изделия. Однако, едва став лордом Лорхэма, Тризу стал повышать пошлины. Надо полагать, он таким образом хочет получить добавочный доход, сверх стоимости поддержания дорог в приличном состоянии. Долгие годы мы по доброй воле платили пошлину, от которой освобождены по закону, полагая, что эти деньги идут на ремонт дорог, а это выгодно и нам, и Лорхэму. Однако способствовать обогащению Тризу мы не намерены, тем более что он оспаривает наше право на воду и другие законные права. Есть и еще несколько менее значительных спорных моментов. В основном они носят процедурный характер и, честно говоря, по большей части не стоят того, чтобы ломать из-за них копья. Однако они являются

частью наших разногласий, и мы не собираемся отказываться от них без встречных уступок. Кроме того, среди этих сравнительно маловажных проблем существует одна принципиальная.

Бургомистр замолчала. Каэрита вопросительно вскинула брови.

— Хартия ясно и недвусмысленно гарантирует нашим ремесленникам, крестьянам, торговцам и всем прочим гражданам Калатхи и других вольных городов, которые могут быть основаны в дальнейшем, те же самые права, что и другим гражданам королевства, независимо от того, мужчины они или женщины. Тризу, видимо, полагает, что к Лорхэму это не относится.

— В каком смысле? — Нахмурившись, Каэрита наклонилась вперед.

— На местных рынках то и дело досаждают нашим крестьянкам и лавочницам, и служащие Тризу не пресекают этого. — Йалит махнула рукой. — Самими враждебными выходками можно было бы пренебречь — всегда находятся фанатичные крестьяне или горожане, которых бесит вид женщин, делающих «мужскую» работу. «Девы войны» не могут позволить себе быть чересчур обидчивыми, когда такое происходит. Гораздо серьезнее характер проявлений этой нетерпимости.

— И какие же возникают проблемы?

— Имели место... инциденты, касающиеся храма Лиллиары в Куайсаре, — ответила Йалит.

Чувствовалось, что она тщательно подбирает слова и с трудом сдерживает kloкочущий внутри гнев. Ей потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки.

— Как последовательница Томанака, не Лиллиары, вы, возможно, не знаете, что храм в Куайсаре имеет для Матери особое значение. Он не слишком велик, но очень стар. Сам Куайсар — маленький городок, на протяжении последних пятидесяти — шестидесяти лет он медленно умирает. Сейчас осталось лишь то, что, так или иначе, связано с храмом. Однако куайсарский храм всегда был особенно важен для «дев войны» — как и Калатха, несмотря на ее малые размеры, — потому что именно в Куайсаре была официально провозглашена первоначальная хартия Гартхи. Можно сказать, Куайсар — «мать хартии» всех «дев войны», где бы они ни проживали, а Калатха — «мать вольных городов». К несчастью, Куайсар находится в Лорхэме. Если уж на то пошло, сама Калатха была дарована «девам войны» как раз потому, что этот город расположен рядом с Куайсаром.

— Я не знала об этом, — пробормотала Каэрита. — Телиан сказал, что Калатха — старейший вольный город, но о Куайсаре и его значении для вас я ничего не знала.

— Вы и не должны знать, — заметила Йалит. — Мы хотели бы включить Куайсар в сферу охвата хартии. К сожалению, лорды Лорхэма никогда не испытывали к нам такой симпатии, как лорд Келлос. Впрочем, мы не придавали этому особого значения, учитывая независимость храма и уважение к нему. Одобряют Тризу и его предки «дев войны» или нет, ни один человек в здравом уме не посмеет потревожить или оскорбить храм *любого* бога... или богини. По крайней мере, так мы думали.

— Вы хотите сказать, что он *сделал* это? — резко спросила Каэрита.

— Я хочу сказать, — мрачно ответила Йалит, — что он неоднократно демонстрировал свое неуважение — я бы даже сказала, презрение — по отношению к храму в Куайсаре. Оскорблял Глас Куайсара в личных беседах. Давал понять, что для него не имеет значения, говорит она от имени Матери или от своего собственного. Хоть и не решаясь высказать это открыто, намекал, что вообще не верит, что она *разговаривает* с Матерью.

Каэрита была потрясена. Правители часто выказывают недостаточное почтение и уважение к чужим богам, и существует множество людей, убежденных, что истинны только их бог или богиня. Однако каким нужно быть идиотом, чтобы открыто демонстрировать презрение и неуважение, о которых говорила Йалит? Неважно, во что он сам верит или не верит. Такое поведение наверняка задевает и возмущает его подданных.

— Это достаточно скверно само по себе, — ровным голосом продолжала Йалит, — но это еще не все. Глас Куайсара направила ко мне двух служанок с сообщениями. Они так и не

прибыли.

На этот раз Каэрита была просто в шоке.

— Бургомистр Йалит, вы хотите сказать...

— Не думаю, что Тризу лично имеет какое-то отношение к их исчезновению, — прервала Йалит Каэриту. — Будь у меня доказательства — или хотя бы убедительные свидетельства этого, — уверяю вас, я бы уже обвинила его перед бароном Телианом или даже потребовала, чтобы дело расследовал королевский обвинитель. Однако я убеждена, что тот, кто это сделал, наверняка разделяет отношение Тризу к «девам войны», иначе он не решился бы на подобное безумие. Скорее всего, он уловил намек Тризу и поспешил угодить хозяину. И меня ни в коей мере не устраивает так называемое «расследование» этого инцидента, предпринятое Тризу. Он якобы не обнаружил *никаких* свидетельств преступления по отношению к служанкам Гласа. Более того, он зашел так далеко, что высказал предположение, будто они вовсе и не исчезали. Что вся история сфабрикована.

Каэрита нахмурилась. В отчетах Телиана не было ни единого упоминания об этом инциденте. В свете того, о чем только что рассказала Йалит, пробел производил зловещее впечатление.

— Глас не смогла сама разобраться, что произошло с ее служанками? — спросила Каэрита.

— По-видимому, нет. — Йалит тяжело вздохнула. — Ей удалось лишь выяснить, что обе мертвы. Как они погибли и где именно, она сказать не может.

Дрожь пробежала по спине Каэриты. Убийство посвященных служительниц любого храма, и в особенности связанных непосредственно с Гласом Лиллинары, представляло собой невероятно тяжкое преступление. И больше всего ее напугало, что Тризу в поисках виновных не перекопал Лорхэм буквально камень за камнем.

«Может быть, это и есть причина, по которой Томанак направил сюда одного из своих избранных», — мрачно подумала она.

— Как давно это произошло?

— Не очень давно, — ответила Йалит и взглянула на висящий на стене календарь. — Чуть меньше шести недель назад.

Каэриту немного отпустило. Если убийство произошло так недавно, не исключено, что в отчетах Тризу не упоминалось о нем, поскольку он еще не закончил собственное расследование. В конце концов, преступление совершено в Лорхэме, и именно Тризу несет ответственность за его расследование. Если бы он не справился, то имел бы право — и, по мнению многих, даже должен был — обратиться за помощью к своему сеньору. Возможно, покамест он просто надеялся на свои силы.

«Конечно. Видимо, он до сих пор *надеется на себя*», — мысленно сказала Каэрита.

И тот факт, что все произошло так недавно, без сомнения, объяснял, почему Телиану ничего не сообщили ни Йалит, ни Глас Куайсара. Калатхе была дарована королевская хартия. Это означало, что, в отличие от Тризу, Йалит *не* является вассалом Телиана и не обязана ни о чем докладывать ему. Как и Телиан по закону не обязан предпринимать какие-либо действия, даже если получает от нее сообщения, хотя, без сомнения, он не остался бы в стороне от столь серьезного дела, в которое был или мог быть вовлечен его вассал. Что касается Гласа, ей следовало обращаться в поисках справедливости именно к Тризу. Вот если он потерпит неудачу со своим расследованием, тогда она получает право апеллировать к *его* сеньору.

— Может, теперь вы понимаете, почему я удивилась, увидев избранницу Томанака, а не служительницу Матери, — сказала Йалит.

— Честно говоря, я и сама немного удивлена, — признала Каэрита.

Вообще-то в глубине души она считала, что служительницы Лиллинары стремились бы не столько к восстановлению справедливости, сколько к отмщению. И все же она в самом деле удивилась, что Лиллинара не прислала на помощь одну или даже несколько своих служительниц. Серебряная Леди была знаменита тем, что не оставляла преступления против

своих последовательниц безнаказанными.

— Может быть, — медленно продолжала Каэрита, размышляя вслух, — если враждебность Тризу по отношению к «девам войны» зашла так далеко, что вылилась в публичное оскорбление Лиллины, Она и Томанак решили, что лучше послать сюда кого-то из *его* избранников. Тот факт, что я женщина, делает меня более приемлемым судьей для «дев войны» и Гласа, а тот факт, что я служу Томанаку, заставит прислушаться ко мне Тризу, *несмотря* на то, что я женщина.

— Надеюсь, госпожа Каэрита, — угрюмо сказала Йалит. — Потому что если ситуация в Калатхе и Лорхэме не улучшится в самое ближайшее время, она может просто взорваться. Статус Калатхи как старейшего вольного города означает, что все «девы войны» пристально следят за тем, как здесь развиваются события, миледи, и я только что объяснила вам, почему Куайсар так важен для всех нас. Если Тризу и ему подобные сумеют самоуправством взять верх над нами здесь, это может подтолкнуть их к попыткам проделать то же самое в другом месте. Это будет скверно, конечно, но, по правде говоря, гораздо больше меня беспокоит реакция самих «дев войны». Давайте будем честны. Большинство из нас не питают добрых чувств к представителям власти, и если Тризу очень постарается, эта позиция только окрепнет. Уверяю вас, что, по крайней мере, некоторые «девы войны» предубеждены против всех Тризу в мире несравненно больше, чем Тризу был когда-либо предубежден против нас. И такие женщины могут начать открытое сопротивление, если сочтут, что справедливость попрана. Тогда все, чего мы добились на протяжении более чем двухсот пятидесяти лет, окажется под угрозой.

Каэрита кивнула. Голубые глаза потемнели, когда она представила себе раскручивающуюся спираль недоверия, враждебности и насилия.

— Ну, в таком случае, бургомистр, — сказала она, — мы просто должны сделать все, чтобы этого не случилось, не так ли?

Замок Талар, родовое гнездо Боевых Секир, правителей Лорхэма, выглядел несравненно скромнее Замка Стража Холмов. Да и сам городок Талар (назвать его «городом» было бы большим преувеличением) был не в пример меньше Бальтара. Тем не менее замок, с его двойной крепостной стеной и массивной центральной башней, выглядел достаточно древним. Опытный взгляд Каэриты подметил, что внешняя стена была, по крайней мере, на два столетия моложе главной цитадели.

Ничего хотя бы отдаленно намекающего на изящество в архитектуре замка не наблюдалось. Все плоскости пересекались под прямыми углами — так, чтобы у лучников, которые в смутные времена занимали позиции на зубчатой стене, открывался широкий обзор. Кому бы ни принадлежал замысел строительства — если вообще слово «замысел» имело какое-то отношение к процессу создания цитадели, — этот человек заботился вовсе не о том, чтобы противостоять врагу, имеющему тяжелые осадные орудия. Расположенный на заметно выраженном склоне холма, поднимающегося на восток, он был практически беззащитен перед баллистами того типа, которые использовала, скажем, империя Топора. Ров тоже отсутствовал. Холм, на котором построили замок, выглядел насыпным, а следовательно, более уязвимым для минирования.

Конечно, размышляла Каэрита, поднимаясь по некрутому склону в направлении Талара, люди, строившие этот замок, скорее всего, считали врагами своих же соотечественников сотовцев или, возможно, градани. Ни те, ни другие в силу некоторых особенностей не могли воспользоваться преимуществами относительно слабой обороны замка. Сотовцы в основном ориентировались на кавалерию, а тактика градани вообще никогда не отличалась сложностью.

При небольших, по сравнению с Бальтаром, размерах Талар выглядел сравнительно процветающим. Домов выше двух этажей было мало, но все жилища поддерживались в хорошем состоянии. Несмотря на непрекращающиеся весенние дожди, крестьяне сумели распахать поля, и на фоне жирного чернозема уже виднелись первые зеленые ростки. И,

конечно, тут было множество загонов, кольцевых площадок для выезда лошадей и конюшен.

Те, кто работал на полях, заметив Каэриту, останавливались и провожали ее взглядами. Как и сам Талар, они выглядели приземистыми и сытыми, если не зажиточными. Почти вопреки собственному желанию, Каэрита вынуждена была признать, что, несмотря на другие промахи Тризу, о своих людях и владениях он заботился превосходно.

Ведущая к замку дорога чуть получше, чем та, раскисшая от грязи, по которой Каэрита скакала по Равнине Ветров. И сама рыцарь, и Тучка были благодарны за это. Предчувствуя конец пути, кобыла прибавила шагу. Без сомнения, она уже с нетерпением предвкушала теплое стойло и ведро с овсом и отрубями.

Эта мысль заставила Каэриту негромко рассмеяться. Добравшись до сторожки у ворот и услышав звук рога, она натянула поводья. Звук рога...

Она вопросительно вскинула брови. Это был сигнал, требование остановиться и представиться — что, мягко говоря, было необычно по отношению к одинокому всаднику. Мельком бросив взгляд на стену, она разглядела там шесть лучников и решила, что в таких обстоятельствах стоит проявить уступчивость.

Каэрита подняла голову и увидела появившегося на стене мужчину в украшенном гребнем офицерском шлеме.

— Кто вы? Что вам нужно в замке Талар? — закричал офицер низким гнусавым голосом.

Этот голос звучал так — от природы, по-видимому, — словно мужчина раздражен и в плохом настроении. Не повезло бедняге, подумала Каэрита.

— Я рыцарь Каэрита, дочь Селдана, — ответила она своим ясным, чистым сопрано, стараясь сдерживать улыбку, поскольку на лице офицера, услышавшего женский голос, возникло выражение удивления. — Избранница Томанака, — продолжала она, сдерживая смех, поскольку хорошо представляла, какое впечатление произвело *последнее* сообщение. — Я здесь, чтобы встретиться с лордом Тризу по делам Бога Войны. — Закончив, она откинулась в седле, ожидая результата.

Наверху зубчатой стены, казалось, все замерло. Потом офицер вздрогнул всем телом и отдал приказ одному из лучников. Даже не кивнув в знак подтверждения приказа, тот бросился бежать. Офицер повернулся к Каэрите.

— Как вы сказали? Избранница Томанака? — напряженно спросил он.

— Да, именно так, — ответила Каэрита. — И я все еще жду, чтобы меня пропустили, — многозначительно добавила она.

— Ну, конечно... — взволнованно пробормотал офицер.

И замолчал. Ясное дело, он понятия не имел, как вести себя, столкнувшись с этим нелепым и явно лживым заявлением женщины, что она не только рыцарь, но еще и избранник Томанака! Каэрита его понимала, но от всей души надеялась, что средний умственный уровень офицеров и слуг Тризу все-таки повыше, чем у этого чудика.

— Я сорву голос, перекикаясь тут с вами, — сказала она кротко и увидела, как краска залила лицо незадачливого офицера.

Отвернувшись к сторожке, он закричал:

— Открыть ворота!

Петли застонали, когда кто-то начал послушно растаскивать в стороны тяжелые створки ворот.

Сложив руки на передней луке седла, Каэрита терпеливо ждала. Когда ворота полностью открылись, она в знак благодарности кивнула взволнованному офицеру и мягко сжала пятками бока Тучки. Кобыла вскинула голову, как бы не меньше своей хозяйки забавляясь очевидным смятением, вызванным их приездом, и двинулась вперед с изящной, чисто женской грацией.

Когда Каэрита одолела примыкающий к воротам туннель, незадачливый офицер ждал ее во дворе. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что он настроен не столь враждебно, как ей показалось вначале. Ничего удивительного, подумала она.

Для сотойца он был необычно смугл. Взгляд его карих глаз намертво приковали к себе богато украшенный меч, жезл Томанака и украшенное кружевом с золотой нитью пончо Каэриты. Судя по выражению лица офицера, огнедышащий дракон и то показался бы ему менее противоестественным, однако он, по крайней мере, изо всех сил старался сделать вид, что не произошло ничего необычного.

— Простите мне мою кажущуюся непочтительность, госпожа... Каэрита, — сказал он.

Чувствовалось, что он не уверен, правильно ли произнес ее имя, и она любезно кивнула, как бы принимая его извинения и подтверждая, что он все говорит, как надо.

— Мы тут в Лорхэме, — офицер на удивление искренне улыбнулся, — не привыкли видеть избранников Томанака.

— Нас не так уж много, — ответила Каэрита добродушно, как бы соглашаясь, что это и есть истинная причина его смущения.

— Я послал лорду Тризу сообщение о вашем прибытии, — продолжал он. — Уверен, он захочет сам встретить вас у ворот, чтобы приветствовать подобающим образом.

«Или вышвырнуть меня за ворота, если решит, что никакой я не рыцарь, — про себя добавила Каэрита. — Хотя, полагаю, это было бы невежливо».

— Благодарю, капитан... М?

— Простите! Я сегодня начисто забыл о манерах! Меня зовут сэр Альтарн.

— Благодарю, сэр Альтарн, — сказала Каэрита. — Мне по душе, как ревностно вы относитесь к исполнению своих обязанностей.

Слова были вежливые, но сэр Альтарн, видимо, почувствовал, что она его слегка поддразнивает. В одно мгновение он снова покраснел, а потом, к удивлению Каэриты, покачал головой и улыбнулся.

— Полагаю, я это заслужил, — сказал он. — Но, по правде говоря, госпожа Каэрита, я редко выгляжу таким тупицей, как нынешним утром.

— Охотно верю. — К собственному удивлению, она почувствовала, что это правда.

— Спасибо. Надеюсь, у меня еще будет возможность продемонстрировать, что я не всегда разговариваю так, будто жую собственный сапог. Или, по крайней мере, обычно помню, что сначала нужно снять с него шпоры!

Он засмеялся собственной шутке так естественно, что Каэрита рассмеялась тоже. Не исключено, что он и вправду интересный человек, подумала она.

— Уверена, у вас будет такой шанс. Собственно, я...

Она оборвала фразу, заметив четырех человек, направляющихся к ним от центрального донжона. Тот, что впереди, по-видимому, Тризу, подумала она, — так уверенно, даже высокомерно он держался. Светлые волосы, серые глаза, смуглая кожа. Очень молодой, лет двадцати четырех — двадцати пяти. Как практически все сотойцы знатного происхождения, которых доводилось встречать Каэрите, он был чуть выше шести футов. Что отличало его от других, так это массивное телосложение. Большинство всадников Сотойя — вроде сэра Альтарна или барона Телиана — выглядели худощавыми и мускулистыми, однако у Тризу Боевой Секиры плечи относительно роста были почти так же широки, как у Брандарка. Он, наверно, рассудила рыцарь, весит около трехсот фунтов — и ни унции жира.

Он был не вооружен, если не считать свисающей с пояса сабли с украшенной драгоценными камнями рукоятью, в гравированных золотом черных ножнах. Два человека у него за спиной — очевидно, телохранители — носили стальные нагрудники и кожаные доспехи, характерные для лучников Сотойи.

— Вот как, значит! — Тризу резко остановился и, засунув руки за пояс, сердито посмотрел на Каэриту.

Глядя на него с седла Тучки, она самым своим молчанием как бы осуждала его за резкость. Он, однако, остался глух к невысказанному упреку, поскольку единственной его реакцией была натянутая, лишенная всякого намека на юмор улыбка.

— Вы утверждаете, что вы избранник Томанака, так?

— Я ничего не «утверждаю», милорд, — ответила Каэрита подчеркнуто вежливо, но не

без колкости. И тонко улыбнулась. — Нужна женщина похрабрее меня, чтобы пытаться выдать себя за *его* избранника, не будучи им. Не думаю, чтобы *ему* это понравилось, как вам кажется?

Что-то промелькнуло в серых глазах Тризу — искорка гнева, может быть? Или даже юмора? Что бы это ни было, оно тут же погасло, и лорд фыркнул.

— Храбрее? Да, наверно. Хотя, может быть, здесь уместнее слово «глупее» или даже «тупее». Что скажете?

— Не исключено, — ответила Каэрита. — Тем временем, милорд, у меня возникает вопрос. Держать путешественницу во дворе — это входит в понятие лорхэмской вежливости?

— В обычных обстоятельствах нет, — холодно ответил он. — Думаю, вы согласитесь, однако, что женщину, объявляющую себя рыцарем и избранником бога, вряд ли можно счесть обычной путешественницей.

— На Равнине Ветров — да, пожалуй, — сказала Каэрита с равной холодностью, и в первый раз его лицо вспыхнуло.

Хотя сдаваться он явно не собирался.

— Возможно, это верное замечание, миледи, однако на данный момент вы на Равнине Ветров, а здесь заявления, подобные вашему, не просто необычны, но неслыханны. С учетом всех обстоятельств надеюсь, вы не сочтете слишком невежливым, если я потребую доказательств, что вы действительно та, за кого себя выдаете. — Тризу снова улыбнулся. — Уверен, Орден Томанака предпочитает, чтобы люди с осторожностью относились к тем, кто необоснованно объявляет себя одним из его избранников.

— Понимаю.

Каэрита устремила на него долгий, задумчивый взгляд. Базелу повезло, подумала она, Томанак наградил его даром просто вызывать свой меч в случае необходимости. Таким способом Базел всегда с легкостью мог продемонстрировать свою принадлежность к избранникам Бога Войны. К сожалению, ее кинжалы, хоть и обладающие некоторыми необычными свойствами, упрямо оставались в ножнах, сколько бы она ни свистела и не щелкала пальцами, призывая их. Приходилось вытаскивать их самой, а это далеко не так эффектно.

— Я прибыла из Бальтара, — заговорила она после паузы, — где барон Телиан был настолько добр, что предложил мне свое гостеприимство и подарил вот эту красавицу. — Она погладила шею Тучки и еле заметно улыбнулась, впервые увидев в серых глазах слабый проблеск неуверенности. — Он также снабдил меня письмами, где представляет меня и выражает пожелание, чтобы мне была оказана помощь при исполнении моей миссии. — В серых глазах насмешки явно поубавилось, с удовлетворением отметила она. — И если в вашем замке имеются раненые или больные, я могу продемонстрировать свою способность исцелить их. Или, — она посмотрела прямо в глаза Тризу, — если вы настаиваете, я могу сразиться с тем, кого вы для этой цели выберете. В этом случае, однако, вряд ли вы в ближайшее время сможете рассчитывать на его службу.

Лицо Тризу окаменело, помрачнело и как бы мгновенно состарилось. «Люди, характеризующие его как консерватора, явно страдали недостаточным воображением», — подумала Каэрита.

Однако мозги у него, несомненно, были. Несмотря на всю свою злость, он не мог позволить себе проявить *бездумную* реакцию и потому заставил себя расслабиться.

— Если вы предоставите письма, о которых говорили, — с похвальным чувством собственного достоинства (учитывая все обстоятельства) возвестил он, — это будет для меня более чем удовлетворительным доказательством, миледи.

— Вы очень обходительны, милорд. — Каэрита слегка наклонила голову. — В то же время, если здесь есть раненые или больные, помочь им для меня и долг, и удовольствие.

— Очень любезно с вашей стороны, миледи, — сказал Тризу все еще напряженно, но с первым искренним оттенком теплоты. — Прошу вас спешиться, госпожа Каэрита. Мой дом

— ваш дом, и, надеюсь, мне удастся исправить сложившееся у вас невыгодное впечатление обо мне.

Первое впечатление, произведенное на Каэриту сэром Альтарном, оказалось ошибочным. К несчастью, этого нельзя было сказать о лорде Тризу, несмотря на все его обещания.

Дело не в том, что Тризу был глуп; просто предвзятые мнения настолько довели над ним, что он буквально отключал свои мозги, когда речь заходила о чем-то уже решенном. Теперь Каэрита прекрасно понимала, почему Йалит и ее «девам войны» было трудно иметь с ним дело. Сколько ни принуждай себя быть дипломатичным и благоразумным, трудно помнить об этом намерении, когда хочется одного — задушить сидящего по ту сторону стола переговоров упрямого, нетерпимого, предубежденного, реакционного до мозга костей молодого сотойца.

Врожденный ум Тризу никогда не бросал вызов его предубеждениям, потому что фактически они подчинили его себе. Это не мешало ему быть прекрасным управляющим — о чем свидетельствовало состояние его земель и живущих на них людей, — однако оказывалось серьезной помехой, когда ему приходилось иметь дело с людьми или обстоятельствами, которые нельзя было подогнать под сложившуюся схему.

«Может, сейчас как раз самое время хорошенько встряхнуть его», — думала Каэрита, сидя справа от Тризу за высоким столом в огромном зале Талара.

— Боюсь, гостеприимство, которое может предложить Талар, не идет ни в какое сравнение с тем, что вы встретили в Бальтаре. — Тризу вежливым тоном говорил вежливые слова, но в глазах его мерцал вызов.

А может, и нет. Весьма вероятно, напомнила себе Каэрита, что ее собственная предубежденность заставляет ее приписывать ему ложные позиции и мотивы.

— Да, Бальтар значительно больше Талара, милорд, — ответила она. — Однако мой опыт показывает, что сами по себе размеры еще не гарантируют гостеприимства и любезного обхождения с гостями. С этой точки зрения гораздо большее значение имеет любезность хозяина. Не сомневаюсь, в Таларе все будет сделано для моего удобства.

Напыщенность этого заявления заставила ее внутренне улыбнуться. Почему-то разговоры с Тризу действовали на нее именно таким образом. И все же заявление соответствовало действительности, по крайней мере в физическом смысле. Слуги Тризу, видимо, подражали своему хозяину в том, что касалось искреннего радушия, хотя, конечно, вели себя исключительно вежливо.

— Приятно слышать. — Тризу окинул взглядом многочисленные столы, на которых служанки уже начали расставлять блюда с едой, и переключил все свое внимание на Каэриту. — Я прочел письма барона Телиана, госпожа Каэрита. И, конечно, буду действовать в полном соответствии с его пожеланиями и инструкциями. — Его серые глаза вспыхнули. — Лорхэм готов помочь вам всем, что в наших силах.

— Я ценю ваше отношение, — ответила она, воздержавшись от выражения удивления по поводу того факта, что ему понадобилось «всего» семь часов, чтобы ознакомиться с двумя письмами Телиана.

— Да. Но это все завтра. Что касается сегодняшнего вечера, позвольте моим поварам продемонстрировать вам свое искусство.

Служанка поставила перед ним фаршированную дичь, и он взял украшенный резьбой нож.

— Вы какое мясо предпочитаете, миледи, светлое или темное?

Кабинет Тризу располагался на третьем этаже древнего фамильного замка. В первый момент, увидев его, она удивилась, почему лорд не занял более просторное и удобное помещение, однако удивление тут же растаяло. Именно такой кабинет полностью соответствовал характеру этого человека. Одного взгляда на небольшую комнатку, с ее

спартанской обстановкой и белеными стенами, украшенными исключительно оружием, было достаточно, чтобы не осталось никаких сомнений: здесь Тризу чувствует себя удобно, как нигде.

Телохранитель привел Каэриту в кабинет и удалился по знаку Тризу, закрыв за собой дверь. Солнечный свет вливался через узкие, узорчатые окна позади стола

Тризу, в квадратной комнате с высоким потолком было тепло.

— Доброе утро, госпожа Каэрита. Надеюсь, вы хорошо спали? Комната удобная?

— Да, благодарю вас, милорд. И спала хорошо, и комната удобная. — Она улыбнулась. — Спасибо, что приняли меня сегодня же утром.

— Не стоит благодарности. Таков мой долг по отношению к собственному сеньору — и Богу Войны. — Откинувшись в кресле с высокой спинкой, он сложил руки перед собой на столе. — В то же время инструкции барона Телиана, хотя и предельно ясные, показались мне неполными. Каким образом я могу быть вам полезен?

— Да, барон был недостаточно конкретен, — согласилась Каэрита. — К сожалению, когда он писал эти письма, ни он, ни я не были уверены, с какими именно проблемами мне придется иметь дело. — Тризу вопросительно вскинул брови. — Избранники Томанака часто оказываются в ситуациях, милорд, когда приходится схватывать суть дела на лету. Барон Телиан знал, что это как раз такой случай.

— Понимаю. — Тризу задумался, поджав губы. — Понимаю, — повторил он, — Однако осмелюсь предположить, что, поскольку вы искали меня и представили письма барона, теперь вы знаете, в чем состоит проблема?

— Ну, по крайней мере, мне ясна природа проблемы, милорд. — Каэрита понимала, что очевидная предубежденность Тризу способна пробудить его первоначальную антипатию к ней, и потому тщательно следила за своим тоном и выражениями. — Она касается ваших... разногласий с Калатхой.

— *Каких* разногласий, миледи? — молниеносно среагировал он, улыбнувшись, но прищурив глаза. — У меня и «дев войны» просто возникло несколько мелких спорных проблем.

Слово «девы войны» он произнес кислым тоном, однако Каэрита ожидала этого. Ее насторожило другое; возникло ощущение, что лорд не рассчитывает на ее беспристрастность

— Прошу прощения за такие слова, милорд, но все ваши разногласия с Калатхой, — она сознательно избегала явно возбуждающего нездоровые эмоции слова «девы войны», — по сути, объясняются чувствами.

— Извините, я с вами не согласен, госпожа Каэрита. — Тризу заиграл желваками на скулах. — Мне известно, что бургомистр Йалит приписывает все разногласия между нами исключительно моей глубоко укоренившейся предубежденности. Уверяю вас, это не так.

Видимо, на лице Каэриты промелькнуло скептическое выражение, потому что он фыркнул и отрывисто хохотнул.

— Поймите меня правильно, миледи избранник. Я *не* люблю «дев войны». По моему глубокому убеждению, их существование оскорбляет тот жизненный уклад, который предписывают нам боги. И сама идея, что женщины — *большинство* женщин, по крайней мере, — поправился он, заметив, как вспыхнули глаза Каэриты, хотя сам тон остался вызывающим, — могут быть равны мужчинам как воины, совершенно нелепа. Очевидно, существуют некоторые исключения — взять хотя бы вас, — однако как общее правило эта идея просто смехотворна.

Каэрита изо всех сил сдерживала себя. Это было нелегко. Но, по крайней мере, сидящий напротив нее молодой человек имел мужество — или самонадеянность — говорить то, что думал. И еще у него хватало честности открыто выражать свои чувства, а не отрицать их или рядить в одежды невинности. Не слишком склонная приписывать ему добродетели, Каэрита вынуждена была признать, что честность кажется неотъемлемой частью его натуры.

«И от этого поладить с ним еще труднее, — сокрушенно подумала она. — Но вот что

удивительно. Он же наверняка в глубине души понимает, что не прав. Что дает ему силы так упорно стоять на своем? Неужели предубеждение против "дев войны" перевешивает природную честность?»

— Меня не слишком волнуют «общие правила», милорд, — сказала она, справившись с собой. — Для большинства людей, знаете ли, эти самые «общие правила» — всего лишь оправдание, чтобы игнорировать реальность, которую они не желают признавать.

Их взгляды скрестились, и ни один не дрогнул.

— Меня не удивляет, что вы это так воспринимаете, — сказал Тризу. — И я вполне могу себе представить, что на вашем месте я чувствовал бы то же самое. Однако я не на вашем месте и потому придерживаюсь другого мнения.

В этих словах нет вызова, поняла Каэрита.

— И поскольку дело обстоит именно так, я предпочитаю говорить открыто. Не только по причине убежденности в своей правоте — хотя, очевидно, и это играет роль, — но и потому, что хотел бы, чтобы между нами не было недопонимания.

— Всегда лучше избегать недопонимания, — сухо заметила Каэрита.

— Полностью согласен с вами, — кивнул он. — И, учитывая все сказанное, хочу повторить — наши... сложности с Калатхой практически не связаны с моим отношением к «девам войны» в целом. Проблема в том, что Калатха нарушает свою собственную хартию и границы моих владений, а бургомистр Йалит и ее городской совет отказываются признавать это.

Каэрита откинулась в кресле, удивленная этим резким заявлением. Точно такую же позицию Тризу отстаивал в своих посланиях Телиану, однако прежде чем отправиться в Талар, Каэрита, будучи в ратуше у Йалит, ознакомилась с оригинальными текстами хартии Калатхи и дарственного акта лорда Келлоса. Бургомистр и хранительница архива, Ланитха, обратили ее внимание на языковые особенности, ставшие причиной основных разногласий, и она была им за это благодарна. Сама она знала письменный язык Сотойи гораздо хуже Брандарка, а архаические слова и неразборчивые, выцветшие каракули давно умершего писца, переносившего на пергамент то, что ему диктовали Гартха и Келлос, поставили перед ней тяжкую задачу. И все же в конечном счете она сумела пробиться через фразеологические дебри. Не вызывало сомнений, что интерпретация Йалит гораздо более точна, чем можно было понять из заявления Тризу.

— При всем моем уважении, милорд, — сказала Каэрита, — я прочла хартию короля Гартхи и дарственную лорда Келлоса «девам войны». И хотя разногласия между вами и Калатхой возникли в результате более поздних словоупотреблений и толкований, оригинальный текст не вызывает сомнений. Думаю, «девы войны» более точны в том, что касается прав на воду, размер пошлин и размещение вашим отцом мукомольной мельницы на земле, принадлежащей Калатхе.

— Нет, это не так, — ровным тоном ответил Тризу. — Если, конечно, читать эти спорные документы беспристрастно.

— Вы хотите сказать, что избранник Томанака читал эти документы *не* беспристрастно?

Каэрита понимала, что ее голос звучит холоднее и тверже, чем следует, но ничего не могла с этим поделать. Подумать только! Делать такие дерзкие заявления относительно документов, которые она читала собственными глазами!

— Я имею в виду вот что: в документах содержится прямо противоположное тому, что, как утверждает бургомистр Йалит, в них сказано. — Тризу явно не собирался отступать.

Что, конечно, требовало от него определенного мужества. Вчера Каэрита исцелила трех его больных и раненых слуг — следовательно, он получил неоспоримое доказательство того, что она избраница Томанака. Только человек, абсолютно уверенный в своей правоте, или глупец мог осмелиться так решительно бросить вызов прямому личному представителю Бога Справедливости.

— Милорд, — заговорила она после паузы, — в принципе я не склонна спорить с вами,

однако, боюсь, в этом вопросе вы не точны.

Он прищурил глаза и поджал губы, но не сказал ничего.

— Оказавшись в Калатхе и выяснив, в чем суть спора, я сочла своим долгом прежде всего изучить исходные документы. Конечно, мое владение вашим языком далеко от совершенства, зато, как избранница Томанака, я хорошо знаю юриспруденцию. Мне понадобилось некоторое время, чтобы вникнуть в текст документов, но должна заверить вас, что, по моему мнению, бургомистр Йалит толкует их правильно... а вы нет.

Воцарилось напряженное молчание. В залитой солнцем комнате с белеными стенами было очень тихо, но Каэрита почти физически ощущала, как внутри хозяина дома разгорается ярость. Тем не менее как человек дисциплинированный он сумел справиться с собой. Почти.

— Миледи рыцарь, — хоть Тризу и держал себя в руках, но слово «рыцарь» произнес не без яда в голосе, — я делаю скидку на то, что наш язык для вас чужой. Как вы сами только что сказали. Однако у меня в библиотеке есть копии хартии и дарственной. Их сделал тот же самый писец в то же самое время, что и оригинальные документы, которые вы видели в Калатхе. Я готов, если таково будет ваше желание, позволить вам изучить и их тоже. Я готов позволить вам обсудить — без малейшего нажима, в приватной обстановке — мою интерпретацию этих документов с главой моего магистрата. Он также и библиотекарь, он много лет служил моему отцу, и его интерпретация полностью совпадает с моей. Убежден, что *беспристрастное* прочтение документов, не основанное ни на каких предвзятых мнениях, позволит вам сделать те же самые выводы, к каким пришел я.

Последнее замечание с многозначительным ударением на том же самом слове заставило Каэриту стиснуть зубы. Справившись с приливом гнева, она ощутила недоумение. Ведь она уже говорила Тризу, что знает юриспруденцию не хуже королевских и имперских судей. Конечно, с аксейскими законами она знакома лучше, чем с законами других стран, однако Кодекс Кормака лежит в основе всех законодательных актов Норфрессы, не только имперских. И, как ни толкуй язык, на котором написаны спорные документы, на свете не существует способа интерпретировать их в соответствии с дерзким заявлением Тризу. Тем не менее ей уже стало ясно, что он умен, несмотря на всю свою предубежденность. Он должен понимать, что никакие языковые изыски не оправдают его позицию. Тогда зачем он предлагает — на самом деле почти требует, — чтобы она изучила эти документы?

Она сидела совершенно неподвижно, лишь дышала глубоко и с силой. Ее собственный гнев, войдя в резонанс с яростью Тризу, грозил разрушить ту беспристрастность, которую должен сохранять избранник Томанака, призванный решать вопросы справедливости. Значит, нужно продолжать, только очень продуманно и осторожно. Жаркий гнев начал стихать, сменяясь относительным спокойствием. Кроме всего прочего, напонила она себе, в словах Тризу есть определенный смысл. Она изучила документы Калатхи; значит, она обязана изучить его документы тоже и выслушать толкование языковых конструкций главой его магистрата. Вероятность того, что она недопоняла или неправильно интерпретировала исходные документы, ничтожно мала, однако она существует, и отнестись положительно к предложению Тризу — ее долг.

— Милорд, — в конце концов заговорила она как можно спокойнее, — вы заверили меня, что ваше мнение — или предубеждение — о «девах войны» не лежит в основе ваших разногласий с Калатхой. Со своей стороны, я заверяю *вас*, что «различие во мнениях» не могло и не будет влиять на мое прочтение спорных документов. Я изучу их еще раз, если таково ваше желание, и проанализирую вместе с главой вашего магистрата. Окончательная интерпретация, однако, будет базироваться на *моем*, а не вашем восприятии этих документов. И если я приду к выводу, что мое первоначальное убеждение о точности их прочтения бургомистром Йалит верно, я вынесу свое постановление как рыцарь Томанака.

Серые глаза Тризу вспыхнули, но, казалось, не столько от гнева, сколько от всепоглощающей уверенности. И это лишь усилило недоумение Каэриты.

Если в этом деле она вынесет формальное постановление как рыцарь Томанака, ее

решение будет окончательным. В этом состояла одна из причин, почему избранные так редко выносили формальные постановления. Большинство рыцарей, в том числе и сама Каэрита, предпочитали просто проводить расследование и давать местным властям рекомендации, как действовать. Это щадило чувства правителей и оставляло пространство для компромисса, что зачастую гораздо вернее вело к торжеству справедливости, чем холодное, не оставляющее места для раздумий исполнение навязанного извне решения. Тем не менее Тризу, казалось, ничуть не беспокоила возможность неблагоприятного решения, абсолютно и навсегда исключающего дальнейшее обсуждение спорной проблемы. Он как будто даже обрадовался тому, что Каэрита готова вынести формальное постановление, и у нее невольно возник вопрос, а не подталкивает ли он ее сознательно именно к такому образу действий.

— Конечно, постановление рыцаря Хранителя Равновесия должно быть окончательным, — произнес он наконец. — И, честно говоря, даже если вы вынесете решение не в мою пользу, сам факт того, что проблема снимется раз и навсегда, принесет определенное облегчение. Это не означает, будто я верю в такой исход.

— Посмотрим, милорд, — ответила Каэрита. — Посмотрим.

— Прошу сюда, госпожа Каэрита.

Салтан Боевая Секира, дальний родственник Тризу, был, по крайней мере, вдвое старше главы семейства. Такого рода несоответствие между лордом и управляющим его магистрата не было редкостью, однако Каэриту удивил сам Салтан. Он гораздо больше походил на сэра Альтарна, чем на своего лорда — хотя бы чувством юмора, искрящимся в ярких серо-голубых глазах, — и аккуратно постриженной каштановой с проседью бородой. Внешне он также был гораздо интереснее своего родственника, отчасти сочетанием темных волос и сапфирово-голубых глаз (точь-в-точь как у Каэриты). Это сочетание было большой редкостью в Сотое, и Каэрита привыкла, что ее внешность воспринимается здесь как нечто экзотическое.

Однако Салтан был, по крайней мере, так же умен, как Тризу, и казался столь же непостижимо уверенным в своей правоте.

Он достал из секретера тяжелый деревянный ящик и стал раскладывать на столе его содержимое. Чувствовалось, что сотоец привык бережно обращаться с древними документами, что, к сожалению, можно было сказать далеко не обо всех хранителях Лорхэма. Документы Калатхи, в общем и целом, были в лучшем состоянии, чем лорхэмские, и тем осторожнее и бережнее Салтан разворачивал манускрипт.

Хрупкий пергамент потрескивал. Каэрита понимала, какое беспокойство испытывает любой хранитель архива при каждом новом ознакомлении с древними материалами. Салтан, однако, сумел развернуть манускрипт, не причинив ему добавочных повреждений. Расправил его на библиотечном столе и подкрутил фитиль масляной лампы, чтобы Каэрите было лучше видно.

Хорошо, что он это сделал, подумала она, склонившись над документом. Тот, как и говорил Тризу, представлял собой копию дарственной лорда Келлоса «девам войны», еще более выцветшую и трудную для чтения, чем оригинал. Каэрита заметила в углу страницы номер «3», свидетельствующий о том, что это третья копия, и узнала неразборчивый, архаичный почерк того же писца, который писал оригинал.

Она пробежала взглядом раздел, в котором устанавливались границы, отыскивая указанные в нем приметы местности около реки и в районе мельницы. С этой наименее сомнительной и архаичной части документа начать было легче. Кроме того, точные границы составляли самую суть проблемы, поэтому...

Ах! Каэрита нашла то, что искала. Наклонилась, вчитываясь, и вдруг замерла в оцепенении.

«Это невозможно», — подумала она и перечитала раздел. Слова упрямо оставались теми же самыми, и она недоуменно нахмурилась. Потом открыла принесенный с собой

мешочек для документов и достала выписки, тщательно сделанные в библиотеке Калатхи. Развернула аккуратно исписанные страницы и разложила на столе рядом с манускриптом, сравнивая интересующий ее раздел буквально слово к слову. Вот что значилось в ее копии:

«... и вышеуказанная граница проходит от восточной стороны скалы Стелхэма до угла участка земли Хеймара, где у межевого камня поворачивает на юг и тянется на две тысячи ярдов через реку Ренху до межевого камня Тамана Строителя Мостов, отмечающего границу начала владений лорда Лорхэма».

Точно так было написано в хранящейся в Калатхе дарственной. Однако в лежащем перед ней документе Салтана говорилось:

«... и вышеуказанная граница проходит от восточной стороны скалы Стелхэма до угла участка земли Хеймара, где у межевого камня поворачивает на юг и тянется на тысячу ярдов до северного берега реки Ренхи, обусловленной границы владений лорда Лорхэма».

«Это не просто небольшая двусмысленность, — подумала Каэрита. — Это фундаментальное расхождение». Если лежащий перед ней манускрипт точен, тогда Тризу прав целиком и полностью, и вызвавшая разногласия мукомольная мельница на южном берегу Ренхи расположена на земле, которая принадлежит ему сейчас и принадлежала всегда. И предъявляемого Калатхой права на воду тоже не существует, поскольку река полностью оказывается в границах владений Тризу. Но как такое возможно? Все копии должны в точности соответствовать оригиналу, а та, что лежала перед ней на столе, содержала странную, необъяснимую ошибку.

Это абсурд. Конечно, перед ней копия, не оригинал, но трудно представить себе, что один и тот же писец, писавший оба документа, мог допустить подобную ошибку. И еще труднее представить себе, что эту ошибку проглядели пристально изучающие все копии заинтересованные стороны.

Если, конечно, одна из копий не была умышленно подделана...

Но как можно совершить такую подмену? Если это и фальшивка, то очень хорошо выполненная. Настолько хорошо, что просто невозможно поверить, что кто-то в Лорхэме способен на такое. Каким бы прекрасным библиотекарем ни был Салтан, создать такую безупречную подделку документа двухсотлетней давности ему явно не под силу. Кто же сделал это? И когда?

Каэрита невольно состроила гримасу, которую тут же попыталась скрыть, недоумевая, удастся ли когда-нибудь получить ответ на эти два вопроса. Однако ответ мог и подождать — до тех пор, по крайней мере, пока она убедится, что никаких других вопросов у нее нет.

Несколько минут она обдумывала, как действовать, после чего посмотрела на Салтана с выражением давно и тщательно отработанного безразличия.

— Спасибо. — Она легонько похлопала по манускрипту кончиком пальца. — Это именно тот раздел дарственной лорда Келлоса, который я хотела видеть. Теперь, если вас не затруднит, лорд Тризу говорил также о копии хартии короля Гартхи.

— Да, моя леди. И эта копия в лучшем состоянии, чем дарственная Келлоса. Сейчас покажу.

— Будьте любезны.

В ожидании Каэрита принялась листать другие свои выписки, на этот раз из хартии «дев войны», имеющие отношение к спору между Тризу и его соседями.

Салтан открыл нужный ящик, достал из него второй манускрипт и так же бережно, как первый, развернул его на столе. Он был прав; этот документ оказался гораздо разборчивей дарственной. Каэрита склонилась над ним.

Она прочла все интересующие ее разделы один за другим, сравнивая их со своими выписками и хмурясь все больше. Потом откинулась в кресле и потерла кончик носа, спрашивая себя, заметно ли, насколько сильно она сбита с толку.

«Ну, — думала она, — теперь, наверно, становится понятно, что существует какая-то особая причина, почему *он* послал сюда меня, а не Базела или Вайджона. Он знает, какой из его инструментов лучше подходит для каждой конкретной проблемы... даже если сам этот

незадачливый инструмент понятия не имеет, почему именно он избран. И что ему делать дальше».

— Спасибо за помощь, сэр Салтан, — сказала Каэрита. — Я начинаю понимать, почему интерпретация этих документов вами и вашим лордом столь фундаментально отличается от интерпретации бургомистра Йалит. Положив свои выписки рядом с вашими копиями, я обнаружила определенные... расхождения. Я не претендую на понимание того, как такое могло произойти, но пока эта проблема не будет разрешена, ни о каком окончательном вердикте не может быть и речи.

— Не могу согласиться с вами, миледи, — мрачно возразил сидящий напротив Каэриты Салтан; в его ярких глазах мерцало беспокойство. — В отличие от вас я не имел возможности сравнивать документы друг с другом, но *знаю* совершенно определенно, что наши копии хранятся в этой библиотеке с того самого дня, когда они были сделаны. С учетом этого у меня и моего лорда нет оснований сомневаться в их подлинности. В отличие от своего отца лорд Тризу принадлежит к тому типу людей, которые не желают мириться с нарушением своих прав и привилегий. Этим и объясняется, почему, попросив меня изучить документы и потом прочтя их самостоятельно, он начал оказывать давление на Калатху.

— Не сомневаюсь, что вы правы, — ответила Каэрита. — С другой стороны, сэр Салтан, я не могу отделаться от мысли, что на возмущение вашего лорда нарушением его прав несомненное влияние оказывает его отношение к «девам войны».

— Вероятно... вернее, конечно, вы правы, госпожа Каэрита. И в этом он не одинок. Однако разве это имеет какое-то отношение к тому, верна ли наша интерпретация в глазах закона?

— Нет, — ответила она, хотя ей и хотелось, чтобы дело обстояло иначе.

Что ни говори, избранники Томанак были простыми смертными, со своими предубеждениями и мнениями, как и всякий другой человек. Однако в отличие от всех остальных они сознавали это; и их прямой долг состоял в том, чтобы не позволить своим предубеждениям влиять на принятие решения.

— Вам известно, сэр Салтан, — продолжала она спустя некоторое время, — какими способностями Томанак одаривает своих избранников, принимая от них Клятву Меча?

— Прошу прощения? — Салтан удивленно замигал, пытаясь понять, что она имеет в виду. — Мне об этом ничего не известно. Сомневаюсь, что на свете найдется много людей, которым что-нибудь известно по этому поводу. По правде говоря, когда лорд Тризу рассказал мне о визите избранника, я провел кое-какие расследования. Хотя в нашей библиотеке почти нет книг на эту тему. Я выяснил лишь, что, наделяя своих избранников способностями, Томанак... не придерживается никакой закономерности — в отличие от других Богов Света.

— «Не придерживается никакой закономерности». — Каэрита улыбнулась. — Такого лаконичного определения я до сих пор не слышала, сэр Салтан. Ох, временами мне хочется, чтобы *он* был более похож на Торагана или Торфрамуса. Или на Лиллинару, если уж на то пошло. Их избранники получают в дар примерно одинаковые способности, в большей или меньшей степени. Однако Томанак предпочитает одаривать своих избранников разными способностями. По большей части они соотносятся с теми способностями или талантами, которые мы уже имели до того, как услышали *его* призыв, но иногда никто не в состоянии догадаться, почему именно этот избранник наделяется именно этой способностью. До тех пор, конечно, пока не наступает день, когда у него — или у нее — возникает *потребность* в этой способности.

— И сейчас как раз такой случай, миледи? — спросил Салтан, не сводя с нее напряженного взгляда.

— И да, и нет. Вообще-то мне казалось, что я знаю все способности, которые даровал мне *он*. Однако, признаться, я уже начала подозревать, что существует какая-то особая причина, по которой он послал улаживать эту проблему именно меня. В особенности когда стало ясно, что в основе разногласий лежит толкование самого текста.

— Жаль, что у меня нет возможности прочесть документы, которые хранятся в Калатхе, — задумчиво сказал Салтан. — С самого начала было ясно, что между ними и нашими текстами существует фундаментальное расхождение. Однако, не имея возможности увидеть документы бургомистра Йалит, я не в состоянии судить, насколько точны — или, если уж на то пошло, честны — ее претензии.

— Ну, а я имела возможность изучить и те, и другие документы.

Каэрита встала и подошла к другому столу, около библиотечного окна, на котором, войдя сюда, оставила мечи. Ни один избранник Томанака, находясь при исполнении официальных обязанностей, не расстается с мечом — эмблемой своей власти. Она расстегнула ножны меча, который обычно носила слева, и обнажила мерцающий двухфутовый клинок.

На лице Салтана при виде меча возникло удивленное выражение, а потом его брови и вовсе поползли вверх: лезвие внезапно окружило голубое мерцание, достаточно яркое, чтобы его можно было различить даже в хорошо освещенной библиотеке.

— Итак, я имела возможность изучить их, — повторила Каэрита. — К сожалению, тогда я не понимала, насколько *основательно* мне следовало «изучать» их. — Она вернулась на свое место и положила меч на стол, так, чтобы он касался обоих разложенных перед ней манускриптов. — И теперь, сэр Салтан, — в ее голосе послышались официальные нотки, — я, как рыцарь Хранителя Равновесия, должна обратиться к вам с просьбой.

— Конечно, миледи.

Каэрита пристально следила за его реакцией и была удовлетворена не уступчивостью даже, а полным отсутствием колебаний.

— Вы — хранитель этих документов, — продолжала она и слегка повернула меч эфесом к Салтану. — Пожалуйста, положите руку на рукоять моего меча.

Он повиновался; правда, на этот раз после еле заметного колебания. Однако она не осуждала его за это. Несомненно, впервые в жизни его просили прикоснуться к мечу, окруженному аурой божественной силы.

Каэрита выждала, пока он несколько успокоился, убедится, что с потолка не ударила молния и не испепелила его на месте.

— Благодарю вас, — сказала она все тем же властным тоном. — А теперь, сэр Салтан, готовы ли вы поклясться мне в присутствии Бога Справедливости, что, насколько вам известно, именно эти копии хартии короля Гартхи и дарственной лорда Келлоса были переданы на хранение лордам Лорхэма?

— Насколько мне известно, да, миледи, — спокойным, официальным тоном ответил Салтан, не отводя взгляда.

Голубое сияние меча не только не ослабело — оно стало даже ярче.

— А также поклясться, что, насколько вам известно, в них не вносились никакие изменения — ни вставки, ни вычеркивания?

— Никакие, миледи, — твердо ответил Салтан.

— Благодарю вас.

Каэрита кивнула ему, давая понять, что можно убрать руку. Он сделал это и откинулся в кресле с чуть большей охотой, чем прежде наклонился вперед. И снова она не могла осудить его за это.

Она посмотрела на развернутые на столе документы и положила меч на ладонь, удерживая клинок над пергаментом.

«Все правильно, — подумала она, закрыв глаза и потянувшись к нерасторжимым узам, связывающим ее с ослепительным могуществом Томанака. — Мне понадобилось время, чтобы понять, насколько все непросто. Я сожалею об этом, хотя в свое оправдание могу сказать, что история Лианы способна отвлечь кого угодно. Однако сейчас я здесь, и Тебе понадобился Салтан, чтобы ткнуть меня носом в это дело. А теперь, надеюсь, Ты подскажешь мне, являются ли эти документы фальшивками».

Она почувствовала далекий, довольный рокот не человеческого смеха... и одобрение.

Открыв глаза, она снова взглянула на меч.

Он, и это больше не вызывало у нее удивления, продолжал мерцать яркой голубизной.

Каэрита, дочь Селдана, сидела у окна в комнате, отведенной ей лордом Тризу в замке Талар, и смотрела на безоблачное ночное небо, усеянное блесками звезд Силендрос. Ни разу со времени прибытия на Равнину Ветров не видела она такого чистого неба и таких крупных, ярких звезд. Совсем узенький серп месяца мерцал на востоке. Не сводя с него напряженного взгляда, Каэрита спрашивала себя, о чем думала Лиллинара, позволяя ситуации до такой степени выйти из-под контроля.

«Ну, — ворчливо сказала она себе, — так, наверно, не совсем честно ставить вопрос. Она, по-видимому, не единственная богиня, заинтересованная в этом деле. И все же, о чем она думала? И почему не поговорила об этом с Гласом Куайсара?»

В этом была суть вопроса. Конечно, Каэрите помогло бы, если бы она проверила подлинность — или, по крайней мере, правильность — документов Калатхи. Ей и следовало это сделать, хотя бы из скрупулезности, но, по правде говоря, у нее не было ни малейших оснований сомневаться в них. Даже сейчас она была уверена, что Йалит и ее совет полностью и по праву доверяли им. С какой стати им что-то перепроверять? Они знают, что владеют оригиналами.

К несчастью, сам Томанак подтвердил тот факт, что документы Тризу не подделка. Одна из особых способностей Каэриты, о которых она говорила Салтану, состояла в том, что никто не мог солгать, прикасаясь к ее мечу, и что, держа меч в руках и вызывая к Томанаку, она могла однозначно определить, является ли фальшивым представленный ей документ или свидетельство. Получалось, что документы Тризу не просто подлинные — они наиболее полно и правильно отражали *истинные намерения* Гартхи и Келлоса. Каэрита провела уже не одно расследование и не имела привычки выносить категорические суждения, однако не была готова ставить под сомнение личные гарантии своего бога.

Из чего следовал вывод, что каким-то непостижимым образом фальшивкой оказались документы Калатхи.

До сих пор Каэрита не сообщала о своих выводах Тризу. И, прибегнув к власти избранника, заставила Салтана принести клятву на мече, что он тоже будет молчать. Теперь только она одна понимала, куда заводит эта в высшей степени неприятная цепочка доказательств, а она не собиралась ни с кем делиться своими выводами, пока не поймет, как выбраться из этого лабиринта.

Мысленно Каэрита вернулась на пару часов назад, к беседе с Тризу, состоявшейся после ужина.

— Ну, что, ваше расследование проливает какой-то новый свет на мои разногласия с бургомистром Йалит? — спросил Тризу, вертя в руках стакан.

Как и многие сотовцы, он питал пристрастие к дорогим ликерам, которые производили в Дворенхейме и Империи Топора. Каэрите и самой они нравились, но она все время помнила, какие они крепкие, и потому предпочитала вина.

— Отчасти, милорд, — ответила она. Откинувшись в кресле, он задумчиво посмотрел на рыцаря.

— Правильно я вас понял — то, что вы с Салтаном обнаружили или, по крайней мере, обсудили сегодня днем, не подталкивает вас немедленно вынести постановление *против* меня?

— У меня никогда не было намерения «немедленно вынести постановление» против кого бы то ни было, милорд, — кротко ответила она. — На данном этапе я предпочитаю не говорить ничего более конкретного, хотя простое чувство справедливости вынуждает меня признать, что ситуация далеко не такая банальная, как мне казалось вначале.

— Ну, — он еле заметно улыбнулся, — видимо, я должен расценивать это как шаг вперед, учитывая ваши прежние высказывания.

Каэрита почувствовала, как в ней загорается раздражение, но справилась с собой.

— И, должен признать, я удовлетворен вашей беспристрастностью и готовностью учесть все обстоятельства, которых я и ожидал от избранника Томанака. У меня самого репутация упрямца. Я знаю, каково это, несмотря на всю честность и добрые намерения, объективно воспринимать новые доказательства, противоречащие тем, которые уже были оценены как убедительные.

На мгновение у Каэриты мелькнула мысль: а вдруг Салтан все-таки нарушил свою клятву? Однако она тут же отбросила ее. Не верилось, что, учитывая все обстоятельства, глава магистрата мог сделать это. Но даже если бы у него и возникло такое намерение, он просто не смог бы нарушить клятву, принесенную на мече избранника, ибо этот меч в момент произнесения клятвы становится мечом самого Томанака. Это было просто еще одно напоминание о том, что не следует недооценивать ум Тризу, даже если ей не нравятся его взгляды и позиция.

— Это всегда нелегко, — согласилась она, — но избранник Томанака должен уметь это делать. Как и любой лорд, желающий управлять своими владениями по справедливости. — Она вежливо улыбнулась, постаравшись скрыть, как ее позабавили его вспыхнувшие глаза. — С другой стороны, милорд, я достигла определенного прогресса в том, что касается документов и их интерпретации. На данный момент у меня по крайней мере столько же вопросов, сколько ответов, но мне, во всяком случае, ясны сами вопросы. И я чувствую уверенность, что в итоге Томанак приведет меня к получению нужных ответов... Однако есть еще одна проблема, не имеющая отношения к документам и, во всяком случае, формально к самой Калатхе.

— В самом деле? — невозмутимо сказал он.

— Да, милорд. Видите ли, разговаривая с бургомистром Йалит, я почувствовала, что в основе ваших разногласий лежат не просто проблемы законности. Откровенно говоря, «девы войны» очень на вас сердиты. И, чтобы быть откровенной до конца, из беседы с вами я вынесла впечатление, что вы испытываете к ним точно такие же чувства.

Серые глаза Тризу потемнели, и Каэрита предостерегающим жестом вскинула руку.

— Милорд, так бывает почти всегда, когда спор достигает большого накала, как в вашем случае. И дело не в том, что враждующие стороны плохи. Просто они люди, а люди, милорд, обычно сердятся на тех, кого считают неправым или, хуже того, подозревают в желании обмануть. Вы ведь тоже наверняка это учитываете, когда приходится выносить решение в случае конфликта между вашими подданными.

Было бы преувеличением сказать, что Тризу перестал злиться, однако он нехотя кивнул, признавая, что в ее словах есть смысл.

— Довольно часто, — продолжала она, — существуют дополнительные причины для гнева и возмущения. Когда у людей уже испорчены отношения, они готовы что угодно приписать тому, с кем у них испорчены отношения, и испытывают по этому поводу гораздо меньше сомнений, чем если бы дело обстояло иначе.

— Я так понимаю, вы пытаетесь подготовить меня к тому, чтобы поднять некую тему, которая, по вашему мнению, вызовет мои возражения, леди рыцарь. — На лице Тризу заиграла тонкая улыбка. — Может, будем считать, что с подготовкой покончено, и перейдем к делу?

— Ну да, наверно. — Каэрита одарила его ответной улыбкой. — Я подвожу вас вот к чему. Если я правильно поняла бургомистра Йалит, ваша непримиримая враждебность в этом споре отчасти основана на том, что вы не проявляете... должного уважения к Гласу Лиллинары в Куайсаре.

— Иными словами, — спокойно, твердо ответил Тризу, — она считает, что я не проявляю *никакого* уважения к Гласу. И раз уж мы об этом заговорили, она возмущена моей неспособностью решить проблему исчезновения — или убийства — служанок Гласа.

И снова Каэриту удивила его откровенная «лобовая» позиция. Хотя — чему тут удивляться? Тризу во многих отношениях представлял собой квинтэссенцию Сотойи.

Может, на поле боя он и сумел бы прибегнуть к военной хитрости, но в жизни с презрением относился к любым уверткам.

В его глазах вспыхнул огонек протеста, и это разозлило Каэриту. Она напомнила себе, что ни в коем случае не следует недооценивать природный ум этого несносного молодого человека. К тому же сделанные ею сегодня открытия, несомненно, говорили в пользу его позиции в вопросе разногласий с Калатхой.

— Да, это то, что я имела в виду, хотя я постаралась бы выразить то же самое чуть более... мягко.

Он устремил на нее долгий взгляд, а потом еле заметно кивнул. И, к его чести, даже слегка покраснел. Тем не менее отступать со своих позиций явно не собирался.

— Согласен, я выразился резче, чем это получилось бы у вас, миледи, что вы не раз уже доказали. Прошу прощения — за это. Но ведь, по существу, именно на это она и жаловалась, верно?

— По существу — да, — призналась Каэрита.

— Я не сомневался, что так и будет. — Он устремил на рыцаря задумчивый взгляд. — Учитывая вашу готовность тщательно изучить и обдумать представленные мной и Салтаном свидетельства, полагаю, вы хотите напрямую услышать, что я думаю по этому поводу.

Это было утверждение, не вопрос. Она кивнула.

— Госпожа Каэрита, — начал Тризу после паузы, — не буду делать вид, что воспринимаю Лиллинару и ее последователей так же, как других богов и тех, кто в них верует. Я не понимаю Лиллинару. И меня не волнует, что ее последователи оправдывают те или иные свои действия на основании ее якобы откровений. Чтобы быть до конца честным, признаюсь, что временами мне кажется, будто многое из приписываемого ей на самом деле придумано людьми, склонными выдавать желаемое за действительное.

Каэрита удивленно вскинула брови:

— Знаете, это... на редкость честное признание, милорд.

— Ни один человек в здравом уме не сомневается в существовании богов, миледи, — ответил Тризу. — Однако ни один *умный* человек не сомневается, что существуют шарлатаны и обманщики, использующие религиозные верования других людей, чтобы манипулировать ими в своих интересах. Не думаете же вы, что человек, поставленный управлять судьбами множества людей, станет закрывать глаза на такую возможность?

— Нет, милорд, не думаю. — Каэрита почувствовала нечто вроде симпатии к этому бескомпромиссному, упрямому молодому человеку. — На самом деле именно манипуляциями такого рода часто приходится заниматься избранникам.

— Наверное, так и должно быть. — Тризу глотнул ликера и поставил стакан; ноздри у него затрепетали. — Я намеренно рассказал вам о своем отношении к Лиллиане, миледи. Хотел, чтобы вы понимали: я отдаю себе в этом отчет. И, поскольку я отдаю и всегда отдавал себе в этом отчет, то, встретившись с новым Гласом Лиллианы, напомнил себе кое-что. А именно — даже если мне не нравится, когда кто-то, беседующий с Лиллианой, указывал, чего *она* от меня хочет, отсюда еще не следует, что этот кто-то непременно лжет. А в данном конкретном случае я пришел к выводу, что так называемая Глас Куайсара относится именно к манипуляторам.

— Это очень серьезное обвинение, лорд Тризу. — В тоне Каэриты прозвучали мрачные нотки, но, как ни странно, она не слишком удивилась, услышав его слова.

— Понимаю, — с необычным для него оттенком угрюмости отозвался он. — И до сих пор я ни разу не позволял себе высказать свое мнение вслух. Мне кажется, однако — несмотря на все наши многочисленные разногласия, — что бургомистр Йалит как женщина умная догадывается, что я думаю о Гласе Куайсара.

— А почему вы о ней так думаете, милорд?

— Первое и самое главное — мне не нравится именно эта женщина. Мы встретились в тот день, когда Глас только что прибыла в Куайсар, чтобы занять свой пост. И стоило нам взглянуть друг на друга, как мы оба почувствовали сильнейшую взаимную неприязнь.

— Сильнейшую взаимную неприязнь? — переспросила Каэрита.

Тризу хмуро усмехнулся:

— Миледи, я не испытывал бы к ней такой неприязни, если бы не чувствовал, что и она сама невзлюбила меня! И пусть что угодно говорят о безгрешности Гласа Лиллинары.

Вопреки собственному желанию, Каэрита рассмеялась.

— Полагаю, это нормально, — продолжал Тризу, — что лорд и жрица, чьи сферы власти и ответственности взаимно перекрываются в одном земельном владении, не во всем сходятся во мнениях. Каждому нравится чувствовать себя хозяином в своем доме, а если имеет место конфликт взглядов, то естественные противоречия лишь усиливаются... Однако в данном случае я усматриваю нечто гораздо большее.

Он замолчал. Каэрита вглядывалась в лицо лорда; как обычно, выражение его было твердым, бескомпромиссным... но не только. Что за эмоция проглядывала в его глазах, Каэрита не понимала, но остро чувствовала ее присутствие.

— Что вы имеете в виду, милорд? — спросила она после затянувшейся паузы.

— Я не... — начал он и оборвал сам себя. — Нет, госпожа Каэрита, это неправда — то, что я собирался сказать. Будто не знаю, как ответить на ваш вопрос. Просто я подумал, что, если скажу правду, это может оттолкнуть вас.

— Это может рассердить меня, — ответила Каэрита со всей серьезностью, какой требовал его тон. — Хотя не должно. Я всего лишь рыцарь бога, а не сам бог. Однако кое-что я могу обещать вам, на своем и *его* мече. Пока вы будете со мной честны, я буду слушать вас предельно внимательно, не прерывая. — Она невесело улыбнулась. — Пока вы будете со мной честны, я буду честна с вами. Вы придерживаетесь взглядов, которые вызывают у меня примерно такое же отторжение, что у вас — «девы войны». Уверена, вы уже поняли это. Однако согласна я с вами или нет, это не имеет никакого отношения к тому, как высоко я ценю вашу честность.

— Хорошо сказано, миледи, — сказал Тризу с нескрываемой теплотой, которой ни разу не проявлял прежде, и сделал глубокий вдох. — Бургомистр Йалит, наверно, рассказывала вам, что городок Куайсар постепенно поглощался храмом. Со временем должность Гласа храма слилась с должностью бургомистра Куайсара. На протяжении последних семидесяти лет по традиции оба этих поста занимал один человек. Отсюда следует, что Глас не просто жрица храма, но и глава светской власти. В этой последней роли она является моим вассалом, что на протяжении всех этих лет то и дело создавало определенную напряженность между очередным Гласом и моим отцом и дедом. Это неизбежно, надо полагать, учитывая, что Гласу нелегко сочетать выполнение светских обязанностей перед лордом Лорхэма с духовными обязанностями перед его же подданными. И, конечно, перед «девами войны», вообще находящимися за пределами моей юрисдикции.

Он перевел дыхание.

— Отец постарался объяснить мне, что такие сложности неизбежно будут возникать время от времени. Видимо, он считал, что без понимания этого я не буду готов к ситуациям, которые могут потребовать от меня гибкости. Увы, даже когда я был ребенком, за мной не числилась такая добродетель, как склонность к компромиссам.

Тризу внезапно фыркнул и покачал головой, заметив вопросительный взгляд Каэриты.

— Прошу прощения, миледи. Я просто подумал, что мои наставники с готовностью подтвердили бы это заявление.

«По крайней мере, он способен смеяться над собой хотя бы иногда», — подумала Каэрита.

— Во всяком случае, я был готов к тому, что мы с новым Гласом можем не понравиться друг другу. Но вот чего я никак не ожидал, это исходящей от нее... ну, волны *злости*.

— Злости? — переспросила Каэрита.

— Я не знаю более подходящего слова, — ответил Тризу. — Такое чувство, что здесь не подойдет ни одно слово. *Ни одно*, миледи. Я встречал людей, которые мне не нравились,

и, уверен, есть люди, испытывающие ко мне такие же чувства. Но это было все равно как собака и кошка, запертые в одной клетке — или, может, как змея и хорек. Это ощущение возникло в тот самый момент, когда она в первый раз открыла рот, и хотя мне стыдно признаваться в этом, что-то в ней пугает меня. — Его серые глаза потемнели. — И если вы хотите знать всю правду, миледи... Я не уверен, кто из нас хорек, а кто... змея.

Глядя на усыпанное сверкающими звездами небо, Каэрита вспомнила выражение лица Тризу, звук его голоса, и по позвоночнику пробежал холод, словно от прикосновения кончика сосульки. Может, Тризу из Лорхэма — настоящая заноза в заднице, со всем своим непробиваемым упрямством. Но он уж точно не трус. Если на то пошло, ни один трус никогда не признается избраннику Томанака, что кто-то его пугает; а для Тризу с его консерватизмом и вовсе немыслимо — признаться, что его пугает женщина.

Однако бургомистр Йалит, по-видимому, не испытывала подобных чувств к Гласу Куайсара. Еще одно — и, несомненно, устрашающее — различие среди множества прочих между Калатхой и лордом Лорхэма. Да, несомненно одно: простого ответа тут не дожидаться.

А раз так, ясно, что ей придется отправиться в Куайсар самой. И эта мысль почему-то вызвала у нее озноб.

— Рада снова видеть вас в Калатхе, госпожа Каэрита. — Голос бургомистра Йалит был намного теплее, а улыбка шире, чем запомнилось Каэрите по первому визиту в ратушу. — Чем могу служить на этот раз?

— Вообще-то я просто остановилась по пути в Куайсар, — ответила Каэрита, внимательно, но незаметно следя за выражением лица бургомистра. — Я поговорила с вами, поговорила с лордом Тризу. Теперь, полагаю, настало время поговорить с Гласом, выслушать ее точку зрения на разногласия между вами и Тризу, не говоря уж о ее собственных... сложностях в отношениях с ним. — Йалит быстро кивнула, как показалось Каэрите, автоматически, почти бессознательно. — Когда мы с вами разговаривали в прошлый раз, я не знала, что она одновременно возглавляет и светскую власть Куайсара. А раз так, ей, по-видимому, приходится вступать с Тризу в прямой контакт гораздо чаще, чем я думала поначалу.

— Да, это так, — с кислым видом подтвердила Йалит, — и, уверяю вас, это ее ничуть не радует. Конечно, Глас — личная служительница Лиллинару, и все же нужно быть святой, а не просто жрицей, чтобы терпеть этого человека в качестве своего сеньора.

— Да, он может вывести из себя кого угодно, — согласилась Каэрита.

Ей было совершенно ясно, что Йалит никаких претензий к Гласу не имела. Хотелось бы и ей самой присоединиться к бургомистру.

— Ну, уж если он в состоянии вывести из себя избранницу Томанака, посетившую его с кратким визитом, можете себе представить, как он дружит с соседями, которые постоянно находятся под боком. — Йалит состроила гримасу и покачала головой.

— Да, вряд ли эта близость делает ваши отношения легче, — снова согласилась Каэрита.

Йалит рассмеялась и махнула рукой, приглашая ее сесть.

— Прежде чем я отправлюсь в Куайсар, — Каэрита старалась говорить совершенно будничным тоном, — хотелось бы, чтобы вы немного больше рассказали мне о Гласе.

Йалит удивленно вскинула брови.

— Она почти такой же новичок на своем месте, как Тризу на своем, — продолжила рыцарь. — И прежде чем я войду в ее храм и начну задавать вопросы, которые при желании можно воспринять как неуместные и даже оскорбительные — в особенности с учетом того, что они исходят от избранника *другого* бога, — я хотела бы лучше представлять себе, что она за человек и какую позицию занимает.

— Понимаю. — Пристроив локти на подлокотники, Йалит сцепила пальцы «домиком» под подбородком, поджала губы и задумалась, явно не испытывая никакой неловкости или смущения. — Теперешняя Глас гораздо моложе предыдущей. По правде говоря, впервые

увидев ее, я подумала, что она *слишком* молода для этой роли. Однако я ошиблась. К тому же она, возможно, старше, чем кажется.

— Почему вы так подумали?

— Она исключительно привлекательная женщина, госпожа Каэрита, из тех, знаете ли, которые выглядят молодыми, пока им не стукнет восемьдесят. — Йалит улыбнулась. — Когда я сама была молодой, то с радостью согласилась бы лишиться двух-трех пальцев на левой руке, лишь бы иметь такую фигуру. Сейчас я просто завидую ей.

— А-а... — улыбнулась Каэрита. — Одна из *этих*.

— Определенно одна из этих, — согласилась Йалит и покачала головой. — Однако она как будто не осознает своей красоты. Иногда я спрашиваю себя, была ли внешность препятствием для нее, когда она услышала призыв, однако уже спустя несколько минут общения с ней становится ясно, что она истинно призванная. В ней ощущается присутствие чего-то такого... Нет, никогда у меня не возникало такого чувства при общении ни с одним Гласом. Стоит вам ее увидеть, и, думаю, вы тут же поймете, почему церковь назначила ее в Куайсар.

— Надеюсь, — ответила Каэрита. — В то же время, бургомистр, духовное призвание не всегда приносит и умение улаживать мирские проблемы. Ведь она не только жрица, но и бургомистр. Как вы оцениваете ее в этом качестве?

— С тех пор как она прибыла в Куайсар, я была там всего один раз, — сказала Йалит. — Она же посещала Калатху четыре раза, однако по большей части связь между нами осуществляется через ее служанок. Поэтому мои впечатления о ней как администраторе в основном из вторых рук... Ну, с учетом этого она, мне кажется, справляется не хуже своей предшественницы, что само по себе уже является похвалой. И, учитывая мой собственный опыт общения с лордом Лорхэма, она, по-видимому, в состоянии эффективно взаимодействовать даже с таким непредсказуемым правителем, как он.

— Понимаю. Учитывая, что, по вашим словам, вы мало контактировали с ней напрямую, вы, по-моему, сформулировали свое впечатление достаточно полно. А предыдущую Глас вы знали лучше?

— О да! — Йалит улыбнулась — широко, с оттенком теплоты и грусти. — Прежняя Глас была из Калатхи, и мы познакомились задолго до того, как она услышала призыв Лиллинары. Собственно, мы выросли вместе.

— Как так? У меня почему-то сложилось впечатление, что она была гораздо старше вас.

— *Старше?* Шандра? — Йалит состроила гримасу. — Вообще-то мне не следует называть ее так. Я знаю, любая жрица, став Гласом, отказывается от своего прежнего имени и берет новое. Однако на самом деле она была моложе меня года на два и в моем сознании всегда оставалась светловолосой девчушкой, которая увязывалась за мной всякий раз, когда я уходила на речку, ловить рыбу.

— Значит, она действительно была *моложе* вас, — пробормотала Каэрита. — И, судя по тому, как вы о ней говорите, она была выдающимся человеком.

— Вот именно.

— И почему же она умерла? — спросила Каэрита. — Раньше я думала, что просто от старости или, возможно, от болезни, с которой оказалось невозможно справиться в ее престарелом — так мне казалось — возрасте. Но если она была даже моложе вас...

— Точно ничего не известно. — Йалит вздохнула. — Ох, она и впрямь заболела, но как-то совершенно неожиданно. И она сама, и ее врачи были крайне удивлены, потому что она всегда отличалась отменным здоровьем. Здоровая как конь — так она всегда шутила, когда мы еще были детьми. — Бургомистр печально покачала головой. — Однако это ее не спасло. Она умерла на третий день после того, как заболела. Я даже не подозревала, насколько серьезно обстоит дело, иначе тут же помчалась бы в Куайсар, чтобы попрощаться с ней.

— Мне очень жаль, — мягко сказала Каэрита и мысленно добавила: «Даже больше

жаль, чем вы можете себе представить, учитывая зародившиеся у меня подозрения». — Однако вернемся к новому Гласу. Вы сказали, что довольны ее работой?

— Настолько, насколько это вообще возможно — после потери такого человека, как Шандра, — заявила Йалит. — Нам исключительно повезло — два таких сильных Гласа подряд. Вообще-то, по-моему, наша теперешняя Глас даже лучше приспособлена к... борьбе с Тризу, чем Шандра, которая старалась уклоняться от конфронтации. Это не было признаком *слабости*, просто она предпочитала добиваться согласия и находить компромиссы. Нынешняя Глас, осуждая детей Лиллиары за неправильное поведение, всегда напоминает, что действует как Глас Матери.

— Значит, она не просто недовольна тем, что Тризу не добился успеха, расследуя гибель ее служанок, а защищает позицию Калатхи в целом?

— О да! — выразительно закивала Йалит. — Она не делает секрета из своего отношения к этой ситуации и поддерживает нас в решимости стоять до конца, добиться от Тризу, по крайней мере, значительных уступок. И прежде чем объявить свою позицию официально, она сочла необходимым самой изучить оригинальные документы.

— Она изучала документы? Здесь?

— Нет, не здесь. Не имея в тот момент возможности покинуть Куайсар, она послала за ними двух служанок.

— Всего лишь двух служанок — за документами такой важности? — удивилась Каэрита.

Йалит усмехнулась.

— Мы не хуже вас понимаем, госпожа Каэрита, как легко эти документы могут пропасть, и потому я послала сопровождать их десять «дев войны» и Ланиту, которая должна была позаботиться о самих пергаментях. — Она пожала плечами. — Однако никаких проблем не возникло. По крайней мере, в тот раз.

— Понимаю. — Каэрита с хмурым видом погрузилась в размышления. — Я рада, что вы послали сопровождающих. С точки зрения исторической перспективы, эти документы бесценны. Думаю, следует не спускать с них глаз всякий раз, когда они покидают Калатху.

— Это был единственный раз, когда они покидали Калатху, — ответила Йалит. — Уверена, мои предшественницы проявляли в этом отношении не меньшую осторожность.

— О, наверняка, — согласилась Каэрита. — Наверняка.

— Здравствуйте, госпожа Каэрита.

За время отсутствия Каэриты Лиана Лучник заметно изменилась. А может, и нет, решила Каэрита. Может, преждевременно делать такой вывод. Внешне она точно изменилась; однако это не обязательно означало, что она в равной степени изменилась внутренне.

— Приветствую тебя, Лиана, — ответила она. — Хорошо выглядишь.

— Не так, как прежде, хотите вы сказать, — с улыбкой сказала Лиана, словно прочитав мысли Каэриты.

— Ну, в общем, да. Однако в твоем случае, по-моему, «хорошо» и «не так, как прежде» означает одно и то же. И — нет, я имею в виду не только внешность, юная леди. В прошлый раз, когда мы с тобой виделись, ты выглядела далеко не самой счастливой девушкой в мире.

— Ох! — Лиана смущенно уставилась на свои голые ноги. — Может, вы и правы.

Они стояли в крытой тренировочной галерее. Пол галереи был застлан очень грубо обработанными досками, однако босоногая Лиана, казалось, не замечала этого. Как, похоже, не беспокоилась и о том, что прекрасная одежда дочери знатного барона, украшенная богатой вышивкой и полудрагоценными камнями, исчезла навсегда.

В отличие от Каэриты. Конечно, рыцарь ожидала увидеть перемены и не рассчитывала, что Лиана будет носить тут платья, которые одобрила бы ее мать. Однако кожаные заляпанные грязью штаны и куртка, которые Лиана, оказываясь без присмотра матери, предпочитала дома в Страже Холмов, тоже остались в прошлом. Сейчас на ней была

обычная одежда «дев войны», состоящая из двух частей, которые они называли чари и йатху.

Интересно, что сказали бы родители Лианы, увидев ее сейчас? Одна чари чего стоила — короткая зеленая юбка, заканчивающаяся намного выше колен; любой знатный сотоец был бы шокирован при виде такой откровенности. А уж плотно зашнурованная йатху над этой юбкой довела бы этого самого сотойца просто до истерики.

— Что касается твоего внешнего вида, тут перемены налицо. — Каэрита с улыбкой наклонила набок голову. — Тебе удобно в этой одежде?

— «Удобно» — такое... растяжимое слово, — состроила гримасу Лиана и засунула указательный палец под плечевую завязку йатху. — Мне приходилось видеть тяжелую упряжь, которая для лошадей, наверно, была «удобней»! — Она с новой гримасой вытащила палец и ткнула им себе в грудь. — Кроме того, пока что мне ничего такого и не требуется.

— Ха! Сейчас, может, ты и впрямь так думаешь, но, без сомнения, через год-два твое мнение изменится. — Каэрита рассмеялась. — Если уж на то пошло, учитывая твой рост, ты оценишь эту одежду даже раньше. Тебе не понадобится «год-два», вот увидишь!

— В самом деле? — Лиана бросила на нее быстрый взгляд, покраснела и снова уставилась на свои босые ноги, угрюмо усмехаясь.

Каэрита кивнула головой.

— Вероятность этого очень велика, — продолжала она. — Я сама никогда не была особенно... ну, одаренной в смысле женских прелестей. И сомневаюсь, что когда-нибудь буду — хотя наставница Шерат в Морфинтанской академии магии, когда мне было на год меньше, чем тебе сейчас, гоняла меня в хвост и в гриву, стараясь исправить фигуру. А ведь ты выше меня и все еще растешь — и вверх, и вширь. Мне кажется, ты в конце концов будешь похожа на свою мать. Так что советую подождать годик-другой, а уж потом жаловаться на йатху.

— Как скажете, госпожа Каэрита, — покорно пробормотала Лиана, и Каэрита подавила смехок.

Да, сейчас Лиане кажется, что йатху стесняет движения. Однако, исходя из собственного опыта, Каэрита полностью одобряла эту одежду, обеспечивающую жесткую поддержку груди любой физически развитой женщине, которой предстояла активная физическая деятельность. В то же время она подозревала, что «девы войны», по крайней мере отчасти, избрали такую форму «поддержки» еще и ради производимого ею эффекта, как способ «показать нос» всем нормам женской «пристойности», которые они отвергали.

В других обстоятельствах йатху можно было бы описать как короткий — *очень короткий* — корсаж, без жесткой костной основы, сделанный из полосок мягкой перчаточной кожи. В то время как обычные корсажи поддерживают грудь и закрепляются снизу, оставляя открытыми или почти открытыми плечи, йатху имел завязки, уходящие вверх и назад через плечи и пересекающиеся на спине. Этот корсаж был короче, удобнее и держал лучше, чем любой, какой Каэрите приходилось видеть. Он был достаточно короток, чтобы, к примеру, не мешать женщине ползти сквозь заросли. Эта особенность делала его идеальным для физических упражнений или любых других занятий, требующих значительных физических усилий.

Независимо от того, руководствовались «девы войны» исключительно практическими соображениями или сочетали их с желанием «уесть» почтенное общество Сотойи, Каэрита сомневалась, что барон Те лиан и баронесса Ханатха одобрили бы откровенность, с которой округляющиеся формы (и пупок) их дочери оказались выставлены на всеобщее обозрение.

— Не напрашивайся на комплименты, юная леди, — строго сказала Каэрита, и Лиана издала звук, подозрительно похожий на хихиканье.

Это хихиканье, да и в целом все поведение Лианы успокоили Каэриту. Когда ее вызвали для разговора с Каэритой, девушка занималась утренними упражнениями, а система физической подготовки «дев войны» оказалась исключительно требовательной и суровой. Несомненно, ни с чем подобным в Бальтаре Лиана не сталкивалась. И не потому, что была вялой или ленивой. Просто «девы войны» твердо верили, что новичков — в особенности

находящихся на испытательном сроке — нужно протащить через очень трудные испытания. Отчасти ради того, чтобы они всем существом прочувствовали — и на эмоциональном, и на интеллектуальном уровнях — разницу между своей прошлой жизнью и той, которая их ожидает. Не обходилось и без проверки, может ли вообще молодая женщина — по своим физическим возможностям и способности переносить трудности — стать «девой войны».

Большинству тех, кто вливался в общество «дев войны», предстояло служить в качестве легкой пехоты и разведчиков, а этот тип войск требует не столько грубой силы, сколько быстроты и мужества. Физическая подготовка строилась таким образом, чтобы выработать именно эти качества. На свете не так уж много людей — в том числе и мужчин, с иронией думала Каэрита, — готовых тратить время и проливать пот ради того, чтобы поддерживать себя в столь прекрасной форме.

На первый взгляд Лиана от всего этого испытывала удовольствие.

— Ты счастлива, Лиана? — спросила Каэрита. Девушка подняла на нее взгляд, улыбка ее погасла.

— Не знаю, — не стала лукавить она. — Первые пару ночей я плакала, прежде чем заснуть. Хотя этого следовало ожидать, как мне кажется. И не потому, что жизнь в Калатхе трудна, а я больше не дочь барона. А потому, что по закону я больше не дочь *папы и мамы*. Понимаете?

— О да, девочка, — мягко сказала Каэрита, и Лиана всей грудью втянула воздух.

— Однако если не учитывать, что я скучаю по родителям, а время от времени немножко и по дому, мне здесь нравится. Пока, по крайней мере. — Она снова улыбнулась. — Эрлис — она старшая над моей группой — гоняет меня почему зря. Иногда мне кажется, что я просто упаду замертво от изнеможения. Зато я узнала о себе много такого, о чем прежде не догадывалась. И, по крайней мере, пока она не доведет меня до приемлемого, по ее понятиям, уровня подготовки, я избавлена от обычных классных занятий.

— Классных занятий?

— Ну да. — Улыбка Лианы сменилась кривой усмешкой. — Признаться, я надеялась, что приезд сюда вырвет меня из когтей учителей и наставников. К несчастью, «девы войны» очень серьезно относятся к образованию и «настоятельно рекомендуют» нам продолжать его.

— Понимаю. — Каэрита постаралась скрыть улыбку, вспомнив, что ее саму в возрасте Лианы затащить в классную комнату можно было лишь с помощью упряжки сильных коней.

— Однако самое главное, — продолжала Лиана, — что, придя сюда, я совершила очень важный поступок. Теперь враги отца не смогут использовать меня против него, а я не стану покорной племенной кобылой, вынашивающих детишек для жеребца, который будет держать меня под каблуком.

— Рада за тебя.

— И я тоже. Правда. — Девушка энергично закивала, как бы подтверждая свои слова.

— Хорошо. — Каэрита положила руку ей на плечо. — Я хотела в этом убедиться, прежде чем отправиться в Куайсар.

— В Куайсар? Вы хотите нанести визит Гласу? Было в тоне вопроса что-то, заставившее Каэриту прищурить глаза.

— Да. А почему ты спрашиваешь?

— Без какой-то особой причины, — слишком поспешно ответила Лиана. — Просто... — Она оборвала себя, помолчала, покачала головой. — Просто я испытываю такое чувство... неловкости...

— Насчет чего?

— Насчет Гласа, — ответила Лиана еле слышно, точно признаваясь в ужасном проступке.

— Что за чувство? Если уж на то пошло, почему ты испытываешь в отношении ее какое бы то ни было «чувство»? Вы ведь, наверно, даже не встречались.

— Не встречались, — призналась Лиана. — Вы скажете, что это как бы из вторых рук.

Да, я разговаривала о ней с другими «девами войны». Со многими.

— В самом деле?

Из разговора с Йалит Каэрита не вынесла впечатления, что тема Гласа интересует «дев войны», хотя именно это, по-видимому, имела в виду Лиана.

— Да, — ответила девушка. — И, по правде говоря, меня тревожит то, как они говорят о ней.

— Ну-ка, объясни, что ты имеешь в виду. Каэрита уселась на перила галереи, прислонившись спиной к поддерживающему крышу столбу, и сложила на груди руки. Утреннее солнце приятно согревало плечи.

— Вы, наверно, знаете, что по знатности происхождения здесь, в Калатхе, выше меня никого нет? — спросила Лиана.

Каэрита вопросительно вскинула бровь. Девушка состроила гримасу.

— Это не в смысле «ох-какая-я-выдающаяся», госпожа Каэрита. Просто я хочу сказать, что, хотя я была просто единственной дочерью отца, даже не реальной его наследницей, на моих глазах окружающие его люди вели свои политические интриги, маневры... постоянно злословили.

— Понятно. — Каэрита медленно кивнула. — И охотно верю. Только не впадай в заблуждение, будто простые люди не страдают теми же слабостями. И будто им не хватит утонченности нанести удар в спину.

— Я и не впадаю, — ответила Лиана. — Или, по крайней мере, так мне кажется. Однако, госпожа Каэрита, то, как здесь говорят о Гласе, кажется мне... ну... странным.

— Почему?

— Во-первых, «девы войны», похоже, только о ней и разговаривают, — очень серьезно ответила Лиана. — Не те, кто постарше или занимает высокий пост — не такие, к примеру, как бургомистр Йалит или Эрлис. И не самые молодые, за исключением тех, которые только поддакивают.

— Что значит «поддакивают»?

— Такое впечатление, будто все эти разговоры не случайны.

Чувствовалось, как трудно Лиане подбирать слова, чтобы выразить свои ощущения.

— Думаю, именно это прежде всего и привлекло мое внимание. Я достаточно нагляделась, как против отца шепотком распускали разные слухи, чтобы сразу же насторожиться, столкнувшись с чем-то похожим.

— А здесь происходит именно это?

— Думаю, такое вполне *возможно*. — Лиана медленно наклонила голову. — Мне понадобился день или два, чтобы заподозрить неладное, и все потому, что те, кого я слышала, говорили об одном и том же и почти в одинаковых выражениях.

Каэрита еще сильнее прищурила глаза, и Лиана кивнула.

— Мало того что люди выражали одно и то же мнение, госпожа Каэрита. Они приводили одни и те же *аргументы*, употребляли одни и те же слова. Вот почему я и подумала, что все это происходит не спонтанно, а кем-то организовано.

«Жаль, жаль, — подумала Каэрита, — что из-за непреодолимого предубеждения Сотойи по отношению к женщинам-правительницам Лиане Лучник никогда не стать баронессой Бальтара». Каэрита с самого начала видела в Лиане острый ум, но, как выяснилось, она ее недооценивала. У многих ли молодых женщин возраста Лианы, попавших в мир, радикально отличающийся от всего, что они знали, хватит энергии анализировать разговоры вокруг о ком-то, столь далеком от их непосредственных переживаний, как Глас Куайсара?

— Расскажи поподробнее, — сказала Каэрита, по-прежнему стараясь не выдать своих чувств.

— В разговорах «дев войны» меня удивило вот что, — продолжала Лиана. — Все они соглашались, что новая Глас ведет другую политику по сравнению со старой. И что перемены эти к лучшему. Вы никогда не рассказывали, госпожа Каэрита, что привело вас в

Калатху, но мне известно, какие исследования вы просили сделать лорда Брандарка перед отъездом. И... — она отвела взгляд, — я случайно услышала разговор принца Базела и отца. Поэтому я знаю, что вы обеспокоены разногласиями между «девами войны» и лордом Тризу.

Каэрита нахмурилась, и Лиана быстро покачала головой.

— Я ни с кем это здесь не обсуждала, госпожа Каэрита! Я знаю, у вас был разговор с бургомистром Йалит, и если Томанак направил вас сюда, то уж, конечно, не мое дело болтать на такие темы. Просто то, что я слышала, встревожило меня еще и в связи с этим. Потому что те же люди, которые одобряли Глас, высказывались и о Тризу. В том духе, что новая Глас, в отличие от *старой*, понимает, что «девы войны» не могут мириться с тем, что Тризу пытается заставить часы идти назад. Она понимает, что сейчас настало время дать ему отпор. Что если «девам войны» наносят удар, они должны отвечать тем же и, может, даже посильнее, чем их ударили, поскольку им отступать некуда. Понимаете? Меня больше всего задело даже не *что* они говорили, а *как*. Я стала прислушиваться еще внимательнее и поняла: они подразумевают, а иногда даже говорят прямо, будто именно Глас, а не бургомистр Йалит или ее городской совет способна окоротить Тризу по-настоящему.

— Возможно, они действительно верят в это, — Каэрита решила, что не стоит делать вид, будто Лиана ошибается относительно цели ее путешествия в Калатху, — но я разговаривала и с бургомистром, и с Тризу. И вынесла из бесед с ними впечатление, что в их споре Гласу отведена в лучшем случае второстепенная роль.

Она не спускала с Лианы внимательного взгляда, любопытствуя, насколько подозрения этой умной девушки совпадают с ее собственными.

— Да, они говорили то же самое, — ответила Лиана. — В смысле, что Глас никого открыто не обвиняет и не высказывается от имени Лиллиары или что-нибудь в этом роде. Она слишком хитра и умна, говорили они — точнее, хвастались — для открытой конфронтации, ведь в ее положении необходимо сохранять «нейтралитет». Знала я «хитрых и умных» придворных, придерживающихся той же самой тактики. Они избегали открытой конфронтации только ради того, чтобы затаиться в тени и выбрать момент поудобнее для удара в спину. А в это время другие делали за них то, что им нужно. Предпочтительно настолько легковые, чтобы они прониклись убеждением, будто сами до этого додумались.

— И ты считаешь, что Глас Лиллиары действует точно так же?

— Я допускаю, что это возможно. — Лиана, безусловно, почувствовала некоторый холодок в тоне Каэриты. — И не только это. То, как «девы войны» говорят об этом, принижает власть бургомистра Йалит и городского совета. Не напрямую и не открыто, может быть, но такой эффект достигается, и, думаю, не случайно. Каждый раз, восхищаясь проницательностью Гласа и тем, насколько хорошо она знает, что нужно делать, в подтексте звучит, что *без* нее бургомистр Йалит и совет никогда не поймут, как важно выстоять против Тризу. И с этим я тоже сталкивалась прежде. Не лично, но я была внимательна на уроках истории, госпожа Каэрита. Мое мнение такое: это попытка подорвать авторитет тех, кто правит Калатхой. Думаю, либо это дело рук Гласа, либо ее кто-то использует.

— Понимаю... Есть что-нибудь еще?

— Ну... — Лиана снова отвернулась с таким видом, будто испытывает неловкость. — Мне не нравится, что интрига направлена в первую очередь на молодых «дев войны». Думаю, именно поэтому я и слышала так много за относительно короткое время, пока я здесь. Тот факт, что я дочь своего отца — по крайней мере, до конца испытательного срока, — повышает мою ценность в их глазах. Ну и, конечно, они считают, что я очень молода и новичок в здешних делах и поэтому меня легко склонить на свою сторону. И, — она посмотрела на Каэриту, — о Гласе еще кое-что говорят, от чего мне... неловко.

— Что именно?

— Просто... Ну, я думаю... — Щеки Лианы слегка покраснели. — Я никак не ожидала услышать, что Глас Лиллиары такая... распущенная.

— Распущенная?

Лиана покраснела еще гуще.

— Не такая уж я невинная, госпожа Каэрита, — с оттенком обиды сказала она. — Ради богов, я выросла на самом большом королевском конном заводе! И знаю, что происходит между мужчинами и женщинами!

Заметив, что Каэрита не сумела сдержать смехок, девушка торопливо добавила:

— Ну, настолько, насколько это возможно, не имея реального... То есть без... Ну, вы понимаете, что я имею в виду!

— Понимаю. — В тоне Каэриты послышались извиняющиеся нотки. — Я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Так вот, — продолжала Лиана уже спокойнее, — меня тревожит, что те, кто восхищается Гласом за ее политические взгляды, говорят также, что она очень свободно смотрит на... некоторые другие вещи.

— Лиана, — заговорила Каэрита, тщательно подбирая слова, — Лиллинару не требует от своих Гласов обета безбрачия. Некоторые, почувствовав призвание служить ей, приносят такие клятвы добровольно, но это совсем другое. Это чисто личное решение, оно освобождает их от других потребностей и желаний, давая возможность целиком посвятить себя своей богине — так они считают. Однако даже при таком подходе существуют разные мнения, одобряет ли *она* такой выбор. Фактически ее верховные Гласы *не могут* быть девственницами. Она — Богиня Женщин, *всех* женщин, а не только старых дев — считает, что ее жрицы должны сами пережить все, что им предстоит обсуждать с верующими в нее.

— Правда? — Лиана напряженно обдумывала услышанное. — Это имеет смысл, — заявила она с бескомпромиссностью юности.

— Я рада, что ты ее одобряешь, — сказала Каэрита. Лиана снова залилась краской. И усмехнулась. — Хотя мне показалось, что ты говорила о чем-то большем.

— Ну да, — с задумчивым видом согласилась Лиана. — Можно задать *вам* вопрос, госпожа Каэрита?

— Конечно.

Однако чувствовалось, что девушка все равно колеблется.

— Мне интересно, — наконец медленно заговорила она, — как к этому относятся другие боги. — Она посмотрела в сторону. — Вот вы, к примеру, рыцарь Томанака. Как *он* к этому относится?

— К обету безбрачия? — Каэрита улыбнулась. — Как Бог Справедливости он не думает, что это «справедливо» — требовать от своих последователей отказываться от чего-то столь важного для смертных. Как и Лиллинару, он ждет, что мы будем разборчивы в своих связях, сознавая ответственность, сопровождающую подобные отношения. Однако все Боги Света радуются жизни, Лиана, а нет ничего более «жизнеутверждающего», чем объятия любящих.

— Правда?

Это единственное слово было произнесено таким тоном, что Каэрита всерьез заинтересовалась, что же у девушки на уме. Лиана покачала головой и снова посмотрела на Каэриту:

— Это тоже имеет смысл... Однако люди, о которых я говорила, рассуждают иначе.

— Что ты имеешь в виду?

— Объятия любящих, ответственность — это я понимаю. Но это еще не все, — заговорила Лиана.

Каэрита нахмурилась, но не стала прерывать девушку.

— Есть и еще кое-что удивительное для меня. Этого не должно быть, но оно есть. Как выяснилось, традиционные пережитки застряли во мне гораздо глубже, чем я думала. «Девы войны» представляют собой сообщество женщин, предпочитающих жить отдельно от мужчин. Учитывая это обстоятельство, меня не должно было удивить, что многие из них в качестве партнеров выбирают других женщин. Однако удивило. Поначалу. Потом, правда, я быстро поняла, что к чему. Но что *беспокоит* меня, госпожа Каэрита, это вовсе не то, у кого

с кем любовь. А то, что они постоянно говорят о «свободе», о том, что истинная свобода, по словам Гласа, — это свобода менять партнеров, не важно, мужчин или женщин.

Беспокойство и неловкость Лианы сейчас стали меньше, заметила Каэрита. Похоже, вся она сосредоточилась на том, чтобы выразить свою мысль.

— Почему?

— Потому что всякая там ответственность, о которой вы говорили, для них, по-видимому, не важна. Они рассуждают об этом как о чем-то... ну... *чисто* физическом. Об эгоистическом удовольствии, о развлечении. Как будто... Как будто другой человек не имеет никакого значения или даже реально не существует. Как будто они используют его в своих интересах, и все. Я не настолько наивна, чтобы не понимать — на свете немало людей, придерживающихся таких же взглядов, госпожа Каэрита. Но эти женщины смеялись — да что там, просто хохотали, рассуждая об этом, как будто понимали, что так неправильно, нехорошо, но от этого все получается еще лучше. И всякий раз, слыша их разговоры, я вспоминала о людях, которые считают, будто все «девы войны» такие.

Каэрита нахмурилась. Не исключено, что все дело просто в излишне острой реакции Лианы на случайно услышанные слова. По ее собственному утверждению, она — продукт воспитания Сотойи. Может, не в том традиционном смысле, как большинство, но какие-то следы этого воспитания определенно остались и в ее душе.

Однако Каэрита не думала, что дело объясняется только этим. Лиана умна и наблюдательна, а ситуация, которую она описывала, слишком хорошо укладывалась в ту схему, которая начала складываться в сознании самой Каэриты. По крайней мере, она сильно опасалась, что это так.

— Думаете, мне все это просто показалось? — словно снова прочитав ее мысли, спросила Лиана.

— Нет, — покачала головой Каэрита. — Уверена, тебе все это не просто показалось, Лиана. Возможно, ты немного преувеличила, но в целом, я считаю, ничего тебе не показалось.

— Ох! — воскликнула Лиана с неожиданными для нее интонациями маленькой девочки, и Каэрита удивленно посмотрела на нее. — Как бы мне хотелось ошибиться!

Каэрита покинула Калатху спустя семь дней. Вообще-то она не собиралась задерживаться так надолго, но после разговора с Лианой у нее возникла мысль, что, наверно, следует приглядеться к Калатхе получше. На это ушло больше времени, чем она рассчитывала, но ничего страшного... Вот только заново просмотреть документы стало достаточно непростым делом.

Помощница бургомистра Йалит, Шаррал, помогала ей всем, чем могла, однако организация посещения городского архива почему-то затянулась. Ланитха, библиотекарь и хранительница архива Калатхи, заняла этот пост сравнительно недавно и была слишком уж молода для такой ответственной работы. Тем не менее она стремилась выполнять свои обязанности безукоризненно. Что, как Каэрита помнила по предыдущему посещению архива, ей вполне удавалось.

На этот раз, однако, хотя Ланитха явно старалась, ей никак не удавалось выкроить время, чтобы сопроводить Каэриту, когда та снова возьмется за документы. Учитывая их важность для Калатхи и вообще для всех «дев войны», Каэрита сочла вполне естественным, что молодая женщина, отвечающая за их безопасность и сохранность, непременно хотела сама сопровождать гостью. На месте Ланитхи рыцарь повела бы себя точно так же. Мало того, когда Каэрита в первый раз изучала документы, Ланитха очень помогла ей с Йалит. Тем не менее ей потребовалось три дня, чтобы выкроить время, достаточное, по ее словам, чтобы оказать помощь избраннику любого бога, а особенно Бога Войны и Справедливости, которой он заслуживает. На четвертый день, когда Каэрита явилась в архив, она обнаружила с удивлением (хотя меньшим, чем, наверно, можно было бы ожидать), что Ланитху неожиданно вызвали куда-то по срочной надобности. Она оставила свои глубочайшие

извинения, обещание быть на месте завтра — или послезавтра, или еще день спустя — и заверение, что сегодня у нее нет просто никакой возможности принять Каэриту в соответствии с их договоренностью.

Несмотря на разочарование, связанное с отсрочкой, Каэрита нашла, чем занять время. Хотя случайному наблюдателю это вряд ли пришло бы в голову, она служила рыцарем Томанака уже несколько лет. И существовало кое-что, что избранники Томанака отлично освоили — ну, *большинство* его избранников, с улыбкой мысленно поправила себя Каэрита, — а именно: как проводить свои расследования ненавязчиво и почти незаметно для окружающих. Помогало и то, что люди, как правило, ожидают, что избранник должен вмешиваться в их дела с помощью драматических, бросающихся в глаза средств. В арсенале Каэриты такие тоже имелись. Однако иногда лучше действовать незаметно, и, похоже, это был как раз такой случай. Вот почему никто из «дев войны» не обратил внимания на то, что избранница Томанака, которая разделяет с ними трапезы и участвует в их тренировках, в то же время ухитряется собирать поразительно много информации.

Все, в общем, происходило вполне естественно. Каэрита владела техникой двумечного боя и постоянно работала над ее совершенствованием. Тот факт, что она с рождения одинаково свободно владела обеими руками, помогал понять, почему она вообще стала этим заниматься. Однако в Империи Топора было мало мастеров, обучающих технике сражения с мечами в обеих руках. Некоторые обучали владению одновременно мечом и кинжалом или мечом и дагой, и очень многие обучали технике боя одной рукой — причем не той, которой человек владел лучше, — при полном неучастии второй: ведь в бою отнюдь не исключается ситуация, когда рука, державшая меч, оказывается раненой. Однако все это имело мало общего с фехтованием одинаковыми короткими мечами в обеих руках.

Тем не менее некоторые «девы войны» использовали технику, отличающуюся в деталях, но в целом очень похожую. К ним принадлежала и Эрлис, которая командовала сотней и отвечала за физическую подготовку новеньких, — именно под ее руководством занималась Лиана. Каэрите было очень интересно сражаться с Эрлис. Их «бои» явно доставляли удовольствие и самой наставнице, хотя обоим очень быстро стало ясно, что, несмотря на весь свой опыт и навыки, «дева войны» заметно уступает Каэрите. Что вполне естественно, говорила сама Эрлис, учитывая, что против нее выступает избранница Бога Войны.

В итоге Каэрите удалось — немного, конечно — расширить свой боевой репертуар, однако гораздо важнее было то, что она получила возможность общаться с «девами войны» в неформальной обстановке. Может, с ней они были не слишком откровенны, зато она очень много извлекла из их разговоров друг с другом... и из того, чего они *не говорили* в ответ на ее осторожные вопросы. Природный слух Каэриты был гораздо острее, чем у большинства людей, хотя, конечно, уступал градани вроде Базела. Однако Томанак наградил ее еще одной способностью — «слышать» беседы, которые обычный человек расслышать не смог бы. Это была не совсем телепатия, которой владели многие маги. Каэрита могла «слышать» лишь разговоры, которые вели те, кого она видела собственными глазами. Однако это давало ей возможность даже в переполненном бальном зале — или на шумной тренировочной площадке — незаметно узнавать практически все, о чем говорили другие.

Она редко использовала эту свою способность — уж слишком легко было скатиться к злоупотреблению ею. И все же в любом расследовании это умение оказывало бесценную помощь. Каэрита довольно часто прибегала к нему в Калатхе. И услышанное подтверждало ее худшие опасения. Лиана отнюдь не была чересчур подозрительным подростком, которому мерещится в тени то, что на самом деле не существует. Хуже того, фактически Лиана недооценивала происходящее.

Не обнаружилось ничего явно вопиющего, с чем можно было бы обратиться в ратушу, однако общая картина была совершенно ясной. В Калатхе существовали, по крайней мере, три группировки.

Одна поддерживала бургомистра Йалит и была — по крайней мере, в данный момент

— самой многочисленной. Как и сама Йалит, ее члены возмущались лордом Тризу и были полны решимости заставить его признаться в самоуправстве. Они были благодарны Гласу Куайсара за сильную поддержку, но верили, что система сама сработает как надо и никакого другого вмешательства не требуется. Отчасти потому, что были убеждены в непогрешимости своей позиции и верили, что в конечном счете суд решит дело в их пользу. Отчасти же потому, что с самого начала считали своим долгом всячески подчеркивать *разумность* собственных требований. И дело не в том, что поведение Тризу возмущало их меньше, чем других; просто они слишком хорошо отдавали себе отчет в том, насколько неодобрительно подданные Сотойи воспринимают «дев войны», и ни в коем случае не хотели «подкармливать» эту предубежденность, давая новую пищу для разговоров.

Вторая группировка состояла из жителей города, которые считали, что бургомистр со своим советом напирал слишком жестко. Они не сомневались в аргументах Йалит и ее правовой оценке ситуации, просто им казалось, что противостояние с Тризу в конечном счете обойдется слишком дорого. Что бы они о нем ни думали, он был самым влиятельным местным землевладельцем, и им предстояло еще много лет иметь дело с ним — и его сыновьями — независимо от решения суда. В этой группировке, однако, почти не было тех, кто решался активно противостоять Йалит. Они просто *не поддерживали* ее, но не забывали и о чувстве гражданской ответственности, как ни раздражала их эта мысль. Вторая группировка была значительно меньше первой.

Однако больше всего Каэриту беспокоила третья, самая малочисленная, но и самая яростная. В основном — хотя и не полностью — она состояла из молодых «дев войны», чье положение в иерархии Калатхи не позволяло им влиять на городской совет. Самой важной по должности была командир полусотни — эквивалент капитана пехоты в королевской и имперской армиях, — однако это вовсе не означало, что они не пользовались никаким влиянием. Именно они пылали яростью по отношению к Тризу, самым воинственным образом отстаивая свои права. Всякие разговоры о взвешенности и осторожности выводили их из себя. Какое может быть благоразумие, когда у «дев войны» такие неприятности, заявляли они? И, по правде говоря, Каэрита отчасти сочувствовала им.

Ей удалось выяснить и еще кое-что. Всего десять — пятнадцать женщин из этой группировки можно было назвать «заводилами», остальные просто яростно возмущались предубеждениями и фанатизмом, которые все «девы войны» ощущали на себе на протяжении долгих лет. Однако эти десять или пятнадцать явно действовали слаженно. Они не столько возмущались сами, сколько *манипулировали* возмущением других, используя его, чтобы очень тонко подрывать авторитет правителей Калатхи. Это было скверно само по себе, однако Лиана оказалась права и во всем остальном. Независимо от того, получали они непосредственные указания от Гласа Куайсара или нет — а на данном этапе, несмотря на все свои подозрения, Каэрита не имела возможности выяснить это, — они постоянно ссылались на высказывания Гласа о том, что Лиллинару поддерживает эгоистичный, самовлюбленный подход к жизни. Это устрашало Каэриту. И — в чем она практически не сомневалась — не меньше устрашало саму Лиллинару. Это был не просто отказ от всякой ответственности, не просто провозглашение идеи, что *использовать* другого для собственной выгоды или удовольствия соответствует нормам морали. Этот отказ и эти идеи оправдывались тем, что настало время «девам войны» отыграться за долгие годы притеснений и унижений.

Каэрита по собственному опыту знала разницу между местью и правосудием — и чувствовала горький привкус первого в тихих разговорах, которые сумела подслушать.

К несчастью, все это были лишь подозрения. Ей не с чем было прийти к Йалит, но даже если бы она решилась на это, бургомистр, скорее всего, не стала бы ее слушать. Кроме того, и в позиции самой Йалит кое-что тревожило Каэриту. Йалит заняла должность бургомистра примерно в то же время, когда началась нынешняя конфронтация с Тризу. Если, как подозревала Каэрита, документы в Калатхе были каким-то образом подделаны, Йалит должна знать об этом. Отсюда, логически рассуждая, следовал вывод, что если в Калатхе творится какое-то беззаконие, то в нем замешана и Йалит. Тем не менее Каэрита так не

думала. Она пока не стала подвергать бургомистра такой же проверке, как Салтана. Некоторые косвенные признаки убеждали ее в том, что Йалит честна и искренне верит в свою правоту.

А это означало одно: в Калатхе, возможно, испорчены не только документы, но нечто гораздо более важное.

— Прошу прощения за задержку, госпожа Каэрита, — сказала Ланитха, вводя рыцаря в главный архивный зал. — Я знаю, как ценно ваше время и для Томанака, и для вас самой, и мне ужасно неприятно, что вам пришлось дожидаться меня почти целую неделю.

Выражение ее лица странным образом сочетало в себе беспокойство, раздражение и неловкость.

— Словно какое-то проклятие на этой неделе. — Она раздвинула тяжелые занавески, обычно закрытые, чтобы защитить ценные документы от воздействия солнечного света. — Только я решаю, что вот сейчас приду сюда и покажу вам документы, как вдруг, словно ниоткуда, накатывает какая-нибудь новая беда.

— Ничего страшного, Ланитха, — заверила ее Каэрита. — У всех выпадают такие недели. У меня-то уж точно!

— Спасибо. — Ланитха благодарно улыбнулась. — Я рада, что вы все правильно понимаете. Правда, от этого я в ваших глазах вряд ли выгляжу более собранной!

Каэрита ограничилась вежливой улыбкой, дожидаясь, пока Ланитха закончит возиться с занавесками и отопрет большой шкаф, где хранились все самые важные документы Калатхи.

— Бургомистр Йалит — или, точнее, Шаррал — не сказала мне, какие разделы интересуют вас на этот раз, — бросила Ланитха через плечо, открывая тяжелую, укрепленную железом дверь.

— Я хочу посмотреть тот раздел дарственной Келлоса, где устанавливаются границы земельного участка, занимаемого мукомольной мельницей, — как можно небрежнее ответила Каэрита.

— Понимаю.

Ланитха нашла соответствующий ящик, вытащила его из шкафа и поставила на стол у большого окна. Разговаривала она рассеянно вежливо, однако что-то в напряженности ее позы создало у незаметно, но очень внимательно наблюдавшей за ней Каэриты впечатление, что женщина не так спокойна, как хотела бы казаться. Ланитха по-прежнему выглядела честной, трудолюбивой молодой женщиной, однако было, было *что-то...* Как будто она испытывала ощущение внутреннего разрыва...

Открыв ящик, Ланитха положила на стол оригинал дарственного акта лорда Келлоса, осторожно развернула древний манускрипт и нашла раздел, о котором говорила Каэрита.

— Вот, — сказала она и отошла в сторону, давая рыцарю возможность изучить документ.

— Спасибо.

Каэрита подошла к столу и наклонилась над выцветшим, исписанным неразборчивыми каракулями документом. Его возраст не вызывал сомнений — так же, как и подлинность. Однако подлинность копии Тризу тоже не вызывала сомнений, напомнила она себе и положила руку на головку эфеса левого меча.

Вполне естественная поза, хотя чуть более драматичная, чем хотелось бы Каэрите. В прошлый раз она отстегнула оба меча и отложила их в сторону. Оставалось надеяться, что Ланитха не заинтересуется, почему теперь она поступила иначе. А на случай неприятного вопроса Каэрита приготовила ответ: мол, тогда провела в библиотеке несколько часов, а сегодня хотела лишь быстро перепроверить один-единственный раздел. Да и попала сюда значительно позже, чем собиралась, за что сама Ланитха только что рассыпалась перед ней в извинениях.

Каэрита наклонилась, внимательно изучая напыщенные фразы и пальцем правой руки

легко проводя по соответствующим строчкам. Ланитха, конечно, была достаточно опытным хранителем, чтобы не среагировать, когда кто-то, пусть даже и доказавший уже свое уважение к находящимся на ее попечении хрупким документам, дотрагивается до них. Она подошла на полшага ближе, с напряженным вниманием следя за правой рукой Каэриты... На что та и рассчитывала.

Внимание Ланитхи было до такой степени сосредоточено на правой руке Каэриты, что библиотекарь не заметила слабого голубого мерцания, пляшущего над ее *левой* рукой, покоящейся на рукояти меча. Не очень яркого — при необходимости Томанак умел действовать незаметно, — но вполне достаточного для того, чего добивалась Каэрита.

— Спасибо, Ланитха. — Она сделала шаг назад, сняла руку с меча, и голубое мерцание погасло. — Я увидела все, что хотела.

— Вы уверены, миледи? — взволнованно спросила Ланитха.

— Я просто хотела оживить в памяти кое-какие слова, — ответила Каэрита.

— Могу я спросить, почему?

— Расследование еще продолжается, Ланитха, — напомнила ей рыцарь.

Библиотекарь склонила голову в знак того, что поняла скрытый в ее словах мягкий упрек.

— С другой стороны, кое-что уже начинает проясняться.

— И что же начинает проясняться? — Последние слова Каэриты придали Ланите храбрости.

— Есть определенные расхождения между оригинальными документами здесь и так называемыми копиями Тризу. Должна признаться, я была ошеломлена, впервые увидев его копии. Трудно представить себе, что можно изготовить столь совершенную фальшивку. И все же существует только одно объяснение того, что его копии отличаются от оригиналов, — сознательное искажение или подделка текста.

— Лиллинара! — воскликнула Ланитха, описав рукой круг — жест почтения к Матери. — Я знала, что Тризу ненавидит «дев войны», но даже представить себе не могла, что он способен на такое, миледи! Как можно рассчитывать, что это сойдет с рук? Он должен был понимать, что рано или поздно кто-нибудь сделает то, что только что сделали вы, — сравнит подделку с оригиналом!

— Мне уже давно стало ясно, Ланитха, — устало ответила Каэрита, глядя, как хранительница убирает дарственную на место, — что преступники *всегда* верят: уж они-то сумеют выйти из воды сухими. Если бы они так не считали, то и преступлений не совершали бы!

— Наверно, нет. — Ланитха вздохнула и покачала головой. — Просто это так глупо и печально, когда люди опускаются до подлога.

— Знаешь, ты не права, — сказала Каэрита таким твердым тоном, что Ланитха быстро взглянула на нее через плечо.

— Не права, миледи?

— Это не глупо и не печально, — ответила Каэрита. — Независимо от мотивов противоречие между документами здесь и в Таларе играет на руку Тризу и его единомышленникам. Это не какое-нибудь незначительное расхождение, которое может быть объяснено ошибкой переписчика. Это умышленная подделка, а ведь на свете предостаточно тех, кто плохо относится к «девам войны». Для них не имеет значения, что в ваших руках оригиналы, а у него — только копии. Для них имеет значение совсем другое: в подделке заподозрят скорее всего *вас*.

— Выходит, это хорошо, что рыцарь Томанака здесь, верно, миледи? Даже самые предубежденные люди поверят *вам*, если вы скажете, что подделка — дело рук Тризу или того, кто работает на него.

— Да, Ланитха, — мрачно ответила Каэрита. — Поверят.

Два дня спустя верхом на Тучке она отправилась в путь. Дорога на Куайсар тянулась

почти точно на восток, и утреннее солнце светило прямо в лицо Каэрите. На фоне яркого голубого неба над головой парили птицы, перекликаясь друг с другом и ловя сильный северо-западный ветер, под порывами которого бесконечное море молодой травы с легким шелестом клонилось из стороны в сторону. Утро было еще прохладное, но ветер и высокие, прекрасные крики птиц приносили такое острое ощущение жизни, что Каэрита с наслаждением вдыхала насыщенный энергией свежий воздух.

Возникло искушение полностью погрузиться в чувственную радость нового дня, однако тягостное подозрение, впервые зародившееся в библиотеке Тризу, переросло в нечто столь мрачное, что отбрасывало собственную тень на сияющее утро.

У нее все еще слишком много вопросов и слишком мало ответов, напомнила она себе. Однако старательно перебирая их в уме, она видела, в какой точке сходятся все факты, которые поддаются проверке. Но вот чего она никак не могла понять, это как такое вообще могло случиться. И почему Лиллинару и Томанак, похоже, пришли к обоюдному согласию насчет именно *ее* участия в этом деле.

Нет, даже на мгновение она не позволяла себе думать, что эта работа не по ней. Именно такая задача когда-то привлекла ее к служению Томанаку. Кроме того, она от всего сердца жалела, что ее мать — да и она сама — в свое время не встретились с «девами войны», и это лишь укрепляло ее решимость идти до конца. Она не совсем отчетливо представляла себе, с чем столкнется в Куайсаре, но от всего этого клубка просто несло Тьмой. Вероятность того, что она скачет прямо в пасть Тьмы, была очень велика, однако таков долг избранных Томанака — нести Свет даже в самые глубины Мрака.

Правда, иногда и Свет терпит неудачу.

Рыцарь Каэрита, дочь Селдана, знала это — как и то, что очень немногие избранные Томанака умирают в своей постели. Однако если такова цена за то, чтобы не дать Тьме захватить Контовар, Каэрита была готова заплатить. На случай, если дело обернется совсем плохо, она отправила Базелу запечатанное Печатью Меча письмо, в котором изложила все свои подозрения, открытия и выводы. Если ей суждено потерпеть неудачу, она умрет с абсолютной уверенностью, что брат по мечу отомстит за нее и выполнит ее задачу — точно так же, как она сделала бы это для него.

Улыбнувшись, она отбросила мрачные мысли, вскинула голову и подставила лицо солнцу, наслаждаясь его теплом.

Куайсар производил сильное впечатление.

Создатели храма подыскиали для него один из немногих на Равнине Ветров природных холмов. По мере приближения Каэрите становилось все яснее, что возвышение, на котором стоят и храм, и город, покоится на гранитном основании в форме купола, и не таком высоком, как показалось на первый взгляд. Это было вполне естественно для лишь слегка холмистой Равнины Ветров, раскинувшейся во всех направлениях насколько хватало глаз. И даже сравнительно невысокое расположение Куайсара обеспечивало ему господство над окружающей местностью.

Старинный городок, большей частью поглощенный храмом, окружала низкая защитная стена. Вдоль дорог, сходящихся к маленькому озеру у гранитного подножия храма, тянулись сравнительно недавно построенные дома и крестьянские хутора; проезжая мимо, Каэрита видела работающих на полях людей.

Сам храм тоже окружала стена, и повыше городской. У аксейцев храмы Лиллиары не имели такой дополнительной защиты, однако Империя Топора была древнейшим государством Норфрессы, с давно устоявшимися порядками. Когда строили Куайсар, покоя на Равнине Ветров было гораздо меньше. Как, впрочем, и сейчас, если уж на то пошло. В любом случае Каэрита понимала строителей, добивавшихся, чтобы их храм не только занимал удобную оборонительную позицию, но и был хорошо укреплен.

Стена не позволяла как следует разглядеть храмовые строения, однако три высокие башни, традиционные для храма Лиллиары, были видны хорошо, выделяясь на фоне

голубого неба и снежно-белых кучевых облаков. В центре — Башня Матери, с ее круглой алебастровой луной, а по бокам — более низкие, увенчанные полумесяцами из обсидиана Башня Девушки и Башня Старухи. Каэрита живо представила себе, как они должны выглядеть под ночным небом, когда серебристо-белое мерцание Лиллиныры заливают каменную кладку. Куайсар был далеко не самым большим храмом Лиллиныры, когда-либо виденным Каэритой, но его расположение и какая-то особая выразительность придавали ему величавость и создавали ощущение божественного присутствия, которое редко признавала избранница Томанака.

Тем не менее с приближением к храму образ башен, мерцающих спокойным, лучезарным светом под усыпанными звездами небесами, угас, и сердце Каэриты стиснула ледяная рука. Нет, свет Серебряной Леди по-прежнему окутывал эти башни и эти стены под теплыми лучами солнца. Однако глаза Каэриты отличались от глаз других смертных. Она видела то, что было скрыто от всех, и губы ее плотно сжались, когда уголком глаза она уловила зловещий отблеск ядовито-зеленого мерцания.

Она узнала эту зелень, от вида которой все внутри переворачивалось. Она уже видела ее. Ей вспомнился дождливый день в библиотеке барона Телиана, когда она рассказывала ему, насколько хорошо, к несчастью, избранники Томанака знакомы с присутствием избранников Тьмы.

Рыцарь сделала глубокий вдох и устремила пристальный взгляд на замок, стараясь более четко выделить эти ускользающие зеленые блики. И, раздосадованная, крепко стиснула зубы — ничего у нее не получилось. Каждый избранник Томанака воспринимает зло и творения Тьмы на свой собственный, уникальный лад. Каэрита знала, что у Базела возникает то, что он называет «ощущением» — вещь не воспринималась целиком, хотя каким-то образом становилась узнаваемой. Другой избранник из числа ее знакомых слышал музыку, которая вела его. Однако Каэрита, наподобие некоторых магов, о которых ей рассказывали, *видела*. Для нее это была игра света и тени — или Света и Тьмы. Не было случая, чтобы это внутреннее восприятие не сработало или обмануло ее, и все же сегодня смысл *увиденного* каким-то образом... ускользал от нее. Она не могла точно определить его, не могла даже сказать, откуда исходит дьявольское зеленое свечение, которое улавливала периферийным зрением — от храма или от теснившегося под ним города.

Это было невозможно. В особенности учитывая уже проведенное ею расследование и возникшие подозрения. Под ее взглядом зло должно было разоблачить себя, если только... кто-то — или даже что-то, — обладающий невероятной мощью, сознательно не маскировал его.

Она сделала выдох, встряхнулась. И напонила себе, что эта маскировка вряд ли направлена лично против *нее*. Что бы ни происходило в Куайсаре, оно было результатом многолетних усилий.

Так что же сделало Куайсар таким ценным в глазах Тьмы? Ясное дело, его важность для Лиллиныры и в особенности для «дев войны». Куайсар пользовался большей славой, притягивал к себе пилигримов и посетителей сильнее, чем большинство таких вот не слишком больших храмов. И некоторые пилигримы могли, как и Каэрита, *видеть* то, что Тьма предпочитала скрывать.

Логично — и все же требуется просто невероятная сила, чтобы затуманить внутреннее зрение избранника Томанака. На самом деле такая сила должна полностью затемнить восприятие — и зрение, и слух, и прочие чувства — любого, кто не связан узами непосредственного служения богу.

А это означает, что где-то на вершине древних гранитных зубцов ждет слуга Темного Бога.

«Да, — мрачно сказала она себе. — И, скорее всего, это сама Глас. Почти наверняка. Сколь ни могущественна Тьма, она не сумела бы укрыться от незатронутой порчей Гласа. Но кто бы это ни был, его воздействие несовершенно. Даже сам Бог Тьмы не сумел бы помешать *видящему*. Замечательно! Чудесно! — Она насмешливо фыркнула. — Не весь же

Куайсар "заражен". И все же придется исходить из того, что *всякий*, кого я здесь встречу, служит Тьме — пока он не докажет обратного».

Она закрыла глаза и снова сделала глубокий вдох.

«Ну что ж, Томанак. Ты никогда не обещал, что мне будет легко. Думаю, я не полезла бы сюда в одиночку, а во всю прыть уже скакала за подкреплением — если бы не мой медный лоб, почти как у Базела. Но, увы... Итак, если Ты не слишком занят сегодня, почему бы нам с Тобой не навестить Глас? »

— О, конечно, госпожа Каэрита! Прошу, прошу! Мы ждали вас.

Офицер гвардии у больших церемониальных врат храма низко поклонился и сделал приглашающий жест в сторону широко раскрытых створок. Выпрямившись и убедившись, что Каэрита пристально смотрит на него с высоты седла, он слегка нахмурился, явно удивленный тем, что она не воспользовалась его приглашением.

— Ждали меня?

Внезапно почувствовав сухость в горле, офицер откашлялся.

— Уф... Ну, да, миледи. — Он встряхнулся. — Глас за несколько дней предупредила нас о вашем визите, — взволнованно ответил он.

— Понимаю.

Каэрита занесла в память его слова, как и заметный акцент Сотойи и теплоту, с которой он говорил о Гласе. В Империи Топора не принято, чтобы охраной у входа в храм Лиллиары командовал мужчина. Однако иногда такое случается даже там, ведь аксейские женщины редко проявляют склонность к военным профессиям. Еще больше оправдано это здесь, в королевстве Сотойя, где женщины-воины встречались даже реже. Однако позади офицера Каэрита заметила двух «дев войны» в чари и йатху, с мечами на бедрах, с перекрещивающимися на груди лентами с запасом метательных «звездочек» и традиционными у «дев войны» кожаными головными повязками. Учитывая исключительную важность Куайсара для «дев войны», Каэрите показалось... интересным, что *не вся* гвардия Куайсара состоит из них.

Не менее интересным были и интонации, с которыми офицер говорил о Гласе, в особенности учитывая, что этот человек принадлежал к всадникам Сотойи. Казалось, он не испытывает никакого неудобства, служа в храме, не просто посвященном Богине Женщин, но самым тесным образом связанном со всеми этими «противоестественными» «девами войны». Без сомнения, человек, согласившийся занять такой пост, должен быть значительно просвещеннее большинства мужчин Сотойи, однако в его тоне ощущалось не просто приятие или даже одобрение. Скорее, тут звучало... почтение. Для того чтобы убедиться в этом, Каэрите не требовалось даже заглядывать ему в глаза, хотя она не сомневалась, что увидит там и нечто связанное с предметом ее беспокойства.

— Да, миледи, — продолжал офицер. — Она знала, что вы посещали Калатху и лорда Тризу, и еще почти неделю назад сказала, что вы непременно нанесете визит и нам. — Он улыбнулся. — И, конечно, она наказала, чтобы мы приветствовали вас со всей учтивостью, достойной рыцаря Бога Войны.

Каэрита бросила взгляд на остальных гвардейцев: две «девы войны», которых она заметила раньше, и еще трое мужчин в традиционных для Сотойи нагрудниках и кожаных доспехах. Как люди, прошедшие хорошее обучение, все они сохраняли профессиональный нейтралитет, однако в их лицах угадывалась та же теплота, что и в тоне командира.

— Очень любезно со стороны Гласа, — ответила Каэрита. — Я высоко ценю это. Она совершенно права; я здесь, чтобы встретиться с ней. И раз уж она предупредила вас о моем появлении, может быть, вы знаете, согласится ли она дать мне аудиенцию?

— Мне было приказано пропустить вас внутрь. Уверен, что майор Паратха, командир личной гвардии Гласа, уже дожидается, чтобы проводить вас.

— Похоже, Глас не только любезна, но и предусмотрительна. — Каэрита улыбнулась. — Как и все, кто служит ей и богине здесь, в Куайсаре.

— Спасибо за добрые слова, миледи. — Офицер поклонился, на этот раз еще ниже, и снова сделал приглашающий жест в сторону открытых ворот. — Однако все мы понимаем, что только очень серьезные проблемы могли увести вас так далеко от Империи, и Глас ждет не дождется, когда майор Паратха приведет вас к ней.

— Конечно. — Каэрита слегка наклонила голову в ответном поклоне. — Надеюсь, мы еще встретимся, прежде чем я покину Куайсар.

Она мягко сжала ногами бока Тучки, и кобыла пересекла линию ворот. Туннель, начинавшийся за ними, был длиннее, чем ожидала Каэрита, и, значит, защитная стена храма толще, чем казалось издали; пятно солнечного света по ту сторону туннеля выглядело совсем крошечным и далеким. Все тело Каэриты напряглось, она остро ощущала молчаливую угрозу, исходящую из смертоносных отверстий на потолке. Уже не первый раз в жизни ей приходилось лезть, что называется, в пасть льва, и она знала, что внешне выглядит совершенно спокойной. Другое дело — что творилось у нее внутри.

Майор Паратха ожидала ее. Каэрита удивилась — хотя и не подала виду, — обнаружив, что ее сопровождал лишь конюх, которому, по-видимому, предстояло позаботиться о Тучке. Что бы ни было на уме у Гласа, такие грубые действия, как пустить в ход мечи во дворе храма, в ее планы явно не входили.

— Миледи рыцарь.

Паратха в знак приветствия наклонила голову. В ее речи тоже ощущался акцент Сотойи, она была лишь чуть выше Каэриты, одета примерно в такую же кольчугу и вооружена кавалерийской саблей. Если она и относилась к числу «дев войны», то, по-видимому, к числу немногих, обученных обращению со «стандартным» оружием.

Все это становилось ясно при одном взгляде на нее, но любой, кроме Каэриты, ничего больше не увидел бы. Рыцарь же внутренне напряглась — как кошка при виде кобры, — *увидев* тошнотворное желто-зеленое свечение, очерчивающее фигуру Паратхи. Ощущение испускаемого ею зла для Каэриты было сродни удару в живот и несло в себе такой мерзкий, подлый привкус, что она на мгновение утратила дар речи. Как могут другие не чувствовать этого столь же ясно, как она?

— Ваш визит — честь для Куайсара, — продолжала женщина с улыбкой.

Ее голос звучал совершенно нормально, и это было так странно после *увиденного* Каэритой, что ей потребовалось все умение владеть собой, чтобы не выдать удивления.

— Майор Паратха, надо понимать. — Каэрита спешила и мило улыбнулась, словно ничего не заметив.

— Она самая, — подтвердила Паратха. — По просьбе и от имени нашего Гласа я приветствую вас и заверяю, что она сама и весь храм готовы оказать вам любую помощь, какую пожелаете.

— Другого отношения я от Гласа Матери и не ждала, — ответила Каэрита. — И благодарна за любезность и великодушие.

— И все же это самое меньшее, что служительницы Матери могут предложить служительнице Томанака, прибывшей к нам в поисках справедливости, — сказала Паратха. — И раз уж вы здесь по делам, могу ли я проводить вас прямо к Гласу? Или предпочитаете освежиться после долгой скачки?

— Как вы верно заметили, майор, я прибыла сюда в поисках справедливости. Если Глас готова принять меня немедленно, я предпочла бы пройти прямо к ней.

— Конечно, миледи. — Паратха снова любезно улыбнулась. — Следуйте за мной.

«Ну, — думала Каэрита, вслед за Паратхой шагая по коридорам комплекса храма, — по крайней мере, *одного* своего врага я уже обнаружила».

Каэрите понадобилось прямо-таки физическое усилие, чтобы не вцепиться в рукояти своих мечей. В благоговейной тишине и полумраке храма исходящее от Паратхи мерзкое мерцание как будто усилилось; излучаемые ею щупальца тянулись ко всем, мимо кого они проходили. Было что-то тошнотворное в медленных, почти сладострастных движениях,

которыми сотканные из тусклого мерцания «змеи» ласкали и поглаживали людей. Каэрита *видела* на коже встречных крошечные, безобразные пятнышки, похожие на проказу. Они были такие маленькие, эти пятнышки, — едва видимые, лишь чуть более интенсивные по окраске, чем родинки. Однако у большинства служительниц, мимо которых они проходили, проступали оставшиеся от этих пятен шрамы. Они коротко вспыхивали, становились ярче и отвратительней, когда свечение Паратхи дотягивалось до них. Потом они снова тускнели и уходили вглубь, так что даже Каэрита не могла *видеть* оставшегося следа.

Еще хуже были те, кто ощущал *что-то*, когда отвратительная паутина Паратхи касалась их кожи. Они воспринимали ласку окутывающей Паратху Тьмы, и на их лицах — как они ни старались это скрыть — мелькал проблеск удовольствия, почти экстаза, пусть и извращенного.

Чем дальше гостя и ее провожатая углублялись в храм, тем сильнее и быстрее колотилось у Каэриты сердце. Они прошли через Часовню Старухи, чего на месте Паратхи Каэрита делать не стала бы. Да, зло расползлось по всему Куайсару, и все же он по-прежнему оставался храмом Лиллиары. Осквернить сам храм и, даже более того, его обитателей и слуг — это было величайшее достижение Тьмы, но сами камни наверняка помнили, в честь кого и с уважением к кому были воздвигнуты. Триумф Тьмы не мог оставаться незамеченным вечно, и из всех ликов Лиллиары именно Старуха, или иначе Мстительница, была знаменита своей яростью.

С другой стороны, в том, что Паратха избрала именно этот путь, присутствовала своя логика: именно Старуха — как Мстительница — вся пропиталась кровью и насилием. Это был Третий Лик Лиллиары, больше всех остальных тяготеющий к безжалостному разрушению. Некоторые люди, и среди них Каэрита, ощущали, что Старуха сама нередко едва удерживается на грани Тьмы, а потому между Ее Часовней и мрачной паутиной, опутавшей душу Паратхи, возникал определенный резонанс.

— Скажите, майор, — как можно небрежнее спросила Каэрита, — давно вы служите Лиллиане?

— Почти двенадцать лет, миледи, — ответила Паратха.

— А гвардию этого Гласа давно возглавляете?

— С тех пор как она прибыла сюда, — с улыбкой бросила Паратха, оглянувшись через плечо. — В гвардию Куайсара меня назначили почти восемь лет назад, я командовала охраной предыдущего Гласа последние полтора года ее жизни.

— Понятно, — пробормотала Каэрита.

Они миновали часовню. Чем дальше углублялись они в отравленные миазмами зла недра храма, тем сильнее Каэрита ощущала чисто физическое давление, как будто Тьма буквально кралась за ней по пятам. Ей стало страшно, ужасно страшно; когда она впервые поняла, что Куайсар является центром всей этой паутины, она и представить себе не могла, что можно испытывать такой страх. Властвующее тут зло было очень искусным, ужасающе мощным и явно плело свои сети дольше, чем она предполагала. Причем те, кто жил на прилегающей к храму территории или находился не в непосредственной близости к центру этой силы — вроде гвардейцев, приветствовавших ее у ворот, — в меньшей степени подверглись пагубному воздействию. Каэрита задумалась, было ли это сделано сознательно. Может, оставаясь в стороне и не замечая того, что происходит в Куайсаре, они являлись частью маскировки? Или Тьма просто приберегала их на потом, когда полностью подчинит себе всех внутри храма?

Впрочем, в данный момент все это не имело значения. А имело значение то, что — Каэрита чувствовала — у нее за спиной вырастали барьеры. Пряди, или нити, или скорее жгуты силы взлетали вверх, сплетались в собственную паутину, непробиваемые в своей самоуверенности, и теперь ни о каком бегстве не могло быть и речи.

Оглянувшись через плечо, она увидела, что за ними следует более дюжины женщин, из числа тех, кто сильнее других реагировал на прикосновение окутывающей Паратху Тьмы. Они делали вид, будто просто идут по своим делам, но Каэрита понимала, что это не так.

Она *видела*, что паутина отвратительного излучения удерживает их вместе и становится все сильнее, как будто Паратху все меньше и меньше волнует, удастся ли скрыть ее воздействие.

Они прошли через множество помещений, о назначении которых Каэрита могла лишь догадываться, и оказались в части храма, производившей впечатление жилой. Смутными картинками мелькали прекрасные произведения искусства, религиозные артефакты, изумительные ткани. Нежно звенели фонтаны, вода журчала в богато украшенных каналах, где лениво плавали большие золотые рыбки, во всем ощущалось холодное, молчаливое величие.

Каэрита замечала все это... и не замечала ничего. Это было неважно, второстепенно и отступало под натиском сгущающейся вокруг Тьмы, со всех сторон стягивающейся к Каэрите. Тьмы гораздо более искусной, менее варварской, чем та, с которой она, Базел и Вайджон схлестнулись в Навакканском храме Шарны, но, однако, не менее сильной. А может, даже более сильной; во всяком случае, не знающая границ злоба и терпеливое коварство выходили далеко за рамки того, что ощущалось вокруг Шарны и его орудий.

И сейчас Каэрита была здесь одна.

В конце концов Паратха распахнула дверь полированного черного дерева, инкрустированную алебастровыми изображениями луны, и низко поклонилась Каэрите. Ее улыбка выглядела такой же искренней, как и вначале, однако прикрывавшая лицо маска уже заметно выдохлась. Увидев в глубине глаз Паратхи то же желто-зеленое мерцание, Каэрита спросила себя: а что та *видит*, глядя на нее?

— Глас ждет вас, миледи рыцарь, — любезно сказала Паратха, и Каэрита вошла в распахнутую дверь.

Просторное помещение, в котором она оказалась, явно предназначалось для официальных аудиенций, но в то же время столь же очевидно являлось частью жилого помещения. Произведения искусства, статуи, мебель — все роскошное, самого высшего качества — были расположены таким образом, чтобы привлекать внимание к стоящему в центре, похожему на трон креслу.

В нем сидела женщина в белых одеждах Гласа Лиллинары. Молодая, изумительно красивая, с овальным лицом, длинными, почти такими же черными, как у Каэриты, волосами и большими карими глазами. Во всяком случае, Каэрите так показалось, хотя она не могла быть уверена ни в чем, потому что исходящее от Гласа ядовито-зеленое излучение буквально ослепляло.

— Приветствую вас, рыцарь Томанака. — У нее было серебряное сопрано, нежное и мелодичное. — Вы не представляете, как я жажду встречи с избранником одного из братьев Лиллинары.

— В самом деле, миледи? — Никто на свете не догадался бы, каких усилий Каэрите стоило, чтобы ее голос звучал нейтрально и даже любезно. — Приятно слышать. Ведь и я сама не менее горячо желала встретиться с *вами*.

— Будем считать это удачей — что оба наши желания исполнились в один и тот же день, — произнесла Глас.

Каэрита слегка наклонила голову, выпрямилась, положив руку на рукоять меча, открыла рот, чтобы ответить, но...

Она не успела произнести ни слова. Ее вдруг будто захлестнула с головой мощная приливная волна, сокрушительная, как землетрясение, текучая, хотя и более густая, чем строительный раствор или цемент. Она создала вокруг Каэриты плотный кокон и полностью лишила ее способности двигаться.

— Не знаю, что ты собиралась сказать, рыцарь, — снова зазвучало сопрано, но на этот раз оно было холоднее льда, в глубине которого таилось угрожающее шипенье, — но это не имеет никакого значения.

Глас рассмеялась — словно осколки стекла рассыпались по каменному полу — и покачала головой.

— До чего же вы, *рыцари*, самонадеянны! Никогда не сомневаетесь в том, что вас

приведут куда надо и защитят от всякого вреда! Пока, конечно, рано или поздно не наступит время, когда хозяин, вот как тебя сейчас, выбрасывает вас за ненадобностью.

Каэрита почувствовала, что Глас оказывает давление на ее голосовые связки, заставляя молчать. Она стояла неподвижно, стянутая паутиной Зла, и, не пытаясь заговорить, смотрела на Глас, а та снова рассмеялась и встала.

— Допускаю, что ты действительно нашла способ расстроить мои планы здесь, маленький рыцарь. И не просто причинить мне небольшое беспокойство. Видишь? Я признаю это. Однако я предусмотрела такую возможность и тоже не сидела сложа руки. Ясное дело, должно было прийти время, когда кто-нибудь догадался бы, что моя Госпожа играет в Куайсаре в *свои* маленькие игры. Но — о *миледи* Каэрита — все же мне уже удалось причинить немалый вред твоим драгоценным «девам войны» и их королевству! Может быть, желаешь обсудить это со мной? — Она сделала жест рукой, и давление на голосовые связки Каэриты исчезло. — Ну, так что, хочешь поговорить со мной? — насмешливо спросила Глас.

— Они не «мои драгоценные девы войны», — ответила Каэрита, удивившись тому, как спокойно и ровно звучит ее голос. — И ты не первая, кто пытается причинить им зло. Да, несомненно, некоторый вред ты им причинила. Я признаю это. Однако любой вред можно исправить, и Томанак, — (ей показалось, что Глас слегка вздрогнула, услышав это имя), — Бог не только Войны и Справедливости, но и Истины. А Истина — яд для Тьмы, не так ли, Глас?

— Ты что, действительно веришь, будто тупоголовые Сотоя поверят в это? Или что даже *сами* «девы войны» поверят в это? — Глас снова рассмеялась. — Вряд ли, маленький рыцарь. Мои планы простираются слишком далеко, а паутина охватывает слишком многих. Одно мое прикосновение и... любой поверит мне — совсем как эта жалкая марионетка Ланитха. Она убеждена, что сама Лиллинара велела ей охранять мои маленькие исправления в документах, чтобы «девам войны» было за что зацепиться для начала. Или твоя дорогая Йалит и ее совет, которые даже не помнят, что когда-то говорили совсем другое. Как ты сама сказала этой дурочке хранительнице, те, кто уже ненавидит и презирает «дев войны» — вроде Тризу, — будут убеждены, что именно *девы* подделали «оригиналы» в Калатхе. А «девы войны» будут убеждены, что не делали этого — под воздействием моей кропотливой работы. И рыцарь Томанак не сможет подтвердить подлинность копий Тризу... и объяснить, как документы в Калатхе могли быть изменены без участия Йалит и ее совета. Боюсь, тебя не окажется поблизости, когда придет время рассказать им об этом.

— Может, и нет, — спокойно сказала Каэрита. — Существуют, однако, и другие избранные Томанак, и один из них очень скоро узнает все, что известно мне, а также к каким выводам я пришла. Думаю, я могу полностью положиться на него. Если понадобится, он завершит начатое мною.

На мгновенье брови Гласа сошлись к переносице, но потом лицо ее снова разгладилось. Она пожала плечами.

— Может, и так, маленький рыцарь, — сказала она. — Однако лично я полагаю, что нанесенный мной вред неустраним. Я нашла такую благодатную почву по обе стороны — и лордов, ненавидящих все, что отстаивают «девы войны», и «дев войны», возмущенных оскорблениями и несправедливостью, которые им и их сестрам приходилось терпеть на протяжении долгих лет. О да, все они прислушаются ко *мне*, а не к твоему другу-рыцарю. Они поверят тому, что больше соответствует их предубеждениям и ненависти, а я разошлю своих служанок, чтобы они распространяли мое слово дальше. *Моих* служанок, маленький рыцарь, а не тех тупых, бесхарактерных сучек, ради которых был воздвигнут этот храм! — Она злобно вперила взгляд в Каэриту, и та почувствовала, как ненависть сочится из Гласа, словно дымящаяся кислота. — А чтобы раздуть пламя пожарче, — внезапно в сопрано фальшивого Гласа зазвучали мягкие, подлые и какие-то... голодные нотки, — Тризу вот-вот начнет решать проблему своими руками.

Увидев вопрос в глазах Каэриты, она холодно рассмеялась.

— Есть те, кто убежден, будто с его молчаливого согласия — или даже по его приказу — убиты две служительницы Лиллины. Он, конечно, не делал этого. При всем своем фанатизме он упорно сопротивляется подсказкам, которые могли бы подтолкнуть его к прямому воздействию. Однако «девы войны» думают иначе. И, уж конечно, они не изменят своего мнения, когда солдаты в мундирах *его* цветов нападут на Куайсар, под *его* знаменами ворвутся в город и храм, а потом расправятся со всеми жителями Куайсара и всеми служительницами храма, которых сумеют захватить.

Против воли перед внутренним взором Каэриты возникли картины одна ужаснее другой. «Глас», казалось, почувствовала это — в ее ответной улыбке отразились глубины разверзшегося в душе Каэриты ада.

— Погибнут не все, конечно. Так всегда бывает, не правда ли? И я уж позабочусь, чтобы среди уцелевших не осталось тех, кто не попался в мою паутину. Самая тщательная проверка любым из ваших *непогрешимых* избранников Томанака подтвердит: выжившие говорят правду о том, что они видели, и о том, кто это сделал. И среди увиденного ими, маленький рыцарь, будет вот что. Я сама, моя личная гвардия и старшие жрицы — мы все забаррикадируемся в Часовне Старухи и будем стоять до конца. Конечно, солдаты Тризу попытаются прорваться внутрь, но я призову Леди Гнева, и она уничтожит всех нападающих... а также тех, кто внутри. Этим объяснится тот факт, что тел не найдут. Или, по крайней мере, не найдут *наших* тел.

Она в притворной печали склонила голову.

— Несомненно, некоторые собратья Тризу придут от содеянного им в ужас. Другие, более милосердные, решат, что он просто сошел с ума. Однако найдутся и такие, кто сочтет справедливым, что он выжег это гнездо извращенности, в особенности когда выяснится, что документы подделаны. И что бы Телиан и даже сам король ни предпринимали, маленький рыцарь, причиненный вред будет неустраним. Тризу станет доказывать свою невиновность, размахивать подлинными документами, и все же его наверняка накажут. Тогда найдутся лорды, которые обвинят его сеньора и короля в судебной ошибке. Если же Тризу оставят без наказания — к примеру, какой-нибудь любитель совать нос в чужие дела из числа избранников Томанака своими методами установит, что он говорит правду и не имеет никакого отношения к нападению, — тогда «девы войны» будут считать, что его оправдание — не более чем дымовая завеса, позволившая ему *избежать наказания*. И того же мнения будут придерживаться многие прихожане церкви Лиллины.

— Вот к чему сводится твой план? — спросила Каэрита. — Сеять распри, ненависть и разрушение?

— Ну, это да, конечно, а еще удовольствие видеть, как пылают дома и гибнут люди, — ответила «Глас», с недовольной гримасой разглядывая свои полированные ногти.

— Понимаю... Полагаю, это было не слишком трудно — убить прежнюю Глас, как только Паратха возглавила ее гвардейцев? Не знаю, использовала ты яд или заклинание, да это, в конечном счете, и неважно. Однако мне хотелось бы знать, что ты сделала с Гласом, которая должна была заменить ее.

«Глас» нахмурилась, пристально глядя на Каэриту. Это длилось совсем недолго. Спустя мгновение она уже улыбалась.

— С чего ты взяла, что кто-то сделал что-то *со мной*? В этом не было необходимости. Я, знаешь ли, с самого начала не была, как говорится, идеалом совершенства — то бишь фанатичной узколобой жрицей, — и понимание истины далось мне без труда. Я и отдала свою преданность другой богине, более достойной моего преклонения. Будешь делать вид, что я одна оказалась такой?

— Нет, — не стала спорить Каэрита. — Однако подобное случается не так уж часто. И никогда это не происходит с *подлинным* Гласом. Ты в жизни не была жрицей Матери — или ты и впрямь думаешь, что можешь обмануть рыцаря Томанака? — Она скорчила гримасу. — В то же мгновение, как я тебя *увидела*, мне стало ясно, что ты никогда не была жрицей Лиллины. Более того, я вообще не уверена, что ты человек. Но одно меня утешает: кто бы

или что бы ты ни была, ты не Глас этой церкви.

— Очень умна, — прошипела «Глас», свирепо глядя на Каэриту. — С этой бедняжкой случилась беда, прежде чем она смогла приступить к своим обязанностям, — с ханжеской грустью объявила она, взяв себя в руки. — Знаешь ли, все происходящее ужасно огорчило ее — собственно, она призналась мне в этом сама, прямо перед тем, как я вырезала сердце у нее из груди и мы с Паратхой тут же съели его. — «Глас» злобно ухмыльнулась. — И раз это так беспокоило ее, а я в какой-то степени была в ответе за ее неудачу, я подумала, что просто обязана возложить ее долг на себя. И по-моему, я неплохо справлялась.

— А-а... И какое же место в твоих планах отведено для *меня*? — спросила Каэрита.

— Ну, ты умрешь, конечно, — ответила «Глас». — О, не сразу — *физически*, я хочу сказать. Боюсь, нам придется сначала уничтожить твою душу. Потом я заменю ее маленьким демоном, случайно оказавшимся у меня под рукой. Он сохранит твою плоть живой до нападения «Тризу». Кто знает? — Ее улыбка вселяла ужас — Может, поселившись в твоём теле, он успеет позабавиться кое с кем из моих охранников. Жаль, конечно, что сама ты не сможешь почувствовать, насколько он обогатит твои сексуальные переживания, но, уверена, *он* скучать не будет. А потом, после нападения «Тризу», ты храбро погибнешь, защищая храм от осквернения. Думаю, это добавит милый такой художественный штрих в общую картину, согласна? Да и сама возможность рассчитаться с одной из маленьких любимых Томанака, как она того заслуживает, оправдывает все предпринятые ради этого усилия.

— Понимаю, — в который раз сказала Каэрита. — И ты веришь, что сможешь проделать все это со мной?

— *Вера* тут ни при чем, — ответила «Глас». — Ты моя, и я могу делать с тобой все, что пожелаю, глупая сука, с того самого мгновенья, как ты вошла в эту комнату. Как думаешь, почему ты не способна двинуть ни головой, ни ногой?

— Хороший вопрос, — сказала Каэрита. — Но есть получше.

— Что за «получше»? — пренебрежительно фыркнула «Глас».

— Почему *ты* думаешь, что я не способна сделать это? — хладнокровно спросила Каэрита.

Мечи со свистом выскочили из ножен, и она бросилась на своего врага.

Внезапность нападения застала «Глас» врасплох. Ей даже в голову не приходило, что Каэрита *сама* решила не двигаться и не говорить, осознав, какая мощь ей противостоит. Кем бы — или чем бы — ни была «Глас», никогда прежде она не пыталась подчинить себе избранника Томанака. Если бы у нее был такой опыт, она знала бы, что никакое насилие, никакое заклинание принуждения, даже опирающееся на мощь живого воплощения другого бога, не могут сковать разум и волю той, что поклялась служить Богу Войны и соприкоснулась с ним душой. И поскольку «Глас» не знала этого, она все еще недоверчиво тарасилась на Каэриту, когда испускающие яркое голубое сияние мечи пронзили ее грудь.

Вопль боли и ярости пронесся по залу, когда создание, выдававшее себя за Глас Лиллинары, рухнуло на пол, истекая едкой кровью. Прежде чем вытащить из тела мечи, Каэрита несколько раз провернула клинки, одновременно выбросив назад правую ногу и каблуком тяжелого сапога с размаху ударив в лицо женщины, которая подкрадывалась со спины. Удар получился хуже, чем она рассчитывала, но его хватило, чтобы отшвырнуть нападающую на пол, и она рухнула с криком боли.

Сила удара развернула Каэриту — она оказалась лицом к лицу с майором Паратхой и другими слугами «Гласа». Словно выброшенная огнедышащим вулканом, вверх взметнулась потрескивающая голубая аура избранника Бога Света и пронеслась по залу подобно урагану. Она окружила Каэриту, отгородив от остальных тонкой стеной света. Видеть эта стена не мешала, и взгляд Каэриты безошибочно и молниеносно нашел Паратху. Майор еще только вытаскивала саблю из ножен, и, по крайней мере, половина ее подчиненных застыли, словно парализованные. Однако Каэрита понимала: надолго это их не задержит.

У каждого избранника Томанака свой стиль борьбы. У Каэриты и Базела стили отличались всем — кроме одного: оба предпочитали нападать, а не защищаться. И поскольку

некому было прикрывать ей спину и не с кем было координировать свои действия, Каэрита, дочь Селдана, решила использовать все преимущества того, что могла рассчитывать только на себя.

И бросилась в атаку.

Никаких сомнений, теперь самым опасным ее противником была Паратха. К несчастью, Паратха, судя по всему, не желала сражения один на один. Быстро увернувшись, она спряталась за спину жрицы, сверкая на Каэриту яростным огнем глаз.

С молниеносной скоростью и изяществом мясницкого ножа правый меч Каэриты пошел вниз, зацепил руку Паратхи и срезал ее, точно серпом. Женщина завопила, когда кровь хлынула из обрубка, но тут Каэрита рубанула перед собой левым мечом, вызвав новый фонтан крови. Брызги попали ей на лицо, «разукрасив» его, подобно варварам Вакуо.

— Томанак! Томанак!!!

Боевой клич Каэриты эхом прокатился по залу. Чей-то кинжал со скрипом скользнул по ее нагруднику, и быстрый, чудовищный по силе удар тут же раскроил живот нападающей. Смертельно раненная жрица упала на спину, извиваясь и вопя. В Каэрите встрепенулась ее исцеляющая ипостась, но тут же спряталась, ибо Каэрита поняла, что все кинжалы нападающих покрыты смертоносным ядом.

Отбив мечом в левой руке удар еще одного кинжала, правой она пригвоздила к полу третью жрицу. Проскользнула между двумя противницами, убив одну и ранив другую, круто развернулась и снова бросилась в атаку.

— Томанак!!!

Пыла у ее врагов явно поубавилось. Она ощерилась, словно дикая кошка, — белые зубы сверкнули на забрызганном кровью лице — и ринулась вперед. Упали две жрицы, потом еще одна, и тут Каэрита услышала, что по всему храму разносится тревожный звон колоколов.

Желваки заиграли у нее на скулах. Без сомнения, «Глас» и Паратха использовали всю мощь своей владычицы, чтобы обеспечить себе преданность гвардейцев Куайсара, независимо от того, знали эти гвардейцы, кому служат, или нет. И даже те, кого не затронула никакая порча, вбежав в зал для аудиенций и увидев, что «Глас» и ее жрицы лежат мертвыми, вряд ли рискнут предположить, что их убийца — лишь жертва засады, устроенной Тьмой. У Каэриты оставалось всего несколько секунд, прежде чем зал заполонят настоящие гвардейцы и «девы войны», и ее мечи засверкали, пожиная смерть. Сквозь толпу размахивающих кинжалами жриц она пробивала себе путь к майору Паратхе.

Разделяющие их тела разлетались в стороны, с криками или уже мертвые, но Паратха больше не пыталась увернуться. Выражая при виде гибели своих союзниц не больше эмоций, чем змея, она не сводила взгляда с рыцаря Томанака. Не пыталась она и сбежать, и, взглянув на нее, Каэрита *увидела* то, чего никогда не *видела* прежде.

Жгут отвратительной желто-зеленой энергии связывал Паратху с трупом «Гласа». Прямо на глазах у Каэриты по этому жгуту что-то заструилось, перетекая из мертвого «Гласа» в живую Паратху. Были и другие канаты, поменьше, протянувшиеся к павшим жрицам. Центром всей этой тошнотворно поблескивающей паутины была Паратха, жадно впитывающая текущую к ней энергию. Каэрита не знала, что это, однако свечение, исходившее от Паратхи с самого начала, внезапно вспыхнуло с небывалой яркостью. И как только это произошло, Каэрита наконец поняла, кому из Богов Тьмы она противостоит. Потому что внутри пламени, взметнувшегося над Паратхой, она *увидела* огромного, отвратительного паука.

Вернее, паучиху. Шигу, Королева Ада, Мать Безумия — так ее называли. Супруга Фробуса, Господина Обмана, и мать его жутких детей. Несравненно более могущественная, чем ее сын Шарна, исходящая такой подлой, низкой злобой, которой не обладал ни один из ее отпрысков, она была злейшим врагом Лиллинары, поскольку ее пародия на женское начало извращала и поганила все, отстаиваемое Лиллинарой.

Окутанная пламенем тварь возносилась вверх, ее фасеточные глаза сверкали

ненавистью и безумием. Мандибулы клацали, с них, шипя, капал тут же воспламеняющийся яд, выжигал дыры в полированном каменном полу. Скребли когтистые лапы, зал наполнился непередаваемой мерзкой вонью. Вокруг твари маячила призрачная тень, она тянула к Каэрите что-то несравненно более страшное, чем просто когти и клешни, гоня перед собой волну черного ужаса.

Прямо на глазах у Каэриты Паратха, казалось, становилась все выше. И только тут Каэрита поняла: нет, не фальшивый Глас была истинным орудием Шигу, а *Паратха*. Может, «Глас» и верила, что Шигу избрала ее, но на самом деле это всегда была Паратха, а «Глас» служила лишь для отвода глаз. И теперь Паратха больше не нуждалась в этой маскировке. Она впитывала жизненную энергию — и, скорее всего, даже сами души — павших, преобразуя их в нечто большее, чем просто суммарный объем. Могущественная сама по себе, эта энергия служила лишь фокусом, зажигательным стеклом, дающим возможность притянуть существо несравненно более мерзкое и сильное.

По мере того как Шигу вливала энергию в свою избранницу, лицо Паратхи преобразалось, все ее тело дрожало и вибрировало. Базел рассказывал Каэрите о той ночи, когда ему пришлось противостоять реальному воплощению Шарны, но то, что Каэрита видела сейчас, было гораздо хуже. Проклятый клинок Навакканского принца Харнака служил Шарне ключом ко вселенной смертных. У Паратхи не было никакого ключа; она *сама* служила ключом, и Каэрита просто не могла понять, как Шигу решилась на столь безумный риск.

Неудивительно, что она оказалась способна проникнуть в церковь Лиллинары, убить ее жриц, Глас и подменить их своими собственными орудиями! Ведь с тех самых пор, как Фробус перешел на сторону зла, ни один Бог Тьмы или Света не осмеливался открыто сражаться ни с кем из своих божественных врагов на смертном уровне существования. Они были просто чересчур могущественны. Сцепившись напрямую, они слишком легко могли уничтожить вселенную, за власть над которой сражались. Они сами положили себе пределы, ограничили свое могущество и способы вмешательства в мир смертных. Именно поэтому существовали избранники Света и Тьмы.

И тем не менее Шигу решилась на прямое вмешательство, переступила согласованные пределы и сама проникла в мир смертных. Паратха не была рыцарем. Она была якорем Шигу в этой вселенной. Неправильно думать, что ее коснулась сила Шигу — в данный момент она *сама* стала силой Шигу. И Каэрита почувствовала ужасающий прилив ответной силы, хлынувшей в нее от Томанака.

— Ну, маленький рыцарь, — прошипела Паратха. — Ты желаешь сразиться со *мной*?

Она засмеялась, и паутина могущества потянулась к ее приспешницам, и живым, и мертвым. Каэрита слышала, как они вскрикивают от боли — боли, смешанной с ужасным, извращенным экстазом, — присоединяясь к воплощению Шигу. Они не умирали, по крайней мере мгновенно, но в этом не было милосердия. Они становились мелкими узелками паутины, в центре которой находилась Паратха. Каэрита *видела*, как они вспыхивают, словно живые факелы, когда ужасающая сила обрушивается на них, и воля, оживленная Паратхой — воля, которая больше не принадлежала смертной, — охватывает их, словно клешнями. Все девять уцелевших жриц двигались теперь как одна, сближаясь и образуя вокруг Каэриты и Паратхи смертоносный круг.

— Думаю, твоя душа очень вкусна, — вполголоса проговорила Паратха. — Как самое лучшее бренди.

— А я думаю, нет, — ответила Каэрита.

Глаза Паратхи вспыхнули, когда она услышала новый тембр сопрано Каэриты. Более глубокий, басовый, похожий на рокот кавалерии, нарастающей скорости для атаки. Голубое свечение вокруг Каэриты поднялось выше, запылало жарче, возвышаясь над ней в виде полупрозрачной фигуры Томанака Орфро, Бога Войны и Справедливости, Полководца Богов Света. Жрицы, захваченные паутиной Шигу, замерли, словно под воздействием волшебного заклинания. Однако Паратха хотя и отпрянула, но лишь на мгновение, и тут же с

рычанием оскалила рот, словно бешеный зверь.

— На этот раз нет, *Хранитель Равновесия*, — злобно прошипела она — или кто-то другой, использовавший ее голос. — Она *моя*!

На последнем слове ее тело напряглось и выбросило смертоносный заряд энергии, который с воем пронесся по залу, словно разрушительный желто-зеленый таран, и, заставив содрогнуться весь храм, врезался в Каэриту. Или, точнее, в сверкающую голубую стену вокруг нее. И эта стена отразила смертоносную силу, разбив на множество сверкающих, потрескивающих осколков. Некоторые из них попали в стены, рассыпались фонтанами и испепелили двух еще живых жриц прямо на месте. Все косточки Каэриты содрогнулись от мощного удара, но ничего худшего не произошло. Она улыбнулась своему врагу.

— Я твоя? — спросила она, испытывая странное чувство двойственности от присутствия Томанака. — Думаю, нет, — повторила она, и лицо Паратхи исказилось от ярости и неверия.

Каэрита улыбнулась — уверенно, холодно, — ощутив призыв к битве, от которого по всем жилам пробежал трепет. Как всегда, она готова была сражаться в одиночку. Воля и мужество, позволившие ей держаться перед лицом ужасающей угрозы, которую представляла собой Шигу, были ее собственные. Однако, словно многоопытный и надежный боевой командир, эту волю подкреплял и вдохновлял сам Томанак. Его присутствие наполняло Каэриту, как присутствие Шигу — Паратху, но не вытесняло ее собственные волю и разум. Она была та же, что и всегда, — Каэрита, дочь Селдана, избранница Томанака, — и она рассмеялась прямо в лицо извращенному, зловонному Злу, которое воплощала собой Шигу.

Когда Паратха услышала звуки этого свободного, почти радостного смеха, ее лицо исказилось, а паучиха за ее спиной зарычала. Однако у Каэриты это вызвало лишь новый взрыв смеха.

— Ты хочешь больше, чем можешь ухватить, Паратха. Или мне следовало сказать, Шигу? — Она покачала головой. — Тебе нужна я? Что ж, приди и возьми меня!

— Может, ты и в состоянии запугать и убить мои орудия, — прошипел тот же голос, — но *Я* — совсем другое дело, *маленький рыцарь*. Ни один смертный не выстоит против моей мощи!

— Но она тут не одна, — раздался глубокий, звучный голос, рокочущий, словно горный обвал.

И при звуках этого голоса лицо Паратхи утратило всякое выражение; сила, использующая ее плоть, тоже услышала его.

— Если мы сойдемся в открытую, сила против силы, этот мир будет уничтожен, и ты вместе с ним! — прорычала Паратха, но ответом ей был мрачный, грохочущий смех.

— Этот мир, возможно, и погибнет, — согласился Томанак, — но ты, Шигу, не хуже меня знаешь, кто из нас будет уничтожен вместе с ним.

Паратха оскалилась, словно волчица, но Томанак не дал ей произнести ни слова.

— Однако до этого не дойдет. Я не допущу.

— И как же ты можешь помешать этому, глупец? — презрительно усмехнулась Паратха. — Сейчас *Я* тут владыка, *Моя* сила заполняет все!

— Однако больше силы ты призвать сюда не сможешь, — спокойно возразил Томанак. — Только ту, которой накачаны твои орудия; все остальное заблокировано. Если сомневаешься, убедись сама!

Глаза Паратхи вспыхнули безумным огнем, а сердце Каэриты подпрыгнуло, когда она поняла, что это правда. Никогда в жизни она не сталкивалась с такой концентрацией зла, однако эта концентрация больше не увеличивалась.

— Если моя сила заблокирована, то и *твоя* тоже, — рявкнула Паратха. — И твоё орудие тоже не получит больше ничего!

— Мои Мечи — не мои орудия, — ответил Томанак. — Они — избранники, мои боевые товарищи. И тебе некого противопоставить любому моему рыцарю.

— *Неужели?* — Паратха дико расхохоталась. — Я так не думаю.

С ее саблей что-то происходило. Лезвие корчилось, извивалось, становясь длиннее, шире и испуская то же тошнотворное зеленое излучение, что и гигантская паучиха с ее паутиной.

— Выходи против меня, *рыцарь*, — негромко сказала она. — Выходи и умри!

С этими словами она прыгнула вперед, и все уцелевшие жрицы вместе с ней. Они наступали на Каэриту со всех сторон — волна смертоносных клинков; всех их оживила, а теперь управляла ими одна и та же злобная сила.

В отличие от жриц Каэрита носила броню. И все же нельзя было допустить, чтобы они одновременно напали на нее со своими отравленными кинжалами. Пока они оставались у нее за спиной, она не могла сражаться против сверхъестественной силы, исходящей от сабли Паратхи. Поэтому она увернулась от Паратхи, и ее мечи, словно змеи голубого огня, поразили двух ближайших жриц в живот и горло. Перепрыгнув через тела, Каэрита рубанула мечом в правой руке, перерезав подколенные сухожилия у третьей жрицы, и та рухнула на пол.

Паратха — или Шигу, если между ними еще было какое-то различие — закричала, охваченная безумной яростью. Ее уцелевшие орудия преследовали Каэриту, набрасывались на нее, как безумные, но та лишь смеялась, сознательно выводя из себя Паратху звуком своего голоса.

Может, какие-нибудь молодые дурачки, придающие слишком большое значение песням скверных бардов, и решили бы, что это трусость и не по-рыцарски — сосредоточиться на незащищенных броней и вооруженных лишь кинжалами врагах, а не на главном противнике, который тоже носил броню и был достаточно хорошо вооружен. Однако родом Каэрита была из крестьян, а все крестьяне прагматики, и в Ордене Томанака уважали честь и справедливость, но не глупость. Она снова развернулась, две жрицы Паратхи бросились на нее... и погибли.

Паратха завизжала еще безумнее, чем прежде, но две оставшиеся в живых жрицы отступили. Та, что была даже не ранена, схватила свою покалеченную соратницу за руку и оттащила в сторону. И тогда Каэрита наконец развернулась — медленно, спокойно, с хищной грацией дикой кошки — лицом к Паратхе и пылающей призрачной фигуре Шигу.

Мерцающая паутина все еще связывала тело Паратхи с «Гласом» и всеми остальными, живыми и мертвыми, за исключением самой Каэриты. Однако сейчас все было по-другому. Нити, протянувшиеся к мертвым женщинам, разгорались ярче и ярче, а потом тускнели и гасли. И когда это происходило с очередным трупом, свечение вокруг Паратхи становилось еще ослепительней. Сами тела тоже изменялись — от них оставалась лишь высохшая, сморщенная оболочка. «Словно мухи в паутине, — подумала Каэрита, — из которых высосали все жизненные соки».

Томанак лишил Шигу возможности вливать новую силу в свое живое воплощение, и той ничего не оставалось, как вытянуть все что можно из погибших служительниц, даже их бессмертные души, и сконцентрировать всю эту силу в Паратхе.

— Давай, «майор Паратха», — сказала Каэрита. — Выходи, станцуем.

Та взвыла и бросилась в атаку.

Кем бы теперь ни стала Паратха, изначально она была опытным воином. Сабля у нее была длиннее, чем у Каэриты, а броня ничуть не хуже. С другой стороны, она понимала, что у Каэриты два клинка, а у нее только один, и, несмотря на ярость, Паратха не поддавалась ослеплению битвы.

Каэрита сообразила это слишком поздно. Когда противница в нападении неожиданно свернула влево, испустив совершенно безумный крик, рыцарь в первое мгновение решила, что та помешалась. Однако Паратха была далека от безумия. Резко развернувшись, она оказалась вне пределов досягаемости избранницы Томанака, и ее длинная сверкающая сабля устремилась прямо к лицу Каэриты.

Широким движением правой руки Каэрита парировала удар, и клинки скрестились,

извергая фонтан огненных брызг. Голубые и зеленые огни, потрескивая и шипя, обрушивались на потолок, стены и мраморный пол зала, бомбардируя их будто гравием. Сталь на сталь; лезвия прижимались друг к другу, словно в жарком поцелуе, и Каэрита тяжело задышала, вкладывая всю свою силу в это противостояние. Несомненно, Паратхе тоже приходилось нелегко, но тем не менее она тут же опомнилась и отпрянула, не дав Каэрите возможности нанести ответный удар.

Вся правая рука Каэриты дрожала от напряжения и боли, пот заливал лицо. С мечами наготове она молниеносно развернулась лицом к Паратхе. По всему храму продолжали звонить тревожные колокола.

— И что ты станешь делать, когда придут гвардейцы, маленький рыцарь? — насмешливо спросила Паратха. — Они увидят нас с тобой, окруженных мертвыми телами их драгоценных жриц. Я, конечно, обвиню тебя в этой кровавой расправе и прикажу схватить. Что, ты убьешь и их тоже?

Не отвечая, Каэрита потихоньку продвигалась вперед, балансируя на носках. Паратха отступала. Ее глаза, в которых метался адский огонь, неотступно, настороженно следили за противницей, ища любую возможность напасть.

Каэрита ни на мгновение не отводила взгляда от Паратхи, однако хорошо помнила урок, преподанный ей еще первым военным инструктором, о необходимости постоянно отслеживать ситуацию в целом. Она годами оттачивала это умение. И поэтому уголком глаза заметила, что единственная даже не раненая жрица осторожно подбирается сзади.

Паратха притворялась, что не видит никого, кроме своей противницы, но на этот раз Каэрита не позволила обмануть себя. И еще она понимала, что существует лишь одна возможность покончить с Паратхой до того, как сюда ворвется охрана.

Паратха замедлила движение, позволяя Каэрите постепенно приблизиться. Она безостановочно размахивала перед собой саблей, чертившей в воздухе мерцающий желто-зеленый след. Каэрита напряглась. Жрица со своим отравленным кинжалом была уже прямо позади нее, Паратха прищурила горящие неземным огнем глаза.

«Если этому суждено случиться, — подумала Каэрита, — то пусть это случится... *сейчас!*»

Жрица прыгнула вперед, в безмолвном рычании обнажив зубы и целясь кинжалом в незащищенную спину Каэриты. И в то же самое мгновение — поскольку оба тела контролировались из одного центра — Паратха сделала выпад.

Они почти победили. Они *должны* были победить. Однако Томанак был прав, говоря, что в распоряжении Шигу нет равных его рыцарю. Каэрита знала, что ее ожидает, и потратила половину жизни, оттачивая мастерство, которое потребовалось ей сегодня. Атака Паратхи — или Шигу — была совершенной, но не менее совершенной оказалась реакция Каэриты... и действовать она начала на крошечную долю секунды раньше Паратхи.

Она развернулась боком, делая выпад в сторону Паратхи. Меч в левой руке встретился с длинной саблей, отвел удар в сторону — последовал новый ужасающий взрыв огненного «дождя», — скользнул вниз по всей длине лезвия и пробил стальной нагрудник Паратхи с такой легкостью, словно тот был соткан из паутины. Одновременно правая рука Каэриты метнулась за спину, и нападавшая сзади жрица вскрикнула, напорвшись на смертоносный меч.

На одно бесконечно долгое мгновение Каэрита замерла между своими противницами, широко раскинув руки. Ее сапфировые глаза встретились с карими Паратхи, в которых метался дьявольский огонь. Рот Паратхи открылся в безмолвном крике неверия, ее сабля дрогнула, упала на пол и взорвалась. Левая рука зашарила по груди, отыскивая вонзившийся в нее меч, изо рта хлынула кровь.

И потом это мгновение закончилось. Обе руки Каэриты в унисон изогнулись в запястьях, она выпрямилась и одним молниеносным движением вытащила мечи из тел распростершихся у ее ног противниц.

Тревожные колокола продолжали звонить. Каэрита повернулась к двери зала аудиенций. В воздухе плыл, создавая небольшие вихри, мерзко пахнущий дым, кое-где занялись огнем мебель и драпировки, в которые попали огненные заряды. Стены, потолок, полированный пол покрывали отметины и шрамы, окна в восточной стене были разбиты, остались лишь пустые рамы. Трупы — некоторые из них тоже загорелись, как и мебель, — валялись повсюду, в лужах крови, издавая зловонный запах вывалившихся внутренностей.

Голубое свечение Томанака продолжало окутывать ее, и Каэрита знала, что любая увидевшая его жрица поймет, что это такое. К несчастью, вряд ли гвардейцы храма обладали той же способностью. Хуже того, Каэрита понимала, что, хотя живое воплощение Шигу уничтожено, остатки ее зла еще живы. У нее наверняка хватило предусмотрительности сконцентрировать большинство своих самых могущественных слуг в зале аудиенций, для нападения на Каэриту. Однако она собрала их здесь не *всех*, и даже если ее уцелевшие слуги не жаждут мести, они прекрасно понимают, что могут избежать гибели одним-единственным способом — убив Каэриту или, по крайней мере, сумев отвлечь ее внимание.

Она стиснула зубы. Она знала, что делала бы, если бы была одним из орудий Шигу и лицом к лицу встретилась с избранником Томанака. Послала бы тех гвардейцев Куайсара, кого не затронула порча, прямо на мечи избранника, и хаос, смятение, непонимание невинными людьми сути происходящего — все это заставило бы их броситься в атаку. Любой избранник сделает все возможное, чтобы избежать убийства людей, всего лишь исполняющих свой долг, но не затронутых порчей. И если тем не менее в целях самозащиты Каэрите придется убивать их, Тьма одержит немалую победу.

Однако у Каэриты были свои планы. Сапфировые глаза вспыхнули беспощадным огнем, когда она ногой распахнула двери и вышла из зала, сжимая в руках сверкающие голубые мечи.

В коридоре звон колоколов слышался громче, до Каэриты донеслись выкрики команд, топот обутой в сапоги ног. Из-за поворота выбежала первая группа гвардейцев — дюжина «дев войны» и примерно вдвое меньше мужчин с символами Лиллинару на мундирах. Каэрита собрала всю свою волю в кулак. Потянулась к Томанаку — описать, как именно это делается, она не смогла бы никому, кроме другого избранника, — вобрала в себя часть его силы и швырнула перед собой.

Послышались крики смятения. Умноженная Богом, воля Каэриты мчалась по коридору, словно огромная невидимая метла. Тех, кто искренне полагал, будто произошло ничем не спровоцированное нападение на храм и Глас, как ветром сдуло. При других обстоятельствах Каэриту позабавило бы это зрелище — их ноги скользили по полу, словно по льду. Некоторые колотили кулаками в невидимую стену, отталкивающую их от Каэриты. Другие пытались прорубиться сквозь нее с помощью оружия. Однако все усилия были тщетны. Их убрали с пути, достаточно грубо, чтобы кое у кого остались синяки и ссадины, но на самом деле удивительно мягко — с учетом всех обстоятельств.

Однако были и такие, кого *не* отнесло с пути Каэриты. Они не сразу сообразили, что оказались в особом положении, и, потеряв драгоценное время, не успели сбежать. Каэрита была слишком близко, ее глаза вспыхнули ослепительной голубизной. Была особая причина, по которой посланная ею волна силы не отшвырнула этих людей назад. В отличие от других гвардейцев эти не были невинными жертвами обмана; их задела порча, отравившая и осквернившая храм. Они знали, кому — или чему — служили на самом деле, и их лица исказились от ужаса, когда стало ясно, что они отделены от тех, кто не виновен... и сейчас к ним приближается избранник Томанака со своими ужасными смертоносными мечами.

— Томанак! — издала Каэрита боевой клич и бросилась вперед.

В замкнутом пространстве коридоров у них не было возможности укрыться от нее и не было времени, чтобы прибегнуть к какой-нибудь хитрости. Каэрита пробивала себе путь вперед безжалостно точными ударами сверкающих мечей, точно машина для убийства, сделанная из проволоки и колесиков.

Передние из тех, кто оказался в ловушке, видя надвигающуюся на них смерть, с

яростью отчаяния пытались сопротивляться, но никакой пользы им это не принесло. Одновременно на нее могли наброситься двое, ну, трое, но даже и вместе они были не в силах противостоять ей.

Задние, быстро поняв это, пытались сбежать, однако та же самая сила, которая отеснила прочь невинных, буквально приклеила виновных к полу. Они не могли убежать; им оставалось одно — встретить свою смерть.

Каэрита рубящими ударами убивала одного за другим и, переступая через тела, продолжала медленно, но верно продвигаться к Часовне Старухи. Пот заливал лицо. Из-за поворота у пересечения коридоров показался еще один отряд гвардейцев, и снова пришлось пустить в ход «метлу». Большинство — те, кого отбрасывало назад, — были в полной растерянности, а те немногие, кто застывал на месте, даже не пытались сопротивляться и безропотно принимали приговор Томанака в сверкании голубых мечей и брызгах крови.

Продолжая двигаться в сторону Часовни, Каэрита чувствовала, как внутри нарастает усталость, далеко выходящая за рамки просто физического истощения. Способ, которым она пробивала себе путь, требовал не меньше сил, чем исцеление больных и раненых. Он требовал также огромной сосредоточенности и невероятного расхода энергии. Долго так продолжаться не могло, и каждый новый невинный, которого она отбрасывала со своего пути, увеличивал ее изнеможение. Однако и остановиться она тоже не могла — по крайней мере, до тех пор, пока не прикончит всех, кого затронула порча.

По мере нарастания усталости Каэрита продвигалась вперед все медленнее, полностью сосредотачиваясь исключительно на очередном отрезке коридора, который открывался взгляду. Она смутно сознавала, что колокола звонят как-то иначе — громче, настойчивей, чем когда они сзывали охрану на защиту «Гласа», — но ей некогда было задумываться о том, что бы это значило. Она могло лишь двигаться вперед, как машина, продолжая кажущуюся бесконечной расправу с теми гвардейцами Куайсара, которых Зло успело подчинить своей воле.

И потом, внезапно, она оказалась в Часовне Старухи, и врагов больше не осталось. Даже те невинные солдаты, которых она убирала со своего пути, куда-то исчезли, и звон тревожных колоколов смолк, словно звук срезали ножом. Бой кончился, и неожиданно наступившая тишина воспринималась как потрясение.

Она остановилась, тяжело дыша и чувствуя, что вся взмокла от пота. Медленно опустила мечи, спрашивая себя, что произошло, куда подевались враги. Настороженно оглядываясь, зашагала по центральному проходу храма. Звук собственных шагов оглушал ее. И вдруг, совершенно неожиданно, огромные двери Часовни широко распахнулись — как раз в тот момент, когда она оказалась перед ними.

После полумрака коридоров, по которым Каэрита прокладывала свой путь, яркий утренний свет ослепил ее. А когда зрение восстановилось, она широко распахнула глаза, пораженная представшим ее взору совершенно невероятным зрелищем.

Могучий всадник слезал с чалого рысака. На нем была такая же темно-зеленая туника, как на ней, и в правой руке таким же голубым огнем мерцал меч. Она пристально следила за ним, пытаясь отупевшим от бесконечного сражения разумом осознать смысл этого внезапного, совершенно неожиданного появления. И тут он снял шлем. Остроконечные уши дрогнули, наклонились в сторону Каэриты, и, словно долгожданный гром, загремел звучный голос:

— Ну, Керри, нужно официальное приглашение или можно просто войти?

Она покачала головой, не веря своим глазам, и вышла наружу сквозь широко распахнутые двумя «девами войны» двери. За спиной Базела весь двор храма был запружен скакунами и их всадниками. Почти все всадники все еще сидели на конях, спешили только двое — барон Телиан из Бальтара и его брат Хатан стояли за спиной Базела.

— Базел, — даже для самой Каэриты голос ее прозвучал слишком спокойно, словно не было всей этой ужасной резни позади, — что *ты* делаешь здесь? И, ради Томанака, что ты — или вообще какой-нибудь градани — делаешь со *скакуном*?

— Ну, — ответил он, весело мерцая темными глазами, — всему виной письмо.

— Письмо? — Она снова недоуменно покачала головой. — Чепуха какая-то. Мое письмо придет в Бальтар не раньше чем через день-два.

— А кто, — добродушно спросил он, — вообще говорит о *твоем* письме? — Он в свою очередь покачал головой, с вызовом наклонив уши. — Оно было не от тебя, потому что, ясное дело, с чего бы ты стала просить о помощи, еще *не* нуждаясь в ней? Нет, письмо прислала Лиана.

— Лиана? — как попугай повторила Каэрита.

— Ну, да, — уже серьезнее продолжал Базел. — У нее возникли подозрения, еще когда ты только вернулась в Калатху из Талара. Она написала о них своей матери, однако после вашего разговора с ней, обеспокоившись еще больше, она написала Телиану и мне. Едва прочитав ее письмо, я сразу же понял, что должен как можно быстрее добраться до Куайсара. Не пойми меня неправильно, Керри, но соваться сюда в одиночку, без того, чтоб хотя бы мы с Брандарком прикрывали тебе спину, чертовски глупо по меркам градани.

— Это была моя работа. — Она оглянулась в поисках чего-то, обо что можно вытереть мечи.

Телиан без единого слова протянул ей тряпку — по-видимому, часть мундира гвардейца храма. Она не стала спрашивать, что произошло с его владельцем. Вместо этого просто с благодарностью кивнула и принялась вытирать клинки, продолжая во все глаза глядеть на Базела.

— Я и не спорю, — ответил он. — И все же думаю, что ты изрядно попортила бы мне шкуру, если бы я влез в такое дело, не спросив сначала тебя, не хочешь ли ты пойти со мной. Что, я не прав?

— Это другое... — начала она и оборвала сама себя, почувствовав как неубедительно звучит ее голос.

Базел и Телиан рассмеялись.

— В чем *другое*, а, Керри? — спросил новый, гораздо более звучный голос у Каэриты за спиной, и она резко обернулась.

Во дворе стоял сам Томанак. Все люди вокруг опустились на колени. Даже скакуны — их всадники уже спрыгнули на землю и присоединились к остальным — склонили гордые головы. Только Каэрита и Базел остались стоять, повернувшись к своему Богу, и он улыбнулся им.

— Я все еще жду ответа, в чем другое, — напомнил он своему рыцарю поддразнивающим тоном.

Она сделала глубокий вдох, почувствовав, как *его* сила покидает ее. Это произошло быстро и в то же время мягко, вызвав ощущение ласки или дружеского похлопывания по плечу, которым боевой капитан мог бы наградить воина, сделавшего все, что от него ожидалось. На мгновение ее пронзило чувство сожаления и даже потери, когда чудесный поток схлынул обратно к тому, от кого пришел, однако на этом контакт с Богом не прервался. Он сохранился в виде яркого свечения между ними, и когда сила, которую он даровал Каэрите на время, покинула ее, она почувствовала себя освеженной, полной энергии и жизни, как будто позади была не смертельная битва, в которой она рисковала жизнью и душой, а целая ночь долгого сна.

— Ну, может, и нет, — ответила она, искоса сверкнув взглядом на Базела. — Однако не дело *Лианы* — сообщать тебе, что я нуждаюсь в помощи!

— Она этого и не делала, — сказал Базел. — Она просто написала о своих подозрениях, а дальше уже не требовалось быть гением, чтобы сообразить, что ты сделаешь, если события начнут развиваться так, как она предполагала.

— Ну, ладно, — ответила Каэрита после многозначительной паузы. — Но все равно у меня остался еще один вопрос.

— И что же это за вопрос? — спросил Томанак.

— Этот вопрос о *ней* и о *ней*. — Она ткнула указательным пальцем сначала в Базела, а

потом в огромного жеребца, который стоял, глядя на ее друга-рыцаря с выражением... как бы это лучше выразиться... умеренного интереса. — Каким образом градани — любой градани, но в особенности Конокрад — оказался верхом на скакуне? Я думала, они... м-м-м... недолюбливают друг друга.

— Полагаю, не мое дело объяснять тебе это, — с медленной улыбкой ответил Томанак, засмеялся, заметив ее возмущенный взгляд, и посмотрел на двор храма.

Там лежали тела затронутых порчей гвардейцев Куайсара, которые, по-видимому, пытались помешать Базелу и остальным прийти Каэрите на помощь. Окинув их взглядом, Томанак испустил грустный вздох.

— Ты потрудились на славу, Каэрита. Как и Базел. Верю, что этот храм очистится от воздействия Шигу, однако твоя работа в Калатхе еще не закончена. Моя сестра пошлет двух-трех своих служительниц, чтобы помочь тебе, однако это все еще проблема Справедливости — и, значит, ты несешь ответственность за ее разрешение.

— Понимаю, — ответила она. Он кивнул.

— Знаю, ты справишься. И знаю, что могу во всем рассчитывать на тебя и Базела. Однако сегодня, мои Мечи, празднуйте свой триумф и победу Света. А пока это будет происходить, — его образ начал таять, и только улыбка ярко выделялась на лице, — может, ты и заставишь Базела рассказать тебе, как случилось, что Конокрад стал всадником. Стоит послушать, поверь мне!

С этими словами Бог исчез.

— Ну? — Сложив на груди руки, Каэрита повернулась к своему могучему брату по мечу.

— Что «ну»? — с невинным видом спросил он.

— Ты и сам знаешь, что «ну»!

— А-а... — сказал Базел. — Ты про это. — На его лице заиграла белозубая улыбка. — Видишь ли, это лишь малая часть очень долгой истории. А сейчас просто удовлетворишься тем, что, пока ты наслаждалась своими маленькими каникулами в Калатхе и Таларе, кое-кто из нас честно работал неподалеку от дома.

— Работал? — повторила Каэрита. — *Работал?* Ах ты, скудоумный переросток с волосатыми ушами, жалкое подобие рыцаря! Ну, подожди, я задам тебе *работу*, милорд рыцарь! И когда я разделаюсь с тобой, ты пожалеешь, что...

Говоря все это, Каэрита энергично наступала на него, и Базел Бахнаксон в который раз продемонстрировал практичность и тактическую мудрость, которые были отличительными признаками всех избранников Томанака.

Он молниеносно развернулся и бросился наутек. Несмотря на следы кровавой бойни вокруг, барон Телиан и остальные разразились смехом. Каэрита остановилась — всего на мгновение, только чтобы подхватить с земли горстку речных голышей, которыми так удобно швыряться, — и кинулась догонять Базела.

Дженни Вурц — Дитя пророчества («Войны Света и Теней»)

В то ясное зимнее утро, когда хозяйка публичного дома зажала лицо Мейглин в своих мясистых, пахнущих духами ладонях, девочка охотнее предпочла бы умереть. Закрыв глаза, Мейглин молча терпела, а оценивающие пальцы хозяйки ощупывали ее нежную юную кожу и трогали завитки блестящих темно-коричневых волос. Нет, острые ногти, впивающиеся ей в тело, не были кошмарным сном. Мейглин подавляла в себе ужас и изо всех сил старалась не заплакать. Только последняя дурочка могла бы тешить себя надеждой, что ей удастся разжалобить хозяйку и сохранить невинность. Пусть ее груди только-только начали округляться, а бедра под драной юбкой оставались по-мальчишески узкими, один из вчерашних посетителей ухмыльнулся и подмигнул ей. Мейглин выполняла очередное

поручение и пробежала мимо него, покрасневшись от спешки. Он заметил девочку и подмигнул ей. А хозяйка заметила его интерес.

Сегодня ее холодные и хищные голубые глаза осматривали Мейглин, как осматривают скот, предназначенный на продажу.

— Хозяйка, подождите еще, — взмолилась Мейглин. — Я еще совсем маленькая для этих дел.

— Не такая уж маленькая, дорогуша, если мужчина на тебя загляделся. Пора посылать к Фелии и заказывать тебе платье.

Грозная хозяйка потрепала Мейглин по плечу, явно радуясь предстоящему событию.

— Платьице у тебя будет что надо — бледно-лиловое, с черным кружевным воротником. Оно подчеркнет странный цвет твоих глаз и скроет то печальное обстоятельство, что пока что твое тело мало отличается от гладильной доски.

Мейглин вырвалась из хозяйских рук, пылая от стыда. Итак, ей без обиняков сообщили, какая жизнь ждет ее впереди. Обычная жизнь дочерей, родившихся у женщин из увеселительного заведения. Только явные дурнушки избегали участи своих матерей, но Мейглин не была дурнушкой. С завтрашнего дня к привычной овсяной похлебке ей начнут добавлять чашку жирных сливок, чтобы она хоть немного «нагуляла вес». Она перестанет мыть посуду и стирать белье. Когда от Фелии придут примерять на нее новое платье, растрескавшиеся руки Мейглин станут мягкими. Ей подкрасят губы. Хозяйка выставит ее на продажу — новый, девственно чистый цветок, — и тогда посетители уже не ограничатся одними лишь подмигиваниями и ухмылками.

— Не робей, красавица, — засмеялась хозяйка. — Сама знаешь: дармоедки мне не нужны. Так что смекай. Мать твоя стареет. Ей уже не под силу принять столько гостей, сколько раньше.

Двойная нитка жемчуга на мясистой шее хозяйки вздрогнула. Зашелестели оборки шелкового платья. Хозяйка прошествовала по дорожному ковру туда, где у нее лежала расходная книга. Раскрыв книгу, она извлекла оттуда клочок пергамента, чтобы нацарапать своим корявым почерком записку Фелии.

— Нынче тяжелые времена, Мейглин, — продолжала она. — Везде воюют, а городские власти душат нас податями. Ты уже не маленькая. Пора отрабатывать за кров, что я предоставила вам с матерью. Гости почти уже не смотрят на твою мать. Пора, пора тебе занять ее место.

Мейглин дрожала от отчаяния. Она так и стояла в расстегнутом платьишке и с распущенными волосами. Она страстно желала отсрочить неминуемое, но как? Разве на жалкую горсть монет, которые ей удалось утащить у матери или тайком подобрать с пола, можно купить себе свободу? И какая добропорядочная семья женит своего сына на четырнадцатилетней девчонке, родившейся и выросшей в публичном доме? Ее даже в служанки не возьмут. Усилием воли Мейглин подавила в себе отчаяние и гнев. Не то всхлипнув, не то вздохнув, она подняла голову и заставила себя весело улыбнуться.

— Прикажете пойти к Фелии, чтобы там с меня сняли мерки?

Хозяйка оторвалась от записки и полоснула по ней холодным, острым взглядом.

— Нет, красотка. Без тебя есть кому сходить. Она укоризненно вздохнула.

— Думаешь меня одурачить?

Щелкнув пальцами, хозяйка позвала своего слугу Квинката.

Скрипнула боковая дверь. Послышались тяжелые шаги. Мейглин попыталась убежать, но было слишком поздно. Ручищи Квинката обхватили ее сзади. Мейглин видела, как поступали с другими упрямыми девчонками, решившими воспротивиться судьбе. Теперь и ее посадят под замок, где она может сколько угодно плакать и в ярости биться в крепко запертую дверь. Потом у нее иссякнут силы и она перестанет даже мечтать о побеге. К тому времени ей уже будет все равно.

— Только не вздумай оставить этой проныре одежду, — распорядилась хозяйка. — По глазам вижу, она что-то задумала. Такие — едва зазеваешься — и в игольное ушко

проскользнут.

Мейглин не заплакала. Она уже не пыталась отбиваться от Квинката, когда этот верзила поволок ее наверх. Девочка знала: все ее крики и стоны лишь позабавят его. Мейглин презрела стыд и молча, без сопротивления, позволила Квинкату содрать с себя одежду... Лязгнул засов. Завернувшись в грязную простыню, от которой воняло потом вчерашних посетителей, Мейглин в бессильной ярости ходила взад-вперед. От страха перед будущим ее бросало то в жар, то в холод. В горле у нее стоял сухой ком.

Мейглин не знала, сколько времени прошло. За дверью раздались шаги. Поначалу Мейглин решила, что Квинкат, должно быть, привел портниху от Фелии. Пока та, суетясь и болтая, станет обмерять ее, хозяйский подручный не откажет себе в удовольствии еще разок поглазеть на голую девчонку. Но то был не Квинкат; с засовом возилась чья-то слабая, неуверенная рука. Потом Мейглин услышала тихий шепот своей матери.

— Мейглин, поторопись! Дитя мое, у нас очень мало времени. Ты должна бежать! Жизнь продажной женщины — не для тебя!

Влажными от волнения руками она потащила испуганную дочь за порог.

— Спускайся в кладовую. Оттуда есть выход на улицу. Другой возможности у тебя не будет. Ты должна бежать!

— В чем? В этой простыне? — в отчаянии выдохнула Мейглин.

Они спускались по черной лестнице. От холодного сквозняка у девочки заоченели ноги. Наверное, снег уже успел припорошить белым кружевом недавнюю слякоть, а мороз превратил раскисшую глину в ледяные комки.

— Тебе нельзя здесь оставаться!

С этими словами мать скинула бархатные домашние туфли и стала отдирать от своей сорочки прозрачные ярко-красные кружева.

— Доченька, это все, чем я могу тебе помочь. Неужели тебе неостанет смелости? Да, Мейглин, тебе придется бежать, я чем стоишь.

Девочка остановилась. Теперь ей было страшно за мать.

— А что будет с тобой, мама? За это хозяйка тебя...

— Тише, дитя мое. Не беспокойся обо мне.

Мать чуть помешкала, затем решительно начала сбрасывать с себя платье, насквозь пропахшее дешевыми духами. Потом она помогла Мейглин одеться. Увы! Расшитое блестками платье было чересчур тонким, а материнские туфли, даже подвязанные кружевами, оказались слишком велики для детских ног.

— Я вскоре сама превращусь в кусок льда, — упиралась испуганная Мейглин.

При всей безвыходности ее положения побег казался ей совершеннейшим безумием. Девочку вдруг пронзила мысль: теперь мать готова пожертвовать собой, только бы ее спасти. Так зачем же было рожать ее неизвестно от кого? Разве мать не знала, какое будущее уготовано дочерям продажных женщин?

Должно быть, мать прочла эту невысказанную мысль. Встряхнув поредевшими волосами, у которых хна давно забрала их естественный блеск, мать прошептала:

— Выслушай меня, Мейглин! Я должна кое-что рассказать тебе. Ты не жди подробных объяснений; теперь уже не до них. Наверное, ты считаешь себя незаконнорожденной? Нет, Мейглин! Когда я попала сюда, я уже была беременной. Слышишь? Я была замужем и находилась на восьмом месяце, когда сторонники мэра подняли бунт, погубивший мою семью. Твоего отца звали Эган Диневаль. Он происходил из старинного рода. Он погиб в Ирле, сражаясь вместе со своим королем против Дештира. Я осталась вдовой, но на этом мои беды не кончились. Обезумевшая толпа разгромила Тэранс, где мы жили. Мне пришлось спасаться бегством, иначе меня казнили бы, не посмотрев на живот. Люди боялись пускать меня к себе, и я не представляла, где буду рожать. В конце концов я очутилась здесь, в публичном доме. По моему выговору хозяйка сразу поняла, что я за птица. Но у меня была привлекательная внешность, а для этого ремесла много говорить не требуется. Хозяйка согласилась не донимать меня расспросами и даже помогла научиться говорить, как здесь

принято. За это я стала одной из ее продажных женщин. Я продала себя, но не тебя. О тебе в нашей сделке не было и речи.

— Так ты тоже... приходишь из клана? — содрогнулась от нового ужаса Мейглин. Слова матери единым махом разрушили последний оплот в ее жизни. — И ты только сейчас мне об этом говоришь?

— Да. Я не могла раньше.

Полумрак мешал Мейглин разглядеть лицо матери. Но девочка чувствовала, с какой гордостью та произнесла эти слова. И выговор у нее был иной, совершенно не похожий на униженный лепет, каким мать привыкла разговаривать с теми, кто ее покупал.

— Теперь, Мейглин, ты знаешь свое происхождение и свое наследие.

— Проклятие, а не наследие, — прошептала потрясенная Мейглин.

Жизнь девочки и прежде не была безоблачной, но такое ей не снилось даже в самом страшном сне. Она оказывалась на одной стороне с теми, кого преследовали, не жалея ни их, ни своей крови. Люди из кланов были уцелевшими остатками родовой аристократии, некогда правившей в городах. С тех пор как по континенту прокатились бунты, поколебавшие власть верховных королей, людей из кланов ненавидели, преследовали и убивали на месте.

— И ты говоришь, хозяйка знает об этом? Даркарон милосердный, пощади нас!

Нынче в большинстве городов правили мэры, мечтавшие искоренить кланы. Этого же требовали торговые гильдии, чьи доходы страдали от нападения кланов на торговые караваны. За голову каждого убитого «варвара» (так в городах именовали людей из кланов) выплачивали щедрое вознаграждение. В желающих его получить недостатка не было. Особые отряды безжалостных убийц, которых быстро прозвали «охотниками за головами» каждый год клялись, что полностью покончат с остатками рядовой аристократии. За сочувствие к «варварам» или помощь им можно было легко поплатиться жизнью. Неудивительно, что хозяйка публичного дома торопила Мейглин заняться ремеслом продажной любви. Ее мать никто не рискнет взять ни в прачки, ни в швеи.

Все ужасы этого утра показались Мейглин детской забавой по сравнению с тем, что она узнала от матери.

— Значит... тебя могут убить только потому, что ты из клана? Только чтобы получить награду властей?

— Нас обеих.

Схватив девочку за руку, мать безжалостно потащила ее к выходу.

— Ты думала, они тебя пощадят? Почему я и твержу, что ты должна бежать отсюда!

Мейглин, боявшаяся, что ее ждут годы постыдного ремесла, даже не догадывалась о коварстве хозяйки. Там, где пахло хорошими деньгами, хозяйка не привыкла церемониться. Она намеревалась дорого продать девственность Мейглин и торговать ее свежим девичьим телом, пока на него есть спрос, а потом... потом продать и ее, и мать охотникам за головами.

— Выбирайся отсюда и живи! — твердила мать, продолжая тащить Мейглин к двери. — Беги и не оглядывайся, дитя мое! Запомни: ты — дочь Эгана Диневаля. Не забывай своего происхождения! И не стыдись его. Твой отец ничем не запятнал собственное имя.

Сверху донеслись громкие проклятия Квинката. Верзила обнаружил, что каморка пуста.

— Беги, Мейглин.

Глотая горькие слезы, обреченная мать вытолкнула дочь навстречу ледяному ветру.

— Исчезни из Дёрна и никогда не возвращайся в этот город.

И Мейглин бежала.

Материнские бархатные туфли она потеряла почти сразу; они застряли в слякотном месиве, покрывавшем мостовую. Поскольку белая простыня делала ее заметной, а узкие босые ступни оставляли на снегу четкие следы, Мейглин, не раздумывая, нырнула под рогожу торговой повозки, лениво катившейся в сторону городских ворот. Она и понятия не имела, в какие края направляется эта повозка. Оказавшись внутри, девочка вклинилась

между тюком нечесаной шерсти и рогожным мешком с просом, предназначенным на корм лошадям.

Если ее вдруг схватят охотники за головами — этот холодный зимний день как нельзя лучше подойдет для расправы. Так казалось Мейглин. Окоченевшая девочка сжалась в комок и мысленно проклинала свою судьбу. Ее происхождение вызывало в ней не гордость, а безграничное отчаяние. В кармане — ни гроша, идти некуда и не к кому. Родственники матери неведомо где. Славная история былых правителей континента обратилась в прах. Вторжение Дештира отозвалось невиданными доселе бунтами, когда оружие толпы обезумевших людей огнем и мечом уничтожали все подряд. Они убивали всех родовитых аристократов и, не удовлетворившись казнью главы семейства, обращали свою слепую ненависть на его родных и близких. Чернь не понимала, что главной обязанностью аристократии было не безграничное и самоуправное владычество, а поддержание связующих нитей между человечеством и древними тайнами континента. Хранителями этих тайн были расы, появившиеся здесь задолго до прихода людей. Но жажда крови не позволяла услышать голос рассудка.

Те, кого судьба уберегла от расправы, нашли пристанище в глуши лесов и в труднодоступных горах. Прежняя жизнь осталась лишь в воспоминаниях. Ее сменили суровый быт кланов и иные заботы. Однако люди из кланов не дрогнули, не превратились в стаи одичавшего зверья. Их вооруженные дозорные продолжали охранять священные уголки, как когда-то это делали прежние стражи — кентавры. Это диктовалось не суевериями, не предрассудками, а заботой о жизненно важных для континента местах, по которым не должна была ступать нога непосвященного.

Где искать этих людей? Девчонка, закутанная в жалкую простыню, — она погибнет от стужи, блуждая по холмам, если еще раньше ее жизнь не оборвет стрела кого-нибудь из дозорных. Откуда ему знать, кто такая Мейглин, и откуда ей знать, что она ступила на запретную землю? Никогда еще Мейглин не чувствовала себя такой одинокой и потерянной. И никогда еще ей не было так нестерпимо холодно. Ее мозолистые руки и ноющие от холода ноги постепенно коченели. Она медленно погружалась в серое сонное пространство безразличия, сменившееся странным забытьем. Увиденное ею не было кошмарным сном. И трудно сказать, было ли это обусловлено магическими способностями рода, к которому принадлежала Мейглин; способностями, унаследованными и ею. На нее нахлынули видения. Их живость взбудоражила Мейглин. Она видела злобно клубящийся туман, прорвавшийся сквозь Южные ворота на континент. Серая завеса напознала на солнце, стремясь поглотить его свет. В череде быстро мелькавших событий Мейглин увидела бунты, окончившиеся свержением верховных королей. Бушевало пламя пожаров, лилась кровь, десятками и сотнями гибли люди. Потом ужасные картины скрылись за белесой пеленой тумана. Поток времени вынес Мейглин на берег реки. Там лежал умирающий седовласый старик. На его одежде был вышит герб верховного королевства Шанд. К старику подъехал всадник — совсем еще юноша. Соскочив с коня, юноша склонился над умирающим и громко заплакал. Он был уже не в силах чем-либо помочь своему наставнику, и тот скончался у него на руках. Подавленный горем, юноша протянул руку, чтобы снять со лба умершего золотой обруч, украшенный драгоценными камнями.

— Не делай этого! — закричала Мейглин.

Как ни странно, юноша удивленно поднял голову. На мгновение их глаза встретились. Мейглин не знала, в каком непостижимом, таинственном мире произошла эта встреча. Юноше было лишь немногим больше, чем ей. Он напоминал новенький клинок, на котором жизнь еще не успела оставить своих зазубрин. Чистый, полный нераскрытых возможностей, юноша с недоумением смотрел на Мейглин.

— Не тронь обруч, — прошептала Мейглин, которой вдруг открылась вся грядущая трагическая судьба этого юноши. — Он принесет тебе гибель.

Он улыбнулся дерзкой юношеской улыбкой.

— Я должен. Какая жизнь нас ждет, если Дештир полностью закроет солнце?

Застывшее время вновь потекло. Пальцы юноши сняли обруч с мертвого лба, и видение начало тускнеть, как утасает крик.

Мейглин камнем упала вниз. Что-то внутри нее рвалось туда, на речной берег, как будто своим разумом и волей она могла перерубить затягивающуюся петлю трагедии.

— Брось обруч! Тебе нельзя его касаться!

Но выбор уже был сделан. Мейглин плакала от бессилия, видя, как тускнеет и исчезает облик обреченного принца.

А потом все заполонил белый туман. Мейглин задыхалась от него вместе с землей, которая вдруг приобрела свинцовый оттенок. Принц непременно погибнет; храбрость его не спасет, а его жертва окажется напрасной. Дештир восторжествует. Мейглин почудилось, что она держит в руках тонущий в тумане мир, и ее потаенная сущность исходит в неслышимом крике, не желая примириться с неизбежным.

Перед глазами Мейглин возникло новое видение. Она увидела лицо еще одного старика. Он не был ни наставником принца, ни королевским советником, но от него исходила могущественная сила. Его глаза, острые и зоркие, как глаза коршуна, пронизывали время. Для него не существовало тайн. Старик глядел так, словно сдирает с Мейглин кожу.

— Ты — из Диневалей?

Старик добавил еще несколько слов на древнем паравианском языке, которого Мейглин не знала. Но древние тайны, к которым он обращался, поняли и ответили. Чудовищная тяжесть, сдавливающая ей грудь, вдруг исчезла, и душа Мейглин, парившая в видениях, вернулась в тело.

Мейглин поперхнулась горячим молоком, которое кто-то пытался влить ей в горло. Девочка открыла глаза и увидела склонившуюся над ней круглолицую крестьянку, а чуть выше — деревянную потолочную балку. Слева от женщины стоял мужчина; судя по медлительномуговору — уроженец южного побережья. Мейглин поняла, что взрослые говорят о ней.

— .. сейчас и не припомню, где меня потянуло заглянуть под рогожу. Смотрю — забила там в уголок. Дрожит вся, как лисенок. Оставь я ее там, девчонка просто замерзла бы.

— А девчонка-то — прямо куколка, — умиленно пробормотала крестьянка. Зажав в своих пухлых руках миску и ложку, она остановилась, любуясь Мейглин. — Глянь, какие у нее красивые и грустные глаза.

— От такой куклы бед потом не оберешься! — сердито возразил женщине другой мужчина — вероятно, ее муж и хозяин крестьянской усадьбы. — Эти грустные глаза умеют лить фальшивые слезы. А когда надо — похотливо подмигивать. Как же в их ремесле без таких штучек!

— Но она еще совсем ребенок! — сказала изумленная крестьянка.

Муж был непреклонен.

— — Хорош ребенок — разгуливать по морозу в кружевной сорочке! Только еще нам не хватало в доме распутной лисы! Поначалу будет скромницу из себя разыгрывать, а потом начнет головы парням кружить. Те еще сдуру в драку полезут из-за ее бесстыдных посулов. А ей что? Хвостом махнет, и поминай, как звали.

Возница, нашедший Мейглин, был настроен не менее решительно.

— Я тоже не могу взять ее с собой. Мои молодцыдохнут от скуки, а прыти у них — что у бычков по весне. Вам решать — оставить эту девку или прогнать. Но хотя бы дайте ей какую-нибудь одежонку.

— Я... я не занималась... этим ремеслом, — стуча зубами, произнесла Мейглин. Она густо покраснела, а по спине побежали мурашки. — Меня хотели заставить, и потому я убежала, — безнадежным голосом добавила она.

— По ней не скажешь, что она — — белоручка! — не сдавалась круглолицая крестьянка. — Глаз у вас, что ли, нет? У нее же все ладони в мозолях! Ну не каменные же у

нас сердца! Да я бы даже мышь из дома не выгнала в такую погоду. Слышите, как ветер завывает? Опять пургу принесет.

— Я умею работать, — прошептала Мейглин. — Могу полы мыть. Стирать. Могу и из еды чего приготовить.

Если мне нельзя у вас остаться, я уйду. Но умоляю вас: только не отправляйте меня назад в Дёрн. Лицо крестьянки подобрело.

— Сколько же тебе лет, бедолага? — спросила она. Мейглин назвала свой возраст.

Хозяева усадьбы заспорили между собой. Спор был жарким, но судьба улыбнулась Мейглин. Ее решили отправить к родственнику хозяев, державшему постоянный двор где-то в захолустье.

— Если у тебя честные намерения, девочка, ты не пожалеешь. А если ты лишь прикинулась порядочной — пеняй на себя, — предупредила ее хозяйка усадьбы. — Постояльный двор тебе — не «веселый дом». В тех местах, где его разрешили построить, вертихвосток не потерпят. А стоит он на самом краю черной пустыни, и колодец у них один с тамошним племенем. Колодец тот считается священным, как и земля, на которой он вырыт. Племя, что оберегает колодец, держится строгих нравов. Богиня, которой они поклоняются, запрещает продажную любовь как нечестивую.

Хозяин усадьбы, вынужденный уступить доводам жены, добавил свое суровое предостережение:

— Учти, девка, с этим племенем шутки плохи. Копья метать они умеют: за сто шагов крысу прибьют. Тобас, считай, построился на развалинах прежнего постоянного двора. Был Там один дурень, который позволил было караванщикам тискать свою прислугу... Мы снарядим тебя, как подобает: дадим плащ и пристойную одежду. Но если вздумаешь хвостом вертеть — пощады от Тобаса не жди. Стоит ему хоть раз застичь тебя на сеновале с каким-нибудь возницей — выгонит в тот же день. И тогда путь тебе один: в Инниш. Там хватает портовых заведений для таких, как ты. А с портовыми девками не больно-то церемонятся. Сколько их зашибли пьяные матросы — только Даркарон знает.

Мейглин искренне обрадовалась неожиданной перемене в своей жизни. Она стала прислугой на постоялом дворе, построенном среди темных песков Санпашира. Мейглин мела полы, стелила постели, кипятила в чанах белье и помогала на кухне. В тяжелых и монотонных трудах прошло несколько лет. Для Мейглин они были вполне спокойными, но Тобас называл их то бурными, то тревожными.

— Трево-о-ожные нынче времена-а, — часто повторял он, растягивая, как и всякий южанин, слова.

Времена и в самом деле были тревожными. Деш-тир неумолимо двигался все дальше на запад. Угроза уже не казалась ни далекой, ни выдуманной. Ее усугубляла кровопролитная борьба между тающими рядами сторонников верховных королей и их противниками. Северных королевств больше не существовало; там торжествовала власть мэров и гильдий. Когда Деш-тир добрался до Мелхаллы и двинулся дальше, угроза стала зримо ощущаться даже в обыденных разговорах, звучавших у Тобаса на постоялом дворе. Будущее без солнца и звезд, под белесой пеленой тумана вместо синего неба, неумолимо приближалось, наводя мрак на сердца и души людей. Караваны с шелками, идущие из Атихаса в Инниш, приносили вести о нескончаемых поражениях. Даже древняя магия — и та была бессильна помочь защитникам Этеры. Земля буквально уходила у них из-под ног.

— На Серебряном Болоте уже переступили границу священных земель, — сообщил торговец, направляющийся на юг. Он жадно глотал эль. — Если земля перестанет родить, как прежде, нам что же, тощать и помирать с голоду? По мне, так мэры правильно сделали, что отвергли старые законы. А то, видите ли, клановое отребье не позволяет охотиться в их священных лесах. И луга тоже тронуть не смей. А чем крестьянам семьи кормить? Воздухом? Нет, новых пашен все равно не миновать.

— Так-то оно так, да только как бы им не поскользнуться, — отозвался Тобас, облокотившись на стойку. — Старые законы писались не по прихоти магов Содружества.

Кланы, жившие в пустыне, утверждали, что изобилие этих земель зависело от единорогов. Если единороги уйдут отсюда, новые пашни вряд ли спасут людей. Если клановые старейшины говорили правду, тогда обязанность охранять священные земли, возложенная на кланы, вовсе не была порождением чьей-либо спеси и тщеславия.

— Если священные земли пойдут под топор и плуг, не накаркать бы нам судьбу, что будет страшнее тумана, — добавил Тобас.

— Может, ты и прав, — пожал плечами торговец. — Но вот мой двоюродный брат — он пасет овец в Вастмарке — уже несколько лет не видел единорогов. Обычно они по весне резвились на холмах. А тут — как сквозь землю провалились. Я где-то слышал, что эти диковинные твари вообще исчезли, и всё из-за тумана. Просто упрямы из кланов не желают признавать очевидных вещей. То, что имело смысл для их предков, теперь превратилось в пустой звук. Мир изменился, и правителям городов нужно сказать лишь спасибо. Пусть они изведут под корень этих гордецов. Нам всем станет только лучше.

Мейглин по-кошачьи бесшумно двигалась между столами, наполняя опустевшие кружки постояльцев. Какое ей дело до яростных споров, бушующих вокруг? Поди разберись, кто прав и кто не прав в этом странном мире. Сколько лет эти люди говорят о каком-то тумане, а над песками Санпашира по-прежнему светит солнце. А главное — здесь никому не известно, кто она и откуда. Мейглин жила сегодняшним днем. Ее не волновало, что Деш-тир неумолимо ползет к югу и что древняя магия ушла из священных мест. Родившаяся и выросшая в городе, она и не подозревала, что магические способности, унаследованные ею от предков, могут налагать на нее какие-то обязательства. Девушка ни разу не заикнулась о своем истинном происхождении. Новая власть утверждала себя с невиданной жестокостью, отзвуки которой долетали и до затерянного в глуши постоялого двора.

Верный себе, Тобас стойко переносил лихие времена, одинаково ровно встречая всех, кто появлялся на постоялом дворе, и воздерживаясь от лишних вопросов. Мейглин не раз приходилось наливать эль людям из кланов, все еще охранявшим границы пустыни. Обычно эти люди появлялись по ночам, закутанные в грубые пропыленные плащи. У каждого под одеждой было спрятано оружие. Ночные гости набирали воду из священного колодца и меняли привезенные с собой меха на провизию и другие припасы. Они были немногословны и, завершив необходимые дела, растворялись в ночи.

И все же здесь они рисковали не так, как в других краях. Постоялый двор Тобаса находился, по сути, на священной земле. Горожане не решались сюда соваться; их отпугивали жгучее солнце и непредсказуемость пустынных пространств. Да и караваны старались не сворачивать с торговой дороги, боясь легких копий хозяев пустыни.

С каждым годом Мейглин становилась все красивее. Под жарким солнцем Санпашира кожа ее стала смуглой, что лишь оттеняло ее фиалковые глаза и удачно сочеталось с густыми темными волосами. Однако девушка благоразумно скрывала свою красоту. Она намеренно надевала мешковатую одежду, а голову туго повязывала платком. Мейглин никогда не улыбалась на людях, но этого Тобас от нее и не требовал. Его вполне устраивала ее честная, усердная работа. Мейглин ловко уворачивалась от развязных возниц, которые были не прочь облапить или ущипнуть ее, и не поддавалась на лстивые увещания подвыпивших торговцев, пытавшихся прельстить ее блеском дорогих колец. Мейглин ухаживала за курами, готовила корм для лошадей и радовалась, что здесь никто ничего о ней не знает.

Прошло еще сколько-то времени, и наследственные магические способности Мейглин, молчавшие до сих пор, вдруг взбунтовались в ней. Особенно тяжело ей было весной, когда дули сильные ветры. Ее кровь словно знала, что в это время стражи-кентавры вели поредевшие стада единорогов туда, где им предстояло провести весну и лето. Но дарования Мейглин не получили должной выучки. И не было рядом мудрого наставника, способного понять тревоги ее сердца и направить ее дарования в нужное русло. Девушку посещали сны и видения; они будоражили ее душу не только в праздничные ночи, когда племя собиралось у священного колодца, зажигало ритуальный костер и затевало пляски, дошедшие из глубины веков. Разумеется, Мейглин не делилась своими тревогами ни с кем, а Тобас и

прислуга даже не замечали, какой отсутствующий взгляд бывает иногда у нее по утрам. На ее усердии это никак не отражалось. С рассвета до заката Мейглин часто ходила за водой к священному колодцу, выложенному кирпичом-сырцом. Она всегда знала, когда кто-то следил за нею, прячась среди теней. Тело девушки заранее предупреждало ее, покрываясь гусиной кожей.

Те, кто следил за нею, передвигались бесшумно, а их следы быстро развеивал ветер. Мейглин не страшилась людей из клана и пустынного племени. С последними она всегда была учтива, помня, на чьей земле стоит владение Тобаса. У нее не появлялось и мысли выйти из дома в ночь новолуния, когда племя собиралось возле колодца, дабы воздать почести своей богине.

Мейглин умела скрывать замешательство, если вдруг у нее за спиной неслышно появлялись старухи из племени. С ними нужно было себя вести особенно осторожно; любой пристальный взгляд они могли счесть дерзким и оскорбительным. Увидев их, Мейглин неизменно склоняла голову и отходила, уступая им место. Столкнувшись со старухами в первый раз, она решила помочь им наполнить водой кожаные бурдюки. Наверное, то была непростительная дерзость. Однако старухи лишь улыбнулись и вежливо отказались. Они называли Мейглин *Анилиния*, что на древнем языке означало «заря». Но этот язык был ей неведом. В ответ она только улыбалась, даже не подозревая, что древнее слово дарило ей надежду. Мейглин всегда считала это слово чем-то вроде благословения или комплимента. Окажись рядом маг, он бы объяснил девушке, что племена Санпашира чтят молчание и обращаются к кому-то лишь в особых случаях.

Впрочем, работа на постоялом дворе не оставляла ей времени для любопытства. Поскольку заведение Тобаса было единственным в пределах двух дней пути, сюда заглядывали все путники. И всех здесь принимали с одинаковым вниманием, никого не отвергая и не выделяя. Так требовали законы священной земли. Мейглин не раздумывала над тем, кому она наливает эль и для кого печет в дорогу хлеб. Иногда ей доводилось услышать музыку паравианской речи. Откуда появлялись эти таинственные посетители? Куда и зачем исчезали? У Мейглин хватало благоразумия не спрашивать об этом ни у Тобаса, ни даже у словоохотливой поварихи. Паравианский язык, на котором веками говорили ее предки, был совершенно ей неизвестен. Может, это и к лучшему, ибо кто знает, какие потрясения пришлось бы ей пережить. Ведь едва успевали уехать говорившие на паравианском языке, как Мейглин уже подавала миски и кружки шумной ватаге охотников за головами, которым не терпелось поскорее набить свои седельные сумки трофеями и получить вожаделенную награду. В последнее время эти головорезы появлялись на постоялом дворе все чаще и держались куда наглее, чем прежде. Новые правители городов упивались своей крепнущей властью.

Как-то на постоялый двор заявилось двое охотников за головами, считавшихся самыми жестокими и безжалостными убийцами. Говорили, что они не щадят ни беременных женщин, ни маленьких детей. Отряды головорезов уже не боялись углубляться в пустыню. Плата за каждого убитого «варвара» постоянно возрастала.

— Все они — просто алчные дурни, — презрительно заявил торговец, трапезничающий за соседним столом. — Деньги затмили им разум, а как столкнутся с древними расами, так его напрочь отшибет.

Охотники подняли его на смех, и тогда купец рассказал им про брата своего деда.

— Угораздило его оказаться ночью возле каменных глыб. Взошла луна. Видит — со всех сторон туда сбегаются единороги. Это все, что от него сумели узнать. Потом он свихнулся и стал хуже малого ребенка. Жена его с ложки кормила и только успевала штаны застирывать. По-моему, тайны там или не тайны, а нечего туда соваться. Пусть это клановое охвостье торчит на своих священных землях. Такой жизни, как у них, не позавидуешь. Говорят, у них ведьмина кровь. По наследству передается, точно зараза. У самих гнилое семя, и у детей тоже.

— Нечего пугать меня безумием, — заявил один из охотников.

Второй — дородный детина — шумно его поддержал.

— Солнечные дети уже свалили из Селькийского леса вместе с кентаврами, которые их стерегли. Ну, что теперь охраняют там кланы? Почему они не пускают нас охотиться там, где нам нравится? Но мы больше и спрашивать не будем. Перебьем их всех, и дело с концом.

Опять наступила весна. Слухи, достигавшие постоянного двора, подтверждали прошлогодние слова охотника за головами. Под неотступным напором Деш-тира древние тайны теряли свою силу. Древние расы куда-то исчезали. Наемники все более наглели. Истребление кланов становилось привычным делом. Охотники за головами вторгались в священные пределы, но уже не было стражей-кентавров, чтобы преградить им путь.

Впервые за многие годы кланы перестали чувствовать себя в Санпашире хозяевами. Дозорные больше не навевались на постоянный двор за провизией. Они теперь редко появлялись даже у священного колодца, а если и приезжали, то по ночам.

В одну из звездных ночей, отправившись за водой, Мейглин повстречала у колодца рыжеволосую дозорную. Как у всех женщин клана, ее волосы были особым образом заплетены в косу. Темнота придала Мейглин смелости. В первый раз любопытство заглушило в ней осторожность. Девушка отважилась назвать имя, слышанное ею от матери в день их расставания.

— Он был другом моих родителей, — неуклюже соврала Мейглин и осеклась под цепким взглядом дозорной.

— Эган Тейр-Диневаль, *кайден зан*? — удивленно спросила дозорная, вскинув брови.

Дальше она быстро заговорила на паравианском языке, ожидая, что Мейглин поддержит разговор. Мейглин вымученно улыбнулась.

— Я не училась древнему языку, — призналась она.

— Не училась? — Дозорная передернула плечами, но слова девушки не оскорбили ее. — Поди в городе родилась? Или сбежала из клана, побоявшись пройти настоящее посвящение?

Чувствовалось, что дозорная не была настроена выслушивать объяснения Мейглин. Завязав наполненный водой бурдюк, она сказала:

— Тогда имя и история жизни Диневаля — не для твоих ушей.

— У него остались родственники? — спросила Мейглин. Вопрос этот давно не давал ей покоя.

Дозорная замерла. Ее рука оказалась в опасной близости от меча, а обветренное, обожженное солнцем лицо помрачнело.

— Живых не осталось, — нехотя сообщила она. — Видно, твои родители не знали, что последнего младенца из этого рода зверски убили во время бунта в Тэрансе.

— Они не знали, — прошептала Мейглин.

Она нагнулась, подцепила на коромысла ведро и двинулась по исхоженной тропке к постоянному двору... У нее нет родных. Эта весть ободрила Мейглин. Пусть думают, что ее род прекратился. Она будет молчать всю оставшуюся жизнь. Так намного спокойнее.

— Ты ошибаешься, девушка.

Мейглин остановилась как вкопанная. Дорогу ей преградил старик из пустынного племени. В своей выцветшей одежде он напоминал огородное пугало. Его глаза на изрезанном морщинами лице светились, как два обсидиана. Он возник ниоткуда, словно призрак. В довершение ко всему, от резкой остановки ведра качнулись, расплескав воду на песок.

— Простите меня, — смущенно и испуганно пробормотала Мейглин. Пустынное племя считало пролитую воду святотатством.. — Почтенный господин, честное слово, я не хотела совершить эту оплошность.

— Мои глаза не увидели оплошности, — возразил старик. Он говорил быстро, но без торопливости, с достоинством произнося каждое слово. — Оплошность можно простить и

исправить. Однако забвение наследного дара — это уже совсем другое.

В его словах явственно ощущался упрек.

— Дочь моя, нельзя спрятать огонь под покрывалом. Он либо потухнет, либо подожжет все вокруг. Ты напрасно отмахиваешься от своих снов. Задумайся: что ты станешь делать, когда твои дарования пробудятся в полную силу?

Мейглин отпрянула.

— Это всего лишь страшные сны.

— Ты в том уверена?

Старик по-прежнему загораживал ей дорогу. Потом он нагнулся, зачерпнул горсть влажного песка и стал смотреть, как тот медленно просачивается сквозь его смуглые шершавые пальцы.

— Вода говорит правду. Ты расплескала драгоценную влагу. Казалось бы, простительная оплошность: с кем не бывает? Теперь, возможно, на этом месте вырастет ничемный колючий кустарник, не будь которого — мир ничего бы не потерял. Зато в другом месте может не хватить воды, чтобы полить какое-нибудь полезное растение. Оно зачахнет и не принесет урожай, и какой-то ребенок умрет с голоду. Эта смерть может повлечь гибель целого племени, если ребенку было суждено стать его предводителем. Но еще страшнее, если умершему ребенку было предопределено повлиять на судьбу всего мира. Тогда из-за его смерти разверзнется пропасть, способная поглотить мир.

— Сплошные загадки, — вздохнула Мейглин, одновременно боясь рассердить старика. — Я не поняла ли единого слова.

— Ничего, со временем поймешь.

Старик уважительно разровнял влажный песок.

— Сейчас твой дар, подобно пролитой воде, может упасть на любую почву. Но когда ты уже не сможешь таиться, семя, орошенное тобой, прорастет. Помни эти слова, дочь моя. Тебе придется пожинать посеянное, а выбор у тебя будет не слишком велик.

Мейглин вернулась к привычным делам, но на душе у нее было беспокойно. Если ее происхождение несет на себе какое-то предначертание судьбы, кого об этом спросишь? Подобные вопросы становились все более опасными. Поговаривали, что городские власти, всерьез решившие покончить с кланами, повсюду рассылали своих доносчиков.

Впрочем, самой ей было некогда раздумывать над словами старика. Постоялый двор был забит до отказа: сюда подошли сразу три каравана из Атихаса, направлявшиеся на юг. Торговцам приходилось спать по двое на одной койке, запыленным возницам и развязным охранникам, томящимся от скуки, — тоже. Из-за нехватки места посыльный, что ехал в Инниш, был вынужден ужинать прямо на кухне.

Возясь с грязной посудой, Мейглин подслушала его разговор с Тобасом. Новости не радовали.

— Летом у тебя отбоя от постояльцев не будет, — говорил худощавый посыльный Тобасу.

Хозяин постоялого двора, устав слушать песни, которые горланили его шумные гости, сидел напротив посыльного и курил свою короткую трубку.

— Можешь не сомневаться, здесь станет очень людно. Тобас хмыкнул.

— Доходы еще никому не вредили. Но летом? Какой разумный человек отправится в пекло Санпашира? А если отправится, либо он — из клана и спешит скрыться, либо — просто безумец, гонимый бесами.

— Вот-вот, бесами, — согласился посыльный. Торопливо глотая еду, он рассказал о трагических событиях. Цепь защитников, которым еще как-то удавалось сдерживать расползание Деш-тира, оказалась прорванной. Произошло это на юге Мелхаллы, в Спайре.

— Много народу там полегло, лучше и не считать, — сказал посыльный.

Он продолжал свой рассказ, хотя Тобас не торопился высказывать сострадание к погибшим. Еще неизвестно, что у этого парня на уме.

— Река Эттин сильно разлилась по весне, и королевская армия Шанда недосчиталась многих, кто захлебнулся в бурных водах. Там же погибли верховный король и его наследник. Остатки армии нынче собрались в Фестмарке и отчаянно пытаются хоть как-то перестроить свои ряды. Я уверен, что Содружество семи уже призвало из Алланда очередного наследника престола.

— Будем надеяться, что Содружество позаботилось о его надежной охране, — произнес после тягостного молчания Тобас.

Его трубка, характером похожая на хозяина, погасла. Более раздраженный, чем обычно, Тобас принялся заново ее разжигать.

— Уже и Ганиш оказался в руках новых властей. Да ты, наверное, и сам слышал об этом? Так что тебе лучше помалкивать насчет королевских наследников. В нашей глуши прежние законы пока еще держатся, но и здесь для кланов настанут тяжкие времена. Лихих охотников за «варварами» — хоть отбавляй. Я за большими доходами не гонюсь, но и лишаться постоянного двора не хочу. Мое дело — принимать всех и держать язык за зубами. Спалить постоянный двор — пара пустяков. Уже хватает таких, кому лишнее словцо стоило имущества.

— Потому я и не могу здесь оставаться, — признался посыльный.

Ему требовалось сменить лошадь, и их дальнейший разговор с Тобасом превратился в ожесточенный спор насчет стоимости замены.

Мейглин привычно отскребала горшки и сковородки, но ей вдруг сделалось страшно. Беда казалась неминуемой: солнце могло исчезнуть над песками Санпашира раньше, чем наступит день летнего солнцестояния. Если в Фестмарке не сумеют восстановить защитную цепь, туман скроет небо и над этой частью континента. Тогда последний островок голубого неба скроется под белесой пеленой Деш-тира. Солнце перестанет светить даже здесь, на самом юге Шанда, и никакая магия Содружества не сможет рассеять туман.

В ту ночь Мейглин видела тяжелые сны. Клубы тумана неотвратимо наползали на небо, словно душили его. Она чувствовала, что задыхается под безжизненным небом, окрасившим все в серые тона. Пожух зеленый покров земли. Гниль и плесень покрыла колосья. У скота рождалось мертвое потомство. На суше и на море биение жизни все больше слабело, грозя угаснуть совсем.

— Нет! — закричала Мейглин.

Ее крик взметнулся столбом яркого пламени, прорвавшего гнетущую тишину. В ответ туман начал густеть. Тогда Мейглин крикнула еще раз, а потом еще. Ужас перед жизнью на блеклой, бесцветной и медленно умирающей земле подвигнул ее на отчаянное противостояние. Она не смирилась и не утратила надежду, хотя шепот судьбы утверждал, что спасения нет.

— Слова несут в себе силу, дитя, — послышался величественный голос, громом прокатившийся над унылыми холмами. — В особенности слова, произнесенные трижды, при полном согласии сердца и разума. Огонь твоих слов обладает магической силой.

— Кто *ты*? — «спросила Мейглин.

Она была слишком подавлена видениями своего сна, чтобы испугаться невесть откуда взявшегося голоса.

— Я говорю от имени Содружества семи, чьей волей был создан род, к которому ты принадлежишь. Диневали обладают силой пророчества. Посему будь осторожна с подобными словами, дитя. Древние тайны отнюдь не исчезли. Они по-прежнему охраняют живое сердце земли. И последний кентавр еще стоит на страже в Атании. Он непременно воспримет твое искреннее и горячее желание. Через это желание и через свое наследие ты можешь оказаться той, кому выпадет исполнить великое предназначение. Сейчас ты едва ли поймешь, сколь оно велико.

— Мне сейчас не до предназначений! — дерзко возразила Мейглин. В ней полыхала непримиримая ненависть к Деш-тиру, захватившая все ее существо. — Я могу повторить свои слова еще триста раз, поскольку я не вынесу жизни в мире без солнца!

Но гром больше ничего не прогремел ей в ответ. Мудрый голос умолк. Мейглин проснулась в своей чердачной комнате. В окошко светили звезды. По другую сторону пыльных оконных створок лежало безмолвие ночи. У Мейглин сбилось дыхание. Ее ноздри опалил запах раскаленного песка; сухой этот жар напоминал жар, поднимающийся от углей кузнечного горна. Ни ветерка. Странная, сверхъестественная тишина окутала землю и лишила ее времени. Так бывало лишь в темные промежутки между старой и новой луной, когда женщины пустынного племени собирались на свои бдения у священного колодца. Мейглин лежала с открытыми глазами. Тишина несла ей успокоение. Несведущая в магии, она не ощущала ничего необычного; просто тихая, жаркая ночь, и все. Она совсем не думала о диковинном семени, которому предстояло прорасти ко времени полнолуния.

Тот день начался с привычных дел. Мейглин накормила кур и вычистила стойла в конюшне. Потом замесила тесто для хлеба и, пока оно поднималось, занялась нескончаемой стиркой и развешиванием постельного белья. К полудню белье высохло, а Мейглин уже хлопотала в полумраке зала, разнося еду и напитки. Незаметно наступил вечер, и в зале снова закрыли окна и ставни. Далеко на севере небо скрывала мутная завеса — предвестница неумолимо надвигавшегося Деш-тира. Тобас долго стоял на крыльце, пока краски заката не сменились вечерними сумерками. Быть может, сегодня он в последний раз видел восход солнца. Хозяин постоялого двора был человеком не робкого десятка, но от этой мысли ему делалось страшно.

— Песчаная буря, — успокоил его прискакавший всадник. — Всего-навсего обыкновенная песчаная буря. Но, думаю, дни ясного неба и солнца сочтены и здесь.

Вслед за этим всадником приехали другие. Их было достаточно много. Обычно постояльцы приезжали еще засветло и оставались на ночлег. В зале сделалось непривычнолюдно; приехавшие заняли почти все места. Мейглин наливала эль, наполняла едой тарелки, мыла посуду. Ей было некогда разглядывать гостей. Скорее всего, она даже не обратила внимания, что приехавшие были весьма немногословны. Когда они просили что-то принести, их речь выдавала людей клана. Среди них выделялся один довольно странный человек. Тот говорил вполголоса и исключительно на древнем паравианском языке.

— Это люди короля, — сказал Тобас, когда зал наконец опустел.

Хозяину постоялого двора было явно не по себе; он даже забыл про свою трубку. В кухонном очаге дотлевали разворошенные поварихой угли, и при их красноватом мерцании, не удержавшись, Тобас позволил себе пооткровенничать с поварихой.

— В их числе — наследный принц Шанда. Он направляется на битву с Деш-тиром и не желает привлекать к себе внимания. Они запасутся у нас водой и провизией и перед рассветом уедут. Само собой, не по торговому пути.

— Они что ж, так и едут тайком? — спросила повариха, которая только теперь смогла передохнуть, подставив скамеечку под свои гудящие от усталости ноги.

Тобас кивнул.

— С того времени, как выехали из леса в Алланде.

Это объясняло столь внезапное появление путников. Разумеется, двигайся они по торговой дороге между Ати-хасом и Иннишем, весть о них достигла бы постоялого двора намного раньше.

— Мейглин, — повернулся к ней Тобас, — прежде, чем ляжешь спать, собери остатки хлеба и сыра для их конюха. И кувшин эля не забудь.

Мейглин сделала, что ей велели, и, пожалев уставшую повариху, сама вызвалась отнести ужин в конюшню. За день она тоже изрядно устала, а потому даже забыла спрятать под платок распущенные волосы. Взяв поднос с едой и кувшин эля, Мейглин вышла через заднюю дверь на освещенный луной двор.

Мейглин рассчитывала, что конюх утомился в пути и уже спит на сеновале. Однако она ошиблась. Она застала его мокрым и почти голым. Оказалось, конюх ходил к колодцу, чтобы умыться. Он едва успел плеснуть на себя водой и был вынужден спешно вернуться, ибо у

пустынного племени начиналось празднество полнолуния. Не имея полотенца, конюх обсыхал прямо на ветру. Его влажные волосы спутались и налезали на лоб. Потная, запыленная одежда, которую он надеялся прополоскать в воде, небрежно волочилась по земле, но конюх этого даже не замечал. Он зачарованно смотрел на залитые голубоватым светом пески. Тишина лунной ночи настолько завладела им, что он даже не заметил присутствия Мейглин. А Мейглин, в свою очередь, глядела на него, зачарованная красотой его тела.

Судя по длинным волосам и характерным завиткам волос, какие остаются, когда волосы часто заплетают в косу, человек этот принадлежал к какому-то клану. Он еще не вошел в зрелый возраст: при широких, мускулистых плечах бедра у него были как у мальчишки-подростка. Мейглин застыла на месте, боясь дышать. У нее пылали щеки, но она не могла отвести глаз от незнакомца.

Ее выдал звякнувший кувшин. Юноша обернулся во всей своей мужской красе, и Мейглин увидела его лицо. Девушка вскрикнула: она узнала это лицо. Тогда, во сне, показавшем ей и тяжелую судьбу юноши.

— Откажись от задуманного! — вырвалось у нее. — Почему ты меня увидела? — с упреком спросил он, изумившись не меньше, чем она. — Ты не должна была меня увидеть. Содружество семи наложило на меня защитные чары.

— Пожалуй, такое не увидишь! — с непривычной для себя язвительностью сказала Мейглин. — И ты вовсе не конюх, можешь не притворяться.

— Так ты знаешь, кто я? — удивился юноша.

Он искоса глянул на одежду, что волочил по земле, но гордость не позволила ему скрыться в ближайших кустах.

— Чары Содружества скрывают меня от людских глаз. Либо у тебя есть оберег, либо ты сама сведуща в магии.

— Нет у меня никакого оберега.

У Мейглин словно отшибло всякий здравый смысл, а заодно и стыд, ибо она по-прежнему во все глаза смотрела на юношу. Она вспомнила: тогда, во сне, в его синих глазах плясали такие же дерзкие искорки. Луна придавала им серебристый оттенок.

— Откажись от задуманного, — повторила Мейглин. — Прошу тебя, откажись. Твоя жертва окажется напрасной.

Внимательный взгляд юноши стал жестким, словно он вдруг увидел истинную сущность Мейглин. Он шагнул к ней. Штаны и рубаха выпали у него из рук. Мейглин и юношу разделяла лишь ширина подноса.

— Если ты обладаешь пророческим даром и сумела узнать, кто я, тогда ты должна понять, почему я должен это исполнить.

Мейглин покачала головой.

— Я ничего не знаю, кроме одного, — быстро проговорила она. — На дороге, которую ты избрал, тебя ждет гибель.

Юноша глядел на нее, терзаемый душевной мукой.

— Я не могу отправиться в изгнание, ожидающее меня по другую сторону Западных ворот! Я знаю: остальные наследные принцы послушно подчинились велению Содружества. Маги непреклонны в своем намерении спасти королевские династии от исчезновения. Но я не для того родился, чтобы бросать землю, на которой вырос. Достоин ли я называться правителем, если в трудное время оставлю родину и предам свое наследие? Я не собираюсь отправляться в изгнание. Мое место — здесь! Я поклялся защищать свою землю и не нарушу этой клятвы, хотя всем кажется, что окончательная победа Деш-тира совсем близка.

— Откажись от задуманного, — взмолилась Мейглин, сознавая особую силу слов, произнесенных трижды.

Их обоих роднила упрямая надежда: Мейглин рассчитывала, что убедит его отказаться от опасного замысла, а юноша не менее упрямо надеялся его исполнить. После третьего отказа Мейглин поняла, что дальнейшие уговоры бесполезны.

Она выронила поднос. Тот упал; миска с едой и кувшин разбились вдребезги у самых ног Мейглин. Она не успела ни нагнуться, ни вскрикнуть, как оказалась в объятиях юноши.

— Ты поранишься, — нежно прошептал он, огорченный случившимся.

Мейглин приготовилась было ответить ему какой-нибудь колкостью. Но его заботливость отличалась от пустого ухаживания. Вместо резких слов Мейглин вдруг почувствовала, что ее губы откликаются на его поцелуй. Юноша запустил пальцы в ее густые волосы. Он желал ее, а полная луна ярко освещала их сомкнувшиеся тела и словно произносила связующее заклинание. У юноши была шелковистая гладкая кожа и неистовая сила молодого оленя. Зов плоти, исходивший от него (о чем, вероятно, он сам даже не догадывался), лишил Мейглин малейшей возможности отказать ему. Магия его объятия пробудила дремавшую в ней страсть женщины.

Юноша первым пришел в себя. Он отпрянул и неуклюже попытался извиниться.

— Прости меня. Ты такая красивая, что моя бычья натура рванулась напролом, забыв всякие приличия. Не расстраивайся из-за разбитой посуды. Я сумею спрятать черепки. Иди в дом и забудь меня.

Мейглин взглянула в его ясные, освещенные луной глаза. Происходящее казалось ей сном. Прежде чем юноша успел выпустить ее из своих рук и отойти, Мейглин ощутила студеной ветер будущего. Благоразумие, стыд, страх — все это стало для нее пустым звуком.

— Я не уйду. Мне нечего делать в доме. Посмотри, как прекрасны луна и звезды. Эта ночь принадлежит нам, и никакой Деш-тир не отнимет ее у нас.

Теперь призыв исходил от Мейглин. Она ласкала его обнаженное тело, пока не ощутила, как желание заглушило в нем доводы рассудка.

Теплые пески Санпашира стали ложем их бурной ночи любви. Они лежали, не размыкая объятий, не видя и не слыша ничего, кроме друг друга. Вряд ли они слышали пение у священного колодца, где женщины пустынного племени праздновали наступление полнолуния и чествовали свою богиню.

На рассвете юноша уехал, увозя с собой имя, которое Мейглин так и не удосужилась у него спросить. Ей осталась сладостная боль в теле, утомленном ночью наслаждений, и еще — память, сохранившая все мгновения этой ночи. Боль пройдет, а память останется. Так думала Мейглин. Память о наследном принце, который с мальчишеским упрямством предпочел гибель изгнанию. Он не внял предостережениям Мейглин, и ей не оставалось иного, как утешить его, подарив ему несколько часов любви.

Но Мейглин ошиблась: ей осталась не только память. В привычное время ее женская природа не возвестила о себе. Такое иногда бывало, и поначалу Мейглин не слишком беспокоилась. Однако месячные не пришли к ней и через несколько дней. Зато по утрам ее начало тошнить. Заметив это, повариха отпустила грубую шутку, потом сказала:

— На твоем месте я бы поторопилась охмурить какого-нибудь богатенького торговца. Эдакого толстяка в годах, который клонет на твою красоту и возьмет тебя на содержание. Пока еще есть время. Помяни мое слово: если Тобас заметит твое пузо, он не станет чикаться с тобой, а выгонит в тот же день. Неужели ты не понимаешь, что он не пойдет против законов племени? А у них по весне эта земля считается особо священной. У тебя вон естество мужика запросило, а для их варварской богини это — страшнейшее оскорбление.

Мейглин молча терла посуду. Повариха по-своему сочувствовала ей и предлагала вытравить плод. Мейглин не вступала с ней в спор, а лишь молча качала головой. Она знала, что никогда этого не сделает. Ребенок, которого она носила в себе, был зачат не только необузданной страстью, прорвавшейся тогда в них обоих. И все же Мейглин испытывала обжигающее чувство стыда. И слова старика, и громоподобный голос во сне — все это теперь обрело для нее смысл. Зловещий смысл. Похоже, жизнь загнала ее в угол. Мейглин повторяла судьбу своей матери. Воспользоваться советом простодушной поварихи? После мгновений настоящей любви — лгать и притворяться? Строить глазки какому-нибудь легковверному пожилому торговцу, весело хохотать, когда он будет целовать и тискать ее?

Нет. На это она не пойдет. Когда Мейглин вспоминала давнее предостережение сурового крестьянина, у нее стыла в жилах кровь. Неужели ей и в самом деле придется отправиться в Инниш и сделаться портовой девкой? И хотя мысли, терзавшие Мейглин, не подсказывали ей никакого другого выхода, она упорно отказывалась от предлагаемого поварихой отвара трав. Она знала: в публичном доме женщины нередко прибегали к этому средству. Но ведь она легла не со случайным посетителем, купившим ее ласки. Если она избавится от ребенка, ее ждут тяжкие последствия. Дитя, которое Мейглин носила в себе, — это наследие его обреченного отца; плод, осененный пророчеством.

Мейглин каждый день с ужасом ждала, что Тобас догадается о ее состоянии. Она превратилась в тень, ходила, не поднимая головы, и старалась все делать еще усерднее. Так прошло несколько тягостных недель.

Когда Мейглин появлялась у колодца, женщины племени внимательно наблюдали за ней. Несомненно, они узнали о ее беременности гораздо раньше, чем у нее начал расти живот. Однажды предводительница племени — высохшая старуха — ухватила ее за рукав и сказала на ломаном языке:

— Дорогая, душа дочери, которую ты носишь во чреве, возвещает о себе. Плохо, если ее услышат недобрые уши.

Мейглин бросилась прочь, позабыв про ведра. Это было предупреждением. Ни широкий передник, ни мешковатое платье без пояса скоро уже не смогут скрыть ее выпирающий живот. Не сегодня-завтра Тобас заметит его и прикажет ей убираться прочь. А идти ей некуда и не у кого искать защиты.

Но худшие опасения Мейглин не сбылись. Дочь, которую она носила в себе, привлекла внимание совсем других глаз. На постоялом дворе появились трое колдуний из Кориатанского ордена, с головы до пят закутанные в дорогие пурпурные одежды. Еще одним, незримым одеянием был покров таинственности, окружавший их Орден. Они путешествовали без сопровождающих и для трапезы облюбовали себе укромный уголок в дальнем конце зала. Когда Мейглин принесла им еду, она сразу ощутила на себе их внимательные взгляды. Она поспешила скрыться на кухне, но и там глаза кориата-нок не оставляли ее в покое. Наверное, колдуньи умели видеть насквозь. Мейглин бросилась в конюшню. Бесполезно: чары колдуний нашли ее и там. Конечно же, эти могущественные женщины оказались на постоялом дворе не случайно.

Сломленная предчувствиями скорой беды, Мейглин заплакала, уткнувшись в пыльную гриву лошади. Магическое наследие ее рода, как и живот, становилось слишком зримым, чтобы дальше его скрывать. Как все это было похоже на далекое зимнее утро, когда она сбежала из публичного дома в неизвестность.

Нестерпимо жаркий день клонился к вечеру. Старшая из колдуний отвела Тобаса в сторону, чтобы поговорить с ним о Мейглин. К тому времени сама Мейглин месила на кухне тесто. Она слышала негромкий разговор, однако даже не старалась прислушаться. Ею овладело странное оцепенение.

— Тебе известно, что твоя служанка — родом из клана и обладает магическими способностями?

Красные ленты на рукавах свидетельствовали о весьма высоком положении, занимаемом колдуньей в Ордене. Нанеся Тобасу первый удар, старуха следом нанесла второй.

— Во сне ей является пророческий голос.

Разумеется, Тобас об этом даже не подозревал. Неужели девчонка-найденыш, которую он пригрел у себя, — ведьма из клана?

Шелестя складками шелковых одежд, старуха сказала как бы невзначай:

— Но мы можем избавить тебя от неприятностей. Мы заплатим — и хорошо заплатим, если ты позволишь нам забрать девчонку в Кориатанский орден.

Тобас ошеломленно чесал затылок, не находя слов. Деньги действительно были немалые, однако совесть не позволяла ему совершить подобную сделку за глаза.

— Мейглин мне не родня, а всего лишь служанка. Если по-честному, спрашивайте у нее. Пусть сама вам скажет.

Тобас провел колдуний в тихую комнатку, куда позвал и Мейглин. Как ни пряталась она, ей пришлось вновь оказаться под их цепкими взглядами. Глаза кориатанок, блестящие из-под низко надвинутых капюшонов, блестели как у хищных птиц, предвкушающих добычу.

Колдунии не тратили время понапрасну.

— Мы знаем, что твоя дочь унаследует магические способности твоего рода. Поехали с нами. Ты вступишь в Орден, принесешь клятву послушницы и сможешь, ничего не опасаясь и не стыдясь, доходить до положенного срока и родить.

— А потом? — с сомнением и страхом спросила Мейглин. — Что будет с нами потом?

Колдунии передернули плечами, словно ежась от холодного ветра. Самая молодая из троих сказала:

— Орден вырастит и воспитает твою дочь. Мы позаботимся, чтобы ее дарования получили надлежащее развитие. Печально, что тебе самой поздно учиться нашим искусствам, но и для тебя еще не все потеряно. Твоя жизнь пройдет в добродетельном служении людям.

За каменными взглядами кориатанок таилось что-то еще.

— А о чем вы умалчиваете? — спросила их Мейглин.

— Послушницы не могут быть матерями, — сухо и торопливо ответила старшая колдунья. — Обеты требуют, чтобы мы отказались от семьи и порвали связи с близкими. Поедем с нами, и тогда ни ты, ни твоя дочь ни в чем не будут нуждаться. Но ваша жизнь будет протекать порознь. Таковы законы нашего Ордена.

Мейглин вдруг ощутила прилив решимости сродни той, что овладела ею в лунную ночь любви. Она не успела понять, что именно настораживает ее в предложениях кориатанок, как уже расправила плечи и, глядя колдуньям в глаза, отчеканила:

— Нет. Поберегите ваши деньги. Я сама объяснюсь с Тобасом.

— Ты ведь знаешь, что он будет вынужден изгнать тебя, — с явным недовольством в голосе произнесла старуха. — Наши гадательницы просмотрели эту линию будущего. Тебя ждет жалкая и недолгая жизнь в одном из злых заведений Инниша. Подумай, на что ты обрекаешь свою дочь, которая тоже унаследует дарования твоего рода.

— Нет, — повторила Мейглин. — Нет, — произнесла она в третий раз, накладывая печать силы на свой решительный отказ.

Кориатанки встали. Прежде чем они успели сделать хотя бы шаг или закрыть дверь на засов, Мейглин выскользнула из комнаты и опрометью понеслась прочь. Она не знала, попытаются ли колдунии ее догнать или остановить своими чарами. Ей стало невыразимо жутко. Мейглин вспомнила, где она уже видела похожий алчный взгляд. Так смотрела на нее хозяйка публичного дома в то утро, навсегда разлучившее ее с матерью.

— Ты никак рехнулась, девка? — удивилась повариха, сразу догадавшаяся, чем окончился разговор Мейглин с кориатанками. — Судьба посылает тебе единственное спасение, а ты плюешь ей в лицо!

— Я не буду жить в их магической тюрьме!

С этими словами Мейглин выбежала в заднюю дверь, перелезла через мусорную кучу и понеслась по птичьему двору. Рванув калитку, она, задышавшись, побежала дальше.

Мейглин не знала, сколько ей удалось пробежать по жаре, да еще с непокрытой головой. Слезы застилали ей глаза. Она почувствовала, что силы оставляют ее, и она сейчас рухнет на песок.

Наверное, так оно и случилось бы, не подхвати ее чьи-то сильные руки.

— Не захотела, значит, приносить клятву верности кориатанским ведьмам? Что ж, мои собратья не ошиблись в тебе.

От старика пахло луговыми травами и дымом, словно он ночевал где-то у костра. Он осторожно поставил Мейглин на ноги. Чувствовалось, его искренне обрадовало ее решение.

— Если хочешь, мы можем по-дружески потолковать.

Мейглин шумно вдохнула в себя воздух. Высвободившись из его рук, едва касавшихся ее, она не ощутила ни страха, ни тревоги. Она вытерла рукавом глаза и внимательно посмотрела на незнакомца, обратившегося к ней с довольно странным приглашением.

— Я не знаю, что вам от меня нужно.

Мейглин откинула волосы, заслонявшие ей лицо. Если в первую минуту она не испытала страха, теперь к ней вернулась обычная настороженность, какая бывает при встрече с незнакомыми людьми.

— Разве я вел себя неподобающим образом? — удрученно спросил старик. — По сути, моя воля связана твоей волей. И разговор наш будет зависеть от того, чего хочешь ты, последняя из рода Диневалей.

Мейглин так и застыла.

— Кто вы? — прошептала она.

Однако само его присутствие было красноречивее любых слов. Мейглин и так поняла: перед ней находился отнюдь не старейшина из пустынного племени, хотя его смуглая, морщинистая кожа и седые волосы делали его облик не менее благородным, чем у тех старцев. По тканой шерстяной одежде, давно потерявшей свой изначальный цвет, его можно было принять за странствующего ремесленника или даже бродягу. Через плечо висел свернутый пыльно-голубой плащ, в котором, скорее всего, хранились все его нехитрые пожитки. Однако этот старик не был ни ремесленником, ни бродягой. Его выпцветшие глаза пронизывали Мейглин насквозь, а еще раньше о том же ей сказала странное покалывание, охватившее все ее тело.

Перед ней стояло воплощенное могущество; сила, скрываемая под маской кротости. Но если понадобится, эта сила сумеет сотрясти мир.

— Вы — из Содружества семи, — оцепенело пробормотала Мейглин.

Маг в приятном изумлении вскинул брови.

— Неужели ты рассчитывала на меньшее?

Его глаза задумчиво глядели на нее. Они были редкого темно-желтого цвета и чем-то напоминали дно мелкого ручья, освещенное солнцем.

— У нас тоже есть посланники. Меня зовут Киладис. Можешь называть меня так, если желаешь.

Человек с внешностью странника — один из Содружества семи? Это больше всего поразило Мейглин. Сколько же ему лет? Маги Содружества короновали первых человеческих королей. Они создавали кланы и они же учили далеких предков Мейглин жить в мире с древними паравианскими расами, населявшими Этеру задолго до появления людей. Мейглин могла сколько угодно отрешиваться от своего истинного наследия, но Киладис и так знал, кто она.

У Мейглин куда-то исчезли все мысли. Она стояла, не шелохнувшись.

И тогда Киладис заговорил сам. Его голос по-прежнему звучал тихо и мягко:

— Хочешь узнать правду, которую скрыли от тебя кориатанские ведьмы? Ты родишь дитя пророчества. Но тут же я с печалью должен добавить: ноша, которую ты решила возложить на свои плечи, очень тяжела. Твоя дочь, не успев родиться, уже лишилась отца.

Мейглин зашаталась, теряя почву под ногами. Нестерпимая боль яркой стрелой пронзила ее. Нет, она не жалела о том, что не спросила имени своего возлюбленного. Одна короткая ночь любви. И теперь впереди — множество дней наедине с ее горем. Бывает горе, которое можно разделить с другими. Это придется выносить ей одной.

— Он... погиб так скоро?

И вновь руки Киладиса не дали ей упасть. Маг повел спотыкающуюся Мейглин в тень каменной стены.

— Это случилось вчерашней ночью. Сон тебе не солгал. Все Содружество вместе с тобой скорбит о его гибели.

Киладис усадил ее на песок. Каменная стена загоразживала Мейглин от жаркого ветра

пустыни.

— И теперь Деш-тир одержит победу, — сокрушенно произнесла она.

Киладис молча кивнул.

— Мы потерпели поражение, но это не значит, что мы полностью разбиты. Осталась искорка надежды, а значит, в будущем мы сумеем вернуть утраченное. Династия верховных королей Шанда не исчезла. Благодаря твоему мужеству, Мейглин, осталась наследница — твоя дочь.

Сцепив руки на выпирающем животе, Мейглин никак не могла унять охватившую ее дрожь. Сильные пальцы Киладиса легли поверх ее пальцев.

— Вот здесь — наша надежда.

Маг подтвердил то, что Мейглин интуитивно знала уже давно: драгоценная жизнь, которую она носила внутри, однажды повернет судьбу мира.

— Скажу тебе больше, — взволнованно продолжал Киладис, будто прочитав ее мысли. — Твоя дочь унаследовала кровь Диневалей. Их династия более тысячи лет являлась правой рукой королей. Каково наследие! Тут у всякого волосы дыбом станут. Твоя дочь одарена вдвойне. Когда мои собратья узнали об этом, они чуть не попадали со стульев. А уж как с этим будут справляться ее потомки...

Мейглин сама не заметила, как засмеялась его незамысловатой шутке.

— Вы меня заранее предупреждаете, что мне будет трудно ее растить?

Все еще посмеиваясь, Киладис ответил:

— Очень трудно. Тебе, надеюсь, это приятно слышать? Во всяком случае, должно. Но как мать особы королевских кровей, ты вправе рассчитывать на мою помощь.

Киладис намеренно произнес эти слова, и они ураганом пронеслись через сознание Мейглин.

— Я готова сделать все, о чем вы попросите, только бы помешать Деш-тиру. После того, что я узнала от вас, я назову свою будущую дочь Дари. А теперь скажите, по какой из жизненных дорог ей лучше пойти?

Маг облегченно улыбнулся.

— Если ты признаешь ее династию с отцовской стороны, она будет именоваться Дари Ахеласская. Растить ее в любви, Мейглин. Содружество обеспечит тебя всем необходимым. Когда твоя дочь вырастет, ей придется избрать дорогу, отвергнутую ее упрямым отцом.

— Отправиться через Западные ворота в изгнание? Киладис кивнул.

— Ей нельзя рисковать жизнью. Если Дари осознает свое наследие и свое предназначение, она сделает этот выбор. Но выбор непременно должен быть добровольным.

— Она сделает этот выбор, — прошептала Мейглин. Слезы вновь застлали ей глаза и обожгли веки, слезы по мимолетной и навсегда утраченной любви.

— Если бы ее отец послушался вас и отправился в изгнание, у нас не было бы той ночи, зато он остался бы в живых.

Киладис осторожно коснулся пальцем ее лба, будто это было лучшим подтверждением ее непреклонной решимости.

— Мейглин, — сказал маг. — Твое мужество благословенно. Разве ты тогда знала, что своим искренним сердцем прокладываешь путь, по которому однажды на Этеру вернется свет?

Маргарет Уэйс и Дон Перин — Шадамер и всякие небылицы («Камень Владычества»)

— Прошу прощения, добрый господин, — почтительно произнес трактирщик, — тут вам записка.

— Мне? — Мужчина, к которому он обращался, порядком был изумлен. — Но я в ваших краях впервые! Я здесь проездом по пути на восток. Вы, верно, ошиблись. — Он

отодвинул записку. — Это, должно быть, кому-то другому.

— Не думаю, чтобы я ошибался, господин, — с многозначительным видом отозвался трактирщик. — Вы вот уже три дня как удостаиваете мою таверну своим присутствием и даже были настолько добры, что называли мой мед лучшим во всей округе...

— Так оно и есть, — прервал поток хозяйских излияний мужчина.

Трактирщик поклонился и продолжил:

— Поэтому смею утверждать, что успел неплохо вас узнать, господин, — как и многие мои завсегдатаи, которые благодаря вашей несравненной щедрости не раз получали выпивку за ваш счет.

Мужчина скромно улыбнулся и разгладил кончики очень длинных и очень черных усов. Потом подмигнул спутнице, молодой женщине с густыми рыжими кудрями, скрученными в тугий узел на шее. На ней было очень простое коричневое одеяние, выдающее принадлежность к адептам земной магии.

— Потому, — заключил трактирщик, — когда мне доставили записку с просьбой передать ее особе, чье описание поразительным образом совпадает с вашим, я не сомневался ни минуты.

— И что же это было за описание? — заинтересовался мужчина, и его глаза заискрились весельем. — Очень хотелось бы услышать.

— Вот что было мне сказано: «Это — человеческий мужчина средних лет, с носом как ястребиный клюв, подбородком как лезвие секиры, глазами голубыми, как небеса над Новым Виннингэлем, и длинными черными усами, которыми он страшно гордится и постоянно разглаживает их или подкручивает. Кроме того, у него длинные черные волосы, которые он связывает в хвост на затылке — на манер лесных эльфов».

— Ха! Да это может быть кто угодно! — возразил мужчина.

— «Он очень красив...», — торжественно продолжил трактирщик.

— А-а! Тогда ты прав. Это и впрямь мне, — уверенно сказал человек и выдернул записку из рук трактирщика.

— Ты невыносим, Шадамер, — вполголоса проговорила его спутница.

— Ты просто завидуешь, Алиса, — бросил ей Шадамер, взламывая печать и разворачивая записку. — Они переговаривались по-эльфийски — вряд ли в карнуанском городе отыскался бы хоть один человек, знавший его. — Завидуешь, что прекрасной рыжеволосой человеческой женщине никто не прислал таинственного послания.

Та закатила глаза и покачала головой.

— Надо полагать, эта записка означает, что наше щедрое хлебосольство все-таки принесло плоды, — сказал Шадамер. — Наконец-то мы хоть что-то узнаем. Признаюсь тебе, этот мед уже надоел мне хуже горькой редьки.

Когда он прочел записку, вид у него стал сперва озадаченный, потом довольный.

— Ну и ну! Этого я точно не ожидал.

Он передал записку спутнице.

«Вы, конечно же, не помните меня, друг мой, но в дни нашей юности мы были товарищами. В то время я ходил в помощниках у преподобного Маги, а вы только готовились стать рыцарем. Мы познакомились благодаря несчастливому стечению обстоятельств, влюбившись в одну и ту же женщину. В жизни не забуду, какие каверзы мы устраивали, считая друг друга соперниками, но все оказалось напрасно — она вышла замуж за другого, и о существовании этого третьего не подозревал ни один из нас. Наши соперничество переросло в дружбу — дружбу, которая прервалась, когда вы покинули Виннингэль в гневе на политику императора, а мне пришлось вернуться на родину и приступить к служению Церкви.

Я с величайшим удовольствием следил за вашими деяниями, и хотя вы путешествуете под чужим именем, когда от одного странника я услышал о щедром чужестранце с волосами черными как ночь, носом как ястребиный клюв и смехом оглушительным, как

лавина в горах, тотчас понял, что это может быть лишь один человек. Я убежден, что вас ниспослали сами боги. Я верю, что вы пришли в ответ на мои молитвы.

Если помните, я всегда был особенно восприимчив к пагубной магии Пустоты. Ничего более сказать в этой записке не осмеливаюсь из опасения, что ее могут перехватить. Я живу в городке Кьюнак милях в двадцати от вас к северу. Умоляю, приезжайте без промедления.

Ваш друг, преподобный брат Юльен».

Алиса нахмурилась.

— Откуда он мог узнать, что это ты? Наша родина в сотнях миль отсюда. Мне все это не нравится.

Она отдала ему записку.

— Ха! — ухмыльнулся Шадамер. Он заткнул записку за голенище и поманил к себе трактирщика. — Счет, пожалуйста. Мы покидаем ваш прекрасный город. Естественно, Юльен узнал, что это я, Алиса, — добавил он, подкручивая ус. — Сейчас, небось, у всех в радиусе двадцати миль только и разговоров, что о красивом и щедром чужестранце. И о его хорошенькой рыжеволосой спутнице, — не упустил он случая подразнить ее.

Он расплатился по счету и оставил такие чаевые, что трактирщик потом еще несколько дней не мог опомниться и расхваливал его на все лады, и в сопровождении Алисы покинул трактир.

Она фыркнула.

— Твое самомнение тебя погубит, Шадамер.

— Вздор, моя дорогая, — отвечал Шадамер, помогая ей сесть на коня. — Меня не погубит ничто и никогда, и все по одной простой причине: все, что говорят обо мне люди, — правда. Собственно, именно поэтому ты от меня без ума.

Он свистом подозвал своего вороного скакуна — норовистого жеребца который наводил на конюхов такой ужас, что они не отваживались к нему подступиться. При виде хозяина конь радостно заржал и ткнулся носом в плечо Шадамера, а когда тот похлопал его по морде, едва не замурлыкал от удовольствия.

— Я вовсе от тебя не без ума. Ты мне даже не нравишься, — холодно отрезала Алиса. — Не понимаю, зачем я вообще с тобой связалась. По твоей милости в один прекрасный день меня прикончат. И тебя тоже — когда ты в очередной раз очертя голову кинешься вразумлять мир.

Шадамер перегнулся и чмокнул ее в щеку, прежде чем она успела его отпихнуть. И галопом умчался прочь, красуясь перед восхищенной толпой, которая сняла шляпы и махала ему вслед.

— Мне следовало бы развернуться и отправиться обратно домой, — пробормотала Алиса и прищипорила коня. Ей пришлось скакать во весь опор, чтобы нагнать своего спутника.

Уже сгустились сумерки, когда они добрались до Кьюнака, небольшого городка, расположенного у границы двух человеческих государств — Карну и Дункарги. Когда-то они были единым королевством, но потом отделились друг от друга после гражданской войны, которая разразилась два столетия назад. Жители Карну и Дункарги горячо ненавидели все остальные расы, населявшие Лёрем, но друг друга еще сильнее. В Кьюнаке имелась всего одна достопримечательность: крупная военная застава, основанная с единственной целью помешать дангкарганцам переходить границу.

Обычно чужестранцам в карнуанских городах рассчитывать на теплый прием не приходилось, но Шадамер с его бойким языком и умением расположить к себе кого угодно очень быстро повсюду становился своим. Стражник, который начал с того, что весьма грубо отказался их пропустить, в конце концов обнял Шадамера со слезами на глазах и долго не хотел его отпускать. Он снабдил их подробнейшими указаниями, как пройти к жилищу преподобного брата, и сопровождал их приглашением вместе отправиться в таверну, когда он

сменится с дежурства.

— — Что ты ему сказал? — подступила к нему с вопросами Алиса. Карнуанского языка она не знала. — Я уже думала, что он выгонит нас к чертям. С чего это он вдруг бросился к тебе на шею?

— Таков древний карнуанский обычай, когда встречаются родственники, — серьезно сказал Шадамер. — Он — мой троюродный племянник с материнской стороны.

Алиса смотрела на него во все глаза.

— Я тебе не верю.

— Да, но это чистая правда. Как-нибудь потом объясню. Давай поспешим, пока преподобный брат Юльен не отошел ко сну.

Они заняли две комнаты в единственной кьюнакской гостинице и поставили лошадей в конюшню, а затем отправились на поиски Шадамерова друга детства.

Обиталище Юльена оказалось небольшим домиком, примыкавшим к местному храму. Брат еще не ложился спать и страшно обрадовался их появлению.

— Я узнал бы тебя где угодно, друг мой, — сказал Юльен, с удовольствием разглядывая старого друга.

— А я — тебя, — заявил Шадамер с такой неподдельной искренностью, что Алиса немедленно поняла: это неправда.

— Если бы я даже столкнулся с ним на улице носом к носу, то не узнал и прошел бы мимо, — признался он ей, когда брат Юльен отправился за едой и питьем и оставил их одних. — Раньше он был высоким красавцем с черными кудрями. А теперь — тощий, сгорбленный и весь седой.

— Может, он сейчас говорит то же самое о тебе, — подколола его Алиса. — В особенности насчет седины.

— У меня нет седины! — возмутился Шадамер. Он перекинул через плечо длинный черный хвост и принялся озабоченно разглядывать его перед свечой. — Или есть?

Его поиски седины были прерваны возвращением хозяина, который за обедом поведал им о своих заботах.

— Впервые я заметил присутствие магии Пустоты примерно с неделю назад, — приглушенным голосом рассказывал Юльен, время от времени украдкой поглядывая на окно, как будто опасался, что его могут подслушивать. — Ощущение было ошеломляющим. Никогда прежде я не испытывал ничего подобного. Как будто над гордом нависла ядовитая черная туча. Я не мог дышать. Я просто задыхался.

По правде говоря, он действительно постоянно хватал ртом воздух. От каждого звука его тощее тело дергалось и вздрагивало.

— Так ты говоришь, в город как раз в то время прибыло двое чужестранцев? — уточнил Шадамер.

— И притом один из них — дворф, друг мой. Огненный маг, — подтвердил Юльен.

Шадамер нахмурился.

— Я не встречал дворфа, который водился бы с Пустотой.

Юльен бросил на него грустный взгляд, как будто такая наивность не вызвала у него ничего, кроме жалости.

— Он один из Пеших, почти наверняка, и, скорее всего, был изгнан из своего клана за какое-нибудь ужасное преступление. Он вполне может быть адептом Пустоты.

— Возможно, — согласился Шадамер, но вид у него был не слишком убежденный. — А другой?

— Другой — свежеиспеченный начальник крепости. Поскольку Карну — военное государство, — добавил он для Алисы, — начальник крепости также является главным представителем государственной власти в Кьюнаке. Самый обычный малый, ничем не примечательный, если не считать его меча. Меч у него совершенно необыкновенный. Рукоять инкрустирована черными и красными драгоценными камнями, и ножны тоже. Такого бы сам император Виннингэля не постыдился. Что он делает у капитана карнуанской

армии?

— На нем была печать магии Пустоты? — с интересом спросила Алиса.

— Точно не знаю, достопочтенная сестра, — отозвался Юльен и поежился. — Мне не удалось подобраться достаточно близко, чтобы это выяснить.

— Если так — а, должна сказать, по описанию этот меч очень похож на артефакт Пустоты, — то это объясняет ваши ощущения, — сказала Алиса.

Юльен покачал головой.

— Мне очень жаль, но я не могу согласиться с вами, сестра. Мне уже приходилось находиться рядом с могущественными артефактами Пустоты, но ничего подобного я не испытывал. Мне физически плохо. Мне все время страшно. Я не могу есть. Не могу спать. — Он вытянул руки. Длинные пальцы дрожали. — Видите?

— Тогда какова же, по твоему мнению, причина, Юльен? — осведомился Шадамер.

— Думаю... — Юльен помолчал, потом прошептал: — Думаю, мы имеем дело с... с врикилем.

Он напряженно ждал, как ониотреагируют. Алиса взглянула на Шадамера, который попытался скрыть улыбку, разглаживая усы. Юлиан тяжело вздохнул и закрыл глаза.

— Я так и знал, что ты посмеешься надо мной, друг мой! — сказал он, едва не плача.

— Нет-нет, ну что ты, — успокаивающе проговорил Шадамер. — В конце концов, врикили — просто сказки, которые придумывают бабки, чтобы пугать внуков. Так мне сказали в храме в Виннингэле. И любой здравомыслящий человек скажет то же самое.

— Бабки мудры, — сказала Алиса и бросила на Шадамера укоризненный взгляд. — А истины, которые они проносят сквозь века, нередко становятся единственным огоньком, что ведет нас во тьме.

— Вот что я скажу тебе, Юльен, но только между нами, — добавил Шадамер. — Мы прибыли в Карну потому, что я получил сведения, будто врикили вернулись в этот мир.

Юльен в ужасе ахнул.

— Значит, нас воистину свели с тобой сами боги!

— Может, и да. А может, и нет, — сухо ответил Шадамер. — Чего ты от меня хочешь?

— Как чего? Чтобы ты избавил город от этой напасти, разумеется, — сказал Юльен.

Шадамер покачал головой.

— Если это и впрямь врикиль, такого противника одолеть мне не по силам. То есть если верить всяким там небылицам, которые болтают на этот счет.

— Говорят, убить их, возможно, сумеет Правитель Доминиона, — заметила Алиса. — Но наверняка не знает никто.

— Но, друг мой, ты и есть Правитель Доминиона, — возразил Юльен. — Ты служил под другим именем, но...

Шадамер улыбнулся и опять покачал головой.

— Ошибаешься. Я не Правитель Доминиона. Я никогда не подвергался Преображению.

Юльен, прищурившись, взглянул на него.

— Совет проголосовал за то, чтобы утвердить тебя. Сам император...

— Долго рассказывать, — перебил его Шадамер, внезапно резко пресекая тему разговора. — Что же до врикилей, если они разгуливают по этому миру, — он вскинул бровь, — я им не помеха. Я приехал собирать сведения о них. И ничего более.

— Тогда мы пропали, — обреченно сказал Юльен. Шадамер покровительственно накрыл дрожащую руку друга своей.

— Ты устал. Сколько дней ты провел без сна? Алиса даст тебе одно снадобье, чтобы ты успокоился.

Алиса уже извлекала небольшой флакончик из пояса, который охватывал ее талию. Она передала снадобье Юльену и объяснила, как его принимать.

— Утром мы вернемся, — сказал Шадамер, поднимаясь. — Я хотел бы поговорить с этим дворфом и с командиром тоже. Покажешь их мне. Спокойной ночи, Юльен. Отдыхай.

— Попытаюсь, друг мой, — понуро отозвался Юльен. Флакончик он крепко сжимал в

кулаке.

— Врикиль! — с укором повторила Алиса, как только они оказались на безопасном расстоянии от дома Юльена. — Так вот зачем ты взял меня с собой!

— А ты считала, что ради твоих рыжих волос? — невинно осведомился Шадамер.

Алиса слабо вздохнула, но он ее вдоха не слышал — мурлыкал себе под нос какую-то веселую песенку. Городские улицы были безлюдны. Темные окна домов прятались за ставнями. Все горожане, как и подобало в такое время, мирно спали в своих постелях. Или не совсем все.

— Ты ведь у нас общепризнанный знаток... Что это было? — вдруг спросил Шадамер, резко остановился и повернул голову.

— Ты о чем? — не поняла Алиса. Она шла по улице, погруженная в свои мысли, и ничего не замечала.

— Кто-то прошел мимо, — сказал Шадамер. — Он держался в тени, но я заметил, как он промелькнул в лунном свете.

— Врикиль? — спросила Алиса, чуть вздернув уголки губ.

— Нет, — отозвался Шадамер, продолжая глядеть назад. — Дворф. А направлялся он к дому Юльена.

— Который находится в той же стороне, что и городские ворота, — раздраженно фыркнула Алиса. — А также казармы. А также шесть пивных, мимо которых мы прошли по пути сюда. Ты же знаешь, какие дворфы непоседы. Может, он просто вышел прогуляться.

— Верно, — согласился Шадамер, но с места не сдвинулся.

— Можешь таскаться за ним, сколько душе угодно, — приходя в еще большее раздражение, заявила Алиса. — А я устала как собака. И намерена проспать до полудня.

— Он исчез. Я его не вижу. — Шадамер развернулся и зашагал за ней следом. — Наверное, ты права. А теперь расскажи мне все, что тебе известно о врикилях.

— Я ведь отдавала вам свой доклад в письменном виде, господин мой, — съязвила Алиса.

— Да, но ты же знаешь, я не особенно люблю читать, — со смехом признался Шадамер. — Я просмотрел его. И того, что я прочел, мне хватило, чтобы понять — я не желаю иметь ничего общего с этими демонами — или с теми бабками, которые их выдумали, если уж на то пошло. Расскажи мне еще разок. Самое главное.

Алиса вздохнула — на этот раз громко, чтобы он слышал.

— Так уж и быть. Врикили — порождения Пустоты. Возможно, их история восходит к древним временам. Мы не знаем точно. Известно нам лишь о том, что, когда принц Дагнарус обратился к злу и стал Владыкой Пустоты, он получил весьма могущественный артефакт магии Пустоты, известный как Кинжал Врикиля. Этим кинжалом он убивал живых и возвращал их обратно к жизни, даруя им кошмарное бессмертие. Чтобы поддерживать свое существование, врикиль должен убивать и питаться душами смертных существ. Дагнарус наплодил уйму врикилей, которые повиновались лишь ему одному. Врикили носят магические доспехи, которые дают им силу и отвагу в бою и наделяют беспредельной мощью магии Пустоты.

— Если Владыка Пустоты обладает способностью порождать существ, наделенных такой мощью, удивительно, как это мир до сих пор не кишит врикилями, — заметил Шадамер.

— Да, но есть одна загвоздка, — отозвалась Алиса, не обращая внимания на его легкомысленный тон. — Чтобы какого-нибудь мужчину или женщину можно было обратить во врикиля, они должны дать свое добровольное согласие. Они должны предпочесть смерть жизни. И умирают они, зная, что магия может не подействовать.

— Говоришь, все это произошло двести лет назад, когда жил Дагнарус? И с тех пор не было ни одного сообщения, что кто-нибудь видел врикиля?

— Да, но зато за эти двести лет было немало сообщений о загадочных смертях, — сказала Алиса. — О целых семьях, обнаруженных мертвыми с лицами, на которых застыло

выражение ужаса, как будто то, что они видели перед смертью, было чудовищно. И все эти случаи объединяло одно — небольшая рана от удара в сердце. След похищающего души кинжала. Значит, все эти вкрики остались в живых и ждут — как полагают некоторые — возвращения их повелителя.

— Которое, если верить тому, что рассказывают дункарганцы, уже произошло. Ну-ну, все это очень интересно. — Он широко зевнул. — Бедный брат Юльен. Он всегда был немного не в себе. Должно быть, на этот раз его стукнуло особенно крепко.

В гостинице было темно. Хозяин уже лег спать, но оставил им свечу, чтобы они могли добраться до своих не особенно чистых комнат.

— Доброй ночи, Алиса, — сказал Шадамер, отдавая ей свечу. — Моя комната рядом с твоей. Условный знак знаешь. Постучи три раза, если я тебе понадобится.

Он вошел в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Алиса расстелила себе постель прямо на полу, не доверяя кровати, где уже привольно расположился по меньшей мере один таракан, выползший на свет.

Она прикоснулась к стене — искушение трижды постучать по ней было почти невыносимым. Но через миг убрала руку. Она закрыла глаза и попыталась решительно отогнать воспоминание о прикосновении его чувственных губ, искрящихся весельем голубых глаз и дурацких усах.

Оглушительный грохот в дверь выдрал ее из глубокого сна. Она услышала хруст разлетающейся мебели и крики, которые доносились из соседней комнаты. Сон мгновенно слетел с нее, и она вскочила на ноги и начала произносить заклинание, когда двери ее комнаты с треском распахнулись и ворвались трое стражников. Они были готовы к встрече с земным магом: один из них без промедления выбил необходимый элемент заклęcia — горсть земли — у нее из ладони, а другой рукой зажал ей рот.

Как только ее скрутили, стражники сорвали с нее пояс, в котором хранились ее снадобья и пузырьки со святой землей. У них даже хватило наглости обшарить ее с ног до головы в поисках чего-нибудь припрятанного — задача, которой, судя по их плотоядным ухмылкам, они от души наслаждались. Покончив с обыском, они поволокли ее в коридор.

У Шадамера, связанного по рукам и ногам, из рассеченной брови сочилась кровь. Двое стражников крепко держали его. Один из них потирал распухшую челюсть, другой то и дело ощупывал разбитую губу. У него за спиной, в комнате, Алиса увидела еще одного стражника, без сознания лежащего на полу.

— Доброе утро, милая, — сказал Шадамер. — Прости за раннее пробуждение. Я говорил этим кривоногим олухам, что ты хотела поспать подольше, но они меня не послушали.

— Мне все равно снился плохой сон, — ответила Алиса. — Что происходит?

Шадамер пожал плечами и покачал головой. Времени на разговоры им не дали. Двое стражников потащили их вниз по лестнице, мимо полуодетого хозяина, который отчаянно пытался доказать какому-то мужчине в военной форме, что в первый раз их видит. Небо за окнами только начинало наливаться розоватым золотом зари.

Мужчина в униформе был высокий и крепкий, с черными вьющимися волосами и смуглой кожей уроженца Карну. Его мундир выдавал в нем начальника карнуанского гарнизона, а на боку у него висел совершенно поразительный меч.

Алиса впилась глазами в оружие. Рукоять и ножны были инкрустированы рубинами и гагатами, образовывавшими замысловатый узор. Поскольку прикоснуться к нему рукой она не могла, то потянулась к нему иными чувствами, пытаясь уловить магию. Влияние Пустоты было очевидным. Ее чуть не вывернуло от запаха тления. Она перевела взгляд с меча на его владельца.

Темные глаза были тусклыми и холодными, маленькими и неприятными. У него были тонкие губы человека, который очень редко улыбается — да и то лишь тогда, когда кому-то плохо. Но вкриль он или нет? Как определить по виду? Судя по тем крохам, которые она читала, никак. Только если на нем будут магические черные доспехи. Ведь вкрили могли

принимать облик любого из смертных, а их жертвы ни о чем не догадывались до того самого мига, когда похищающее души лезвие вонзалось им в сердце.

Хотя... был же меч. Он определенно принадлежал Пустоте. Когда Шадамер бросил на нее вопросительный взгляд, Алиса кивнула.

— Отведите этих в тюрьму, — велел командир. То были первые произнесенные им за все время слова.

— Прошу прощения, сэр, но я не прочь бы узнать, за что нас арестовали, — начал Шадамер как ни в чем не бывало, как будто это маленькое недоразумение должно было вот-вот разъясниться.

— Вы арестованы за убийство, — сказал командир.

— Убийство? — вполне резонно поразился Шадамер. — Мы никого не убивали. Мы только что прибыли в город. Мы — друзья брата Юльена. Вчера вечером мы были у него. Можете спросить...

Голос Шадамера дрогнул и прервался. Впервые за многие месяцы знакомства Алиса видела Шадамера растерявшим весь свой апломб.

Командир гарнизона не сводил с него неумолимых глаз.

— Значит, ты сам во всем признался. Вчера вечером вы были у него. Похоже, самыми последними. Сегодня утром его обнаружили мертвым в своей постели. У его кровати нашли пустой флакон — точно такой же, как эти. — Он указал на пояс Алисы, который держал в руках один из стражников. — Это доказывает, что дело не обошлось без земного мага.

— Но он же умер не от того, что было во флаконе, так ведь? — спросила Алиса.

Командир гарнизона усмехнулся.

— Тебе отлично известно, как он умер, ведьма.

— Думаю, да. Он умер от удара кинжалом в сердце, — сказала Алиса. — Если вы взглянете на наше оружие, то убедитесь, что им нельзя нанести такую рану.

Шадамер молчал — должно быть, корил себя за то, что оставил своего друга на смерть.

— От такого орудия несложно избавиться, — пренебрежительно отозвался капитан. — А у меня есть свидетель.

— Еще бы у тебя его не было, — пробормотал Шадамер.

Капитан положил ладонь на рукоятку украшенного драгоценными камнями меча.

— Один дворф. Мы нашли его рядом с телом, поэтому сначала даже решили, что убийца — он. Но потом он сказал нам, что видел, как вы двое выходили из этого дома, и слышал, как вы говорили об убийстве, которое только что совершили.

— Именно так мы и поступили, — кивнул Шадамер. — Мы кричали об этом на каждом углу. Мы хотели, чтобы всем в городе, до последней собаки, непременно стало известно, что мы убили человека. Нет, беру свои слова обратно. На самом деле мы пели. У моей спутницы чудесное сопрано, а у меня...

— Заткните его, — рявкнул капитан. — Не так уж и важно, кто убил преподобного брата. Может быть, вы с дворфом заодно. Его мы тоже упекли в тюрьму. В конце концов я все равно узнаю правду. Обожаю допрашивать.

Ухмыляясь, капитан сделал короткий жест большим пальцем. Стражник, который держал Шадамера, вlepил ему такую затрещину, что рана у него над бровью снова открылась и из нее хлынула кровь.

— Ну вот, господин мой, — вполголоса проговорила Алиса, когда стражник повел их прочь, — нас только что арестовал за убийство убийца. И как мы будем выпутываться из этой передряги?

— Из прошлой передряги нас вытащил я, милая, — сказал Шадамер, ухмыляясь окровавленными губами. — Теперь твой черед.

Тюремные камеры располагались под штабом гарнизона, массивным каменным строением, окруженным высокими стенами, внутри которых находились казармы, стойла для лошадей, здание штаба и учебный плац. Освещенная факелами, трещавшими в железных подставках, подземная тюрьма вмещала также и «камеры для допросов», в изобилии

оснащенные самыми разнообразными пыточными инструментами, а в соседнем помещении располагался морг.

— Весьма предусмотрительно, — похвалил Шадамер. В тесной холодной комнатухе на каменной плите покоилось тело брата Юльена. Его еще не обмыли. На нем до сих пор было коричневое одеяние, в котором его убили. Крови почти не было, с профессиональным интересом отметила Алиса. Рана, в точности такая, как описал Шадамер — небольшая, проникающая в самое сердце, — не могла вызвать сильное кровотечение. Лицо Юльена заливала восковая бледность, губы и ногти на руках уже начали синеть. Широко раскрытые глаза смотрели в потолок. На лице застыло выражение смертельного ужаса.

— Остановитесь! — приказал Шадамер, когда его проводили мимо морга.

В голосе Шадамера было что-то такое, что стражники по его команде остановились не раздумывая. Он отошел от них и встал, впившись взглядом в тело друга.

— Прости, Юльен, это я во всем виноват, — тихо проговорил Шадамер. — Прости меня. — Затем добавил великодушно: — Отлично, господа. Можете продолжать.

Сообразив, что они только что подчинились приказу пленника, стражники принялись виновато оглядываться по сторонам — не заметил ли капитан, — затем быстро схватили Шадамера и погнали его прочь.

Камеры располагались по обеим сторонам длинного и узкого темного коридора. На вбитом в стену крюке висели массивные железные ключи. Капитан снял связку с крюка и взял из подставки факел, чтобы осветить дорогу.

— В камеру в конце коридора, — приказал он.

В коридоре какой-то крестьянин большой метлой выметал из одной камеры груды вонючей соломы. Зловоние стояло невыносимое.

Все остальные камеры пустовали. В тюрьме царила зловещая тишина. Кроме журчания воды, Алиса не слышала ни звука. Она принялась гадать, что это такое, когда пол внезапно ушел у нее из-под ног.

Алиса в смятении вскрикнула. Потеряв равновесие, она балансировала на краю зияющей пропасти, до смерти перепуганная, что упадет. Стражники позволили ей так покачаться, потом вытащили обратно, грубо хохоча над ее испугом. Внизу, черный и вздутый, неся стремительный поток. Сточные воды, судя по запаху. Мимо нее пробрел крестьянин, высыпал в канаву охапку мусора, которую тащил. Потом потянул за веревку, свисавшую с потолка, и Алиса увидела, что веревка привязана к деревянной двери в полу. Дверь открылась.

— С другой стороны там решетка, — сообщил капитан. — Просто на всякий случай — чтобы вы не думали, что отсюда можно сбежать.

Стражники пихнули Алису вперед. Ее шаги по деревянному полу отозвались глухим эхом. Она прошла мимо камеры, занятой дворфом — темноглазым, суровым, неряшливым, растрепанным и грязным. Он был закован в кандалы по рукам и ногам, а от оков шли цепи к каменным стенам, и когда арестованные проходили мимо него, он злобно зыркнул в их сторону. В ответ на вежливое приветствие, произнесенное Шадамером по-дворфски, он лишь сделал грубый жест закованной рукой.

Стражники втолкнули Алису с Шадамером в одну клетку, поставили их к стене и замкнули кандалы на их запястьях и щиколотках. Капитан с одобрением наблюдал за тем, как его подчиненные закрывают кандалы ключами, которые потом отдали ему. Затем он с грохотом захлопнул решетчатую дверь камеры и запер ее.

— Я требую... — начал было Шадамер, но требовать уже было не у кого. Капитан ушел, забрав с собой факел.

В камере было темно, как в могиле. Алиса не различала даже силуэт Шадамера, хотя он был прикован к стене всего в нескольких футах от нее.

— Шадамер? — произнесла она негромко, чтобы услышать его голос.

— Я здесь, — отозвался он. Немного помолчал, потом тихо спросил: — Ты видела лицо брата Юльена, Алиса?

— Да, видела. — Алиса решила, что лучше всего быть бесстрашной. Шадамер не одобрит слюнявого сочувствия. — Выражение его лица совпадает с описаниями жертв врикилей. Не вини себя. Ты ничем не смог бы ему помочь. Ты же сам сказал, что не можешь сражаться с врикилем.

— Особенно когда я прикован к стене. — Голос в темноте был исполнен горечи. Он досадливо звякнул кандалами.

— Ни разу еще не видела, чтобы ты признал себя пораженным, — сказала она. Ее руки были прикованы к стене короткими цепями по обеим сторонам от головы. Она попыталась повернуть голову так, чтобы можно было дотянуться до тугого узла волос — Пожалуй, это даже трогательно.

— Надеюсь, ты не переменишь своего мнения, когда здесь появятся врикили. Что ты делаешь? — Он не мог ее видеть, но слышал позвякивание цепей в темноте.

— Ты же сам сказал, что теперь мой черед вытаскивать нас из передрыги, — сказала она, не прекращая своих попыток. — Я спрятала в косе флакон с землей. У тебя есть отмычка?

— Вот видишь, все-таки я взял тебя с собой ради твоих рыжих волос! — заявил Шадамер. — Да, у меня есть отмычка, только мне ее не достать.

— Думаю, с этой бедой я справлюсь и без отмычки.

Ее настойчивые пальцы отыскивали маленький флакончик, который она по привычке носила в тугом узле рыжих волос — именно на такой случай.

— Теперь молись, чтобы я его не выронила, — пробормотала она.

— Молюсь, — с жаром подтвердил Шадамер. Алиса заставила себя не торопиться. Медленно и осторожно она вытащила из флакончика затычку и отсыпала на ладонь щепотку земли. Потом сосредоточилась на каменной стене, к которой ее приковали, в особенности на той ее части, к которой были прикреплены кандалы, и закрыла глаза, чтобы лучше сфокусировать мысли.

— Камень, расколись! — приказала она и сквозь пальцы просыпала землю на пол.

Треск расколовшейся скалы был невероятно громким, по крайней мере Алисе так показалось, и она сжалась в комочек, с опаской поглядывая на дверь — не вернется ли капитан. Но никто не пришел.

Алиса потянула за цепь, и тяжелые кандалы подались и с лязгом упали на пол. Она сцепила зубы и продолжала сосредотачиваться на заклинании. По стене разбежались трещины, кандалы на ногах высвободились из каменной кладки.

Не в силах поднять рук, закованных в тяжелые железные кандалы, и с трудом волоча ноги, она кое-как проковыляла по камере, держась за полуразрушенную стену. Потом нашла Шадамера и облегченно ухватила за него.

— Что ты сделала? — спросил он. — Сломала стену?

— Почти, — отозвалась она. — Не разговаривай. Ты мешаешь мне сосредоточиться.

— Уже молчу, — откликнулся он и закрыл рот.

Отсыпав на ладонь еще щепотку земли, Алиса повторила заклинание. И снова послышался оглушительный треск. Капитан просто не мог его не услышать! Шадамер вырвался из стены. Быстро распорол бок своей кожаной куртки и вытащил оттуда вшитую в шов отмычку.

— Свет бы сейчас совсем не помешал, — пробормотал он себе под нос, пытаясь в кромешной темноте на ощупь отыскать замочную скважину.

И тотчас же стало светло — как будто по его команде.

— Шадамер! — ахнула Алиса. — Пожар!

Пол камеры перед решетчатой дверью был охвачен огнем — магическим огнем, который, по-видимому, пожирал камень, поскольку никакого другого топлива в подземелье не имелось. По крайней мере, до тех пор, пока языки пламени не начали лизать вонючую солому, устилавшую пол, на котором они стояли.

— Так-то лучше! — сказал Шадамер. Он вставил отмычку в замок кандалов на правой

руке Алисы.

— Быстрее! — подгоняла она его, кашляя от едкого дыма.

— Юльен говорил, этот дворф — огненный маг, — вспомнил Шадамер, сняв кандалы с рук Алисы и принимаясь за те, что сковывали ее лодыжки. Он бросил взгляд на камеру, в которой был заперт скованный дворф.

Алиса прикрыла рот ладонью, чтобы не вдыхать обжигающий воздух.

Пламя взметнулось высоко в воздух, и огненная стена отрезала им путь к выходу из камеры.

— Насколько я понимаю, это значит «да», — Шадамер трудился над кандалами у себя на лодыжках. Легкий щелчок — и они оказались свободны. Он посмотрел на те, что оковывали его запястья, смерил взглядом огонь и покачал головой. — Надо спастись. Это магическое пламя. Сможем мы сбежать через него?

— Выбор у нас небогатый! — крикнула Алиса. — Или бежать, или сгореть на месте.

— Тогда бежим! Шадамер прыгнул в огонь.

Алиса зажмурилась, прикрыла лицо рукавами своего одеяния и бросилась в стену пламени.

Задышавшись, она проскочила ее и с разбегу врезалась в дверь камеры. Ее одеяние уже тлело в нескольких местах, но она быстро потушила его. Шадамер просунул руки сквозь прутья решетки и вставил отмычку в замочную скважину. Умелый поворот — и замок поддался. Дверь распахнулась.

— Ты цела? — спросил он с тревогой в глазах.

— Небольшая слабость, — ответила она. — Заклинания отнимают у меня уйму сил. Но я скоро приду в себя. А что с капитаном?

В тюрьме было тихо. Похоже, никто ничего не услышал и не увидел.

— Не знаю. В этом дыму ничего не видно. Я посторожу. Сходи, взгляни на нашего соседа-поджигателя.

Пламя в камере уже начало угасать. Наверное, именно это и открыло Алисе глаза. Еще до того, как она приблизилась к камере, она уже знала, что там увидит.

Он свисал со стены: голова поникла на грудь, руки и ноги безжизненно обмякли. Со своего места она не могла увидеть рану у него в сердце, но не сомневалась: она там.

Она схватила Шадамера за руку. Он уже успел освободить от кандалов одно запястье и был занят другим.

— Дворф мертв, — сказала она прерывающимся голосом. Закашлялась. — Проклятый дым! Думаю, это не он устроил этот пожар.

— Одним подозреваемым меньше. Сколько у тебя еще земли?

— На одно заклинание хватит.

— Превосходно.

— Шадамер, по сравнению с врикилем моя магическая сила — ничто!

— Я не о врикиле. Я о том, чтобы избавиться от решетки. Ты умеешь плавать? — спросил он, безуспешно сражаясь с замком. — Заел, зараза!

— Плавать? Шадамер, ты что? — возразила она. — Ты шутишь? Ты не видел, что там делается, в этой сточной канаве!

— Можешь назвать это предчувствием, но я почему-то не думаю, чтобы нас выпустили через парадную дверь... Берегись!

Шадамер сгреб Алису в охапку и затолкал ее к себе за спину.

Из дымного сумрака выступила темная фигура. В тусклом свете догорающего пламени рубины казались каплями крови. Стальное лезвие поймало отблеск огня и вспыхнуло.

Шадамер молниеносно прыгнул. Клинок просвистел в воздухе на волосок от его головы, рассекая клубы дыма. Алиса пыталась разглядеть обладателя клинка.

Но дым был слишком густым. Глаза у нее щипало, они слезились. Она отступила обратно к стене.

Шадамер попятился назад, чтобы уклониться от обратного удара. Места для маневра у

него не было. Меч с рубиновой рукояткой ударил снова, и на этот раз удар достиг цели. Шадамер вскрикнул от боли и отшатнулся, зажимая рукой предплечье. Алиса поймала его за локоть, потянула в темный угол.

Дым клубился и плавал вокруг них. Капитан, потерявший их из виду, слепо размахивал мечом в разные стороны, заходясь в кашле и щурясь на дым.

— Чтоб ему провалиться! — выругался Шадамер, привалившись к ней. — Такое ощущение, будто меня ужалили тысяча ос разом!

— Это магия Пустоты. Иногда она действует как яд. Можешь стоять?

— Да, но не знаю, на сколько еще меня хватит. Он снова нападает!

Единственным оружием Шадамера были кандалы, все еще сковывавшие одно запястье, и короткий кусок цепи, свисавший с них. Он бросился вперед, размахивая цепью в попытке опутать ею меч.

Алиса вытряхнула из флакончика последнюю щепотку земли и подбросила ее в воздух. Она сфокусировала свои мысли на рубиновом мече и произнесла всего одно слово:

— Хрупкий!

Капитан увернулся от цепи и бросился на Шадамера, который был слишком слаб, чтобы увернуться от нацеленного прямо на него лезвия. Меч ударил Шадамеру в грудь. Тот невольно зажмурился, ожидая смертельного удара.

Лезвие с хрустом разломилось пополам.

Капитан посмотрел на меч с изумлением, которое быстро сменилось яростью. Отшвырнув бесполезный обломок прочь, он бросился на пленника.

Шадамер взмахнул закованной рукой, и обрывок цепи хлестнул капитана по щеке с такой силой, что голова у него дернулась в сторону. Он пошатнулся, упал на каменный пол и затих.

Ни Шадамер, ни Алиса не шелохнулись. С замиранием сердца они ждали, что вкриль поднимется снова. Капитан был без сознания. Он даже не шевельнулся.

Шадамер сполз по стене на пол.

— Вот видишь, все это небылицы. Мне приходилось даже с пеквеями куда больше возиться.

Алиса опасливо опустила на колени у тела капитана, коснулась рукой его шеи.

— Шадамер, — сказала она. — Он — не вкриль. У него есть пульс.

— Что ты такое говоришь? Он должен быть вкрилем! Брат Юльен... — Шадамер ахнул. — Брат Юльен! Ну я и болван! Нужно выбираться отсюда! — сказал он негромко, но решительно.

Но едва они сделали несколько шагов, как в коридоре дохнуло смертным холодом. Дым рассеялся в клочья. За спиной у них вспыхнули языки пламени. По коридору целеустремленно шагал труп брата Юльена.

— Это он — вкриль! — прошептала Алиса.

На нее обрушилась вся мощь магии Пустоты — всепоглощающая волна пустой бездушной тьмы, воздействие которой было почти осязаемым. Руки Алисы беспомощно обмякли, и она выронила флакон со святой землей. Все равно он ничем не мог ей помочь. Ненасытная утроба Пустоты высасывала ее магическую силу. Рядом с ней издал протяжный стон Шадамер, уткнувшись головой в каменную стену.

— Ловушка, — проговорил он еле слышно. — Все это с самого начала было ловушкой. Ты говорила, что мое самомнение меня погубит. Я попался в эту западню, как крот в силос.

— О да, лорд Шадамер, — сказал вкриль. Лицо его было бледным и костлявым лицом мертвеца, но безжизненные губы шевелились, незрячие глаза смотрели. — Мой хозяин долго следил за тобой. Он знает, что ты опасен. Он слышал, что ты собираешь сведения о нас. Нам было приказано отвечать на любые твои вопросы, если это поможет отыскать тебя. Вообрази же себе мою радость, когда, высосав душу из брата Юльена, я обнаружил, что он когда-то был твоим другом. Все остальное было проще простого. А теперь взгляни на меня в моем истинном обличье.

Иллюзия брата Юльена рассеялась. На его месте стоял чудовищный рыцарь в сверкающих латах, черных, как панцирь огромного ядовитого жука. Его руки скрывали латные перчатки, украшенные крючковатыми и острыми черными когтями. В правой руке он сжимал узкий стилет, горевший мертвенным зловеще-белым светом.

Алису сковал ужас. Она ощутила, как лицо начинает сводить в ту маску смертельного испуга, которая навеки застынет на нем после ее смерти. Она не могла думать. Не могла кричать. Она прижалась к Шадамеру и почувствовала, как он шевельнулся. Его левая рука медленно поползла по каменной стене, о которую он опирался. Она подняла глаза и увидела веревку, тянущуюся по потолку.

Алиса тут же опустила глаза, пока врикий не проследил за ее взглядом и не раскусил отчаянный план Шадамера.

— Я бы не советовал тебе высасывать душу из меня, — заметил Шадамер, глядя на приближающегося врикия и надеясь, что ему удастся отвлечь его внимание. Один шагжок. Еще один. — Боюсь, от меня у тебя случится несварение.

Врикий не произнес ни слова. Он шел к ним, и топот его закованных в латы ног по каменному полу казался оглушительным.

А потом он ступил на дерево.

Шадамер схватил веревку и изо всех сил дернул ее. Деревянный люк распахнулся, грохнув по каменной стене подземелья.

Врикий полетел во тьму. До них донесся его разъяренный рев и плеск воды далеко внизу.

— Что нам теперь делать? — вскрикнула Алиса.

— Убегать! — мрачно отозвался Шадамер.

Он схватил ее за руку, и они понеслись по коридору, обогнув зиявшую в полу дыру на почтительном расстоянии. Ни один из них не стал задерживаться, чтобы взглянуть на противника, который бесновался и метался в пенящейся воде.

Они взбежали по лестнице, ведущей наверх, и выскочили в дверь. На ошеломленных стражников, которые завопили им вслед и бросились в погоню, они не обратили никакого внимания.

— Не останавливайся! — прохрипел Шадамер. Подгонять Алису не требовалось. Она чувствовала, как не находящая выхода ярость и гнев раздосадованного врикия рокочут под ними, как раскаленная лава. Земля содрогнулась, и стражники испуганно остановились. Алиса оглянулась назад и увидела, что крепость пожирает ослепительное белое пламя. Оглушительный взрыв — и крепость разлетелась на куски.

Алиса нырнула под большую телегу, стоявшую посреди мостовой, и прикрыла голову руками. Шадамер бросился на землю рядом с ней и обхватил ее. С неба градом полетели камни, с грохотом отскакивали от телеги и рикошетом падали на улицу.

Потом все кончилось. Какое-то мгновение стояла зловещая тишина, пока стоны, крики и шум толпы, бросившейся к горячей крепости, не нарушили безмолвия.

Шадамер выполз из-под повозки, протянул Алисе руку.

— Ты цела? — спросил он.

Она кивнула. На руках и лице, там, где она ободрала их о землю, виднелись свежие ссадины, но в остальном она осталась цела и невредима.

— А ты? — спросила она.

— Ну, слегка подпален магическим огнем и отравлен Пустотой, а так все прекрасно, — отозвался он. — Куда лучше, чем я мог надеяться еще минуту назад.

— Думаешь, врикий мертв? — спросила Алиса и содрогнулась при одном воспоминании.

— Нет, не думаю, — ответил Шадамер. — Но ему придется попотеть, чтобы выбраться из-под развалин крепости. А пока предлагаю уносить ноги. Я получил ответы на все вопросы. Теперь нам известно, с каким врагом народу Лёрема в конце концов придется иметь дело. А мы оба знаем, что ни одному из нас сейчас не под силу противостоять ему.

— А кому тогда под силу, Шадамер? — спросила Алиса, помогая ему подняться. Она оглянулась на пылающую крепость. — Есть хоть кто-нибудь, способный оказать им сопротивление?

— Даже Правители Доминионов не готовы к этому, Алиса, — сказал Шадамер. — Может, кто-нибудь и готов, но мне о таких ничего не известно.

Он покачал головой и, обхватив Алису за плечи, привлек ее к себе.

— Но напомни мне, чтобы я извинился перед первой же бабкой, которую мы встретим.